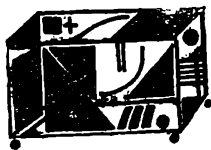

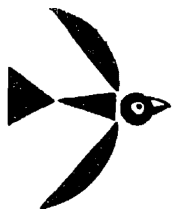
ИЗДАТЕЛЬСТВО
« М И Р »

Р. Шекли

ПАЛОМНИЧЕСТВО

НА

ЗЕМЛЮ

**Издательство «МИР»
Москва 1966**

Перевод с английского

Составители Н. Евдокимова и Ф. Широков

Предисловие Ю. Кагарлицкого

Редактор С. Майзельс

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

О РОБЕРТЕ ШЕКЛИ

Шекли переводят у нас начиная с 1961 года. Рассказы его появляются все чаще, во все большем числе журналов и альманахов, и его имя все прочнее утверждается в нашем сознании. Для американцев же он давно, несмотря на свою сравнительную молодость, значительная величина.

Роберт Шекли родился в 1928 году. В 1952 году он опубликовал в нескольких журналах первые рассказы, в 1954 году был уже достаточно широко известен, а еще несколько лет спустя о нем заговорили как об одном из выдающихся представителей американской фантастики.

Биография писателя — это прежде всего список его книг, а Шекли уже в двадцать четыре года был профессионалом и в двадцать шесть получил признание. Он с детства мечтал быть писателем, зачитывался научной фантастикой (хотя и не знал еще, что будет работать именно в этой области), писал стихи и небольшие пьесы. И все же «дописательская» биография Шекли была хоть и короткой, но достаточно богатой событиями.

Шекли родился в Нью-Йорке, но детство провел в провинциальном городе Мэплвуд, в штате Нью-Джер-

си. Окончив среднюю школу, он захотел посмотреть свет, добрался на попутных машинах до Калифорнии и там в течение нескольких месяцев работал кем угодно и где попало. Он развозил молоко, был садовником-декоратором, складским служащим, буфетчиком в ночном баре и просто мальчиком на побегушках. Потом тем же испытанным способом, на попутных машинах, Шекли вернулся домой и был призван в армию, где довольно скоро сделался младшим редактором в газете, затем писарем-кассиром и кончил службу в качестве гитариста в военном ансамбле.

После демобилизации Шекли поступил в Нью-йоркский университет, получил специальность инженера-металлурга и несколько месяцев работал на заводе. В университете он много писал, посещал открытые курсы лекций по литературной технике (один из них вел такой видный мастер, как Ирвин Шоу), а едва ему удалось напечатать первые два рассказа, целиком отдался любимому делу. Как ни стремительно менял Шекли виды занятий, последнему из них он остался верен. Им опубликовано шесть сборников рассказов (причем некоторые рассказы быстро стали хрестоматийными), четыре фантастических и пять приключенческих романов. На его сюжеты уже снят один и снимаются еще два кинофильма. Шекли принадлежит к числу не только самых известных, но и самых активно работающих современных американских писателей.

В заметке, завершающей первый сборник его рассказов, Шекли объяснил, почему он предпочел фантастику всем другим жанрам. «Ни один вид творчества,— говорил он,— не предоставляет писателю такой свободы действий, как фантастика. Она может охватить — и охватывает — все на свете, от безудержной романтики приключений до сатиры и социального анализа». И, на-

до сказать, Шекли не пренебрегает ни одной из этих возможностей.

Фантастика, говорят, тяготеет либо к сатире, либо к утопии.

Можно изображать мир, в котором усугублены наши пороки, либо мир нашей мечты. Социальный смысл фантастики вскрывается как через то, так и через другое. Художественный же ее эффект достигается благодаря тому, что даже о самом обычном пишется как о чем-то ни на что не похожем — на то она и фантастика.

Так вот, у Шекли социальный смысл приобретает уже сам факт, что он пишет фантастику, иными словами, — что он пишет о необычном. Конечно, он и утопист и сатирик. Шекли пишет не столько обо всем на свете, сколько обо всем белом свете, о связи всего на свете. Фантастика для него тот жанр, где ему легче всего быть философом, оставаясь художником.

Он наслаждается своей ролью художника, своей способностью напридумать бог знает что. Он пишет очень разные вещи — смешные, ироничные, страшные — и вместе с тем все или, скажем, почти все написанное Шекли носит очень явный отпечаток его индивидуальности.

В то же время Шекли, пожалуй, самый традиционный-американский из современных американских фантастов. Корни его творчества уходят глубоко в те времена, когда слова «фантастика» и «наука» еще не срослись и по страницам американских журналов и книг проносились на конях, протопывали в тяжелых старательских башмаках, проплывали на плотах и колесных пароходах герои, право же, никак не причастные ни к миру науки, ни к большому миру, обжитому, перекроенному и переосмысленному на свой лад современной наукой. А какие поразительные истории они рассказывали! Про Железного Дровосека, Страшиллу Мудрого и

про девочку Элли и еще про братца кролика, а потом и другие истории, вроде бы уже про заправдашних людей, но такие, что когда правда, то на обычную правду совсем не похожая, а когда вымысел, то такой, что как две капли воды походит на правду. Шекли хорошо помнит и любит этих героев. В этом его необычность.

Буйство красок, бешеный порыв в неизвестное, вера в неисчерпаемость души человеческой — все эти определения мало подходят для современной американской фантастики. Она, напротив, сдержанна, логична, весьма недоверчива. Иными американским фантастам быть трудно. Вот что говорит, например, о себе и других американских фантастах Айзек Азимов (его интервью приведено в предисловии А. и Б. Стругацких к сборнику А. Азимова «Путь марсиан», изд-во «Мир», 1966 год):

«...для человека, привыкшего смотреть на вещи с американской точки зрения, оптимистическое видение современного общества неприемлемо. Я использую фантастику для критики общества. Так же поступают в общем и все другие американские фантасты. Мы считаем, что поразительные достижения современной науки могут привести к уничтожению человечества.. Я... раньше был... оптимистом. Но сейчас я познал ужас перед тем, что создает наука...»

И это заявляет человек, книги которого отнюдь не кажутся особенно пессимистичными. Что уж тут говорить про Рэя Бредбери с его апокалипсическим отношением к миру...

Мы знаем, какое полезное воздействие на сознание современного американского читателя оказывают Бредбери, Азимов и другие совсем не веселые американские фантасты. Во всяком случае, те фантасты, которые, по словам Бредбери, «при столкновении с отвратительными явлениями в... обществе тут же воспаляются него-

дованием и ненавистью». Мы знаем, как ненавидят их реакционеры, мечтающие превратить американцев в развеселых дуболомов с улыбкой, раз и навсегда вытесанной на примитивной физиономии. И нам нетрудно понять этих писателей, мечтающих просветить своего соотечественника, заставить его задуматься. Нетрудно понять и специфику их литературной манеры.

Если современную фантастику сравнить по способу художественного мышления с литературой какого-нибудь из прошлых столетий, то скорее всего приходит на ум, пожалуй, XVIII век — век Просвещения, с его ясной, рациональной, лишенной предрассудков литературой, приучавшей людей смотреть на мир чистым и острым взором. Просветители были гуманистами, но их гуманизм принадлежал рациональному веку, поклонявшемуся механике Ньютона. Это был гуманизм от разума. Просветители очень многое сделали нам понятным и очень немногих своих героев — близкими.

Что поделаешь, нам, людям XX века, многого недостает в просветительском гуманизме. Нас отделяют от Просвещения два века развития общества и литературы. Нам хочется большей сложности и большего тепла.

Шекли почувствовал это сильнее других. Вот почему так стремительно ворвался в американскую литературу этот безвестный дотоле писатель, героям которого понравилось смеяться, шутить, совершать подвиги, верить не только в логику, но и в удачу и наслаждаться неожиданностями, скрытыми за каждым поворотом бесконечного житейского лабиринта. Ему трудно быть мрачным, этому Шекли. Он пробует — у него не получается. Талант у него удивительно светлый. Он привязан душой к героям своих детских чтений — героям Марка Твена, Брет Гарта, О'Генри — и ни за что не желает с ними расставаться.

Конечно, героям Шекли, как бы явившимся из просторной Америки прошлого века, трудно в перенаселенной Америке двадцать первого века, где люди стоят в длинных очередях, заполняющих вестибюли огромных зданий, и ждут, когда толпа немного поредеет и можно будет протиснуться на улицу (рассказ «Человекоминимум»), где лавины людей сталкивают на рельсы зазевавшегося пассажира (рассказ «Опека»). У них спирает дыхание в этой бесконечной толпе, они хиреют, забывают, какими могли бы быть. Но недаром пришел космический век: у них есть возможность вырваться на просторы космоса.

В этом вновь раздвинувшемся мире замечательно прижились герои, век которых, казалось, давно миновал. Все так о них думали, а они вдруг вошли к нам свободно, непринужденно, без всякого маскарада.

Что это за мир, в котором оказался таким уместным изжитый литературой герой?

Шекли — сказочник. Мир, который он рисует, — это мир сказки. Читая его, то и дело вспоминаешь «Озорные сказки» чешского художника и писателя Йозефа Лады, где черти запросто ходят в деревенскую лавку, по ошибке тащат в ад не того, кого надо, и бросаются врассыпную от рассвирепевшего Вельзевула... Очень осовременились в двадцатом веке старые сказки!

У Шекли они осовременены еще больше, чем у Йозефа Лады.

Сказочный мир увиден Шекли в том повороте, который предложила ему новая физика и кибернетика, и их вторжение несколько не замутило прозрачные воды сказки; ведь кибернетика — это наука, отрешившаяся от взрослой всезнающей самоуверенности, наука, снова научившаяся задавать детские вопросы, как их всегда задавало искусство.

И так же по-детски неистощимая на выдумку.

Новая физика и кибернетика открыли перед нами мир, в котором на первый взгляд все возможно и, уж во всяком случае, многое из считавшегося немыслимым стало возможным — хотя бы теоретически. Шекли не обязательно писать о джингах, возникающих по приказу обладателя волшебной лампы. Он может писать о телетранспортировке — о теоретически обоснованном Норбертом Винером процессе передачи материальных тел по радио, по телефону, словом, через любой канал связи. Когда же разнообразия ради появляется у него представитель какой-то из разновидностей джингов, то лишь для того, чтобы стащить и перебросить в свой волшебный мир холодильник. Кстати, мы узнаем от него, что там, в волшебном мире, все как у людей (хотя люди-то думают, что у них самих все не как у людей): на работу берут по протекции, что можно купить — покупают, а что удастся украсть — крадут.

В этом мире все возможно, и поэтому он удивительно многообразен. Мы стрижем овец, а где-то на далеких планетах стригут квиллов. От квиллов пользы больше, потому что изделия из их шерсти огнестойки и практически вечны. Только вот стричь квиллов труднее, чем овец: их шерсть содержит железо. И еще их трудно транспортировать с планеты на планету, особенно вместе со смагами (инопланетными собаками) и фиргелями (живыми холодильными установками такой мощности, что они могут, пробудившись от спячки, заморозить космический корабль; их держат на жарких планетах для смягчения климата). Всем этим животным нужны разные условия полета, и то просыпаются фиргели, то перестают есть квиллы, то уменьшаются до микроскопических размеров смаги — поди, сыщи! (рассказ «Рейс молочного фургона»).

Демоны тоже бывают самые разнообразные — и притом с разными характерами. Бывают тупые корыстолюбцы, вроде Нельзевула, родственника того самого Вельзевула, что дослужился до больших чинов при президенте Сатане, а бывают просто хорошие ребята, вроде пятиметрового холодильного демона — голубого, с тощими крылышками и дырой в груди, откуда время от времени вырывается струя холодной воды, — или еще одного демона, совсем уж необыкновенного. У этого две ноги, две руки, крыльев и хвоста не видно, но, может быть, потому, что на нем всегда несколько лишних шкур, которые он по желанию надевает и сбрасывает. Последние два демона, оказывается, напрасно боялись друг друга. Оба они обыкновенные страховые агенты, только живут в разных мирах (рассказ «Демоны»).

А еще... Но разве перечислишь все, что навывдумывал Шекли!

Все, что написал Шекли о непохожести, нескончаемом многообразии форм жизни, находит обоснование в реальных перспективах, открываемых наукой: ведь мы вступили в эпоху, когда от десятилетия к десятилетию будем все нетерпеливее ждать встречи с чужими мирами, ни один из которых не похож на наш. По отношению к ним действует закон, хорошо сформулированный американским критиком и писателем-фантастом Деймоном Найтом: «Совсем как у нас» — это единственный из бесконечного числа возможных ответов, который заранее можно определить как неверный».

Но, разумеется, Шекли берет не все, что предлагает ему наука, а только то, что ему нужно. Он пишет не о роботах, не о джинах, не о ракетах, а о человеке и мире, — правда, о мире, все плотнее заселяемом роботами, и о человеке, вынужденном от поколения к поколению

заново определять свое место в мире роботов и безличной техники.

Какие отношения сложатся у него с этим миром?

С роботами они складываются удивительно хорошо. Право, мало кому до Шекли (если не считать, разумеется, Азимова) удавалось наладить такие добрые отношения с роботами.

Немецкие экспрессионисты двадцатых годов любили изображать людей в виде неких механических существ, чем-то напоминающих роботов. Сейчас роботов все чаще изображают похожими на людей. Оказывается, они бывают очень привязчивы, заботливы, веселы, им приятно помочь хозяину (рассказ «Бремя Человека»), и они выступают против человека, лишь подчиняясь чужому приказу (рассказы «Человекоминимум» и «Академия»).

Самое любопытное в добрых роботах Шекли — то, что доброте их тоже научил человек. Они не противостоят человеку ни в одном своем качестве, а только дополняют его.

У роботов есть замечательное качество, присущее далеко не всем людям. Они бескорыстны и подчинены «морали служения», а не «морали стяжания». Правда, люди и здесь ухитрились напортить, и какие-то фирмы выпускают даже роботов-пьяниц, чтоб побольше был расход энергии, роботы скорее изнашивались и владельцы покупали новых. Но сами роботы в этом не повинны.

К тому же роботы — это та форма техники, которая у Шекли пошла на сближение с человеком и в процессе общения с ним все время очеловечивается.

Про безликую технику этого никак не скажешь.

Шекли — враг безликой техники, потому что она обезличивает человека. Но его вражда к ней становится

особенно острой из-за того, что холодная отвлеченность техники ассоциируется для него с отношениями в буржуазном обществе.

Это общество, по Шекли, управляется законами, выражающими отношения между вещами, а не между людьми. Человеческую душу при этом никто не принимает за ценность.

Герои Шекли — люди с душой. Тех, кого они встречают на своем жизненном пути, зачастую тоже нельзя упрекнуть в черствости сердца. И все же каждому из них противостоит совершенно бездушный мир. Это мир законов и обычаев, выражающих все дурное, что есть в человеке. В романе Шекли «Путешествие в послезавтра» героя за подобные речи объявляют коммунистом и тащат в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Сам Шекли, однако, упорно возвращается к подобным ситуациям.

Что противостоит герою рассказа «Особый старательский»? Роботы, люди? Ни те, ни другие. Робот-почтальон скорее сочувствует герою; он просто устроен так, что человеку, у которого нет банковского счета, мало от него проку. Но и тут добродушный робот находит юридическую лазейку, чтоб не губить героя. Люди, к которым герой обращается, тоже, вероятно, не совсем бездушные, но они бросают его в пустыне на произвол судьбы, а потом отнимают и последнюю надежду на спасение — прерывают связь. «Я на работе», — приговаривает при этом каждый из них.

Это общество обезчеловечивает все попадающее в его орбиту. Герой «Паломничества на Землю» мечтает изведать настоящую любовь. И ему *продают* точно отмеренную во времени дозу самой настоящей любви, внушенной проститутке специалистами-психологами. Когда герой протестует, его просто не понимают. Разве лю-

бовь была не настоящая, не та, что рекламируется в проспектах? Или его обсчитали?

Как тут не возмутиться против мира, где все — вещь, все — сделка, не возмутиться против самих вещей, жадно обступающих человека?! Ведь они на каждом шагу подчиняют человека себе и отвлеченному своему выражению — деньгам.

Когда-то символом обывательщины была вещь громоздкая, основательная, бережно передаваемая от поколения к поколению. Сейчас таким символом становится вещь суетливая, стремящаяся поскорее появиться и поскорее уступить место новой.

В рассказе «Стоимость жизни» мы сталкиваемся с современным обывателем, только перенесенным в будущее, так сказать мещанином космической эры. Он делает нудную, начисто неинтересную ему работу и единственное спасение видит в том, чтобы окружить себя вещами; и чем больше у него вещей, тем нужнее ему новые, такие, каких еще нет у соседа и какие сэкономят еще несколько минут абсолютно не нужного ему времени. И вещи у него не простые, не комоды какие-нибудь, а все автоматы.

Герою рассказа «Кое-что задаром» выпало совсем уж невиданное счастье. Свалился ему с неба Утилизатор — машина, выполняющая любые желания. Трудно ли догадаться, чего он пожелает? Он строит дом, потом дворец — да такой, что за две недели не обойдешь, приобретает одни вещи, потом другие, потом третьи, по одному себя ублажает, по-другому...

Великая, всегдашняя мечта мещанина — как-нибудь себя ублажить.

За это приходится расплачиваться жизнью — и хорошо еще, если только своей, как дурачку Коллинзу, владельцу Утилизатора. Герой рассказа «Стоимость жизни»

расплачивается в придачу еще частью жизни сына. Если в обществе будущего логично разовьются сегодняшние предпосылки, там снова возникнет средневековая система продажи себя и своих детей в рабство.

Обиднее всего, что цивилизация — и это одна из самых ее издевательских шуток — удовлетворяет потребности, которые сама же порождает.

Такой герой Шекли, как Кэллинз, приобретает вещи, чтобы почувствовать себя прочно устроенным в жизни, чтобы считать себя не хуже других и просто так, — по привычке. Меньше всего он это делает для удовлетворения непосредственных нужд. Он самоутверждается. Иными словами, он пытается найти свое место среди людей парадоксальнейшим образом — через вещи. А они только отгораживают людей друг от друга. Этой же цели служат и многие другие «достижения» цивилизации.

В рассказе «Опытный образец» космонавта снабжают замечательным защитным приспособлением: в случае опасности оно создает силовое поле и заключает человека в непроницаемый шар. Одна беда — в этом шаре можно задохнуться. Воздух — в числе прочего — шар тоже не пропускает. Но главное — шар мешает космонавту поладить с обитателями планеты, на которую он попал. А сделать это было на редкость просто. Надо было только, чтобы они увидели в нем хорошего человека. Так и случилось, когда он избавился от своего дурацкого шара. Впрочем, космонавту не очень трудно сделать это — надо только перерезать лямки, на которых крепится за спиной ранец с механизмом. Обычному человеку труднее. Его обступает со всех сторон огромная безликая сила, именуемая социальной традицией. И чем глупее эта традиция, тем меньше поддается доводам разума. В рассказе «Ритуал» на некой планете с великими почестями встречают космический корабль

с Земли. Космонавтов принимают даже не за людей, а за богов. И вместо того, чтобы их накормить и напоить, несколько суток подряд отплясывают перед ними ритуальные пляски, а отчаяние умирающих космонавтов принимают за знаки одобрения. Ведь древние предания говорят, что с богами надо обращаться именно так и никак иначе. Это освященная веками традиция. Остальное — ересь.

Социальная традиция, привычка, рутина обступают людей как стена. И все-таки некоторые пробиваются сквозь стену. У этих героев Шекли есть замечательное качество: они некорыстны. У них нет этого приобретательского зуда, скупающего обывателя, им все равно, как там у соседей, они умеют жить сами по себе, не вступая в соревнование с вандербильдшами. Если иных из них и затолкали до одури на улицах перенаселенных городов, то прежде всего потому, что они не несутся в общем потоке.

Шекли очень любит изображать людей необычных. Его представление о человеческой норме прямо противоположно представлению о единообразии. И, если капиталистическое общество упорно обесцвечивает личность,—с тем большим упорством писатель стремится противопоставить людей их подобиям, которые миллионами сходят с общественного конвейера.

У этих людей иные ценности — духовные. В своих душах они обнаруживают нечто такое, что стоит всей этой техники, вместе взятой. Франклин, герой рассказа «Заяц», научился по своему желанию, без ржавых посудин, именуемых космическими кораблями, переноситься с планеты на планету, а герой рассказа «Специалист», очистив свою душу от сомнения и страха — от качеств, толкавших людей на войны и убийства,—научился усилием воли разгонять космический корабль до

восьмикратной световой скорости. К вещам эти люди относятся с полнейшим равнодушием: надо — пользуются ими, нет их — обходятся так, зато очень любят работать и не меньше, наверное, любят смотреть белый свет.

Конечно, они чудaki. Живут не как все. И, если угодно, не там, где все.

Отстаивая права личности, литература издавна привыкла изображать чудака — существо, не поддавшееся всеобщей нивелировке. Теперь процесс нивелировки стал так силен, что отдельному чудаку трудно ему противостоять, — теперь изображают целый чудной мир.

Затем и обратился к фантастике Роберт Шекли, чтобы в пределах сатиры, утопии или даже антиутопии отстоять права личности. И фантастику он создает во многих отношениях своеобразную.

Шекли и в качестве сатирика, и в качестве утописта выступает против устоявшегося, косного, подчинившегося социальной инерции мира. Он не хочет быть даже заподозренным в тех пороках, в которых обвиняет своих противников. Самодовольному и неподвижному современному обществу он отнюдь не намерен противопоставить такую же самодовольную и неподвижную утопию. Это было бы не умнее, чем одеревеневшему от возраста старику противопоставить одеревеневшего от важности молодого человека. Он за общество гибкое, динамичное. Только оно открывает настоящий простор для личности. Шекли динамичен. Он не конструирует утопию, а все время примеряет современное общество к возникающим и могущим возникнуть социальным ситуациям, к тенденциям развития науки, к перспективам освоения космоса, к вечным законам природы — примеряет и смотрит, что получается.

Эталоном измерения всякий раз служит человек. «Естественный человек», если угодно. Герои детских

чтений Шекли так свободно вошли в мир будущего потому, что писателю понадобились не их одежда, не их говор, не их житейские навыки — это он без сожаления оставил прошлому и литературного маскарада не устраивал, — а их здоровая человеческая природа.

Шекли уже немало рассказал нам о том, почему человек так пострадал в современном буржуазном обществе. Но для него очень важна еще одна сторона вопроса, о которой у нас до сих пор речь не шла, — проблема отношений человека с природой.

Собственно говоря, об этой старой проблеме напомнила Шекли современная наука, обратившая на нее в последнее время самое пристальное внимание.

Когда-то человек жил среди природы. У него была та же среда обитания, что и у остальных тварей земных. Потом он нашел множество средств защитить себя от злых сил природы. Средства эти все росли, все множились, и в один прекрасный день рядом с первой образовалась вторая среда — искусственная. С ее помощью человек приспособился к природе, но теперь выяснилось, что у нее тоже есть немало вредных свойств, от которых приходится защищаться. К тому же искусственная среда обитания стала в двадцатом веке быстро пожирать естественную — теснить луга, выедать недра земли, портить состав атмосферы, выпивать огромные водоемы. А ведь именно в естественной среде ищет теперь человек защиты от среды искусственной, и природа составляет условие жизни современного общества. Цивилизация не может обходиться без того, что дает ей природа.

Это обсуждают ученые, это чувствуют люди. Природа становится им особенно дорога.

Ощутимо это и в западной научной фантастике. Вряд ли кто-нибудь захочет сейчас написать нечто по-

добное «Плавучему острову» Жюль Верна, где всему искусственному отдавалось явное предпочтение перед всем обязанным своим происхождением «сиволапой» природе. Современная утопия требует гармонии между искусственным и естественным. Если она и нарушается, то лишь за счет преобладания естественного.

Какие позиции занимает по отношению к искусственной среде, к цивилизации Роберт Шекли?

На первый взгляд — самые решительные, самые крайние.

Послушайте хотя бы такую историю.

Жил себе на свете один человек, и вдруг навязался ему какой-то неведомый, потусторонний покровитель. Он считал своей обязанностью предупреждать этого человека о всех грозящих ему опасностях: и о том, что в Бирме разобьется самолет, и о том, что в Амстердаме стоит в парке автобус с испорченными тормозами, и о том, что в Нью-Йорке в определенный час кто-то свалится на рельсы метро. Но это, так сказать, теоретические опасности. Чтобы их избежать, достаточно не быть в Бирме, Амстердаме и в нью-йоркском метро. Но есть и другие опасности, избежать которых можно, лишь что-то сделав. А сделав это, подвергаешься новым опасностям, и, чтобы их избежать, опять надо что-то сделать — на сей раз что-нибудь совсем уж бессмысленное. Так и крутится человек с утра до вечера, и все равно его в конце концов чуть не съедает какой-то потусторонний враг его потустороннего защитника (рассказ «Опека»).

В рассказе «Специалист» земная цивилизация вызывает искреннее изумление у пришельцев из чужих миров, потому что она основана на использовании бездушного, подверженного ржавчине металла. В корабле же, подлетающем к Земле, все одушевлено, и весь

он — своего рода дружная артель живых существ. Каждое из них обладает индивидуальностью и умеет делать что-то свое, но у них есть свойственная всему живому потребность в дружбе, которая помогает им объединить свои усилия и летать от звезды к звезде. Они входят в великое Галактическое Содружество. Иначе дело обстоит на Земле, где люди все время что-то делают, все время воюют.

Таково на первый взгляд отношение Шекли к цивилизации. Она ничего не дала человеку и, защитив от одних опасностей, поставила перед другими, гораздо более серьезными. Она помогла человеку спастись от природы бегством, тогда как он должен был смело смотреть ей в лицо. И вот он измельчал духом. Он стал суетлив, жаден, глуп — до того глуп, что готовится сам себя уничтожить при помощи заботливо предоставленных цивилизацией ракет. Например, роман Шекли «Путешествие в послезавтра» кончается тем, что американские ракеты по ошибке уничтожили саму Америку...

Рассуждения Шекли подтекстованы возмущением против цивилизации, подмявшей под себя человека и готовой в любой момент его уничтожить. Шекли явно тяготеет к старой традиции «антимашинной утопии». Его рассказы очень легко сопоставимы с такими вещами, как «Эреун» Самюэля Батлера (1872), «Вести ниоткуда» Уильяма Морриса (1890) и «Машина останавливается» Эдварда Моргана Форстера (1911). Если он чем-то от них отличается, то прежде всего эмоциональностью. Так и кажется — вот сейчас он возьмет кувалду и пойдет крушить машины и механизмы, а металл сбрасывать в море, чтоб никто не вздумал снова построить из него ракеты.

Но почему-то Шекли этого не делает. Он отводит руку от кувалды и принимается рассуждать дальше.

Американская цивилизация таит в себе опасность. Но все же Шекли — за цивилизованного человека. Дикарскую утопию он высмеивает, как только может (он посвящает этому, например, несколько глав в «Путешествии в послезавтра»), и отнюдь не дикаря собирается противопоставить безликой машине. Он знает, что двадцатому веку при всей его механизации не приходится занимать дикарей у других эпох. Своих хватает, обученных всем современным ухваткам.

К тому же Шекли видит спасение человечества в том, что оно вступило в новую фазу — космическую. Героям его, представляющим человечество, нужен космос. И они не едут в космос на телегах и не обрабатывают луну мотыгами. Они тоже связаны с техникой.

Мало этого, сама нестандартность героев Шекли не только укор сегодняшней цивилизации, но и своеобразный двигатель прогресса. Жизнь будет предлагать все новые, невиданные прежде задачи, а в необычных обстоятельствах побеждают нестандартные герои.

Так, значит, все, что говорил нам Шекли об опасностях цивилизации, — пустое? Значит, он попросту затеял с нами игру, условия которой меняет по произволу?

Никоим образом. Опасности, против которых предостерегает Шекли, — действительные опасности. Пороки, о которых он пишет, — действительные пороки. Он только пользуется привилегией художника и фантаста и подчеркивает их, выделяя методом светотени.

Роберт Шекли — никак не враг цивилизации и науки. Он просто при всех условиях стоит за человека. Технику он тоже принимает или отвергает, смотря по тому, служит она человеку или вредит ему. Отсюда его двойное отношение к роботам и к безликой технике.

Человек должен остаться человеком и в машинном мире. Быть человеком даже больше, чем прежде. Как

этого добиться? Почаще вспоминать те времена, когда никаких машин и в помине не было? Почаще выезжать на машине за город и играть там на лирах и кифарах или бандурах и балалайках? Нечто подобное делалось во все века — особенно теми, у кого были машины (или раньше карета) и избыток свободного времени. Для остальных проблема решается по-иному.

Человек противостоит современности лишь в качестве современного человека. Человека прошлых веков уже нет. Его не воскресить. Надеяться на него не приходится. Рассчитывать можно лишь на себя и на тех, кто будет. Нельзя начинать все сначала. Начать все сначала — значит второй раз повторить то же самое. А человечество по горло сыто и одним разом. Пусть же, считает Шекли, та самая наука, которая наделала столько бед, теперь поможет человечеству от них избавиться.

Герберт Уэллс всю жизнь выступал против патриархальной утопии Морриса. Антимашинная утопия Форстера написана против Уэллса. Но любопытно, что сам Уэллс написал своего рода «антимашинную утопию», и сделал это, оставаясь верным идее прогресса. В знаменитом романе Уэллса «Люди как боги» (1923), изображающем коммунистическое общество далекого будущего, вы не встретите ни фабричных корпусов, ни железных дорог. Утопийцы научились обходиться без них. Им помогла наука — та самая наука, при помощи которой некогда расплодились все эти страшные машины, призванные кормить людей, а начавшие их пожирать.

Разумеется, наука изменит мир не сама по себе. По новому пути ее направят люди. Но не теперешние, а те, что сумеют зажечь по-новому. Те, которые осознают, что человек существует как часть человечества и человечество состоит из людей. Понять это, считает Шек-

ли,— значит уже сделать заметный шаг в сторону от войны.

Впрочем, те элементы утопии, которые мы встречаем в рассказах Шекли,— это не столько запечатленный идеал, сколько запечатленная необходимость. Это не случайно. Шекли стоит перед множеством нерешенных проблем. Он слишком честен, чтобы попросту их отбросить. Он — при всей своей проницательности — недостаточно смелый социальный философ, чтобы их разрешить.

Не следует забывать: «Люди как боги» Уэллса — коммунистическая утопия. Всемирное государство, там нарисованное,— это не просто земной шар без границ, но и земной шар без частной собственности. Только благодаря этому великий фантаст сумел ответить на множество вопросов, перед которыми становились в тупик другие писатели.

Шекли далек от такой решительной переоценки представлений общества, в котором он вырос. Он ищет выхода, не покидая пределов этого общества. Ищет — и не находит.

Есть одно положение, для Шекли, пожалуй, неизбежное. Свобода личности связана для него со свободой частного предпринимательства. И вместе с тем он на каждом шагу показывает, насколько частная инициатива близка разбою. В этом обществе все время «пошаливают». То зальют конкуренту в баки воду вместо бензина, то постараются заморить его голодом уже на конечном пункте космического рейса: не примут на посадку и все — частная собственность! (Рассказ «Рейс молочного фургона».) В рассказе «Седьмая жертва» правительство ради того, чтобы, с одной стороны, предотвратить войну, а с другой — не дать выветриться духу убийства, без которого гибнет инициатива и начинается застой, разрешает желающим, предварительно

зарегистрировавшись, охотиться время от времени друг за другом. Тому, кто убил двадцать человек, воздаются наибольшие почести...

В рассказе «Академия» мы видим общество, разрешившее ту же проблему несколько иным способом. Оно ограничивает частную инициативу, но для этого подавляет личность. Оно избавляется от всех сколько-нибудь отличающихся от общей серой массы.

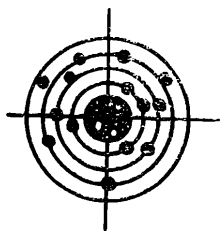
Мир, в котором отсутствует частная инициатива, общество, где личность неагрессивна,— это, согласно Шекли, общество застойное, патриархальное. Автор симпатизирует ему и в то же время подсмеивается над ним (рассказ «Ордер на убийство»). Убийца или добродушный, но темный парень — небогатый выбор предлагает человеку общество, нарисованное Робертом Шекли.

Шекли не желает принимать ни одной из этих возможностей. Но он не принимает и пути, который дает выход из тупика.

Впрочем, Шекли и без того сделал немало. Он расширил наше представление о сегодняшнем мире и человеке, рассказал о его возможностях и опасностях, ему угрожающих.

Шекли идет по жизни, и смотрит, и смеется, и злится, и облекает все это в слова с тем артистизмом, какой свойствен только настоящим художникам. У Шекли — обостренное чувство сюжета и умение писать очень просто, но так, что написанное порождает множество совсем не простых ассоциаций. Короче, он не поучает и не развлекает — он вместе с нами размышляет о жизни. Поэтому читать его легко, забыть — трудно. Сейчас, когда мы впервые берем в руки книгу рассказов Шекли, мы можем вполне оценить эти его качества.

Ю. Кагарлицкий

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА ЗЕМЛЮ

Элфред Саймон родился на Казанге IV — небольшой земледельческой планетке неподалеку от Арктура; там он водил комбайн по пшеничным полям, а долгими тихими вечерами слушал записи любовных песен Земли.

Жилось на Казанге, пожалуй, неплохо, девушки там были миловидные, резвые, искренние и покладистые — хорошие спутницы для прогулки по холмам или купания в ручье, верные подруги жизни. Однако романтики в них не было! Очень приятны веселые, безыскусные развлечения на Казанге. Но только приятны — не более.

Саймон чувствовал, что в его размеренном существовании чего-то недостает. Однажды он понял, чего же именно.

Потрепанный космический корабль, груженный книгами, занес на Казангу странствующего торговца. Это был изможденный, седой, слегка помешанный человек. В его честь устроили торжество — ведь за пределами солнечной системы горячо радовались всякому новому знакомству.

Торговец выложил все свежие сплетни: и о войне цен между Детройтом II и Детройтом III, и во что об-

ходится рыбалка на Алане, и как одета жена президента Морации, и до чего чудной говор на Доране V. И наконец кто-то попросил:

— Расскажи нам о Земле.

— Ага,— сказал торговец, подняв брови.— Хотите послушать о планете-праматери? Так вот, друзья, нет другой такой планеты, как старушка Земля, и ничто с ней не сравнится. На Земле, друзья, все возможно, там исполняются все желания...

— У каждого? — спросил Саймон.

— У них там есть закон против отказов,— с усмешкой разъяснил торговец.— Пока еще никто его не нарушал. На Земле все иначе, друзья. Вы, ребята, специализируетесь по сельскому хозяйству? Ну вот, а Земля специализируется по всяким излишествам — таким, как безумие, красота, война, опьянение, непорочность, ужасы и прочее. Люди преодолевают световые годы, чтобы изведать эти блага.

— А любовь? — спросила какая-то женщина.

— Девушка,— мягко сказал торговец,— Земля — это единственное место во всей Галактике, где еще сохранилась любовь! На Детройтах II и III ее попробовали, но оказалось, что она непомерно дорога, а на Алане сочли, что она слишком выбивает из колеи, а импортировать ее на Морацию или Доран V еще не успели. Но, как я сказал, Земля специализировалась по излишествах, и они окупаются сторицей.

— Сторицей? — переспросил дородный фермер.

— Конечно! Земля уже стара, ее недра истощены, а почва бесплодна. Колонии ее стали независимыми и заселены людьми с трезвой головой — вроде вас. Такие люди хотят получить полную цену за свой товар. На чем же еще может заработать Земля, как не на пустяках, благодаря которым жизнь обретает смысл?

— А ты-то был влюблен на Земле? — спросил Саймон.

— Уж чего-чего, — угрюмо ответил торговец. — Был когда-то влюблен, а теперь вот странствую. Друзья, эти книги...

За баснословные деньги Саймон купил древний сборник стихов и, читая, грезил о страсти под безумной луной, о бледных лучах рассвета, ласкающих иссушенные губы любовников, о сумеречном берегу моря, где сплетенные тела упоены любовью и оглушены рокотом прибою.

И это было возможно лишь на Земле. Ибо, как рассказывал торговец, разбросанные по Вселенной дети Земли слишком уж тяжко трудились, отвоевывая пропитание у враждебных миров. На Казанге росла пшеница и кукуруза, на Детройтах II и III множились фабрики и заводы. О рыбных угодьях Аланы ходили легенды по всему Южному звездному поясу. На Морации водились опасные хищники, а на Доране V предстояло распахать целину. Это было прекрасно, как и должно быть.

Но все же новые миры оказались слишком суровыми и стерильными в своем совершенстве — слишком уж точно была там спланирована жизнь. Что-то было утрачено в мертвых просторах космического пространства. Только на Земле сохранилась любовь.

Поэтому Саймон работал, копил деньги и мечтал. На двадцать девятом году жизни он продал ферму, уложил чистые рубашки в прочный баул, надел свой лучший костюм, крепкие дорожные ботинки и поднялся на борт ракеты «Казанга-Метрополия».

И наконец он прибыл на Землю, где мечты непременно сбываются, так как попытки воспрепятствовать этому караются законом.

Саймон быстро прошел таможенный досмотр в аэропорте Нью-Йорка, и подземка мигом доставила его на Таймс-сквер. Там он вышел на дневной свет и стоял ослепленный, крепко прижимая к себе баул, так как его уже страшали карманниками и прочими хищниками большого города.

Он огляделся по сторонам, и у него дух захватило от изумления.

Первое, что поразило его, была бесконечная вереница кинотеатров, где фильмы демонстрировались в двух, трех и четырех измерениях, по выбору зрителя. И какие фильмы!

Справа от него шатром навис рекламный щит:

«ПОХОТЬ НА ВЕНЕРЕ!

Документальный отчет о сексуальной жизни обитателей зеленого ада! Шокирует! Разоблачает!»

Он хотел войти, но на другой стороне улицы шел военный фильм. Афиша зазывала:

«УКРОТИТЕЛИ СОЛНЦ!

Посвящается сорвиголовам военно-космического флота!»

А рядом шла картина:

«ТАРЗАН ПОБЕЖДАЕТ ВАМПИРОВ САТУРНА!»

Тарзан, смутно припомнил он читанное в книгах,— это герой древних народных сказаний Земли.

Все это было удивительно. А то ли еще ждало его впереди! Он видел лавчонки, где можно было полакомиться кушаньями всех миров, особенно национальными земными блюдами — пиццей, растегаями, спагетти и кнышами. Были магазины, где шла распродажа уценен-

ной одежды с космических кораблей, и лавки, торгующие только напитками.

Саймон не знал, с чего начать. Внезапно он услышал отрывистую дробь пулеметной очереди и круто обернулся.

То был всего лишь тир — длинная, узкая, ярко расписанная галерея с барьером по пояс. На высоком табурете сидел хозяин — смуглый толстяк с бородавкой на щеке. Он улыбнулся Саймону:

— Хочешь попытаться счастья?

Саймон вошел внутрь и увидел, что вместо обычных мишеней в конце галереи, на изрешеченных пулями стульях, сидят четыре едва одетые женщины. На лбу и над каждой грудью у них были нарисованы крохотные «яблочки».

— А у вас стреляют настоящими пулями? — спросил Саймон.

— Разумеется! — ответил хозяин. — На Земле есть закон, воспреещающий лживую рекламу. И пули настоящие, и девки настоящие. Заходи и сшибай любую!

Одна из женщин подзадорила его:

— Давай, давай, красавчик! Бьюсь об заклад, что промажешь!

Другая вскричала:

— Да он и по космическому кораблю промахнется!

— Ну что ты, он малый не промах! — подхватила третья. — Давай же, красавчик!

Саймон потер лоб, стараясь не выказать удивления. В конце концов, ведь это Земля, где разрешается все, что приносит прибыль.

Он спросил:

— А есть тир, где стреляют в мужчин?

— Конечно, — ответил хозяин. — Но ты ведь не страдаешь извращениями, правда?

— Безусловно, нет!

— Ты из другой системы?

— Да. А как ты узнал?

— По костюму. Всегда можно отличить по костюму. — Толстяк закрыл глаза и затынул нараспев:

— Подходи! Подходи! Убивай женщин! Избавляйся от гнета подавленных желаний! Нажми курок — дай выход застарелой ярости! Это лучше, чем мордобой! Лучше, чем пьянка! Подходи! Подходи! Убивай!

Саймон спросил у одной из женщин:

— А когда вас убивают, вы так и остаетесь мертвыми?

— Не задавай дурацких вопросов, — ответила девушка.

— Но ведь шок...

Она пожала плечами.

— Бывает работа и похуже.

Саймон хотел было спросить, что может быть хуже, но в эту минуту хозяин, перегнувшись через барьер, доверительно сказал:

— Послушай-ка, приятель. Погляди, что у меня есть.

Саймон заглянул за барьер и увидел миниатюрный пулемет.

— За смехотворно низкую плату, — сказал хозяин, — я дам тебе пострелять из томми. Можешь исполосовать весь тир, сбить всю арматуру, продырявить стены. Здесь пульки сорок пятого калибра, приятель, а уж отдача у него — точно осел лягается. Кто стреляет из томми, тот действительно стреляет.

— Не интересуюсь, — непреклонно ответил Саймон.

— У меня найдется граната-другая, — сказал хозяин. — Осколочное действие. Ты мог бы...

— Нет!

— Если заплатишь как следует, — сказал хозяин, —

можешь уложить и меня, раз уж у тебя такой вкус, хотя я никогда бы этого не подумал. Ну как?

— Нет! Никогда! Это отвратительно!

Хозяин посмотрел на него отсутствующим взглядом.

— Не в настроении? О'кей. У меня открыто круглые сутки. Заходи в другой раз, красавчик.

— Никогда! — ответил Саймон, уходя прочь.

— Ждем тебя, милый! — крикнула ему вслед одна из женщин.

Подойдя к киоску, Саймон заказал стаканчик кока-колы.

Он заметил, что руки его трясутся. Усилием воли он подавил эту дрожь и маленькими глотками стал прихлебывать освежающую жидкость. Он напомнил себе, что нельзя подходить к Земле со своей меркой. Если на Земле одним людям нравится убивать других, а жертвы ничего не имеют против, почему кто-то должен возражать?

А может, все-таки должен?

Из раздумий его вывел голос, раздавшийся у самого уха:

— Эй, малый!

Обернувшись, Саймон увидел перед собой сморщенного человечка с бегающими глазками, в большом не по росту плаще.

— Не здешний? — спросил человечек.

— Да, — ответил Саймон. — А как ты узнал?

— По ботинкам. Я всегда смотрю на ботинки. Как тебе нравится наша планета?

— Она какая-то... беспорядочная, — осторожно ответил Саймон. — Я хочу сказать, что не ожидал.... ну как его...

— Конечно, — сказал человечек. — Ты идеалист. Это видно с первого взгляда. Стоит только посмотреть на

твое честное лицо, друг. Ты прилетел на Землю с определенной целью. Так или не так?

Саймон кивнул. Человечек продолжал:

— Я знаю, друг, какая у тебя цель. Ты ищешь войны, которая сделала бы мир лучше, и ты попал куда следует. У нас всегда идет шесть крупных войн, и ни на одной не приходится долго ждать генеральского чина.

— К сожалению, я...

— В настоящий момент,— внушительно продолжал человечек,— угнетенные рабочие Перу ведут отчаянную борьбу против загнивающей и продажной монархии. Один лишний человек может решить исход борьбы! И ты, мой друг, можешь стать этим человеком! Ты принесешь победу социалистам!

Подметив выражение лица Саймона, человечек поспешно добавил:

— Но многое можно сказать и в пользу просвещенной аристократии. Старый и мудрый король Перу (король-философ в глубочайшем, платоновском смысле слова) крайне нуждается в твоей помощи. Его крошечное войско, состоящее из ученых, идеалистов, швейцарской гвардии, рыцарей короны и королевских крестьян, с трудом противостоит натиску заговорщиков-социалистов, подстрекаемых иностранными державами. И вот один-единственный человек...

— Не интересуюсь,— сказал Саймон.

— В Китае анархисты...

— Нет!

— Может, ты предпочитаешь присоединиться к коммунистам в Уэльсе? Или к японским капиталистам? Или хочешь примкнуть к какой-нибудь из мелких группировок — к феминисткам, к сторонникам сухого закона или к партии звонкой монеты? Это можно устроить.

— Война мне ни к чему,— ответил Саймон.

— Никто тебя за это не осудит, — быстро-быстро закивал человечек. — Война — это ад. В таком случае ты прибыл на Землю ради любви.

— Откуда ты знаешь? — удивился Саймон.

Человечек скромно улыбнулся.

— Война и любовь, — сказал он. — На Земле это два основных предмета торговли. С незапамятных времен мы отпускаем их огромными партиями.

— А очень трудно найти любовь? — спросил Саймон.

— Пройди два квартала к центру, — деловито ответил человечек. — Найдешь не глядя. Скажешь, что тебя прислал Джо.

— Но так ведь не бывает! Нельзя же просто войти и...

— Что ты знаешь о любви? — осведомился Джо.

— Ничего.

— Ну, а мы на ней собаку съели.

— Я знаю то, что сказано в книгах, — возразил Саймон. — Страсть под безумной луной...

— Ну конечно, и тела на сумеречном берегу моря, упоенные любовью и оглушенные рокотом прибоя.

— Ты тоже читал эту книгу?

— Какую еще книгу? Это стандартная рекламная брошюра. Ну, мне пора. Два квартала к центру. Найдешь не глядя.

И, дружелюбно кивнув, Джо нырнул в толпу.

Саймон допил кока-колу и медленно двинулся по Бродвею. От тяжкого раздумья на лбу у него вздулись вены, однако он решил не делать поспешных выводов.

Дойдя до 44-й стрит, он увидел огромные, ярко светящиеся неоновые буквы:

«ЛЮБОВЬ ИНКОРПОРЕЙТЕД».

Неоновые буквы поменьше гласили: *«Открыто круглосуточно!»*

И под ними: *«Подняться на второй этаж».*

Саймон нахмурился, ибо в голову его закралось ужасное подозрение. Но все же он поднялся по лестнице и вошел в небольшую, со вкусом обставленную приемную. Оттуда его направили по длинному коридору в комнату номер такой-то.

В комнате находился красивый седоволосый человек, который поднялся из-за внушительного письменного стола навстречу посетителю и, пожав ему руку, сказал:

— Ну, как дела у вас на Казанге?

— Как вы догадались, что я с Казанги?

— По рубашке. Я всегда обращаю внимание на рубашку. Меня зовут мистер Тэйт. Я здесь для того, чтобы служить вам по мере своих сил. Вы...

— Саймон. Элфред Саймон.

— Прошу вас, присядьте, мистер Саймон. Вы курите? Хотите выпить? Вы не пожалеете, что обратились именно к нам, сэр. Мы — старейшая фирма, поставляющая любовь, и гораздо более крупная, чем наш главный конкурент — «Страсть нелимитед». К тому же у нас гораздо более сходная цена и товар лучше. Могу ли я осведомиться, как вы о нас услышали? Прочитали объявление во всю полосу «Таймса»? Или же...

— Меня прислал Джо, — перебил Саймон.

— Активный агент, — сказал мистер Тэйт с игривым видом. — Ну-с, сэр, не вижу причин откладывать дело в долгий ящик. Вы приехали издалека за любовью, и уж что-что, а любовь вы получите. — Он потянулся к кнопке на письменном столе, но Саймон его остановил:

— Я не хочу показаться невежливым и все такое, но...

— Да-да? — отозвался мистер Тэйт с ободряющей улыбкой.

— Мне это непонятно, — выпалил Саймон, густо покраснев; на лбу у него выступили бисеринки пота. — Кажется, я не туда попал. Не для того я проделал весь путь на Землю, чтобы просто... Неужели вы и вправду продаете любовь? Все, что угодно, только не любовь! Значит, тогда это ненастоящая любовь, так ведь?

— Да что вы! — возразил мистер Тэйт, приподнимаясь в кресле от изумления. — В том-то и дело! Секс может купить каждый. Боже правый, да это же самая дешевая штука во Вселенной, если не считать человеческой жизни. Но любовь — это редкость, любовь — это нечто особенное, любовь можно найти только на Земле. Вы читали нашу брошюру?

— Тела на сумеречном берегу моря? — спросил Саймон.

— Она самая. Ее написал я. Передает настроение, правда? Такое настроение вы не получите от *первой встречи*, мистер Саймон. Такое настроение вам даст лишь та, кто вас любит.

Саймон с сомнением сказал:

— И все же это не истинная любовь, не так ли?

— Да что вы, конечно, истинная! Если бы мы продавали поддельную, мы бы так ее и именовали. На Земле законы о рекламе чрезвычайно суровы, уверяю вас. Торгуйте чем угодно, но только непременно называйте вещи своими именами. Это и есть этика, мистер Саймон!

Тэйт перевел дыхание и продолжал более ровным тоном:

— Нет, сэр, не допускайте этой ошибки. Наша продукция — не суррогат. Это именно то чувство, каким много тысячелетий бредят поэты и писатели. Благодаря чудесам современной науки мы можем предоставить это

чувство в ваше полное распоряжение, когда вам будет угодно, в красивой упаковке и притом по смехотворно низкой цене.

Саймон сказал:

— Я представлял себе нечто более... стихийное.

— В стихийности есть своя прелесть,— согласился мистер Тэйт.— Эту проблему разрабатывают наши исследовательские лаборатории. Поверьте, наука в силах воспроизвести решительно все, был бы только спрос на рынке.

— Не нравится мне все это,— сказал Саймон, поднимаясь с места.— Пойду-ка я лучше в кино.

— Пойдите! — вскричал мистер Тэйт.— Вы думаете, что мы пытаемся вас надуть. Вы думаете, что вас знакомят с девушкой, которая станет притворяться, будто влюблена в вас, а в действительности вас не любит. Не правда ли?

— Правда,— согласился Саймон.

— Ошибаетесь! Во-первых, это обошлось бы слишком дорого. Во-вторых, девушка подвергалась бы чудовищному износу. Да, кроме того, попытка разыграть в жизни такую сложную роль явилась бы для девушки психически вредной.

— Но как же вы это делаете?

— При помощи науки и познания законов психологии.

Для Саймона все это звучало какой-то тарабарщиной. Он направился к двери.

— Скажите-ка,— не унимался Тэйт.— С виду вы кажетесь смышленным молодым человеком. Неужто вы не отличите настоящую любовь от фальшивки?

— Ясно, отличу.

— Так чем же вы рискуете? Или останетесь довольны, или не заплатите нам ни цента.

— Я подумаю,— сказал Саймон.

— К чему откладывать? Ведущие психологи утверждают, что настоящая любовь укрепляет и исцеляет психику, снимает комплекс неполноценности, восстанавливает баланс гормонов и улучшает цвет лица. В поставляемой нами любви есть все: глубокая и постоянная привязанность, безудержная страсть, безупречная верность, почти мистическое обожествление как ваших недостатков, так и достоинств, трогательное стремление сделать любимому приятное и в довершение всего — гордость фирмы «Любовь инкорпорейтед»: не поддающаяся контролю первая вспышка, ослепительное зарождение любви с первого взгляда!

Мистер Тэйт нажал кнопку. Саймон нахмурился в нерешительности. Дверь отворилась, вошла девушка, и Саймон больше не раздумывал.

Она была высокая и стройная, каштановые волосы отливали медью. О лице ее Саймон ничего не мог бы рассказать, но оно вызвало на его глазах слезы. А за вопрос, какая у девушки фигура, он мог бы убить на месте.

— Мисс Пенни Брайт,— сказал Тэйт,— познакомьтесь с мистером Элфредом Саймоном.

Девушка попыталась что-то произнести, но губы ей не повиновались; да и Саймон онемел. С одного взгляда он уже все понял. Остальное ничего не значило. Всем сердцем он чувствовал, что любим — любим верно и безгранично.

Они ушли сразу же, рука в руке. Реактивный вездеход примчал их к беленькому коттеджу в сосновой роще на берегу моря. Там они беседовали, смеялись и любили друг друга. А потом Саймон увидел свою возлюбленную, точно богиню огня, в облачении закатного пламе-

ни. В синих сумерках она устремила на него огромные темные глаза, и ее тело, уже такое знакомое, словно сызнова окуталось тайной. Взошла луна, яркая и безумная, и обратила тела в тени. Девушка плакала, колотя кулачками в его грудь, и Саймон тоже плакал, сам не зная отчего. И наконец наступил рассвет; робкий и неверный, он мерцал на иссушенных губах и сплетенных телах, а рядом рокочущий прибой оглушал, разжигал страсть и доводил ее до безумия.

В полдень они снова были в конторе фирмы «Любовь инкорпорейтед». Пенни порывисто сжала его руку и скрылась за внутренней дверью.

— Настоящая была любовь? — спросил мистер Тэйт.

— Да!

— И вы удовлетворены?

— Да! То была любовь, настоящая любовь! Но почему она так настаивала, чтобы мы вернулись?

— Постгипнотическое внушение, — разъяснил мистер Тэйт.

— Что?

— А чего вы ожидали? Все хотят любви, но мало кто хочет платить за нее. Вот ваш счет, сэр.

Саймон, вскипая, уплатил по счету.

— В этом не было никакой необходимости, — сказал он. — Само собой разумеется, я заплатил бы вам за то, что вы свели нас. А где она сейчас? Что вы с нею сделали?

— Прошу вас, — сказал мистер Тэйт примирительным тоном, — постарайтесь успокоиться.

— Мне не нужен покой! — закричал Саймон. — Мне нужна Пенни!

— Это невозможно, — сказал мистер Тэйт с легким налётом изморози в голосе. — Будьте добры, прекратите сцену.

— Хотите урвать побольше денег? — загремел Саймон. — Хорошо, я заплачу. Сколько я вам должен за то, чтобы вы выпустили ее из своих когтей? — Саймон рывком выхватил из кармана бумажник и хлопнул им по столу.

Мистер Тэйт брезгливо ткнул в бумажник указательным пальцем. — Положите-ка обратно в карман, — сказал он. — У нас старая и почтенная фирма. Если вы еще раз повысите голос, я буду вынужден выдворить вас отсюда.

Саймон сделал над собой неимоверное усилие, сунул бумажник в карман и уселся. Он глубоко вздохнул и сказал очень спокойно:

— Извините меня.

— Так-то лучше, — смягчился мистер Тэйт. — Я не допущу, чтобы на меня повышали голос. Однако если вы будете вести себя разумно, то мы как-нибудь договоримся. Итак, в чем же дело?

— В чем дело? — Саймон опять едва не закричал. Он овладел собой и сказал: — Она меня любит.

— Конечно.

— Как же вы можете нас разлучать?

— А какая здесь связь? — спросил мистер Тэйт. — Любовь — это восхитительная интерлюдия, отдых, полезный для интеллекта, для человеческой личности, для баланса гормонов и для цвета лица. Однако едва ли кому-нибудь захочется длительной любви, не так ли?

— Мне захочется, — сказал Саймон. — Эта любовь особая, необыкновенная...

— Они все такие, — утешил его мистер Тэйт. — Но, как вам известно, все они производятся одинаково.

— Что?

— Вы, без сомнения, знакомы с технологией производства любви?

— Нет,— сказал Саймон.— Я думал, любовь... естественна.

Мистер Тэйт покачал головой.

— От естественного подбора мы отказались сотни лет назад, вскоре после технической революции. Он протекает слишком медленно и в коммерческом масштабе нецелесообразен. К чему возиться, когда посредством регулировки рефлексов и соответствующей стимуляции определенных мозговых центров мы можем произвольно создать любое чувство? А результат? Пенни, влюбленная в вас по уши! Мы проанализировали ваши индивидуальные склонности и остановились на ее соматотипе, что сделало вашу любовь совершенной. Мы всегда добавляем сумеречный берег моря, безумную луну, бледный рассвет...

— Значит, ее можно было принудить влюбиться в кого угодно,— медленно проговорил Саймон.

— Можно было *убедить* ее влюбиться в кого угодно,— поправил мистер Тэйт.

— О боже, как она попала на такую омерзительную работу?

— Пришла и подписала контракт, как это обычно делается,— сказал Тэйт.— За это очень хорошо платят. А по истечении договорного срока мы возвращаем ей первоначальную индивидуальность — нетронутой! Однако почему вы считаете эту работу омерзительной? В подобной любви нет ничего такого, что заслуживало бы порицания.

— Это не любовь! — воскликнул Саймон.

— Да нет же, любовь! Настоящий товар! Беспристрастные научно-исследовательские фирмы провели ее испытания на качество по сравнению с естественной любовью. И во всех случаях наша любовь показала бóльшую глубину, страсть, пыл и размах.

Саймон крепко зажмурился, потом открыл глаза и сказал:

— Выслушайте меня. Мне нет дела до ваших научных испытаний. Я ее люблю, она меня любит, а остальное неважно. Дайте мне поговорить с ней! Я хочу на ней жениться!

Мистер Тэйт скорчил гримасу.

— Опомнитесь! Разве на таких женятся! Если вы хотите жениться, то браками мы тоже занимаемся. Можно устроить идиллический и почти стихийный брак по любви с патентованной девственницей, прошедшей государственную инспекцию...

— Нет! Я люблю Пенни! Дайте мне по крайней мере поговорить с ней!

— Это совершенно невозможно,— ответил мистер Тэйт.

— Почему?

Мистер Тэйт нажал какую-то кнопку.

— Как вы думаете, почему? Мы стерли предыдущую гипнопрограмму. Сейчас Пенни любит другого.

И тогда Саймону все стало ясно. Он осознал, что уже сейчас, в эту минуту, Пенни глядит на другого и в глазах ее вспыхивает такая же страсть, какую познал и он... Она питает к другому ту самую всепоглощающую и безграничную любовь, которая, по свидетельству беспристрастных научно-исследовательских фирм, намного превосходит старомодный, коммерчески нецелесообразный естественный подбор... И на том же сумеречном морском берегу, упомянутом в рекламной брошюре...

Он рванулся, норовя вцепиться Тэйту в глотку. Два служителя, вошедшие несколькими секундами ранее, перехватили его и повели к двери.

— Учтите! — бросил Тэйт ему вслед. — Это никоим образом не обесценивает ваших воспоминаний.

И, как ему ни было противно, Саймон понимал, что Тэйт говорит правду.

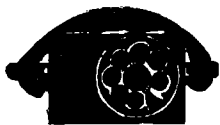
А затем он оказался на улице.

Сначала он жаждал только одного: как можно скорее покинуть Землю, где продажные излишества обходятся нормальному человеку чересчур дорого. Он шагал очень быстро, а рядом с ним шла его Пенни, и лицо ее светилось любовью к нему, и к другому, и к третьему, и к десятому.

И, конечно, он подошел к тиру.

— Хочешь попытать счастья? — спросил хозяин.

— Заряжай, — ответил Элфред Саймон.

СЛУЖБА ЛИКВИДАЦИИ

Посетителя не следовало пускать дальше приемной, ибо мистер Фергюсон принимал людей только по предварительной договоренности и делал исключение лишь для каких-нибудь важных особ. Время стоило денег, и приходилось его беречь.

Однако секретарша мистера Фергюсона, мисс Дейл, была молода и впечатлительна; посетитель же достиг почтенного возраста, носил скромный английский костюм из твида, держал в руке трость и протягивал визитную карточку от хорошего гравера. Мисс Дейл сочла, что это важная особа, и провела его прямехонько в кабинет мистера Фергюсона.

— Здравствуйте, сэр, — сказал посетитель, едва за мисс Дейл закрылась дверь. — Я Эсмонд из Службы ликвидации. — И он вручил Фергюсону визитную карточку.

— Понятно, — отозвался Фергюсон, раздраженный отсутствием сообразительности у мисс Дейл. — Служба ликвидации? Извините, но мне совершенно нечего ликвидировать. — Он приподнялся в кресле, желая сразу положить конец разговору.

— Так уж и совершенно нечего?

— Ни единой бумажки. Спасибо, что потрудились зайти...

— В таком случае надо понимать, вы довольны окружающими вас людьми?

— Что? А какое вам до этого дело?

— Ну как же, мистер Фергюсон, ведь этим-то и занимается Служба ликвидации.

— Вы меня разыгрываете;— сказал Фергюсон.

— Вовсе нет,— ответил мистер Эсмонд с некоторым удивлением.

— Вы хотите сказать,— проговорил, смеясь, Фергюсон,— что ликвидируете людей?

— Разумеется. Я не могу предъявить никаких письменных доказательств: все-таки мы стараемся избегать рекламы. Однако, смею вас уверить, у нас старая и надежная фирма.

Фергюсон не отрывал взгляда от безукоризненно одетого посетителя, который сидел перед ним, прямой и чопорный. Он не знал, как отнестись к услышанному.

Это, конечно, шутка. Всякому понятно.

Это не может не быть шуткой.

— И что же вы делаете с людьми, которых ликвидируете? — спросил Фергюсон, поддерживая игру.

— Это уж наша забота, — сказал мистер Эсмонд. — Важно то, что они исчезают.

Фергюсон встал.

— Ладно, мистер Эсмонд. Какое у вас в действительности ко мне дело?

— Я уже сказал, — ответил Эсмонд.

— Ну, бросьте. Это же несерьезно... Если бы я думал, будто это серьезно, я бы вызвал полицию.

Мистер Эсмонд со вздохом поднялся с кресла.

— В таком случае я полагаю, что вы не нуждаетесь

в наших услугах. Вы вполне удовлетворены друзьями, родственниками, женой.

— Женой? Что вы знаете о моей жене?

— Ничего, мистер Фергюсон.

— Вы разговаривали с соседями? Эти ссоры ничего не значат, абсолютно ничего.

— Я не располагаю никакими сведениями о вашем супружестве, мистер Фергюсон,— заявил Эсмонд, опять усаживаясь в кресло.

— Почему же вы упомянули о моей жене?

— Мы установили, что основную статью нашего дохода составляют браки.

— Ну, у меня-то все в порядке. Мы с женой отлично уживаемся.

— В таком случае Служба ликвидации вам ни к чему,— заметил мистер Эсмонд, сунув трость под мышку.

— Минуточку. — Фергюсон стал расхаживать по комнате, заложив руки за спину. — Понимаете ли, я не верю ни одному вашему слову. Ни единому. Но допустим на секунду, что вы говорили серьезно. Это всего лишь допущение, имейте в виду... какова будет юридическая процедура, если я... если бы я захотел...

— Достаточно вашего согласия, выраженного словесно,— ответил мистер Эсмонд.

— Оплата?

— Отнюдь не вперед. После ликвидации.

— Мне-то безразлично,— поспешно сказал Фергюсон. — Я просто интересуюсь. — Он помедлил. — Это больно?

— Ни в малейшей степени.

Фергюсон все расхаживал по комнате.

— Мы с женой отлично уживаемся,— сказал он. — Женаты семнадцать лет. Понятно, в совместной жизни

всегда возникают какие-то трения. Этого следует ожидать.

Мистер Эсмонд слушал с непроницаемым видом.

— Волей-неволей приучаешься идти на компромиссы, — говорил Фергюсон. — А я вышел из того возраста, когда мимолетная прихоть могла бы побудить меня... э-э...

— Вполне понимаю вас, — проронил мистер Эсмонд.

— Я вот что хочу сказать, — продолжал Фергюсон. — Временами, конечно, с моей женой бывает трудно. Она сварлива. Изводит меня. Пилит. Вы, очевидно, об этом осведомлены?

— Вовсе нет, — сказал мистер Эсмонд.

— Не может быть! Что же, вы обратились ко мне ни с того ни с сего?

Мистер Эсмонд пожал плечами.

— Как бы там ни было, — веско произнес Фергюсон, — я вышел из того возраста, когда хочется перестроить свою жизнь по-иному. Предположим, я не женат. Предположим я мог бы завести связь, например с мисс Дейл. Наверное, это было бы приятно.

— Приятно, но не более того, — сказал мистер Эсмонд.

— Да. Это было бы лишено прочной ценности. Недоставало бы твердого нравственного фундамента, на котором должно зиждиться всякое успешное начинание.

— Это было бы всего лишь приятно, — повторил мистер Эсмонд.

— Вот именно. Мило, не спору. Мисс Дейл — привлекательная женщина. Никто не станет отрицать. У нее всегда ровное настроение, хороший характер, она крайне предупредительна. Этого у нее не отнимешь.

Мистер Эсмонд вежливо улыбнулся, встал и направился к двери.

— А как с вами связаться? — неожиданно для самого себя спросил Фергюсон.

— У вас есть моя визитная карточка. По этому телефону меня можно застать до пяти часов. Но вам следует принять решение сегодня же, не позднее этого часа. Время — деньги, и мы должны выдерживать свой график.

— Конечно, — поддакнул Фергюсон и неискренне засмеялся. — А все же я не верю ни единому слову. Мне даже неизвестны ваши условия.

— Уверяю вас, что при вашем материальном положении вы найдете их умеренными.

— А потом я мог бы отрицать, что когда-либо видел вас, говорил с вами и вообще?

— Естественно.

— И вы действительно ответите, если я наберу этот номер?

— До пяти часов. Всего хорошего, мистер Фергюсон.

После ухода Эсмонда Фергюсон обнаружил, что у него дрожат руки. Разговор взволновал его, и он решил выбросить все услышанное из головы.

Однако выполнить решение оказалось не так-то легко. С каким серьезным видом ни склонялся он над своими бумагами, как ни скрипел пером, — каждое слово Эсмонда гремело у него в ушах.

Каким-то образом Служба ликвидации узнала о недостатках его жены. Эсмонд сказал, что она вздорна, сварлива, надоедлива. Он, — Фергюсон, вынужден был признать эти истины, как они ни горьки. Только посторонний человек способен смотреть на вещи трезво, без всякого предубеждения.

Он снова углубился в работу. Но тут с утренней

корреспонденцией появилась мисс Дейл, и Фергюсон волей-неволей согласился, что она чрезвычайно привлекательна.

— Будут еще какие-нибудь распоряжения, мистер Фергюсон? — осведомилась мисс Дейл.

— Что? А-а, да нет пока, — ответил Фергюсон. Когда она вышла, он долго еще смотрел на дверь.

Работать дальше было немислимо. Он решил немедленно уйти домой.

— Мисс Дейл, — сказал он, накидывая пальто на плечи, — меня вызывают... Боюсь, что у нас накапливается порядочно работы. Не могли бы вы на этой неделе поработать со мной вечером-другой?

— Конечно, мистер Фергюсон, — согласилась она.

— Я не помешаю вашим светским развлечениям? — спросил Фергюсон с принужденным смешком.

— Вовсе нет, сэр.

— Я... я постараюсь вам это возместить. Дело превыше всего. До свидания.

Он поспешно вышел из конторы, чувствуя, как пылают его щеки.

Дома жена как раз кончала стирку. Миссис Фергюсон была некрасивой женщиной маленького роста с нервными морщинками у глаз. Увидев мужа, она удивилась.

— Ты сегодня рано, — сказала она.

— А что, это запрещается? — спросил Фергюсон с энергией, изумившей его самого.

— Конечно, нет...

— Чего ты добиваешься? Чтобы я заработался в конторе до смерти? — огрызнулся он.

— Когда же это я...

— Будь любезна не вступать со мной в пререкания, — отчеканил Фергюсон. — Не пили меня.

— Я тебя не пилила! — закричала жена.

— Пойду прилягу, — сказал Фергюсон.

Он поднялся вверх по лестнице и остановился у телефона. Без сомнения, все, что сказал Эсмонд, соответствует действительности.

Он взглянул на часы и с удивлением увидел, что было уже без четверти пять.

Фергюсон принялся расхаживать взад и вперед возле телефона. Он уставился на карточку Эсмонда, и в мозгу его всплыл образ нарядной, привлекательной мисс Дейл.

Он порывисто схватил трубку.

— Служба ликвидации? Говорит Фергюсон.

— Эсмонд слушает. Что вы решили, сэр?

— Я решил... — Фергюсон крепко сжал трубку. У меня есть полное право так поступить, сказал он себе.

А все же они женаты семнадцать лет. Семнадцать лет! Они знавали и хорошие минуты, не только плохие. Справедливо ли это, по-настоящему ли справедливо?

— Что вы решили, мистер Фергюсон? — повторил Эсмонд.

— Я... я... нет! Мне не нужна ваша Служба! — воскликнул Фергюсон.

— Вы уверены, мистер Фергюсон?

— Да, совершенно уверен. Вас надо упрятать за решетку! Прощайте, сэр!

Он повесил трубку и сразу же почувствовал, как с души его свалился огромный камень. Он поспешил вниз.

Жена жарила грудинку — блюдо, которое он всегда терпеть не мог. Но это неважно. На мелкие неприятности он готов был смотреть сквозь пальцы.

Раздался звонок в дверь.

— Ох, это, наверное, из прачечной, — сказала мис-

сис Фергюсон, пытаясь одновременно перемешать салат и снять с огня суп. — Тебе не трудно?..

— Нисколько. — Светясь вновь обретенным самодовольством, Фергюсон открыл дверь. На пороге стояли двое мужчин в форме, с большим холщовым мешком.

— Прачечная? — спросил Фергюсон.

— Служба ликвидации, — ответил один из незваных посетителей.

— Но я ведь сказал, что не...

Двое мужчин схватили его и запихнули в мешок со сноровкой, приобретенной в результате долгой практики.

— Вы не имеете права! — пронзительно вскричал Фергюсон.

Над ним сомкнулся мешок, и Фергюсон почувствовал, как его понесли по садовой дорожке. Заскрипела, открываясь, дверца автомашины, и его бережно уложили на пол.

— Все в порядке? — услышал он голос своей жены.

— Да, сударыня. У нас изменился график. В последний момент оказалось, что мы можем обслужить вас сегодня.

— Я так рада, — донеслись до него слова. — Сегодня днем я получила большое удовольствие от беседы с мистером Френчем из вашей фирмы. А теперь извините меня. Обед почти готов, а мне надо еще кое-кому позвонить.

Автомобиль тронулся с места. Фергюсон пытался закричать, но холст плотно охватывал его лицо, не давая открыть рот.

Он безнадежно спрашивал себя: кому же она собирается звонить? А я-то ничего не подозревал!

АКАДЕМИЯ

Инструкция к пользованию измерителем вменяемости «Кэгилл-Томас», серия ДМ-14 (модель с ручным управлением)

«Производственная компания «Кэгилл-Томас» рада познакомить вас с новейшим измерителем вменяемости. Этот прекрасный, надежный прибор настолько малогабаритен, что превосходно вписывается в интерьер любой спальни, кухни и кабинета, а во всем остальном он является точной копией стационарного измерителя «К-Т», применяемого в большинстве учреждений, на общественном транспорте, в местах отдыха и развлечений и т. п. Фирма не пожалела усилий, чтобы снабдить вас наилучшим из всех возможных измерителей по самой низкой из всех возможных цен.

1) Действие. В правом нижнем углу прибора находится выключатель. Переведите его в позицию «включен» и выждите несколько секунд, пока прибор не нагреется. Затем переведите выключатель из позиции «включен» в позицию «работа». Выждите еще несколько секунд, затем снимайте показания.

2) Отсчет показаний. На передней части прибора, над выключателем, имеется прозрачное окошко со шкалой, отградуированной от единицы до десяти. Цифра, на которую указывает черная стрелка, характеризует ваше психическое состояние, сравнивая его с современной статистической нормой.

3) Цифры 0—3. В нашей модели, как и во всех измерителях вменяемости, за нуль принимается теоретически идеальное психическое состояние. Любая цифра выше нуля считается отклонением от нормы. Однако нуль — это не действительная, а скорее статистическая категория. Для нашей цивилизации диапазон вменяемости колеблется в пределах от нуля до трех. Всякое показание прибора в этих пределах считается нормальным.

4) Цифры 4—7. Эти цифры соответствуют допустимому пределу отклонения от нормы. Лица, зарегистрированные в данной зоне шкалы, должны немедленно явиться на консультацию к терапевту.

5) Цифры 8—10. Лицо, получающее показание свыше 7, считается потенциально опасным для окружающих. У него почти наверняка запущенный невроз или даже психоз. По закону такой гражданин обязан стать на учет и в течение испытательного срока снизить показания до цифры меньше семи. (Длительность испытательного срока определяется законодательством каждого штата.) Если это не удастся, гражданин обязан подвергнуться хирургическому изменению личности или добровольно пройти курс лечения в Академии.

6) Цифра 10. Под цифрой десять на шкалу прибора нанесена красная черта. Если стрелка переходит за эту черту, не может быть и речи об

обычных платных терапевтических методах лечения. Такой гражданин обязан безотлагательно подвергнуться хирургическому изменению личности или немедленно пройти терапевтический курс лечения в Академии.

Предостережение:

А. Измеритель вменяемости — не диагностическая машина. Не пытайтесь самостоятельно решать вопрос о своем здоровье. Цифры от 0 до 10 не свидетельствуют о характере заболеваний — неврозе, психозе и т. п., а только говорят о их интенсивности. Шкала интенсивности характеризует лишь потенциальную способность данного индивида причинить вред социальному порядку. Невротик определенного типа может оказаться потенциально опаснее психотика, что и регистрирует любой измеритель вменяемости.

Для дальнейшего диагностирования обращайтесь к терапевту.

Б. Показания от нуля до десяти являются приближенными. Для получения показаний с точностью до 10^{-30} пользуйтесь стационарной моделью.

В. Помните: вменяемость отдельной личности — дело каждого из нас. После периода великих мировых войн мы шагнули далеко вперед — исключительно из-за того, что положили в основу нашей цивилизации концепции социального душевного здоровья, индивидуальной ответственности и сохранения status quo. Поэтому, если ваш показатель выше трех, обращайтесь за медицинской помощью. Если он выше семи, вы обязаны получить медицинскую помощь. Если вы перешагнули за

десять — не дожидайтесь разоблачения и ареста. Ради спасения цивилизации отдайтесь добровольно в руки властей.

*С наилучшими пожеланиями,
компания „Кэзилл-Томас“*

Мистер Фирмен понимал, что после завтрака надо тотчас же идти на работу. При сложившихся обстоятельствах всякую задержку могли истолковать в неблагоприятном смысле. Он даже надел скромную серую шляпу, поправил галстук, двинулся к двери и взялся было за дверную ручку, но решил дожидаться почты.

Недовольный собой, он отошел от двери и принялся расхаживать по комнате. Ведь он знал, что будет дожидаться почты; зачем же прикидываться, будто собираешься уходить? Неужто нельзя быть честным с самим собой, даже сейчас, когда так важна собственная честность?

Черный спаньель Спид, свернувшийся на кушетке, с любопытством посмотрел на него. Фирмен потрепал пса по голове, потянулся за сигаретой, но передумал. Он опять потрепал Спида, и пес лениво зевнул. Фирмен передвинул лампу, которую вовсе не нужно было передвигать, вздрогнул без всякой причины и снова принялся расхаживать по комнате.

Он неохотно признался себе, что у него нет настроения выходить из квартиры, — по правде говоря, он даже боится выйти, хотя ему ничто не угрожало. Он попытался убедить себя, что сегодня всего лишь обычный день, такой же, как вчерашний и позавчерашний. Ведь если человек в это поверит, по-настоящему поверит, события будут отодвигаться в бесконечность и с ним ничего не случится.

Кстати, почему сегодня обязательно должно что-то случиться? У него ведь еще не кончился испытательный срок.

Ему послышался какой-то шум возле наружной двери, и он поспешно открыл ее. Он ошибся, почта еще не пришла. Однако домовладелица тоже открыла дверь — ее квартира находилась на этой же площадке — и поглядела на него бесцветным недружелюбным взглядом.

Фирмен закрыл дверь и обнаружил, что у него дрожат руки. Он решил, что не мешает провериться. Он вошел в спальню, но там хлопотал рободворецкий, выметавший горстку пыли на середину комнаты. Кровать Фирмена была уже застелена; кровать жены нечего было стелить, так как там почти неделю никто не спал.

— Мне уйти, сэр? — спросил рободворецкий.

Фирмен ответил не сразу. Он предпочитал проверяться в одиночестве. Разумеется, рободворецкий не человек. Строго говоря, механизмы — предметы неодушевленные; однако казалось, что этот робот наделен каким-то подобием души. Как бы то ни было, неважно, останется он или уйдет, потому что в схемы всех личных роботов встроены измерители вменяемости. Этого требовал закон.

— Как хочешь, — сказал наконец Фирмен.

Рободворецкий всосал в себя горстку пыли и бесшумно выкатился из комнаты.

Фирмен подошел к прибору, включил его и привел в действие. Он угрюмо следил за тем, как черная стрелка медленно ползла мимо двойки и тройки — нормы, — мимо шестерки и семерки — отклонений — к 8,2, где в конце концов замерла.

На одну десятую выше, чем вчера. На одну десятую ближе к красной черте.

Фирмен рывком выключил прибор и закурил сигарету. Он вышел из спальни медленно и устало, словно было не утро, а конец рабочего дня.

— Почта, сэр, — плавно подкатившись к нему, возгласил рободворецкий. Фирмен выхватил из протянутой руки робота пачку писем и просмотрел их.

— От нее ничего, — невольно вырвалось у него.

— Мне очень жаль, сэр, — быстро откликнулся рободворецкий.

— Тебе жаль? — Фирмен с любопытством взглянул на механизм. — Почему?

— Я, естественно, заинтересован в вашем благополучии, сэр, — заявил рободворецкий. — Так же как и Спид, в меру своего понимания. Письмо от миссис Фирмен способствовало бы подъему вашего морального состояния. Нам жаль, что оно не пришло.

Спид тихо гавкнул и склонил морду набок. Сочувствие машины, жалость животного, подумал Фирмен. И все-таки он был благодарен обоим.

— Я ее ни в чем не виню, — сказал он. — Нельзя было полагать, что она станет терпеть меня вечно. — Он выждал, надеясь, что робот посулит ему возвращение жены и скорое выздоровление. Однако рободворецкий молча стоял возле Спида, который тем временем успел снова заснуть.

Фирмен еще раз просмотрел корреспонденцию. Там было несколько счетов, какое-то объявление и маленький негнувшийся конверт. На нем значился обратный адрес Академии, поэтому Фирмен торопливо вскрыл его.

Внутри конверта была открытка с надписью: «Дорогой мистер Фирмен, Ваше прошение о приеме рассмотрено и удовлетворено. Мы будем рады принять Вас в любое время. С благодарностью, дирекция».

Фирмен покосился на открытку. У него и в мыслях не было добиваться приема в Академию. Ни к чему в мире душа у него не лежала меньше.

— Это жена придумала? — спросил он.

— Не знаю, сэр, — отозвался рободворецкий.

Фирмен повертел в руках открытку. Он, конечно, всегда имел смутное представление о том, что существует Академия. О ней невозможно было не знать, так как она оказывала влияние на все сферы жизни. На самом же деле об этом важнейшем учреждении он знал очень мало — на редкость мало.

— Что такое Академия? — спросил он.

— Большое и приземистое серое здание, — ответил рободворецкий. — Расположено в юго-западной части города. До него можно добраться самыми различными видами общественного транспорта.

— Но что она собой представляет?

— Государственная лечебница, — пояснил рободворецкий, — доступная каждому, кто изъявит желание письменно или устно. Более того, Академия существует как место добровольного пребывания всех людей, у которых показания измерителя превышают десять — на выбор, взамен хирургического изменения личности.

Фирмен в изнеможении вздохнул.

— Все это мне известно. Но какова ее система? Что там за лечение?

— Не знаю, сэр, — сказал рободворецкий.

— Какой процент выздоравливающих?

— Сто процентов, — без запинки ответил рободворецкий.

Фирмен припомнил нечто, показавшееся ему странным.

— Постой-ка, — сказал он. — Из Академии никто не возвращается. Так ведь?

— Нет никаких сведений о лицах, которые вышли бы из Академии, после того как очутились в ее стенах, — ответил рободворецкий.

— Почему?

— Не знаю, сэр.

Фирмен смял открытку и бросил в пепельницу. Все это было весьма странно. Академия так хорошо известна, все с ней так свыклись, что никому и в голову не приходит расспрашивать. В его воображении это место всегда рисовалось каким-то расплывчатым пятном, далеким и нереальным. То было заведение, в которое отправляешься, перевалив за цифру десять, потому что не хочешь подвергаться лоботомии, топэктомии и прочим операциям, ведущим к необратимой утрате личности. Но, разумеется, стараешься не думать о том, что можешь перевалить за десять, так как самая эта мысль не что иное, как признание своей душевной неуравновешенности, и потому не размышляешь о том, какой выбор тебе предоставят, если это случится.

Впервые в жизни Фирмен пришел к выводу, что ему не нравится вся система. Придется навести кое-какие справки. Почему из Академии никто не выходит? Почему так мало известно о тамошних методах лечения, если они действительно эффективны на сто процентов?

— Пожалуй, пойду на работу, — сказал Фирмен. — Приготовь мне что-нибудь на ужин.

— Слушаю, сэр. Всего хорошего, сэр.

Спид вскочил с кушетки и проводил его до двери, Фирмен опустил на колени и погладил лоснящуюся черную голову.

— Нет, парень, ты оставайся дома. Сегодня не придется зарывать в землю кости.

— Спид никогда не зарывает костей, — вмешался рободворецкий.

— Это верно.

Нынешние собаки, так же как их хозяева, не испытывают неуверенности в завтрашнем дне. Нынче никто не прячет костей.

— Пока.

Он прошмыгнул мимо хозяйской двери и выскочил на улицу.

Фирмен опоздал на работу почти на двадцать минут. Войдя в двери, он позабыл предъявить обследующему механизму удостоверение о прохождении испытательного срока. Гигантский стационарный измеритель вменяемости обследовал Фирмена, стрелка скакнула выше семи, зажглись красные сигнальные лампы. Резкий металлический голос из громкоговорителя прогремел: «Сэр! Сэр! Ваше отклонение от нормы вышло за пределы безопасности! Вам следует безотлагательно обратиться к врачу!»

Фирмен быстро выхватил из бумажника испытательное удостоверение. Однако и после этого машина продолжала добрых десять секунд упрямо рывкать на него. Все в холле пялили на него глаза. Мальчишки-рассылные застыли, довольные, что оказались свидетелями скандала. Бизнесмены и конторские девушки начали перешептываться, а два полисмена из Охраны вменяемости многозначительно переглянулись. Рубашка Фирмена пропиталась потом и прилипла к спине. Он подавил желание броситься вон и вместо того подошел к лифту. Лифт был почти полон, и Фирмен не мог заставить себя войти.

Он взбежал по лестнице на второй этаж и вызвал лифт. К тому времени, как Фирмен попал в агентство Моргана, ему удалось овладеть собой. Он показал удо-

стоверение измерителю вменяемости, стоящему у самой двери, платком вытер с лица пот и прошел внутрь.

В агентстве все уже знали о происшествии. Это было видно по общему молчанию, по тому, как отворачивались все лица. Фирмен быстрым шагом прошел в свой кабинет, закрыл дверь и повесил шляпу.

Он уселся за письменный стол, все еще слегка взбудораженный, исполненный негодования против измерителя вменяемости. Если бы только можно было расколотить эти проклятые штуки! Вечно суют нос в чужие дела, оглушительно гудят прямо в уши, выводят из равновесия...

Тут Фирмен поспешно оборвал собственную мысль. В измерителях нет ничего плохого. Мысль о них как о сознательных преследователях — одно из проявлений паранойи и, возможно, симптом его, Фирмена, нынешнего патологического состояния. Измерители — это всего лишь орудия человеческой воли. Общество в целом, напомнил он себе, нуждается в защите от личности, точно так же как человеческое тело нуждается в защите от дисфункции любой из его частей. При самой нежной привязанности к своему желчному пузырю ты без сожаления пожертвуешь им, если он способен причинить вред всему организму.

Фирмен смутно сознавал шаткость подобной аналогии, но решил не думать над этим. Надо побольше узнать об Академии.

Закурив сигарету, он набрал номер Терапевтической справочной службы.

— Чем я могу вам помочь, сэр? — откликнулся приятный женский голос.

— Мне бы хотелось получить кое-какую информацию относительно Академии, — сказал Фирмен, чувствуя се-

бя немного не в своей тарелке. Академия пользовалась такой известностью, так прочно вросла в повседневную жизнь, что его слова были равнозначны вопросу, какое в стране правительство.

— Академия помещается...

— Я знаю, где она помещается, — прервал Фирмен. — Мне бы хотелось выяснить, какие лечебные процедуры там назначают больным.

— Такой информацией мы не располагаем, сэр, — после паузы ответила женщина.

— Нет? А я полагал, что все данные о платной терапии доступны широкой публике.

— Практически так оно и есть, — медленно проговорила женщина. — Но Академия — это не платная лечебница в общепринятом смысле слова. Там действительно взимают плату; однако, с другой стороны, туда принимают больных и на благотворительных началах, совершенно бесплатно. Кроме того, Академию отчасти субсидирует правительство.

Фирмен стряхнул пепел с сигареты и нетерпеливо возразил:

— Мне казалось, что все правительственные начинания известны широкой публике.

— Как правило, известны. За исключением тех случаев, когда подобная осведомленность может оказаться вредной для широкой публики.

— Значит, подобная осведомленность об Академии оказалась бы вредной? — торжествующе воскликнул Фирмен, чувствуя, что наконец-то добрался до сути дела.

— Ах, что вы, сэр! — От изумления голос женщины стал пронзительным. — Я вовсе не это имела в виду! Я просто излагала вам общие правила об отказе в информации, Академия, хоть она и предусмотрена законом, в известной степени оказалась поставленной над зако-

ном. Такое правовое положение объясняется тем, что Академия добилась стопроцентного излечения.

— Где я могу увидеть хоть одного излеченного? — спросил Фирмен. — Насколько я понимаю, никто из них никогда не выходил из Академии.

Тут-то они и попались, думал Фирмен, ожидая ответа. Ему показалось, будто в трубке послышался какой-то шепот. Внезапно над ухом раздался мужской голос, громкий и звучный.

Говорит начальник отдела. У вас возникли затруднения?

Услышав энергичный голос невидимого собеседника, Фирмен едва не выронил трубку. Ощущение торжества развеялось, и он пожалел о том, что позвонил сюда. Однако он принудил себя добавить:

— Мне нужна кое-какая информация об Академии.

— Местонахождение...

— Да нет же! Я имею в виду действительную информацию! — с отчаянием сказал Фирмен.

— С какой целью вы желаете получить эту информацию? — спросил начальник отдела, и в его голосе внезапно зазвучали вкрадчивые, почти гипнотические нотки опытного терапевта.

— Для осведомления, — не задумываясь ответил Фирмен. — Поскольку Академия — это вариант лечения, доступный мне в любое время, я хотел бы узнать о ней побольше, чтобы сделать правильный выбор.

— Весьма правдоподобно, — заметил начальник отдела. — Однако вдумайтесь. Нужны ли вам полезные, деловые сведения? Такие, что будут способствовать вашему единению с обществом? Или ваша просьба продиктована праздным любопытством, поскольку вы подвержены беспокойству и другим, еще более серьезным комплексам?

— Я спрашиваю, потому что...

— Как ваша фамилия? — неожиданно спросил начальник отдела. Фирмен промолчал.

— Каков уровень вашей вменяемости?

Фирмен по-прежнему молчал. Он старался понять, засечен ли уже номер его телефона, и склонялся к мысли, что засечен.

— Вы сомневаетесь в том, что Академия приносит неизмеримую пользу?

— Нет.

— Вы сомневаетесь в том, что Академия способствует сохранению status quo?

— Нет.

— Тогда в чем же дело? Почему вы отказываетесь назвать свою фамилию и уровень вменяемости? Почему испытываете необходимость в более полной информации?

— Благодарю вас, — пробормотал Фирмен и повесил трубку. Он сообразил, что телефонный звонок был роковой ошибкой. То был поступок восьмерочника, а не нормального человека. Начальник отдела, обладая профессионально развитым восприятием, сразу понял это. Разумеется, начальник отдела не станет давать такую информацию восьмерочнику. Фирмен знал, что тот, кто надеется когда-либо вернуться к статистической норме, должен куда тщательнее следить за своими поступками, анализировать их, отдавать себе в них отчет.

Он все еще сидел около телефона, когда послышался стук; дверь отворилась, и вошел его начальник, мистер Морган. То был высокий человек, богатырского сложения, с круглым, сытым лицом. Он остановился перед столом Фирмена, барабанил пальцами по пресс-папье и глядя смущенно, как пойманный вор.

— Мне уже доложили об инциденте внизу, — сказал он, не глядя на Фирмена и энергично постукивая пальцами.

— Минутная слабость, — автоматически ответил Фирмен. — Вообще-то мой уровень начинает улучшаться.

Говоря это, он не смел взглянуть Моргану в глаза. Оба напряженно уставились в противоположные углы комнаты. Наконец их взгляды скрестились.

— Послушайте, Фирмен, я стараюсь не вмешиваться в чужие дела, — заговорил Морган, садясь на уголок стола Фирмена. — Но черт побери, дружище, вменяемость — это вопрос, который затрагивает всех. Все мы под богом ходим. — Эта мысль, казалось, укрепила Моргана в его убеждении. Разгорячившись, он подался к собеседнику. — Вы знаете, на мне лежит ответственность за множество сотрудников. За последний год вы третий раз находитесь на испытании. — Он заколебался. — Как это началось?

Фирмен покачал головой.

— Не знаю, мистер Морган. Жил себе помаленьку, тихо и спокойно — и вдруг стрелка полезла вверх.

Подумав, Морган тоже покачал головой.

— Не может быть, чтобы так сразу, ни с того ни с сего. Вы проверяли мозговую ткань?

— Меня заверили, что никаких органических изменений нет.

— Лечились?

— Чего только не перепробовал, — сказал Фирмен. — Электротерапия, психоанализ, метод Смита, школа Раннеса, Девиа-мысль, дифференциация...

— И что вам сказали? — спросил Морган.

Фирмен вспомнил нескончаемую вереницу терапевтов, к которым он обращался. Его обследовали со всех точек зрения, разработанных психологией. Его усыпляли наркотиками, подвергали шоку и обследовали, обследовали... Однако все бурные усилия сводились к одному...

— Не разобрались.

— Неужели они вовсе ничего не могли сказать?

— Во всяком случае, немного. Врожденное беспокойство, глубоко скрытые комплексы, неспособность внутренне принять status quo. Все сходится на том, что я негибкий тип. На меня не подействовала даже реконструкция личности.

— А как прогноз?

— Не слишком благоприятен.

Морган встал и принялся расхаживать по кабинету, заложив руки за спину.

— Фирмен, я думаю, это вопрос вашего внутреннего отношения к миру. Действительно ли вы хотите стать винтиком в нашем слаженном механизме?

— Я испробовал все...

— Конечно. Но *хотели* ли вы измениться? Приобщение! — воскликнул Морган и стукнул о ладонь кулаком, будто припечатал это слово. — Хотите ли вы приобщиться?

— Едва ли, — ответил Фирмен с искренним сожалением.

— Взять хоть меня, — серьезно сказал Морган, широко расставив ноги перед столом Фирмена. — Десять лет назад это агентство было вдвое больше нынешнего и продолжало расти! Я работал как одержимый, увеличивал фонды, умножал ценные бумаги, вкладывал капитал, расширял дело и делал деньги, деньги и снова деньги.

— И что же случилось?

— Неизбежное. Стрелка подпрыгнула с двух и трех десятых до семи с гаком. Я встал на дурной путь.

— Закон не воспрещает делать деньги, — заметил Фирмен.

— Безусловно. Но существует психологический закон против тех, кто делает их слишком много. Современное общество к таким вещам не приспособлено. Из расы

вытравили почти всю жажду конкуренции, всю агрессивность. В конце концов, скоро будет сто лет, как установлен status quo. Все это время не было ни новых изобретений, ни войн, ни существенных изменений. Психология нормализует человечество, искореняя безрассудные элементы. Так вот, с моими склонностями и способностями это было все равно что... все равно что играть с младенцем в теннис. Меня невозможно было удержать.

Лицо Моргана покраснелось, дыхание стало прерывистым. Он овладел собой и продолжал более ровным тоном:

— Понятно, мои поступки были продиктованы патологическими причинами. Жаждой власти, чрезмерным конкурентным азартом. Я прошел подстановочную терапию.

Фирмен заметил:

— Не вижу ничего ненормального в желании расширить свое дело.

— Боже правый, дружище, да неужели вы ничего не смыслите в Социальной вменяемости, в Ответственности и Укладе стабильного общества? Я был на пути к обогащению. Разбогатев, я мог бы основать финансовую империю. Все вполне законно, понимаете ли, но ненормально. И кто знает, до чего бы я докатился? Быть может, в конечном итоге — до косвенного контроля над правительством. Я бы захотел изменить психологическую политику в соответствии со своими аномалиями. Представляете, к чему бы это привело?

— И вы приспособились, — сказал Фирмен.

— Я мог выбирать между Хирургией мозга, Академией и приспособлением. К счастью, я нашел выход своим склонностям в спортивной борьбе. Я облагородил свои эгоистические комплексы, направив их на благо человечества. Однако вот к чему я клоню, Фирмен. Ведь я

приближался к красной черте. Но приспособился, прежде чем оказалось слишком поздно.

— Я бы с радостью приспособился, — ответил Фирмен, — если бы только знал, что со мной происходит. Беда в том, что диагноз неизвестен.

Морган долго молчал, что-то обдумывая. Наконец он сказал:

— Мне кажется, вам нужен отдых, Фирмен.

— Отдых? — Фирмен мгновенно насторожился. — Вы хотите сказать, что я уволен?

— Нет, разумеется, нет. Я хочу быть справедливым и поступать как порядочный человек. Но у меня здесь хозяйство. — Неопределенный жест Моргана означал — агентство, здание, город. — Безумие подкрадывается незаметно. На этой неделе у нескольких сотрудников агентства уровень повысился.

— И очаг инфекции — это я.

— Мы должны подчиняться правилам, — сказал Морган, распрямляясь перед столом Фирмена. — Жалованье вам будет поступать до тех пор, пока... пока вы не примете какое-либо решение.

— Спасибо, — сухо произнес Фирмен. Он встал и надел шляпу.

Морган положил руку ему на плечо.

— Вы не задумывались об Академии? — негромко спросил он. — Я хочу сказать, если больше ничто не поможет...

— Раз и навсегда — нет! — ответил Фирмен, заглянув прямо в маленькие голубые глазки Моргана.

Морган отвернулся.

— У вас, по-моему, необъяснимое предубеждение против Академии. Откуда оно? Ведь вы знаете, как организовано наше общество. Вы же не думаете, что в нем дозволит что-нибудь, идущее вразрез с общим благом?

— Едва ли, — согласился Фирмен. — Но почему об Академии так мало известно?

Они прошли сквозь анфиладу безмолвных кабинетов. Никто из людей, с которыми Фирмен был так давно знаком, не оторвался от работы. Морган открыл дверь и сказал:

— Вам все известно об Академии.

— Мне не известно, как там лечат.

— А все ли вы знаете об остальных видах лечения? Можете ли рассказать о Подстановочной терапии? О психоанализе? Или о Редукции О'Гилви?

— Нет. Но у меня есть общее представление об их воздействии.

— Оно есть у всех, — торжествующе подхватил Морган, но тут же понизил голос. — В том-то и загвоздка. Очевидно, Академия не дает такой информации, потому что это нанесло бы вред самой терапии. Но здесь нет ничего странного, не так ли?

Фирмен обдумывал эту мысль, следуя за Морганом в холл.

— Готов согласиться, — сказал он. — Но объясните, почему из Академии никто никогда не выходит? Не поражает ли вас это зловещее обстоятельство?

— Никоим образом. Вы очень странно смотрите на вещи. — Разговаривая, Морган нажал кнопку и вызвал лифт. — Будто стараетесь раскрыть тайну там, где ее и в помине нет. Я могу допустить, что их метод терапии требует пребывания пациента в стенах Академии. В изменении окружающей среды нет ничего странного. Это делается сплошь да рядом.

— Если это правда, почему бы им так и не сказать?

— Факты говорят сами за себя.

— А где же доказательства стопроцентного излечения? — спросил Фирмен.

В этот момент прибыл лифт, и Фирмен вошел в него. Морган сказал:

— Доказательство в том, что они это утверждают. Терапевты не лгут. Они неспособны на ложь, Фирмен!

Морган хотел было сказать что-то еще, но двери лифта захлопнулись. Лифт устремился вниз, и Фирмен с содроганием осознал, что лишился работы.

Странное это ощущение — остаться без работы. Идти было некуда. Частенько он ненавидел свою работу. Бывало, по утрам стонал при мысли о том, что предстоит провести еще один день на службе. Но теперь, оказавшись не у дел, он понял, как важна была для него работа, какую придавала ему солидность и уверенность в себе. «Человек — ничто, — думал он, — если ему нечего делать».

Он бесцельно обходил квартал за кварталом, пытаясь поразмыслить. Однако он был неспособен сосредоточиться. Мысли упорно ускользали, увертывались от него; мимолетными наплывами их вытесняло лицо жены. Но даже о ней он не мог толком подумать, потому что на него давил большой город — городские лица, звуки, запахи.

Единственный план действия, который пришел ему в голову, был невыполним. «Беги, — подсказывали смятенные чувства. — Беги туда, где тебя никогда не разыщут. Скройся!»

Но Фирмен знал, что это не выход. Бегство явилось бы чистейшим уходом от действительности и доказательством отклонения от нормы. В самом деле, откуда бы он сбежал? Из самого здорового, наиболее совершенного общества, когда-либо созданного Человеком. Только безумец способен бежать отсюда.

Фирмен стал замечать встречных. Они казались счастливыми, исполненными нового духа Ответственности и Социальной вменяемости, готовыми пожертвовать былыми страстями во имя новой эры покоя. Это славный мир, чертовски славный мир. Отчего Фирмен не может в нем ужиться?

Нет, может. За многие недели у Фирмена впервые забрезжила вера в себя, и он решил, что как-то приспособится.

Если бы только знать как.

После многочасового гуляния Фирмен обнаружил, что голоден.

Он зашел в первый подвернувшийся ресторанчик. Зал был переполнен рабочими: Фирмен забрел почти к самым докам.

Он сел у стойки и заглянул в меню, повторяя себе, что необходимо все обдумать. Надо должным образом оценить свои поступки, тщательно взвесить...

— Эй, мистер!

Он поднял глаза. На него свирепо уставился лысый, заросший щетиной буфетчик.

— Что?

— Убирайтесь-ка подобру-поздорову.

— Что случилось? — спросил Фирмен, стараясь подавить внезапно охвативший его панический страх.

— Мы тут психов не обслуживаем, — сказал буфетчик. Он ткнул пальцем в сторону настенного прибора, который регистрировал состояние каждого посетителя. Черная стрелка забралась чуть повыше девяти. — Убирайтесь вон.

Фирмен бросил взгляд на других людей у стойки. Они сидели в ряд, одетые в одинаковые коричневые спе-

цовки из грубого холста. Кепки были надвинуты на брови, и каждый, казалось, был всецело погружен в чтение газеты.

— У меня испытательное...

— Убирайтесь, — повторил буфетчик. — По закону я не обязан обслуживать всяких девятючников. Это беспокоит клиентов. Ну же, пошевеливайтесь.

Рабочие по-прежнему сидели чинным рядком, недвижно, не глядя в сторону Фирмена. Фирмен почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. У него появился внезапный импульс — вдребезги разбить лысый, лоснящийся череп буфетчика, врезаться с ножом мясника в рядок прислушивающихся людей, окропить грязные стены их кровью, крушить, убивать. Но агрессивность — реакция нежелательная и, безусловно, патологична. Он преодолел нездоровый импульс и вышел на улицу.

Фирмен продолжал прогулку, борясь с желанием пуститься наутек; он ожидал, когда же логика подскажет ему, что делать дальше. Однако мысли все больше путались, и, когда наступили сумерки, Фирмен готов был свалиться от изнеможения.

Стоя на узенькой, заваленной гниющим мусором улочке в районе трущоб, в окне второго этажа он заметил вывеску, сделанную от руки: «Дж. Дж. Флинн, терапевт-психолог. Может быть, мне удастся вам помочь». При мысли о всех тех высокооплачиваемых специалистах, к которым он обращался, Фирмен криво усмехнулся. Он пошел было прочь, но повернул и поднялся по лестнице, ведущей в приемную Флинна. Опять он был недоволен собой. Увидев вывеску, он в тот же миг понял, что пойдет к этому врачу. Неужели он никогда не перестанет лукавить с самим собой?

Кабинет Флинна был тесен и плохо освещен. Со стен облупилась краска, в комнате застоялся запах немыто-

го тела. Флинн сидел за деревянным неполированным письменным столом и читал приключенческий журнальчик. Он был маленького роста, средних лет и уже начинал лысеть. Он курил трубку.

Фирмен собирался начать с самого начала, но неожиданно для себя выпалил:

— Послушайте, у меня страшные неприятности. Я потерял работу, от меня ушла жена, я испробовал все существующие методы терапии. Что вы можете сделать?

Флинн вынул изо рта трубку и взглянул на Фирмена. Он осмотрел его костюм, шляпу, туфли, как бы прикидывая их стоимость, затем спросил:

— А что сказали другие врачи?

— Их слова сводились к тому, что мне не на что надеяться.

— Конечно, так они и говорят, — подхватил Флинн, быстро произнося слова высоким и четким голосом. — Эти модные молодчики слишком легко сдаются. Однако надежда есть всегда. Разум — странная и сложная штука, друг мой, и то и дело...

Флинн неожиданно умолк и печально, иронически ухмыльнулся.

— Ах, да какой в этом толк? У вас уже появился обреченный взор, никуда не денешься. — Он выколотил трубку и устремил отсутствующий взгляд в потолок. — Вот что, я для вас ничего не могу сделать. Вы это знаете, и я это знаю. Зачем вы сюда пришли?

— Надо полагать, в поисках чуда, — ответил Фирмен, устало опускаясь на деревянный стул.

— Многие ищут, — словоохотливо сказал Флинн. — Видно, мой кабинет — самое подходящее место для поисков, не правда ли? Вы посещали фешенебельные приемные модных специалистов. Помощи там не получили. Поэтому уместно и пристойно, если захудалый терапевт

добьется того, что не удалось знаменитостям. Что-то вроде поэтической справедливости.

— Вот-вот, — одобрил Фирмен со слабой улыбкой.

— Я не так уж бездарен, — заверил его Флинн, набивая трубку табаком из потрепанного зеленого кисета. — Но истина кроется в том, что чудеса стоят денег, всегда стоили и всегда будут стоять. Если вам не могли помочь светила, то я и подавно не могу.

— Спасибо за правду, — сказал Фирмен, но не сделал никакой попытки встать.

— По долгу терапевта, — медленно произнес Флинн, — напоминая вам, что Академия открыта во всякое время дня.

— Как же можно туда обращаться? — спросил Фирмен. — Ведь я о ней ничего не знаю.

— Никто не знает, — ответил Флинн. — Тем не менее я слышал, что там излечивают решительно всех.

— Смерть — тоже излечение.

— Но не целесообразное. Кроме того, уж очень оно противоречит духу времени. При таком варианте Академией должны были бы заправлять неменяемые, а как раз им-то это и запрещено.

— Тогда почему же никто оттуда не выходит?

— Не спрашивайте меня, — сказал Флинн. — Может быть, никто не хочет оттуда выходить. — Он затанулся. — Вам нужен совет. О'кей. Деньги есть?

— Найду, — осторожно ответил Фирмен.

— Отлично. Мне не полагается этого говорить, но... Бросьте искать лекарства! Пойдите домой. Отправьте рободворецкого за двухмёсячным запасом продуктов. Спрячьтесь до поры до времени.

— Спрятаться? Зачем?

Флинн метнул на него бешеный взгляд.

— Затем, что вы изводите себя, пытаясь вернуться к

норме, и добиваетесь только ухудшения. Такие случаи я наблюдал сотнями. Перестаньте думать о вменяемости и невменяемости. Отлежитесь спокойненько месяц-другой, отдыхайте, читайте, толстейте. Тогда и посмотрим, как у вас пойдут дела.

— Знаете, — сказал Фирмен, — по-моему, вы правы. Я в этом уверен! Но не уверен, можно ли возвращаться домой. Сегодня я кое-куда звонил... У меня есть деньги. Не могли бы вы спрятать меня здесь, у вас? Спрячьте, пожалуйста!

Флинн встал и боязливо выглянул из окна на темную улицу.

— Я и так наговорил слишком много. Будь я помоложе... нет, не могу! Я дал вам безумный совет! Я не могу вдобавок совершить безумный поступок!

— Извините, — сказал Фирмен. — Мне не следовало вас просить. Но я и вправду очень вам благодарен. Честное слово.

Он встал.

— Сколько я должен?

— Ничего вы не должны, — ответил Флинн. — Желаю вам поправиться.

— Спасибо.

Фирмен поспешно спустился по лестнице и подозвал такси. Через двадцать минут он был дома.

Когда Фирмен подходил к своей квартире, на лестничной площадке было до странности тихо. У хозяйки дверь была закрыта, но у него создалось впечатление, что дверь закрылась перед самым его приходом и хозяйка притаилась за ней, прижав ухо к тонкому слою дерева. Он ускорил шаг и вошел в квартиру.

В квартире тоже было тихо. Фирмен пошел на кухню. Рободворецкий стоял у плиты, а Спид свернулся клубком в углу.

— Добро пожаловать, сэр, — приветствовал Фирмена рободворецкий. — Не угодно ли присесть — я подам ужин.

Фирмен сел, продолжая строить дальнейшие планы. Надо продумать массу деталей, но в главном Флинн прав. Спрятаться — это именно то, что нужно. Исчезнуть с глаз долой.

— Завтра утром тебе первым делом надо будет сходить за покупками, — сказал Фирмен рободворецкому.

— Слушаю, сэр, — ответил рободворецкий, ставя перед ним тарелку с супом.

— Нам понадобится уйма продуктов. Хлеб, мясо... Нет, лучше покупай консервы.

— Какого рода консервы? — спросил рободворецкий.

— Любого, лишь бы они составили полноценный рацион. И сигареты, не забудь про сигареты! Дай мне, пожалуйста, соли.

Рободворецкий стоял у плиты не двигаясь, а Слип тихонько заскулил.

— Рободворецкий! Пожалуйста, соли.

— Мне очень жаль, сэр, — сказал рободворецкий.

— Что значит — тебе жаль? Подай мне соль.

— Я больше не могу вам повиноваться.

— Почему?

— Только что вы перешли красную черту, сэр. Вы теперь десяточник.

Какое-то мгновение Фирмен бессмысленно смотрел на рободворецкого. Потом бросился в спальню и включил измеритель. Черная стрелка медленно подползла к красной черте, дрогнула и решительно перевалила за нее.

Он стал десяточником.

Но это неважно, убеждал он себя. В конце концов, количество не перешло в новое качество. Не превратился

же он внезапно в чудовище. Он все объяснит рободворецкому, убедит...

Фирмен опрометью выскочил из спальни.

— Рободворецкий! Выслушай меня...

Он услышал, как хлопнула входная дверь. Рободворецкий ушел.

Фирмен побрел в столовую-гостиную и сел на кушетку. Естественно, рободворецкий ушел. Роботы оборудованы встроенными приборами для контроля душевного состояния. Если их хозяева перешагивают за красную черту, роботы автоматически возвращаются на завод. Ни один десяточник не может распоряжаться сложным механизмом.

Однако еще не все пропало. В доме есть еда. Он ограничит себя жесткой нормой. Со Спидом будет не так одиноко. Может быть, ему и потребуется-то всего несколько дней.

— Спид!

В квартире не слышалось ни звука.

— Поди сюда, псина.

По-прежнему ни звука.

Фирмен методически обыскал всю квартиру, но пса нигде не было. Он, наверно, ушел вместе с рободворецким.

В одиночестве Фирмен пошел на кухню и выпил три стакана воды. Он взглянул на ужин, приготовленный рободворецким, и принялся было хохотать, но тут же опомнился.

Надо сматываться, да поживее. Нельзя терять ни минуты. Если поспешить, то, может, что-нибудь и выйдет. Куда-нибудь, в любое место. Теперь каждая секунда на счету.

Однако он все стоял на кухне, тупо уставясь в пол и дивясь, почему его покинул пес.

В дверь постучали.

— Мистер Фирмен!

— Нет, — сказал Фирмен.

— Мистер Фирмен, вы должны немедленно съехать.

Это была домовладелица. Фирмен открыл ей дверь.

— Съехать? Куда?

— Это меня не касается. Но вам нельзя здесь больше оставаться, мистер Фирмен. Вы должны съехать.

Фирмен вернулся в комнату за шляпой, надел ее, огляделся по сторонам и вышел. Дверь он оставил открытой.

На улице его поджидали двое. В темноте трудно было разглядеть их лица.

— Куда вы хотите отправиться? — спросил один из них.

— А куда можно?

— На хирургию или в Академию.

— Тогда в Академию.

Они усадили его в машину и быстро отъехали. Фирмен откинулся на спинку сиденья, слишком измученный, чтобы о чем-то думать. Он чувствовал на лице прохладный ветерок, да и легкое покачивание машины было приятно. Однако поездка казалась нескончаемо долгой.

— Приехали, — сказал наконец один из сопровождающих. Они остановили машину и ввели Фирмена в комнатку, где не было мебели. Лишь в центре стоял письменный стол с дощечкой: «Дежурный по приему». Навалившись на стол, там сладко похрапывал какой-то человек.

Один из конвоиров Фирмена громко кашлянул. Дежурный тотчас вскочил, выпрямился и стал протирать глаза. Он нацепил очки и сонно посмотрел на вошедших.

— Который? — спросил он.

Два конвоира указали на Фирмена.

— Ладно. — Дежурный потянулся, раскинув тощие руки, потом открыл большой черный блокнот. Он набросал несколько слов, вырвал листок и вручил конвоирам Фирмена. Те сразу ушли.

Дежурный нажал некую кнопку и энергично почесал в затылке.

— Сегодня полнолуние, — сказал он Фирмену с видимым удовлетворением.

— Что? — переспросил Фирмен.

— Полнолуние. Таких, как ты, больше всего привозят в полнолуние, во всяком случае, мне так кажется. Я подумываю написать на эту тему диссертацию.

— Больше всего? Чего больше? — опять переспросил Фирмен, который еще не пришел в себя, попав в стены Академии.

— Не будь таким тупицей, — строго сказал дежурный. — Во время полнолуния к нам поступает больше всего десяточников. Не думаю, чтобы здесь существовала какая-то корреляционная зависимость, но... ага, вот и охранник.

На ходу завязывая галстук, к столу подошел охранник в форме.

— Отведи его в 312-АА, — сказал дежурный. Когда Фирмен пошел к двери вслед за охранником, дежурный снял очки и снова повалился на стол.

Охранник вел Фирмена по запутанной сети коридоров с частыми дверями. Коридоры, казалось, возникали сами по себе, так как от них под всевозможными углами шли ответвления, а некоторые отрезки изгибались и петляли, как улицы древних городов. По пути Фирмен заметил, что двери не были пронумерованы в последователь-

ном порядке. Он прошел 3112, потом 25Р, потом 14. И был уверен, что мимо номера 888 проходил трижды.

— Как вы здесь не заблудитесь? — спросил он охранника.

— Это моя работа, — ответил тот не без учтивости.

— Особой системы тут не видно, — заметил Фирмен.

— Ее и не может быть, — сказал охранник почти доверительным тоном. — Ведь здесь по проекту намечалось гораздо меньше палат, но после началась лихорадка. Больные, больные, каждый день все новые больные, и ни намека на передышку. Так что пришлось разбить палаты на меньшие и проделать новые коридоры.

— Но как же врачи находят своих пациентов? — спросил Фирмен.

Они подошли к 312-АА. Не отвечая, охранник отпер дверь, а когда Фирмен переступил порог, закрыл ее и запер на ключ.

Палата была очень мала. Там стояла кушетка, кресло и шкафчик; эта немудреная мебель занимала всю клетушку.

Почти сразу Фирмен услышал за дверью голоса. Мужской голос сказал: «Согласен, пусть кофе, в кафе-терии через полчаса». В замке повернули ключ, и Фирмен не расслышал ответа. Внезапно раздался взрыв смеха.

Низкий мужской голос произнес:

— Ну да, и еще сотню, и тогда нам придется в поисках мест лезть под землю!

Дверь отворилась, и в палату, все еще слегка улыбаясь, вошел бородач в белом-пиджаке. При виде Фирмена лицо его приняло профессиональное выражение.

— Прилягте, пожалуйста, на кушетку, — сказал он вежливо, но с несомненной властью.

Фирмен ни единым жестом не показал, что собирается повиноваться.

— Раз уж я здесь, — сказал он, — может быть, вы мне объясните, что все это означает?

Бородач принялся отпирать шкафчик. Он бросил на Фирмена усталый, но в то же время насмешливый взгляд и поднял брови.

— Я не лектор, а врач, — ответил он.

— Я понимаю. Но ведь...

— Да, да, — сказал врач, беспомощно пожимая плечами. — Я знаю. Вы вправе спросить и все такое. Ей-богу, вам должны были это разъяснить до того, как вы сюда попали. Это просто не моя работа.

Фирмен продолжал стоять. Врач сказал:

— Будьте умницей, ложитесь на кушетку, и я вам все расскажу.

Он снова отвернулся к шкафчику.

У Фирмена мелькнула мысль — не попытаться ли скрутить врача, но он тут же сообразил, что, должно быть, до него об этом думали тысячи десяточников. Наверняка существуют какие-то меры предосторожности. Он улегся на кушетку.

— Академия, — заговорил врач, не переставая копошиться в шкафчике, — это закономерное порождение нашей эпохи. Чтобы понять ее, надо сначала понять свой век. — Врач выдержал драматическую паузу и со смаком продолжал: — Вменяемость! Однако с вменяемостью, особенно с социальной вменяемостью, неразрывно связано чудовищное напряжение. Как легко повредиться в уме! И, единожды повредившись, человек начинает переоценивать ценности, у него появляются странные надежды, идеи, теории, потребность действия. Все это само по себе может и не быть патологией, но в результате неизбежно вредит обществу, ибо сдвиг в каком бы то ни бы-

ло направлении опасен для стабильного общества. Ныне, после тысячелетий кровопролития, мы поставили перед собой цель — защитить общество от патологической личности. Поэтому каждая личность должна избегать тех умственных построений, тех безмолвных решений, которые делают ее потенциально опасной, грозят переменами. Подобное стремление к стабильности, являющейся нашим идеалом, требует чуть ли не сверхчеловеческой силы и решимости. Если в вас нет этих качеств, вы кончите здесь.

— Мне все же неясно... — начал Фирмен, но врач его перебил:

— Отсюда очевидна необходимость Академии. На сегодняшний день по-настоящему гарантирует вменяемость лишь хирургическая операция мозга. Однако человеку неприятна даже мысль об этом — только дьявол мог предложить такой выбор. Государственная хирургия мозга приводит к гибели первоначальной личности, а это самая страшная смерть. Академия старается ослабить напряжение, предлагая другую альтернативу.

— Но что это за альтернатива? Почему вы скрываете?

— Откровенно говоря, большинство предпочитает оставаться в неведении. — Врач запер шкафчик, но Фирмену не было видно, какие инструменты он оттуда достал. — Поверьте мне, ваша реакция нетипична. Вы предпочитаете думать о нас как о мрачной, таинственной, грозной силе. Это из-за вашего безумия. Здравомыслящие люди считают нас панацеей, приятно-туманным избавлением от жестокой определенности. Они верят в нас, как в бога. — Врач тихонько хмыкнул. — Большинству людей мы представляемся раем.

— Почему же вы храните свои методы в тайне?

— Откровенно говоря, — ласково ответил врач, —

даже райские методы лучше не рассматривать слишком пристально.

— Значит, все это обман! — воскликнул Фирмен, пытаясь сесть. — Вы хотите меня убить!

— Ни в коем случае, — заверил врач и мягким движением заставил его лечь.

— Так что же вы собираетесь делать?

— Увидите.

— А почему отсюда никто не возвращается?

— Не желают, — ответил врач. Прежде чем Фирмен успел шевельнуться, врач ловко всадил ему в руку иглу шприца и впрыснул теплую жидкость.

— И помните, — сказал он, — надо защищать общество от личности.

— Да, — сквозь дрему отозвался Фирмен, — но кто защитит личность от общества?

Очертания предметов в палате расплылись, и, хотя врач что-то ответил, Фирмен не расслышал слов — знал только, что они мудры, уместны и очень истинны.

Придя в себя, он заметил, что стоит на огромной равнине. Вскходило солнце. В тусклом свете к ногам Фирмена льнули клочья тумана, а трава под ногами была мокра и упруга.

Фирмен вяло удивился, увидев, что рядом, по правую руку от него, стоит жена. Слева к его ноге прижался чуть дрожащий Спид. Удивление быстро развеялось, потому что перед битвой здесь, возле хозяина, и полагось быть жене и псу.

Впереди движущийся туман распался на отдельные фигурки, и Фирмен узнал их, когда они приблизились.

То были враги! Процессию возглавлял рободворецкий; в полутьме он мерцал зловещим нечеловеческим

блеском. Там был и Морган, который, обращаясь к начальнику отдела, истерически вопил, что Фирмен должен умереть; а запуганный Флинн, бедняга, прятал лицо, но надвигался на него. Там была и домовладелица, которая пронзительно кричала: «Нет ему жилья!» А за ней шли врачи, дежурные, охранники, а за ними шагали миллионы в грубых рабочих спецовках; кепки у них были надвинуты на глаза, газеты скатаны в тугую трубочку.

Фирмен подобрался в ожидании решительного боя с врагами, которые его предали. Однако в мозгу шевельнулось сомнение. Наяву ли все это?

Внезапно он с отвращением увидел как бы со стороны свое одурманенное наркотиками тело, лежащее в нумерованной палате Академии, в то время как дух его невесть где сражается с тенями.

Я вполне нормален! В минуту полного просветления Фирмен понял, что надо бежать. Не его удел — бороться с призрачным противником. Надо вернуться в настоящий мир. Status quo не будет длиться вечно. Что же станет с человечеством, из которого вытравили силу, инициативу, индивидуальность?

Из Академии никто не выходит? А вот он выйдет! Фирмен попытался вырваться из-под власти наркотического бреда, он почти ощущал, как ворочается на кушетке его никому не нужное тело, как он стонет, заставляя себя встать...

Но призрачная жена схватила его за руку и указала вдаль. Призрачный пес зарычал на надвигающегося противника.

Мгновение было безвозвратно упущено, хотя Фирмен этого так никогда и не понял. Он позабыл о своем решении вырваться, позабыл о земле, позабыл о правде, и капли росы окропили его ноги, когда он ринулся в жестокую схватку с врагом.

МУСОРЩИК НА ЛОРЕЕ

— Совершенно невозможно, — категорически заявил профессор Карвер.

— Но ведь я видел своими глазами! — уверял Фред, его помощник и телохранитель. — Сам видел вчера ночью! Принесли охотника — ему наполовину снесло голову, — и они...

— Погоди, — прервал его профессор Карвер, склонив голову в выжидательной позе.

Они вышли из звездолета перед рассветом, чтобы полюбоваться на обряды, совершаемые перед восходом солнца в селении Лорей на планете того же названия. Обряды, сопутствующие восходу солнца, если наблюдать их с далекого расстояния, зачастую очень красочны и могут дать материал на целую главу исследования по антропологии; однако Лорей, как обычно, оказался досадным исключением.

Солнце взошло без грома фанфар, вняв молитвам, вознесенным накануне вечером. Медленно поднялась над горизонтом темно-красная громада, согрев верхушки дремучего леса дождь-деревьев, среди которых стояло селение. А туземцы крепко спали...

Однако не все. Мусорщик был уже на ногах и теперь ходил с метлой вокруг хижин. Он медленно передвигался шаркающей походкой — нечто похожее на человека и в то же время невыразимо чуждое человеку. Лицо мусорщика напоминало стилизованную болванку, словно природа сделала черновой набросок разумного существа. У мусорщика была причудливая, шишковатая голова и грязно-серая кожа.

Подметая, он тихонько напевал что-то хриплым, гортанным голосом. От собратьев-лорейн мусорщика отличала единственная примета: лицо его пересекала широкая полоса черной краски. То была социальная метка, метка принадлежности к низшей ступени в этом примитивном обществе.

— Итак, — заговорил профессор Карвер, когда солнце взойшло без всяких происшествий, — явление, которое ты мне описал, невероятно. Особенно же невероятно оно на такой жалкой, захудалой планетке.

— Сам видел, никуда не денешься, — настаивал Фред. — Вероятно или невероятно — это другой вопрос. Но видел. Вы хотите замять разговор — дело ваше.

Он прислонился к сучковатому стволу стабикуса, скрестил руки на впалой груди и метнул злобный взгляд на соломенные крыши хижин. Фред находился на Лорее почти два месяца и день ото дня все больше ненавидел селение.

Это был хилый, неказистый молодой человек, с прической «бобрик», которая невыгодно подчеркивала его низкий лоб. Вот уже почти десять лет Фред сопровождал профессора во всех странствиях, объездил десятки планет и насмотрелся всевозможных чудес и диковин. Однако чем больше он видел, тем сильнее укреплялось в нем презрение к Галактике, как таковой. Ему хотелось лишь

одного: вернуться домой, в Байонну (штат Нью-Джерси), богатым и знаменитым или хотя бы богатым и известным.

— Здесь можно разбогатеть, — произнес Фред тоном обвинителя. — А вы хотите все замять.

Профессор Карвер в задумчивости поджал губы. Разумеется, мысль о богатстве приятна. Тем не менее профессор не собирался прерывать важную научную работу ради погони за журавлем в небе. Он заканчивал свой великий труд — книгу, которой предстояло полностью подтвердить и обосновать тезис, выдвинутый им в самой первой своей статье — «Дальтонизм среди народов Танга». Этот тезис он позднее развернул в книге «Недостаточность координации движений у рас Дранга». Профессор подвел итоги в фундаментальном исследовании «Дефекты разума в Галактике», где убедительно доказал, что разумность существ внеземного происхождения уменьшается в арифметической прогрессии, по мере того как расстояние от Земли возрастает в геометрической прогрессии.

Теперь тезис расцвел пышным цветом в последней работе Карвера, которая суммировала все его научные изыскания и называлась «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас».

— Если ты прав... — начал Карвер.

— Смотрите! — воскликнул Фред. — Другого несут! Увидите сами!

Профессор Карвер заколебался. Этот дородный, представительный, краснощекий человек двигался медленно и с достоинством. Одет он был в форму тропических путешественников, несмотря на то что Лорей отличался умеренным климатом. Профессор не выпускал из рук хлыста, а на боку у него был крупнокалиберный револьвер — точь-в-точь как у Фреда.

— Если ты не ошибся, — медленно проговорил Карвер, — это для них, так сказать, немалое достижение.

— Пойдемте! — сказал Фред.

Четыре охотника за шрэгами несли раненого товарища к лекарственной хижине, и Карвер с Фредом зашагали следом. Охотники заметно выбились из сил: должно быть, их путь к селению длился не день и не два, так как обычно они углубляются в самые дебри дождевых лесов.

— Похож на покойника, а? — прошептал Фред.

Профессор Карвер кивнул. С месяц назад ему удалось сфотографировать шрэга в выигрышном ракурсе, на вершине высокого, кряжистого дерева. Он знал, что шрэг — это крупный, злобный и быстроногий хищник, наделенный ужасающим количеством когтей, клыков и рогов. Кроме того, это единственная на планете дичь, мясо которой не запрещают есть бесчисленные табу. Туземцам приходится либо убивать шрэгов, либо гибнуть с голоду.

Однако раненый недостаточно ловко орудовал копьем и щитом, и шрэг распорол его от горла до таза. Несмотря на то что рану сразу же перевязали сушеными листьями, охотник истек кровью. К счастью, он был без сознания.

— Ему ни за что не выжить, — изрек Карвер. — Просто чудо, что он дотянул до сих пор. Одного шока достаточно, не говоря уж о глубине и протяженности раны...

— Вот увидите, — пообещал Фред.

Внезапно селение пробудилось. Мужчины и женщины, серокожие, с шишковатыми головами, молчаливо провожали взглядами охотников, направляющихся к лекарственной хижине. Мусорщик тоже прервал работу, чтобы поглядеть. Единственный в селении ребенок стоял

перед родительской хижинкой и, засунув большой палец в рот, глазел на шествие. Навстречу охотникам вышел лекарь Дег, успевший надеть ритуальную маску. Собрались плясуны-исцелители — они торопливо накладывали на лица грим.

— Ты думаешь, удастся его залатать, док? — спросил Фред.

— Будем надеяться, — благочестиво ответил Дег.

Все вошли в тускло освещенную лекарственную хижину. Раненого лореянина бережно уложили на травяной тюфяк, и плясуны начали перед ним обрядовое действо. Дег затянул торжественную песнь.

— Ничего не получится, — сказал Фреду профессор Карвер с бескорыстным интересом человека, наблюдающего за работой парового экскаватора. — Слишком поздно для исцеления верой. Прислушайся к его дыханию. Не кажется ли тебе, что оно становится менее глубоким?

— Совершенно верно, — ответил Фред.

Дег окончил свою песнь и склонился над раненым охотником. Лореянин дышал с трудом, все медленнее и неувереннее...

— Пора! — вскричал лекарь. Он достал из мешочка маленькую деревянную трубочку, вытащил пробку и поднес к губам умирающего. Охотник выпил содержимое трубочки. И вдруг...

Карвер захлопал глазами, а Фред торжествующе усмехнулся. Дыхание охотника стало глубже. На глазах у землян страшная рваная рана превратилась в затянувшийся рубец, потом в тонкий розовый шрам и, наконец, в почти незаметную белую полоску.

Охотник сел, почесал в затылке, глуповато ухмыльнулся и сообщил, что ему хочется пить, лучше чего-нибудь хмельного.

Тут же, на месте, Дег торжественно открыл празднество.

Карвер и Фред отошли на опушку дождь-леса, чтобы посоветоваться. Профессор шагал словно лунатик, выпятив отвислую нижнюю губу и время от времени покачивая головой.

— Ну так как? — спросил Фред.

— По всем законам природы этого не должно быть,— ошеломленно пробормотал Карвер.— Ни одно вещество на свете не дает подобной реакции. А прошлой ночью ты тоже видел, как оно действовало?

— Конечно, черт возьми,— подтвердил Фред.— Принесли охотника — голова у него была наполовину оторвана. Он проглотил эту штуковину и исцелился прямо у меня на глазах.

— Вековая мечта человечества,— размышлял вслух профессор Карвер.— Панацея от всех болезней.

— За такое лекарство мы могли бы заломить любую цену,— сказал Фред.

— Да, могли бы... а кроме того, мы бы исполнили свой долг перед наукой,— строго одернул его профессор Карвер.— Да, Фред, я тоже думаю, что надо получить некоторое количество этого вещества.

Они повернулись и твердым шагом направились обратно в селение.

Там в полном разгаре были пляски, исполняемые представителями различных родовых общин. Когда Карвер и Фред вернулись, плясали сатгохани — последователи культа, обожествляющего животное средней величины, похожее на оленя. Их можно было узнать по трем красным точкам на лбу. Своей очереди дожидались дресфейд и таганьи, названные по именам других лесных животных. Звери, которых тот или иной род считал своими покровителями, находились под защитой табу, и

убивать их было строжайше запрещено. Карверу никак не удавалось найти рационалистическое толкование туземным обычаям. Лореяне упорно отказывались поддерживать разговор на эту тему.

Лекарь Дег снял ритуальную маску. Он сидел у входа в лекарственную хижину и наблюдал за плясками. Когда земляне приблизились к нему, он встал.

— Мир вам! — произнес он слова приветствия.

— И тебе тоже, — ответил Фред. — Недурную работку ты проделал с утра.

Дег скромно улыбнулся:

— Боги снизошли к нашим молитвам.

— Боги? — переспросил Карвер. — А мне показалось, что большая часть работы пришлось на долю сыворотки.

— Сыворотки? — Ах, сок серси! — Выговаривая эти слова, Дег сопровождал их ритуальным жестом, исполненным благоговения. — Да, сок серси — это мать всех лореян.

— Нам бы хотелось купить его, — без обиняков сказал Фред, не обращая внимания на то, как неодобрительно насупился профессор Карвер. — Сколько ты возьмешь за галлон?

— Приношу вам свои извинения, — ответил Дег.

— Как насчет красивых бус? Или зеркал? Может быть, вы предпочитаете парочку стальных ножей?

— Этого нельзя делать, — решительно отказался лекарь. — Сок серси священен. Его можно употреблять только ради исцеления, угодного богам.

— Не заговаривай мне зубы, — процедил Фред, и сквозь нездоровую желтизну его щек пробился румянец. — Ты, ублюдок, воображаешь, что тебе удастся...

— Мы вполне понимаем, — вкрадчиво сказал Карвер. — Нам известно, что такое священные предметы. Что

священно, то священно. К ним не должны прикасаться недостойные руки.

— Вы сошли с ума,— шепнул Фред по-английски.

— Ты мудрый человек,— с достоинством ответил Дег.— Ты понимаешь, почему я должен вам отказать.

— Конечно. Но по странному совпадению, Дег, у себя на родине я тоже занимаюсь врачеванием.

— Вот как? Я этого не знал!

— Это так. Откровенно говоря, в своей области я слышу самым искусным лекарем.

— В таком случае ты, должно быть, очень святой человек,— сказал Дег, склонив голову.

— Он и вправду святой,— многозначительно вставил Фред.— Самый святой из всех, кого тебе суждено здесь видеть.

— Пожалуйста, не надо, Фред,— попросил Карвер и опустил глаза с деланным смущением. Он обратился к лекарю:

— Это верно, хоть я и не люблю, когда об этом говорят. Вот почему в данном случае, сам понимаешь, не будет грехом дать мне немного сока серси. Напротив, твой жреческий долг призывает тебя поделиться со мной этим соком.

Лекарь долго раздумывал, и на его почти гладком лице едва уловимо отражались противоречивые чувства. Наконец он сказал:

— Наверное, все это правда. Но, к несчастью, я не могу исполнить вашу просьбу.

— Почему же?

— Потому что сока серси очень мало, просто до ужаса мало. Его еле хватит на наши нужды.

Дег печально улыбнулся и отошел.

Жизнь селения продолжалась своим чередом, простая и неизменная. Мусорщик медленно обходил улицы,

подметая их своей метлой. Охотники отправлялись лесными тропами на поиски шрэгов. Женщины готовили пищу и присматривали за единственным в селении ребенком. Жрецы и плясуны каждый вечер молились, чтобы поутру взошло солнце. Все были по-своему, покорно и смиренно, довольны жизнью.

Все, кроме землян.

Они провели еще несколько бесед с Дегом и исподволь вывели всю подноготную о соке серси и связанных с ним трудностях.

Растение серси — это низкорослый, чахлый кустарник. В естественных условиях оно растет плохо. Кроме того, оно противится искусственному разведению и совершенно не выносит пересадки. Остается только тщательно выпалывать сорняки вокруг серси и надеяться, что оно расцветет. Однако в большинстве случаев кусты серси борются за существование год-другой, а затем хиреют. Лишь немногие расцветают, и уж совсем немногие живут достаточно долго, чтобы дать характерные красные ягоды.

Из ягод серси выжимают эликсир, который для населения Лорея означает жизнь.

— При этом надо помнить, — указал Дег, — что кусты серси встречаются редко и на больших расстояниях друг от друга. Иногда мы ищем месяцами, а находим один-единственный кустик с ягодами. А ягоды эти спасут жизнь только одному лореянину, от силы двум.

— Печально, — посочувствовал Карвер. — Но, несомненно, усиленное удобрение почвы...

— Все уже пробовали.

— Я понимаю, — серьезно сказал Карвер, — какое огромное значение придаете вы соку серси. Но, если бы вы уделили нам малую толику — пинту-другую, мы отвезли бы его на Землю, исследовали и постарались

синтезировать. Тогда вы получили бы его в неограниченном количестве.

— Но мы не решаемся расстаться даже с каплей. Вы заметили, как мало у нас детей?

Карвер кивнул.

— Дети рождаются очень редко. Вся жизнь у нас — непрерывная борьба нашей расы за существование. Надо сохранять жизнь каждому лорейнину, до тех пор пока на смену ему не появится дитя. А этого можно достигнуть лишь благодаря неустанным и нескончаемым поискам ягод серси. И вечно их не хватает, — лекарь вздохнул. — Вечно не хватает.

— Неужели этот сок излечивает все? — спросил Фред.

— Да, и даже больше. У того, кто отведал серси, прибавляется пятьдесят лет жизни.

Карвер широко раскрыл глаза. На Лорее пятьдесят лет приблизительно равны шестидесяти трем земным годам.

Серси — не просто лекарство, заживляющее раны, не просто средство, содействующее регенерации! Это и напиток долголетия!

Он помолчал, обдумывая перспективу продления своей жизни на шестьдесят лет, затем спросил: «А что, если по истечении этих пятидесяти лет лорейнин опять примет серси?»

— Не известно, — ответил Дег. — Ни один лорейнин не станет принимать серси вторично, когда его и так слишком мало.

Карвер и Фред переглянулись.

— А теперь выслушай меня внимательно, Дег, — сказал профессор Карвер и заговорил о священном долге перед наукой. Наука, объяснил он лекарю, превышает расу, превышает веру, превышает религию. Развитие науки

превыше самой жизни. В конце концов, если и умрут еще несколько лорейан, что с того? Так или иначе, рано или поздно им не миновать смерти. Важно, чтобы земная наука получила образчик сока серси.

— Может быть, твои слова и справедливы,— отозвался Дег,— но мой выбор ясен. Как жрец религии саннигириат, я унаследовал священную обязанность охранять жизнь нашего народа. Я не нарушу своего долга.

Он повернулся и ушел. Земляне вернулись в звездолет ни с чем.

Выпив кофе, профессор Карвер открыл ящик письменного стола и извлек оттуда рукопись «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас». Любознательно перечитал он последнюю главу, специально трактующую вопрос о комплексе неполноценности у жителей Лорейя. Потом профессор Карвер отложил рукопись в сторону.

— Почти готова, Фред,— сообщил он помощнику.— Работы осталось на недельку—ну, самое большее, на две!

— Угу,— промычал Фред, рассматривая селение через иллюминатор.

— Вопрос будет исчерпан,— провозгласил Карвер.— Книга раз и навсегда докажет приращенное превосходство жителей Земли. Мы неоднократно подтверждали свое превосходство силой оружия, Фред, доказывали его и мощью передовой техники. Теперь оно доказано силой бесстрастной логики.

Фред кивнул. Он знал, что профессор цитирует предисловие к своей книге.

— Ничто не должно стоять на пути великого дела,— сказал Карвер.— Ты согласен с этим, не правда ли?

— Ясно,— рассеянно подтвердил Фред.— Книга прежде всего. Поставьте ублюдков на место.

— Я, собственно, не это имел в виду. Но ты ведь знаешь, что я хочу сказать. При создавшихся обстоятельствах, быть может, лучше выкинуть серси из головы. Быть может, надо ограничиться завершением начатой работы.

Фред обернулся и заглянул хозяину в глаза.

— Профессор, как вы думаете, сколько вам удастся выжать из этой книги?

— А? Ну что ж, последняя, если помнишь, разошлась совсем неплохо. На эту спрос будет еще больше. Десять, а то и двадцать тысяч долларов! — Он позволил себе чуть заметно улыбнуться. — Мне, видишь ли, повезло в выборе темы. На Земле широкие круги читателей явно интересуются этим вопросом, что весьма приятно для ученого.

— Допустим даже, что вы извлечете из нее пятьдесят тысяч. Курочка по зернышку клюет. А знаете ли вы, сколько можно заработать на пробирке с соком серси?

— Сто тысяч? — неуверенно предположил Карвер.

— Вы смеетесь! Представьте себе, что умирает какой-нибудь богач, а у нас есть единственное лекарство, способное его вылечить. Да он вам все отдаст! Миллионы!

— Полагаю, ты прав, — согласился Карвер. — И мы внесли бы неоценимый вклад в науку. Но, к сожалению, лекарь ни за что не продаст нам ни капли.

— Покупка — далеко не единственный способ поставить на своем. — Фред вынул револьвер из кобуры и пересчитал патроны.

— Понятно, понятно, — проговорил Карвер, и его румяные щеки слегка побледнели. — Но вправе ли мы...

— А вы-то как думаете?

— Что ж, они *безусловно* неполноценны. Полагаю, я привел достаточно убедительные доказательства. Можно

смело утверждать, что в масштабе Вселенной их жизнь недорого стоит. Гм, да... да, Фред, таким препаратом мы могли бы спасти жизнь землянам!

— Мы могли бы спасти собственную жизнь,— заметил Фред.— Кому охота загнаться раньше срока?

Карвер встал и решительно расстегнул кобуру своего револьвера.

— Помни,— сказал он Фреду,— мы идем на это во имя науки и ради Земли.

— Вот именно, профессор,— ухмыльнулся Фред и двинулся к люку.

Они отыскиали Дега вблизи лекарственной хижины. Карвер заявил без всяких предисловий:

— Нам необходимо получить сок серси.

— Я вам уже объяснял,— удивился лекарь.— Я рассказал вам о причинах, по которым это невозможно.

— Нам нужно во что бы то ни стало,— поддержал шефа Фред. Он выхватил из кобуры револьвер и свирепо взглянул на Дега.

— Нет.

— Ты думаешь, я шутки шучу? — нахмурился Фред.— Ты знаешь, что это за оружие?

— Я видел, как вы стреляете.

— Ты, может, думаешь, что я постесняюсь выстрелить в тебя?

— Я не боюсь. Но серси ты не получишь.

— Буду стрелять,— иступленно заорал Фред.— Клянусь, буду стрелять.

За спиной лекаря медленно собирались жители Лорея. Серокожие, с шишковатыми черепами, они молча занимали свои места; охотники держали в руках копья, прочие селяне были вооружены ножами и камнями.

— Вы не получите серси, — сказал Дег.

Фред неторопливо прицелился.

— Полно, Фред, — обеспокоился Карвер, — тут их целая куча... Стоит ли...

Тощее тело Фреда подобралось, палец побелел и напрягся на курке. Карвер закрыл глаза.

Наступила мертвая тишина.

Вдруг раздался выстрел.

Карвер опасливо открыл глаза.

Лекарь стоял, как прежде, только дрожали его колени. Фред оттягивал курок. Селяне безмолвствовали. Карвер не сразу сообразил, что произошло. Наконец он заметил Мусорщика.

Мусорщик лежал, уткнувшись лицом в землю, все еще сжимая метлу в вытянутой левой руке; ноги его слабо подергивались. Из дыры, которую Фред аккуратно пробил у него во лбу, струилась кровь.

Дег склонился над Мусорщиком, но тут же выпрямился.

— Скончался, — сказал лекарь.

— Это только цветочки, — пригрозил Фред, нацеливаясь на какого-то охотника.

— Нет! — вскричал Дег.

Фред посмотрел на него, вопросительно подняв брови.

— Отдам тебе сок, — пояснил Дег. — Отдам тебе весь наш сок серси. Но вы оба тотчас же покинете Лорей!

Он бросился в хижину и мгновенно вернулся с тремя деревянными трубочками, которые сунул Фреду в ладони.

— Порядочек, профессор, — сказал Фред. — Надо сматываться.

Они прошли мимо молчаливых селян, направляясь к

звездолету. Вдруг мелькнуло что-то яркое, блеснув на солнце. Фред взвыл от боли и выронил револьвер. Профессор Карвер поспешно подобрал его.

— Какой-то недоносок зацепил меня, — сказал Фред. — Дайте револьвер!

Описав крутую дугу, у их ног зарылось в землю копьё.

— Их слишком много, — рассудительно заметил Карвер. — Прибавим шагу!

Они пустились к звездолету и, хотя вокруг свистели копы и ножи, добрались благополучно и задраили за собой люк.

— Дешево отделались, — сказал Карвер, переводя дыхание, и прислонился спиной к люку. — Ты не потерял сыворотку?

— Вот она, — ответил Фред, потирая руку. — Черт!

— Что случилось?

— Рука онемела.

Карвер осмотрел рану, глубокомысленно поджал губы, но ничего не сказал.

— Онемела, — повторил Фред. — Уж не отравлены ли у них копы?

— Вполне возможно, — допустил профессор Карвер.

— Отравлены! — завопил Фред. — Глядите, рана уже меняет цвет!

Действительно, по краям рана почернела и приобрела гангренозный вид.

— Сульфидин, — порекомендовал Карвер. — И пенициллин. Не о чем беспокоиться, Фред. Современная фармакология Земли...

— ...может вовсе не подействовать на этот яд. Откройте одну трубочку!

— Но, Фред, — возразил Карвер, — наши запасы сока крайне ограничены. Кроме того...

— К чертовой матери! — разъярился Фред. Здоровой рукой он взял одну трубочку и вытащил пробку зубами.

— Погоди, Фред!

— Еще чего!

Фред осушил трубочку и бросил ее на пол. Карвер с раздражением произнес:

— Я хотел только подчеркнуть, что следовало бы подвергнуть сыворотку испытаниям, прежде чем пробовать ее на землянах. Мы ведь не знаем, как реагирует человеческий организм на это вещество. Я желал тебе добра.

— Как же, желали, — насмешливо ответил Фред. — Поглядите лучше, как действует это лекарство.

Почерневшая рана снова приобрела цвет здоровой плоти и теперь затягивалась. Вскоре осталась лишь белая полоска шрама. Потом и она исчезла, а на ее месте виднелась упругая розовая кожа.

— Хорошая штука, а? — шумно радовался Фред, и в голосе его чуть заметно проскальзывали истеричные нотки. — Действует, профессор, действует! Выпей и ты, друг, живи еще пятьдесят лет! Как ты думаешь, удастся нам синтезировать эту штуку? Ей цена — миллион, десять миллионов, миллиард! А если не удастся, то всегда есть добрый старый Лорей! Можно наведываться каждые полсотни годков или около того для заправки! Она и на вкус приятна, профессор. Точь-в-точь как... что случилось?

Профессор Карвер уставился на Фреда широко раскрытыми от изумления глазами.

— В чем дело? — с усмешкой спросил Фред. — Швы, что ли, перекосились? На что вы тут глазете?

Карвер не отвечал. У него дрожали губы. Он медленно попятился.

— Какого черта, что случилось?

Фред метнул на профессора яростный взгляд, затем бросился в носовую часть звездолета и посмотрелся в зеркало.

— *Что со мной стряслось?*

Карвер пытался заговорить, но слова застряли в горле. Не отрываясь следил он, как черты Фреда медленно изменяются, сглаживаются, смазываются, словно природа делает черновой набросок разумной жизни. На голове у Фреда проступали причудливые шишки. Цвет кожи медленно превращался из розового в серый.

— Я же советовал тебе выждать, — вздохнул Карвер.

— *Что происходит?* — испуганно прошептал Фред.

— Видишь ли, — ответил Карвер, — должно быть, тут налицо остаточный эффект серси. Рождаемость на Лорее, сам знаешь, практически отсутствует. Даже при всех целебных свойствах серси эта раса должна была давным-давно вымереть. Так и случилось бы, не обладай серси и иными свойствами — способностью превращать низшие формы животной жизни в высшую — в разумных лорейн.

— Бредовая идея!

— Рабочая гипотеза, основанная на утверждении Дега, что серси — мать всех лорейн. Боюсь, что в этом кроется истинное значение культа зверей и причина наложенных на них табу. Различные животные, наверное, были родоначальниками определенных групп лорейн, а может быть, и всех лорейн. Даже разговоры на эту тему объявлены табу; в туземцах явно укоренилось ощущение глубокой неполноценности, оттого что они слишком недавно вышли из животного состояния.

Карвер устало потер лоб.

— Можно предполагать, — продолжал он, — что соку серси принадлежит немалая роль в жизни всей расы. Рассуждая теоретически...

— К черту теории, — буркнул Фред, с ужасом обнаруживая, что голос его стал хриплым и гортанным, как у лореян. — Профессор, сделайте что-нибудь!

— Не в моих силах что-либо сделать.

— Может, наука Земли...

— Нет, Фред, — тихо сказал Карвер.

— Что?

— Фред, прошу тебя, постарайся понять. Я не могу взять тебя на Землю.

— Что вы имеете в виду? Вы, должно быть, спятили!

— Отнюдь нет. Как я могу привезти тебя с таким фантастическим объяснением? Все будут считать, что твоя история — не что иное, как грандиозная мистификация.

— Но....

— Не перебивай. Никто мне не поверит. Скорее поверят, что ты необычайно смысленный лореянин. Одним лишь своим присутствием, Фред, ты опровергнешь отправной тезис моей книги!

— Не может того быть, чтоб вы меня бросили, — пролепетал Фред. — Вы этого не сделаете.

Профессор Карвер все еще держал в руках оба револьвера.

Он сунул один из них за пояс, а второй навел на Фреда.

— Я не собираюсь подвергать опасности дело всей своей жизни. Уходи отсюда, Фред.

— Нет!

— Я не шучу. Пошел вон, Фред.

— Не уйду! Вам придется стрелять!

— Надо будет — выстрелю, — заверил его Карвер. — Пристрелю и выкину.

Он прицелился.

Фред попятился к люку, снял запоры, открыл его.

Снаружи безмолвно ждали селяне.

— Что они со мной сделают?

— Мне право жаль, Фред, — сказал Карвер.

— Не пойду! — взвизгнул Фред и обеими руками вцепился в проем люка.

Карвер столкнул его в руки ожидающей толпы, а вслед ему сбросил две оставшиеся трубочки с соком серси.

После этого Карвер поспешно задраил люк, не желая видеть дальнейшее.

Не прошло и часа, как он уже вышел из верхних слоев атмосферы.

Когда он вернулся на Землю, его книгу «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас» провозгласили исторической вехой в сравнительной антропологии. Однако почти сразу пришлось столкнуться с кое-какими осложнениями.

На Землю вернулся некий капитан-астронавт, по фамилии Джонс, который утверждал, что обнаружил на планете Лорей туземца, во всех отношениях не уступающего жителю Земли. В доказательство своих слов капитан Джонс проигрывал магнитофонные записи и демонстрировал киноленты.

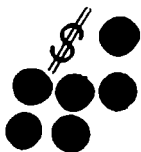
В течение некоторого времени тезис Карвера казался сомнительным, пока Карвер лично не изучил вещественные доказательства противника. Тогда он с беспощадной логикой заявил, что так называемый сверхлорейянин, это совершенство с Лорея, этот, с позволения сказать, ровня жителям Земли, находится на самой низшей иерархической ступени Лорея: он — Мусорщик, о

чем ясно говорит широкая черная полоса на его лице.

Капитан-астронавт не стал спорить, что так оно и есть.

Отчего же, заявлял Карвер, этому сверхлореянину, несмотря на все его хваленые способности, не удалось достигнуть хоть сколько-нибудь достойного положения в том жалком обществе, в котором он живет?

Этот вопрос заткнул рты капитану и его сторонникам и даже, по существу, вдребезги разбил их школу. И теперь во всей Галактике мыслящие земляне разделяют карверовскую доктрину врожденной неполноценности внеземных существ.

СТОИМОСТЬ ЖИЗНИ

Кэррин пришел к выводу, что нынешнее дурное настроение появилось у него еще на прошлой неделе, после самоубийства Миллера. Однако это не избавило его от смутных, безотчетных страхов, гнездящихся где-то в глубине сознания. Глупо. Самоубийство Миллера его не касается.

Однако отчего же покончил с собой этот жизнерадостный толстяк? У Миллера было все, ради чего стоит жить: жена, дети, хорошая работа и все чудеса роскоши, созданные веком. Отчего он это сделал?

— Доброе утро, дорогой,— сказала Кэррину жена, когда они сели завтракать.

— Доброе утро, детка. Доброе утро, Билли.

Сын что-то буркнул в ответ.

Чужая душа потемки, решил Кэррин, набирая на диске номера блюд к завтраку. Изысканную пищу готовил и сервировал новый автоповар фирмы «Авиньон электрик».

Дурное настроение не рассеивалось; и это тем более досадно, что сегодня Кэррину хотелось быть в форме. У него выходной, и он ожидал прихода инспектора из «Авиньон электрик». То был знаменательный день.

Он встал из-за стола вместе с сыном.

— Всего хорошего, Билли.

Сын молча кивнул, взял ранец и ушел в школу. Кэррин подивился: не тревожит ли и его что-нибудь? Он надеялся, что нет. Хватит на семью и одного ипохондрика.

— До свидания, детка.— Он поцеловал жену, которая собралась за покупками.

«Во всяком случае, она-то счастлива»,— подумал он, провожая ее взглядом до калитки. Его занимало, сколько денег оставит она в магазине «Авиньон электрик».

Проверив часы, он обнаружил, что до прихода инспектора из «А. Э.» остается полчаса. Лучший способ избавиться от дурного настроения — это смыть его, сказал он себе и направился в душевую.

Душевая была сверкающим чудом из пластика, и ее роскошь вернула Кэррину утраченный было душевный покой. Он бросил одежду в стирально-гладильный автомат «А. Э.» и установил регулятор душа чуть повыше деления «освежающая». По телу ударила струя воды, температура которой на пять градусов превышала нормальную температуру кожи. Восхитительно! А затем — бодрящее растирание досуха автополотенцем «А. Э.».

Чудесно, думал он, пока полотенце растягивало и разминало каждую мышцу. Да оно и должно быть чудесным, напомнил он себе. Автополотенце «А. Э.» вместе с бритвенным прибором обошлось в тридцать долларов плюс налог.

А все же оно стоит этих денег, решил он, когда выползла бритва и смахнула едва пробившуюся щетину. В конце концов, что остается в жизни, если не наслаждаться предметами роскоши?

Когда он отключил автополотенце, кожу его приятно покалывало. Он должен был чувствовать себя пре-

Восходно, но не чувствовал. Мозг неумолчно сверлили мысли о самоубийстве Миллера, нарушая спокойствие выходного дня.

Тревожило ли Кэррина что-нибудь еще? С домом, безусловно, все в порядке. Бумаги к приходу инспектора подготовлены.

— Не забыл ли я чего-нибудь? — спросил он вслух.

— Через пятнадцать минут придет инспектор «Авиньон электрик», — прошептал настенный секретарь фирмы «А. Э.», установленный в ванной.

— Это я знаю. А еще?

Настенный секретарь протрещал накопленные в его памяти сведения — великое множество мелочей насчет поливки газона, проверки реактобиля, покупки телячьих отбивных к понеделнику и т. п. Мелочи, на которые до сих пор не удалось выкроить время.

«Ладно, достаточно». Он позволил автолакею «А. Э.» одеть себя, и тот искусно задрапировал его костлявую фигуру какими-то новыми тканями. Туалет завершило распыленное облачко модных мужских духов, и Кэррин, осторожно пробираясь среди расставленных вдоль стен аппаратов, пошел в гостиную.

Быстрый взгляд, брошенный на стенные диски и приборы, убедил его, что в доме царит порядок. Посуда после завтрака вымыта и убрана, пыль везде вытерта, полы отлакированы до зеркального блеска, платья жены развешаны в гардеробе, а модели ракетных кораблей, которые мастерил сын, уложены в стенной шкаф.

Перестань волноваться, ипохондрик, сердито одернул он себя.

Дверь объявила: «К вам мистер Пэтис из финансового отдела «Авиньон электрик».

Кэррин хотел было приказать двери отвориться, но вовремя заметил автоматического бармена.

Боже правый, как же он не подумал об этом?

Автоматический бармен был изготовлен фирмой «Кастиль моторс». Кэррин приобрел его в минуту слабости. Инспектор «А. Э.» не придет от этого в особый восторг, потому что его фирма тоже выпускает такие автоматы.

Он откатил бармена в кухню и велел двери открыться.

— Здравствуйте, сэр. Отличный сегодня денек,— сказал мистер Пэтис.

Этот высокий, представительный человек был одет в старомодный твид. В уголках его глаз сбегались морщинки, свойственные людям, которые часто и охотно смеются. Лицо его светилось в улыбке; пожав руку Кэррина, он оглядел заставленную комнату.

— Прелестный у вас домик, сэр! Прелестный! Если хотите знать, едва ли я нарушу профессиональную этику фирмы, сообщив, что ваш интерьер самый красивый в районе.

Представив себе длинные ряды одинаковых домов в своем квартале, в соседнем и в следующем за соседним, Кэррин почувствовал внезапный прилив гордости.

— Ну-с, вся ли аппаратура у вас работает? — спросил мистер Пэтис, положив свой портфель на стул. — Все ли в исправности?

— О да,— с энтузиазмом ответил Кэррин. — Если имеешь дело с «Авиньон электрик», бояться неполадок не приходится.

— Фонор в порядке? Меняет мелодии через каждые семнадцать часов?

— Будьте уверены,— ответил Кэррин. До сих пор у него как-то руки не дошли обновить фонор, но, во всяком случае, как предмет обстановки вещь была крайне эффектна.

— А как стереовизор? Нравятся вам программы передач?

— Принимает безукоризненно.— Одну программу он случайно посмотрел в прошлом месяце, и она показалась поразительно жизненной.

— Как насчет кухни? Автоповар в исправности? Рецептмейстер еще выколачивает что-нибудь новенькое?

— Великолепное оборудо́вание. Просто великолепное.

Мистер Пэтис продолжал расспросы о холодильнике, пылесосе, реактобеле, вертолете, подземном купальном бассейне и сотне других предметов, купленных у фирмы «Авиньон электрик».

— Все замечательно,— сказал Кэррин. Он несколько грешил против правды, поскольку успел распаковать далеко не все покупки.— Просто чудесно.

— Очень рад,— сказал мистер Пэтис, со вздохом облегчения откидываясь на спинку стула.— Вы не представляете, сколько усилий мы прилагаем к тому, чтобы наши клиенты остались довольны. Если продукция несовершенна, ее надо вернуть; при возврате мы не задаем никаких вопросов. Мы всегда рады угодить клиенту.

— Уверяю вас, что я это весьма ценю, мистер Пэтис.

Кэррин надеялся, что служащему «А. Э.» не вздумается осматривать кухню. Перед его мысленным взором неотступно стоял автоматический бармен фирмы «Кастиль моторс», неуместный, как дикобраз на собачьей выставке.

— Могу с гордостью заявить, что большинство жителей вашего района покупают вещи у нас,— говорил между тем мистер Пэтис.— У нас солидная фирма.

— А мистер Миллер тоже был вашим клиентом? — полюбопытствовал Кэррин.

— Тот парень, что покончил с собой? — Пэтис на мгновение нахмурился.— По правде говоря, был. Это меня поразило, сэр, просто ошеломило. Да ведь и месяца не прошло, как этот парень купил у меня новехонький реактобиль, дающий на прямой триста пятьдесят миль в час! Радовался как младенец! И после этого вдруг сотворить с собой такое! Конечно, из-за реактобиля его долг несколько возрос.

— Понятно.

— Но что это меняло? Ему была доступна любая роскошь. А он взял да повесился.

— Повесился?

— Да,— сказал Пэтис, вновь нахмурясь.— В доме все современные удобства, а он повесился на канате. Вероятно, давно уж были расшатаны нервы.

Хмурый взгляд исчез, сменившись привычной улыбкой.

— Однако, довольно об этом! Поговорим лучше о вас.

Когда Пэтис открыл свой портфель, улыбка стала еще шире.

— Итак, вот ваш баланс. Вы должны нам двести три тысячи долларов двадцать девять центов, мистер Кэррин,— таков итог после вашей последней покупки. Правильно?

— Правильно,— подтвердил Кэррин. Он помнил эту цифру по своим бумагам.— Примите очередной взнос.

Он вручил Пэтису конверт, который тот положил в карман, предварительно пересчитав содержимое.

— Прекрасно. Но знаете, мистер Кэррин, ведь вашей жизни не хватит, чтобы выплатить нам двести тысяч долларов полностью.

— Да, едва ли я успею,— трезво согласился Кэррин. Ему не исполнилось еще и сорока лет, и благодаря

чудесам медицинской науки у него было в запасе еще добрых сто лет жизни.

Однако зарабатывая три тысячи долларов в год, он все же не мог выплатить долг и в то же время содержать семью.

— Само собой разумеется, мы бы не хотели лишать вас необходимого. Не говоря уж о потрясающих изделиях, которые выйдут в будущем году. Эти вещи вы не пожелаете упустить, сэр!

Мистер Кэррин кивнул. Ему безусловно хотелось приобрести новые изделия.

— А что если мы с вами заключим обычное соглашение? Если вы дадите обязательство, что в течение первых тридцати лет после совершеннолетия ваш сын будет выплачивать нам свой заработок, мы с удовольствием предоставим вам дополнительный кредит.

Мистер Пэтис выхватил из портфеля какие-то документы и разложил их перед Кэррином.

— Вам надо лишь подписаться вот здесь, сэр.

— Не знаю, как быть,— сказал Кэррин.— Что-то душа не лежит. Мне бы хотелось помочь мальчику в жизни, а не взваливать на него с самого начала...

— Но ведь, дорогой сэр,— вставил Пэтис,— это делается и ради вашего сына тоже. Ведь он здесь живет, не правда ли? Он вправе пользоваться предметами роскоши, чудесами науки...

— Конечно,— подтвердил Кэррин.— Но ведь...

— Подумайте только, сэр, сегодня средний человек живет как король. Сто лет назад даже первому богачу мира было недоступно то, чем владеет в настоящее время простой гражданин. Не надо рассматривать это обязательство как долг. На самом деле это вложение капитала.

— Верно,— с сомнением проговорил Кэррин.

Он подумал о сыне, о его моделях ракетных кораблей, звездных картах и чертежах. «Правильно ли я поступаю?» — спросил он себя.

— Что вас беспокоит? — бодро спросил Пэтис.

— Да я просто подумал, — сказал Кэррин. — Дать обязательство на заработок сына — не кажется ли вам, что я захожу слишком далеко?

— Слишком далеко? Дорогой сэр! — Пэтис разразился хохотом. — Вы знаете Меллона? Того, что живет в конце квартала? Так вот, не говорите, что это я рассказал, но он уже заложил жалованье своих внуков за всю их жизнь! А у него нет еще и половины того, что он решил приобрести! Мы для него что-нибудь придумаем. Обслуживание клиентов — наша работа, и мы знаем в этом толк.

Кэррин заметно вздрогнул.

— А когда вас не станет, сэр, все это перейдет к вашему сыну.

Это верно, подумал Кэррин. У сына будут все изумительные вещи, которыми изобилует дом. И, в конце концов, речь идет всего лишь о тридцати годах, а средняя продолжительность жизни — сто пятьдесят лет.

Он расписался, увенчав подпись замысловатым росчерком.

— Отлично! — сказал Пэтис. — Между прочим, у вас в доме есть командооператор фирмы «А. Э.»?

В доме такого не было. Пэтис объяснил, что командооператор — это новинка года, величайшее достижение науки и техники. Он предназначен для выполнения всех работ по уборке и приготовлению пищи — владельцу не приходится и пальцем шевельнуть.

— Вместо того чтобы носиться весь день по дому и нажимать полдюжины разных кнопок, надо нажать лишь одну! Замечательное изобретение!

Поскольку новинка стоила всего пятьсот тридцать пять долларов, Кэррин приобрел и ее, прибавив эту сумму к долгу сына.

Что верно, то верно, думал он, провожая Пэтиса до двери. Когда-нибудь этот дом будет принадлежать Билли. Ему и его жене. Они, бесспорно, захотят, чтобы все было самое новейшее.

Только одна кнопка, подумал он. Вот это поистине сберегает время.

После ухода Пэтиса Кэррин вновь уселся в регулируемое кресло и включил стерео. Покрутив рычажки, он обнаружил, что смотреть ничего не хочется. Он откинул кресло и задремал.

Нечто в глубине сознания по-прежнему не давало ему покоя.

— Привет, милый! — Проснувшись, он увидел, что жена уже вернулась домой. Она чмокнула его в ухо. — Погляди-ка.

Жена купила халат-сексоусилитель фирмы «А. Э.». Его приятно поразило, что эта покупка оказалась единственной. Обычно Лила возвращалась из магазинов, нагруженная пакетами.

— Прелестный, — похвалил он.

Она нагнулась, подставляя лицо для поцелуя, и хихикнула. Эту привычку она переняла у только что вошедшей в моду популярной стереозвезды. Кэррину такая привычка не нравилась.

— Сейчас наберу ужин, — сказала она и вышла в кухню. Кэррин улыбнулся при мысли, что скоро она будет набирать блюда, не выходя из гостиной. Он снова откинулся в кресле, и тут вошел сын.

— Как дела, сынок? — тепло спросил Кэррин.

— Хорошо, — апатично ответил Билли.

— В чем дело, сынок? — Мальчик, не отвечая, смотрел себе под ноги невидящими глазами. — Ну же, расскажи папе, какая у тебя беда.

Билли уселся на упаковочный ящик и уткнулся подбородком в ладони. Он задумчиво посмотрел на отца.

— Папа, мог бы я стать мастером-наладчиком, если бы захотел?

Мистер Кэррин улыбнулся наивности вопроса. Билли попеременно хотел стать то мастером-наладчиком, то летчиком-космонавтом. Наладчики принадлежали к элите. Они занимались починкой автоматических ремонтных машин. Ремонтные машины чинят все что угодно, но никакая машина не починит машину, которая сама чинит машины. Тут-то на сцене и появляются мастера-наладчики.

Однако вокруг этой сферы деятельности шла бешеная конкурентная борьба, и лишь очень немногим из самых способных удавалось получить дипломы наладчиков. А у мальчика, хоть он и смышлен, нет склонности к технике.

— Возможно, сынок. Все возможно.

— Но возможно ли это именно для меня?

— Не знаю, — ответил Кэррин со всей доступной ему прямой.

— Ну и не надо, все равно я не хочу быть мастером-наладчиком, — сказал мальчик, поняв, что получил отрицательный ответ. — Я хочу стать летчиком-космонавтом.

— Летчиком-космонавтом, Билли? — вмешалась Лила, войдя в комнату. — Но ведь у нас их нет.

— Нет, есть, — возразил Билли. — Нам в школе говорили, что правительство собирается послать нескольких человек на Марс.

— Это говорится уже сто лет, — сказал Кэррин, —

однако до сих пор правительство к этому и близко не подошло.

— На этот раз пошлют.

— Почему ты так рвешься на Марс? — спросила Ли-ла, подмигнув Кэррину. — На Марсе ведь нет хорошеньких девушек.

— Меня не интересуют девушки. Мне просто хочется на Марс.

— Тебе там не понравится, милый, — сказала Ли-ла. — Это противная старая дыра, и там нет воздуха.

— Там есть воздух, хоть его и мало. Я хочу туда поехать, — угрюмо настаивал мальчик. — Мне здесь не нравится.

— Это еще что? — спросил Кэррин, выпрямляясь в кресле. — Чего ты еще хочешь? — Тебе чего-нибудь не хватает?

— Нет, сэр. У меня есть все, что надо. — Когда сын называл его «сэром», Кэррин знал: что-то неблагополучно.

— Послушай, сынок, в твои годы мне тоже хотелось на Марс. Меня привлекала романтика. Я даже мечтал стать мастером-наладчиком.

— Почему же ты им не стал?

— Ну, я вырос. Я понял, что есть более важные дела. Сначала я заплатил долг, доставшийся мне от отца, а потом встретил твою мать...

Ли-ла хихикнула.

— ...и захотел создать семью. То же самое будет и с тобой. Ты выплатишь свой долг и женишься, как все люди.

Билли помолчал, откинул со лба темные волосы — прямые, как у отца, — и облизнул губы.

— Откуда у меня появились долги, сэр?

Кэррин осторожно объяснил. Он рассказал о вещах, которые необходимы для цивилизованной жизни всей

сёмьи, и о том, сколько эти вещи стоят. Как они оплачиваются. Как появился обычай, чтобы сын, достигнув совершеннолетия, принимал на себя часть родительского долга.

Молчание Билли раздражало Кэррина. Мальчик словно упрекал его. А он-то долгие годы трудился как раб, чтобы предоставить неблагодарному щенку все прелести комфорта.

— Сынок,— резко произнес он,— ты проходил в школе историю? Хорошо. Значит, ты знаешь, что было в прошлом. Войны. Тебе бы понравилось, если бы тебя заставили воевать?

Мальчик не отвечал.

— Или понравилось бы тебе гнуть спину по восемь часов в день за работой, с которой должна справляться машина? Или все время голодать? Или мерзнуть и мокнуть под дождем, не имея пристанища?

Он подождал ответа и, не дождавшись, продолжал:

— Ты живешь в самом счастливом веке, какой когда-либо знало человечество. Тебя окружают все чудеса искусства и науки. Самая утонченная музыка, лучшие книги, величайшие творения искусства—все к твоим услугам. Тебе остается лишь нажать кнопку.— Голос его смягчился.— Ну, о чем ты думаешь?

— Я просто соображаю, как же мне теперь попасть на Марс,— ответил мальчик.— Я хочу сказать—с долгами. Навряд ли можно от них отделаться.

— Конечно, нет.

— Разве что забраться в ракету зайцем.

— Но ты ведь этого не еделаешь.

— Конечно, нет,— сказал мальчик, но голосу его недоставало уверенности.

— Ты останешься здесь и женишься на очень славной девушке,— подхватила мать.

— Конечно, останусь, — отозвался Билл. — Конечно. — Он неожиданно ухмыльнулся. — Я просто так говорил насчет Марса. Просто так.

— Я очень рада, — ответила Лила.

— Забудьте о том, что я тут наболтал, — попросил Билли с вымученной улыбкой. Он встал и опрометью бросился наверх.

— Наверное, пошел играть с ракетами, — сказала Лила. — Вот чертенок.

Кэррины спокойно поужинали, а после ужина мистеру Кэррину пора было идти на работу. В этом месяце он выходил в ночную смену. Он поцеловал жену, сел в реактобиль и под оглушительный рев покатил на завод. Оpozнав Кэррина, автоматические ворота распахнулись. Он поставил реактобиль на стоянку и вошел внутрь здания.

Автоматические токарные станки, автоматические прессы — все автоматическое. Завод был огромный и светлый; тихо жужжали машины — они делали свое дело, и делали его хорошо.

Кэррин подошел к концу сборочного конвейера для автоматических стиральных машин: надо было принять смену.

— Все в порядке? — спросил он.

— Конечно, — ответил сменщик. — Целый год нет брака. У этих новых моделей встроенные голоса. Здесь нет сигнальной лампочки, как в старых.

Кэррин уселся на место сменщика и подождал прибытия первой стиральной машины. Работа его была воплощением простоты. Он сидел на месте, а мимо проплывали машины. Он нажимал на них кнопку и проверял, все ли в порядке. Все неизменно было в порядке. Пройдя его контроль, машины отправлялись в отдел упаковки.

На длинных роликовых салазках скользнула первая машина. Кэррин нажал пусковую кнопку на ее боку.

— Готова к стирке, — сказала стиральная машина.

Кэррин нажал выключатель и пропустил машину дальше.

Этот мальчик, подумал Кэррин. Не побоятся ли он ответственности, когда вырастет? Станет ли зрелым человеком и займет ли место в обществе? Кэррин в этом сомневался. Мальчик — прирожденный мятежник.

Однако эта мысль его не особенно встревожила.

— Готова к стирке. — Прошла другая машина.

Кэррин припомнил кое-что о Миллере. Этот жизнелюб вечно толковал о других планетах, постоянно шутил, что полетит на одну из них и наведет там хоть какой-то порядок. Однако он никуда не полетел. Он покончил с собой.

— Готова к стирке.

Кэррину предстояло восемь часов работы; готовясь к ним, он ослабил ремень. Восемь часов надо нажимать кнопки и слушать, как машины заявляют о своей готовности.

— Готова к стирке.

Он нажал выключатель.

— Готова к стирке.

Мысли Кэррина блуждали где-то далеко, впрочем, его работа и не требовала особого внимания. Теперь он понял, что именно беспрерывно гнетет его.

Ему не нравилось нажимать на кнопки.

ОПЫТНЫЙ ОБРАЗЕЦ

Посадка едва не окончилась катастрофой. Бентли знал, что тяжелый груз на плечах нарушает координацию движений. Однако он не подозревал, насколько серьезно нарушение, пока не настал критический момент, когда он нажал не на ту кнопку. Звездолет камнем устремился вниз. Когда в последнюю секунду Бентли чудом выровнял его, под ним на равнине уже была выжжена черная проплешина. Звездолет коснулся почвы, покачнулся и замер, вызвав у Бентли мгновенный приступ тошноты.

Впервые в истории человек приземлился на планете Тельс IV.

Первым делом Бентли принял солидную дозу шотландского виски, отпущенного ему в сугубо медицинских целях.

Покончив с виски, Бентли включил передатчик. Миниатюрный приемник он носил в ухе, которое из-за этого страшно зудело, а микрофон был вмонтирован в горло хирургическим способом. Портативная система гиперпространственной связи настраивалась автоматически, и это было к лучшему, ибо Бентли понятия не имел, как

ловить столь узкий радиолуч на столь чудовищном расстоянии от источника.

— Все в порядке, — сообщил он по радио профессору Слиггерту. — Планета земного типа, как и сообщалось в отчете разведчиков. Корабль целехонек. Счастлив доложить, что при посадке я не свихнул себе шею.

— Ну, естественно, — отозвался профессор Слиггерт; голос его, искаженный маломощным приемником, казался высоким и невыразительным.

— А «Протект»? Как вы себя в нем чувствуете? Привыкли?

Бентли ответил:

— Нисколько. По-прежнему чувствую себя так, словно мне жернов на шею повесили.

— Ничего, приспособитесь, — заверил его профессор Слиггерт. — Ну-с, институт поздравляет вас, а правительство, по-моему, награждает какой-то медалью. Помните, теперь ваша задача — побрататься с аборигенами и по возможности заключить с ними хоть какое-нибудь торговое соглашение. Важно создать прецедент. Эта планета нам необходима, Бентли.

— Знаю.

— Желаю удачи. Докладывайте при каждом удобном случае.

— Ладно, — пообещал Бентли и прекратил передачу.

Он попробовал встать, но из первой попытки ничего не вышло. Бентли ухитрился подняться, лишь ухватившись за ручки, удобно расположенные над пультом управления. Только тут оценил он размеры пошрины, взимаемой невесомостью с человеческих мускулов, и пожалел, что за время долгого полета от Земли делал зарядку нерегулярно.

Бентли был молод, высок — выше шести футов ро-

сту, — беспечен и крепко сбит. На Земле он весил более двухсот фунтов и передвигался с грацией атлета. Однако в полете на него с первых же мгновений навалилось бремя добавочных семидесяти трех фунтов, безвозвратно и намертво закрепленных на его спине. При таких обстоятельствах он двигался как престарелый слон в слишком тесной обуви.

Бентли повел плечами в широких пластиковых лямках, скорчил гримасу и подошел к смотровому окну правого борта. Неподалеку, примерно в полумиле, виднелось селение; на горизонте коричневыми пятнами вырисовывались невысокие домишки. По равнине, направляясь к кораблю, двигались какие-то точки. Очевидно, селяне решили выяснить, что за странный предмет свалился к ним с неба, изрыгая огонь и издавая устрашающий рев.

«Приятное зрелище», — сказал себе Бентли. Не прояви инопланетяне любопытства, было бы трудно наладить с ними контакт. А ведь в Земном институте межзвездных исследований предвидели и такой вариант, хотя решение его не было найдено. Поэтому его вычеркнули из списка возможных ситуаций.

Селяне тем временем приближались. Бентли решил, что пора и ему подготовиться. Он вынул из футляра лингвасцен и не без усилий привязал ремнями у себя на груди. На одном боку он пристроил флягу с водой, на другом — пакет с пищевыми концентратами. На животе укрепил сумку с набором инструментов. К одной ноге пристегнул ремешками радиопередатчик, к другой — санитарный пакет.

Полностью экипированный Бентли нес на себе в общей сложности сто сорок восемь фунтов, причем каждая унция считалась для межзвездного исследователя необходимой и незаменимой.

То обстоятельство, что он не шагал, а скорее брел, пошатываясь, значения не имело.

Тем временем туземцы подошли к кораблю и окружили его, отпуская неодобрительные замечания. У жителей Тельса было две ноги и короткий толстый хвост. Чертами лица они походили на людей, но людей из кошмарного сна. Кожа у всех была ярко-оранжевого цвета.

Бентли заметил, что туземцы вооружены. Перед ним мелькали ножи, пики, каменные молотки и кремневые топоры. При виде этого боевого арсенала по лицу Бентли разлилась улыбка удовлетворения. Вот оно, оправдание неудобствам, вот почему нужны были семьдесят три фунта, которые с момента запуска оттягивали ему спину.

Чем именно вооружены аборигены, неважно, пусть хоть ядерным оружием. Причинить ему вред они не могут.

Так утверждает профессор Слиггерт — глава института, изобретатель «Протекта».

Бентли открыл смотровое окно. Телиане испустили крик изумления. После минутного колебания лингвасцен перевел эти крики так: «Ох! Ах! Как странно! Невероятно! Нелепо! Чудовищно! Непристойно!».

Осторожно неся 148 фунтов поклажи, Бентли спустился по трапу с внешней стороны борта. Туземцы выстроились вокруг дугой, держа оружие наготове.

Он приблизился к туземцам. Те отпрянули. Приятно улыбаясь, Бентли сказал: «Я пришел к вам как друг». Лингвасцен воспроизвел резкие, гортанные гласные телианского языка, похожие на лай.

Казалось, Бентли не очень-то поверили. Копья остались на весу, а один из телиан, возвышающийся над всеми остальными и увенчанный красочным головным убором, взял топор на изготовление.

Бентли ощутил, как тело его пронизала легчайшая дрожь. Он, конечно, неуязвим. Пока на нем «Протект», с ним ничего не случится. Решительно ничего! Профессор Слиггерт в этом убежден.

Перед запуском профессор Слиггерт собственноручно застегнул «Протект» на спине Бентли, поправил лямки и отступил, любуясь своим творением.

— Превосходно, — провозгласил он с тихой гордостью.

Бентли шевельнул плечами, согбенными под ношей.

— Тяжеловато, вы не находите?

— Что поделаешь? — ответил Слиггерт. — Это же прототип, опытный образец. Чтобы уменьшить вес, я испробовал все мыслимые транзисторы, легкие сплавы, печатные схемы, лазерные силовые узлы и все такое. К сожалению, первые модели всех изобретений обычно громоздки.

— Во всяком случае, можно было придать ему более обтекаемую форму, — возразил Бентли, заглядывая себе за плечо.

— Обтекаемость приходит гораздо позднее. Сначала концентрация идеи, затем компактность, далее расширение функций и, наконец, красота. Так всегда было, и так будет. Возьмите пишущую машинку. Сейчас это просто клавиатура, почти плоская, как портфель. Однако бабушка нынешней пишущей машинки работала с ножными педалями, а поднять ее было не под силу и двоим. Возьмите прибор для глухих — ведь раз от раза он сбрасывал целые фунты! Возьмите лингвасцен, который вначале представлял собой сложнейшее электронное устройство весом в несколько тонн.

— О'кей, — перебил Бентли. — Если лучше не умеете, сойдет и так. А как его снимают?

Профессор Слиггерт улыбнулся.

Бентли закинул руки за спину. Пряжка что-то не отыскивалась. Он бестолково подергал наплечные лямки, но те никак не отстегивались. Выползти из «Протекта» тоже не удавалось. Бентли оказался все равно что в новой, дьявольски тугой смирительной рубашке.

— Ну же, профессор, как от него избавиться?

— Этого я вам не скажу.

— То есть как?

— «Протект» неудобен, не правда ли? — лукаво спросил Слиггерт. — Вы бы гораздо охотнее летели без него?

— Вы правы, черт побери.

— Ну, ясно. Знаете, в войну солдаты нередко бросали на поле боя ценное снаряжение, оттого что оно было громоздким или неудобным. Мы не можем рисковать вами. Вы отправляетесь на чужую планету, мистер Бентли. Вы подвергнетесь совершенно неведомым опасностям. Необходимо, чтобы вы были защищены все время.

— Я знаю, — ответил Бентли, — но у меня хватит здравого смысла самому решить, когда надевать эту штуку.

— Хватит ли? Мы выбрали вас, потому что вы находчивый, жизнеспособный, сильный и, разумеется, в какой-то степени сообразительный человек. Однако...

— Благодарю!

— Однако все эти качества отнюдь не predisполагают вас к осторожности. Что, если туземцы покажутся вам дружелюбными и вы решите снять тяжелый, неудобный «Протект»? А вдруг вы неправильно оцените обстановку? Такое легко может произойти на Земле; подумайте, насколько вероятнее, что это случится на незнакомой планете.

— Я сам могу о себе позаботиться, — упорствовал Бентли.

Слиггерт угрюмо кивнул.

— То же самое утверждал Этвуд, отправляясь на Дюрабеллу II. С тех пор о нем ни слуху, ни духу. Нет никаких известий и от Блейка, и от Смита, и от Коршелла. Можете вы отразить удар ножа в спину? Есть у вас глаза на затылке? Нет, мистер Бентли, у вас их нет; зато у «Протекта» есть!

— Послушайте, — сказал Бентли, — хотите верьте, хотите нет, но я уже взрослый человек, наделенный чувством ответственности. Находясь на поверхности чужой планеты, я буду носить «Протект» непрерывно. А теперь покажите, как он снимается.

— Вы, кажется, чего-то не поняли, Бентли. Если бы речь шла только о вашей жизни, вам бы разрешили идти на тот риск, какой вы сами считаете допустимым. Но мы ведь рискуем и звездолетом, и оборудованием, а всё это обошлось в несколько миллиардов долларов. Более того, ваш полет задуман как испытание «Протекта» в пространстве. Единственный способ убедиться в результатах — заставить вас носить «Протект» не снимая. А добиться этого можно только одним путем: не сообщать вам, как он снимается. Мы должны получить результаты. Вы останетесь живы помимо своей воли.

Поразмыслив, Бентли ворчливо согласился:

— Наверное, окажись туземцы достаточно дружелюбными, я бы не устоял перед искушением и снял «Протект».

— Вас избавят от такого искушения. Принцип работы вам понятен?

— Еще бы! — сказал Бентли. — А «Протект» действительно проделает все, что вы наобещали?

— Лабораторные испытания он прошел идеально.

— Мне очень не хочется, чтобы там закапризничала какая-нибудь мелочишка. Вдруг предохранитель выскочит или проводка оборвется...

— Вот одна из причин его громоздкости, — терпеливо разъяснил Слиггерт. — Тройное дублирование. Механические неисправности полностью исключаются.

— А источник энергии?

— При работе с предельной нагрузкой его хватит на сто лет и более. «Протект» совершенен, Бентли! Я не сомневаюсь, что после этого полевого испытания он превратится в стандартное снаряжение всех межзвездных путешественников. — Тут профессор Слиггерт позволил себе чуть улыбнуться горделивой улыбкой.

— Ладно, — сказал Бентли, расправляя плечи в широких пластиковых лямках. — Уж как-нибудь привыкну к нему.

Однако он так и не привык. Человек неспособен привыкнуть к тому, что ему на спину взвалили жернов весом в семьдесят три фунта.

Телиане никак не могли постигнуть пришельца. Они спорили между собой несколько минут, и все это время Бентли сохранял на лице вымученную улыбку. Наконец один из телиан выступил вперед. Он был гораздо выше остальных и носил особый головной убор из стекла, кости и кусочков ярко раскрашенного дерева.

— Братья, — сказал телианин, — здесь присутствует нечистая сила, которую я, Ринек, чувую.

Вперед выступил другой телианин в таком же головном уборе.

— Заклинателю духов не пристало говорить о таких вещах.

— Ты прав, — согласился Ринек. — Не подобает

громко говорить о нечистой силе в ее присутствии, ибо от этого она крепнет. Однако же на то и существуют заклинатели, чтобы вовремя заметить злых духов и истребить их. Наш долг,— невзирая на опасности, продолжать нелегкий труд.

Тогда от толпы отделились еще несколько человек в особых головных уборах — тоже, очевидно, заклинатели духов. Бентли понял, что это телианские жрецы или шаманы. Скорее всего, помимо духовной, в их руках сосредоточена и значительная политическая власть.

— Не думаю, чтобы это была нечистая сила, — заявил молодой и веселый с виду заклинатель, которого звали Гуаскль.

— А кто же еще? С одного взгляда видно.

— Наружность ничего не доказывает; это известно еще с той поры, как добрый дух Агут М'Канди явился в облике...

— Не надо поучений, Гуаскль. Притчи Лалланда известны всем. Следует решить, можем ли мы рисковать.

Гуаскль повернулся к Бентли и серьезно спросил:

— Ты злой дух?

— Нет, — ответил Бентли. Сначала он был озадачен чрезмерным интересом, проявленным телианами к его духовной сущности. Даже не спрашивают, откуда, как и почему он явился. Но, собственно говоря, это не так уж необъяснимо. Если бы в эпоху господства религиозного фанатизма на Землю явился пришелец из другого мира, его, вероятно, прежде всего спросили бы: «Чье ты порождение — господина или дьявола?»

— Он утверждает, что он не злой дух, — сказал Гуаскль.

— Откуда он знает?

— Если не знает он, то кто же знает?

— Однажды великий дух Г-таль даровал некоему мудрецу три кдаля и молвил...

И так далее. Под тяжестью всей амуниции ноги Бентли подгибались. Лингвасцен уже не поспевал за пронзительными выкриками в бурном богословском диспуте. Было ясно, что судьба Бентли зависит от двух-трех спорных положений, ни одно из которых заклинатели не желали обсуждать, так как разговор о злых духах опасен сам по себе.

Дело еще более запуталось из-за того, что концепция о проникающей способности злого духа вызвала раскол. В одном лагере оказались молодые заклинатели духов, в другом — старейшие. Каждая фракция обвиняла другую в отъявленной ереси, но Бентли не мог постичь, кто же во что верует и какое именно толкование ему выгодно.

Над травянистой равниной садилось солнце, а страсти все еще не улеглись. Но вот неожиданно и внезапно заклинатели духов пришли к соглашению, хотя Бентли не понял, почему именно и на какой основе.

Вперед вышел Гуаскль как представитель младших заклинателей.

— Пришелец, — провозгласил он, — мы решили не убивать тебя.

Бентли сдержал улыбку. Как это похоже на примитивный народ — даровать жизнь неуязвимому существу!

— По крайней мере на первых порах, — торопливо поправился Гуаскль, перехватив хмурый взгляд Ринека и других заклинателей постарше. — Все будет зависеть только от тебя. Сейчас мы пойдем в селение, свершим там обряд очищения и устроим пиршество. Затем мы посвятим тебя в сословие заклинателей. Никакое исчадие

зла не может стать заклинателем духов — это строжайше запрещено. Таким образом, мы сразу познаем твою истинную сущность.

— Премного благодарен, — напыщенно ответил Бентли.

— Но если ты злой дух, то мы должны тебя истребить. А что должно, то и возможно!

Присутствующие одобрили эту речь приветственными криками и тотчас же отправились в селение, до которого было не больше мили. Теперь, когда Бентли получил гражданство, пусть даже с испытательным сроком, туземцы проявляли предельное дружелюбие. По пути они добродушно болтали с ним об урожаях, засухах и голодных годах.

Шатаясь под тяжестью снаряжения, Бентли устало плелся вместе с туземцами, но душа его ликовала. Вот уж поистине удача! В качестве посвященного он будет располагать неповторимыми возможностями. Он соберет антропологические сведения, завяжет торговлю, расчитит путь для будущего прогресса Тельса IV

От него требуется немного: пройти испытания при посвящении, только и всего. Ну и, конечно, не дать себя убить, вспомнил он, усмехаясь.

Потеха, до чего же эти заклинатели духов уверены, что способны умертвить его.

Селение состояло из двух десятков хижин, образующих собою круг. Хижины были сделаны из глины и покрыты соломенными крышами; при каждой имелся огородик, а при некоторых — загончики для скота, животных вроде коров и свиней. Между хижинами сновали какие-то звери с зеленым мехом; телиане обращались с ними ласково, как с щенятами. Пороший травой центр круга служил площадью. Здесь находился общий колодец, здесь же помещались алтари, где поклонялись раз-

личным богам и дьяволам. Площадь была освещена гигантским костром, и туземные женщины приготовились к празднеству.

Сгибаясь под тяжестью незаменимого «Протекта», Бентли прибыл на пир в полном изнеможении. Он блаженно опустился на землю вместе с селянами, и праздник начался.

Сначала туземные женщины исполнили для гостя приветственный танец. Это было красивое зрелище: при свете костра поблескивала оранжевая кожа, мягко, в унисон, изгибались хвосты. Потом к Бентли приблизился сельский старейшина Окцип, держа в руках полную до краев чашу.

— Пришелец,— сказал Окцип,— ты явился с дальней Земли, твои обычаи — не наши обычаи. И все же давай побратаемся! Отведай этого питья, дабы скрепить узы братства и во имя всего, что священо.

И с низким поклоном он поднес чашу Бентли.

То была ответственная минута, один из тех поворотных моментов, которые способны навеки упрочить дружбу между двумя расами или превратить их в смертельных врагов. Но Бентли не мог им воспользоваться. Как можно тактичнее он отклонил символическое питье.

— Но ведь оно очищено! — воскликнул Окцип.

Бентли объяснил, что табу его племени не разрешает употреблять никаких напитков, кроме своих. Окцип не понимает, что у разных людей разные диетические потребности. Например, указал Бентли, возможно, что на Тельсе IV в состав веществ, необходимых для жизни, входит стрихнин. Он не добавил, что, даже если бы он и захотел испытать судьбу, «Протект» никогда этого не допустит. Тем не менее туземцев встревожил отказ гостя.

Заклинатели духов поспешно посовещались. К Бентли подошел Ринек и уселся с ним рядом.

— Скажи, — осведомился Ринек, помолчав, — что ты думаешь о нечистой силе?

— Нечистая сила — это нехорошо, — торжественно ответил Бентли.

— Ага! — Заклинатель духов обдумывал это заявление, нервно постукивая хвостом по траве. Зверек с зеленым мехом (оказалось, что он называется мобака) вздумал поиграть этим хвостом. Ринек отшвырнул зверька прочь и повторил:

— Значит, ты не любишь нечистую силу?

— Нет.

— И не позволишь ей действовать вблизи себя?

— Ни в коем случае, — ответил Бентли, подавляя зевок. Он начал уставать от хитроумных вопросов заклинателя духов.

— В таком случае ты не откажешься принять заветное священное копье, которое Кран К-Ле вынес из обиталища Малых Богов. На того, кто им замахнется, снисходит благодать.

— С удовольствием приму это копье, — сказал Бентли, веки которого тяжелели. Он надеялся, что это будет последняя церемония за сегодняшний вечер.

Ринек одобрительно проворчал что-то и отошел. Пляски женщин закончились. Заклинатели духов затянули монотонную песнь глубокими, волнующими голосами. Пламя костра взлетело ввысь.

Вперед вышел Гуаскль. Теперь лицо его было разрисовано тонкими черными и белыми полосками. Он нес древнее копье из черного дерева, с наконечником из обработанного вулканического стекла. По всей длине копье было покрыто причудливой, хотя и примитивной резьбой.

Держа копьё на весу, Гуаскль произнес:

— О пришелец с небес, прими от нас священное копьё! Кран К-Ле даровал его нашему праотцу Трину, наделил копьё магической силой и повелел, чтобы оно явилось сосудом духов добра. Нечистая сила не выносит присутствия этого копья! Возьми же его вместе с нашими благословениями.

Бентли тяжело поднялся на ноги. Он понимал, какое значение имеет подобный ритуал. Принятие копья раз и навсегда положит конец сомнениям относительно его спиритуального статуса. Он благоговейно склонил голову.

Гуаскль подошел к нему, протянул копьё и...

Со щелканьем сработал «Протект». Как и многие великие изобретения, он работал просто. Когда расчетный узел принимал сигнал опасности или намек на опасность, «Протект» создавал вокруг оператора защитное силовое поле. Это поле делало оператора неуязвимым, потому что было совершенно и абсолютно непроницаемо. Однако не обошлось без кое-каких неудобств.

Если бы у Бентли было слабое сердце, «Протект» мог бы убить его, потому что его действия, порожденные электронными импульсами, отличались внезапностью, необыкновенной мощностью и сокрушительностью. Одно мгновение Бентли стоял у большого костра, протянув руку к священному копьё. В следующее мгновение он погрузился во тьму.

Как обычно, он почувствовал себя так, словно катапультировался в затхлый, темный чулан, резиновые стены которого сжимают его со всех-сторон. Он проклял сверх-эффективность устройства. Копьё не таило угрозы, оно составляло часть важного обряда. Однако «Протект», воспринимающий все буквально, истолковал его как потенциальную опасность.

И вот теперь в темноте Бентли стал ощупью искать кнопку, отключающую поле. Как обычно, под влиянием силового поля нарушилась координация движений — с каждым новым применением «Протекта» неуверенность в движениях возрастала. Он осторожно ощупал свою грудь там, где должна была находиться кнопка, но та соскользнула с места и отыскиалась лишь под мышкой справа. Наконец он отключил поле.

Празднество было прервано. Туземцы сбились тесной толпой и стояли, напрягнув хвосты, с оружием наперевес, готовые защищаться. Гуаскль, оказавшийся в сфере действия поля, был отброшен на двадцать футов и теперь медленно подымался с земли. Заклинатели уныло затянули очистительную песнь для защиты от злых духов. При всем желании Бентли не мог их осудить.

Когда защитное поле «Протекта» вводится в действие, оно принимает вид непрозрачного черного шара диаметром около трех метров. Если по нему ударить, оно отбросит обидчика с силой, равной силе удара. На поверхности этого шара непрерывно появляются, кружатся, переплетаются и исчезают белые линии. А при вращении раздается резкий пронзительный вопль.

В общем и целом зрелище едва ли было рассчитано на то, чтобы завоевать доверие примитивных и суеверных существ.

— Извините, — произнес Бентли со слабой улыбкой. Навряд ли к этому можно было добавить что-нибудь еще.

Гуаскль подошел, прихрамывая, но остановился в отдалении.

— Ты не можешь принять священное копье, — констатировал он.

— Ну, не совсем так, — возразил Бентли. — Просто... словом, у меня есть охранное устройство, что-то вроде щита, понимаешь? Оно не любит копий. Не мог бы ты предложить мне, например, священную тыкву?

— Не будь смешон, — ответил Гуаскль. — Слыханное ли дело — священная тыква?

— Пожалуй, ты прав. Но, прошу тебя, поверь мне на слово — я не злой дух. Право же, нет. Просто копыя для меня табу.

Заклинатели духов затараторили настолько быстро, что лингвасцен не успевал переводить. Он улавливал лишь отдельные слова — «злой дух», «уничтожить», «очищение». Бентли решил, что прогноз, кажется, не слишком благоприятен.

После совещания Гуаскль подошел к нему и сообщил:

— Некоторые полагают, что тебя следует убить немедленно, пока ты не навлек на селение великих бедствий. Однако я сказал им, что нельзя винить тебя во множестве твоих табу. Мы будем молиться за тебя всю ночь. Быть может, наутро посвящение окажется возможным.

Бентли поблагодарил. Туземцы проводили его до хижины, а затем распрощались с необыкновенной поспешностью. В селении воцарилась зловещая тишина; со своего порога Бентли видел, как туземцы собирались кучками и серьезно беседовали, украдкой поглядывая в его сторону.

Скверное начало для сотрудничества двух рас.

Бентли без промедления связался с профессором Слиггертом и рассказал о случившемся.

— Не повезло, — заметил профессор. — Но первобытные люди славятся склонностью к предательству. Вполне возможно, что копые предназначалось не для вручения, а послужило бы орудием убийства. Вы бы приняли копые в самом буквальном смысле слова.

— Я абсолютно уверен, что такого намерения не было, — настаивал Бентли. — В конце концов надо же когда-нибудь верить людям.

— Не тогда, когда вы отвечаете за оборудование стоимостью в миллиарды долларов.

— Но ведь я же ничего не могу предпринять! — закричал Бентли. — Неужто вы не понимаете? Они уже относятся ко мне с подозрением. Я оказался не в состоянии принять священное копье. Это означает, что я скорее всего злой дух. Что же будет, если завтра я не пройду обряда посвящения? Допустим, какому-нибудь болвану вздумается поковырять в зубах ножом и «Протект» меня «спасет»? Пропадет все благоприятное впечатление, созданное мною поначалу.

— Добрую волю можно восстановить, — сентенциозно изрек профессор Слиггерт. — А вот оборудование на миллиарды долларов...

— Может спасти следующая экспедиция. Послушайте, профессор, пойдите мне навстречу. Неужто нет никакой возможности управлять этой штукой вручную?

— Совершенно никакой, — ответил Слиггерт. — Иначе сошло бы на нет само назначение устройства. Можно с тем же успехом и не надевать его, если вы собираетесь полагаться на собственные рефлексy, а не на электронные импульсы.

— Тогда объясните, как оно снимается.

— Остается в силе тот же довод — вы можете оказаться незащищенным.

— Но послушайте, — запротестовал Бентли, — меня же выбрали как опытного исследователя. Мне ведь на месте виднее. Я ознакомился с местными условиями. Расскажите, как снять «Протект».

— Нет! «Протект» должен пройти весь комплекс полевых испытаний. К тому же мы хотим, чтобы вы вернулись целым и невредимым.

— Это другое дело,— сказал Бентли.— Кстати, эти люди вроде бы не сомневаются, что могут убить меня.

— Примитивные племена всегда переоценивают могущество своей силы, своего оружия и своей магии.

— Знаю, знаю. Но вполне ли вы уверены, что они не могут проникнуть сквозь поле? Как насчет яда?

— Ничто не может проникнуть сквозь поле,— терпеливо ответил Слiggerт,— даже солнечные лучи. Даже гамма-лучи. Вы носите на себе неприступную крепость, мистер Бентли. Неужели так трудно питать ко мне хоть каплю доверия?

— В первых моделях многое сплошь и рядом требует доводки,— проворчал Бентли.— Но пусть будет по-вашему. А может все-таки скажете, как он снимается, просто на всякий случай, если что-нибудь пойдет не так?

— Желательно, чтобы вы перестали спрашивать об этом, мистер Бентли. Вас выбрали для полного проведения полевых испытаний. Именно это вам и предстоит.

Когда Бентли кончил передачу, стояли глубокие сумерки и селяне уже разошлись по своим хижинам. Костры догорали, слышались голоса ночных животных.

В этот миг Бентли почувствовал безысходное одиночество и щемящую тоску по родине.

Он устал чуть ли не до потери сознания, но все же заставил себя поесть каких-то концентратов и выпить немного воды. Затем отстегнул сумку с инструментами, радио и флягу, безнадежно подергал «Протект» и улегся спать.

Едва он задремал, как «Протект» пришел в действие со страшной силой, чуть не вывихнув ему шейный позвонок.

Он принялся устало шарить в поисках кнопки, обнаружил ее примерно над желудком и отключил поле.

Хижина была такой же, как обычно. Он не увидел никакого источника опасности.

Теряет ли «Протект» чувство реальности, удивился он, или же какой-нибудь телианин пытался пронзить его копьем через окошко?

Тут Бентли заметил, что крохотный детеныш мобаки улепетывает со всех ног, вздымая клубы пыли.

Звереныш, наверное, хотел согреться, подумал Бентли. Но, разумеется, это чужеродное тело. Недремлющий «Протект» не мог проглядеть такую опасность.

Бентли заснул опять, и ему сразу же приснилось, будто он заперт в тюремной камере из ярко-красной губчатой резины. Он пытался отодвинуть стены все дальше, дальше, дальше, но те не сдавались, а когда он, обессиленный, наконец оставлял попытки, — стены мягко возвращали его в центр камеры. Это повторялось снова и снова, пока наконец он не почувствовал толчок в спину и не проснулся в черном защитном поле.

На этот раз найти кнопку было по-настоящему трудно. Он отчаянно искал ее на ощупь, пока не начал задыхаться от спертого воздуха. Его охватил ужас. Наконец он обнаружил кнопку у подбородка, отключил поле и, нетвердо держась на ногах, занялся поисками источника очередного нападения.

Поиски увенчались успехом. От крыши оторвалась соломинка, которая попыталась упасть на него. Ясное дело, «Протект» этого не стерпел.

— А ну тебя! — простонал Бентли вслух. — Хоть разок прояви благоразумие!

Однако он настолько устал, что ему, в сущности, все было безразлично. К счастью, в эту ночь атаки больше не повторялись.

Утром в хижину Бентли зашел Гуаскль. Вид у него был крайне торжественный и в то же время смущенный.

— Ночью в твоей хижине раздавался великий шум, — сказал заклинатель духов. — Отчаянные вопли, словно ты сражался с дьяволом.

— Просто я всегда сплю спокойно, — объяснил Бентли.

Гуаскль улыбнулся в знак того, что оценил шутку.

— Мой друг, молился ли ты ночью об очищении и об избавлении от злого духа?

— Это уж точно, молился.

— А была ли твоя молитва услышана?

— Была, — с надеждой ответил Бентли. — Вблизи меня не осталось нечистой силы. Ни капельки.

Сомнения Гуаскля не рассеялись.

— Но вправе ли ты утверждать это с уверенностью? Быть может, тебе лучше уйти от нас с миром. Если тебя невозможно посвятить, то придется тебя уничтожить...

— Об этом не беспокойся, — заявил Бентли. — Давай начнем.

— Очень хорошо, — сказал Гуаскль, и они вместе вышли из хижины.

Посвящение должно было состояться перед большим костром на деревенской площади. Еще ночью во все стороны были разосланы гонцы, так что на площади собрались заклинатели духов из множества селений. Некоторые прошли двадцать миль, чтобы принять участие в обрядах и воочию увидеть чужеземца. Торжественно гремел ритуальный барабан, извлеченный из тайного хра-

нилица. Селяне глядели, болтали между собой, смеялись. Однако Бентли уловил глухую нервность и напряженность толпы.

Танец сменялся танцем. Когда началась последняя фигура, Бентли нервно дернулся, потому что ведущий стал размахивать дубиной над головой. В вихре пляски танцор надвигался на него — все ближе и ближе... Вот он уже в нескольких футах, а усыпанная стекляшками дубина кажется ослепительной вспышкой.

Селяне смотрели не отрываясь, как зачарованные. Бентли закрыл глаза, ожидая мгновенного погружения во тьму силового поля.

Однако танцор наконец отступил, и пляска кончилась под одобрителный рев селян.

Слово взял Гуаскль. С трепетом облегчения Бентли понял, что обряд посвящения закончился.

— О братья, — сказал Гуаскль, — чужеземец преодолел великую пустоту, чтобы стать нашим братом. Многие в нем странно, и его окружает нечто похожее на зло. И все же добрая воля его очевидна. Никто не сомневается, что по сути своей он честен и благороден. Сим посвящением мы очищаем его от злого духа и принимаем в свою среду.

Среди гробовой тишины Гуаскль подошел к Бентли.

— Отныне, — сказал Гуаскль, — ты заклинатель духов и воистину один из нас. — Он протянул руку.

Бентли почувствовал, что сердце его бешено заколотилось. Он победил! Его приняли! Он крепко стиснул протянутую руку Гуаскля.

Во всяком случае, хотел стиснуть. Это не вполне удалось, так как неизменно бдительный «Протект» спас его от соприкосновения, возможно таящего угрозу.

— Проклятый идиот! — взревел Бентли, быстро найдя кнопку и отключив поле.

Он сразу же понял, что быть беде.

— Нечистая сила! — пронзительно закричали телиане, неистово замахав оружием.

— Нечистая сила! — возопили заклинатели духов.

Бентли в отчаянии обернулся к Гуасклю.

— Да, — печально промолвил молодой заклинатель, — все верно. Мы лелеяли надежду, что древний обряд изгонит злого духа. Но это невозможно. Злого духа надлежит уничтожить! Убьем дьявола!

На Бентли обрушился град копий. «Протект» мгновенно отреагировал. Вскоре стало ясно, что дело зашло в тупик. По нескольку минут Бентли оставался в защитном поле, затем отключал его. Телиане, видя, что он не вредим, возобновляли «огонь», и защита мгновенно срабатывала снова.

Бентли хотел отойти к звездолету. Однако «Протект» то и дело включался. При такой скорости передвижения понадобился бы месяц, а то и два, чтобы пройти милю, так что не стоило и пытаться. Он просто переждет. Через некоторое время нападающие поймут, что не в силах причинить ему вред, и две расы наконец найдут общий язык.

Он старался расслабить мускулы внутри поля, но эта затея оказалась нелепой. Он был голоден и очень хотел пить. И воздух внутри защитного поля постепенно становился все более спертым.

Тут Бентли с содроганием вспомнил, что ночью воздух не проникал сквозь окружающее его поле. Естественно, ведь оно непроницаемо. Если не принять мер, недолго и задохнуться.

Бентли знал, что самая неприступная крепость может пасть, если ее защитники голодают или задыхаются.

Он лихорадочно принялся размышлять. Долго ли телиане будут вести наступление? Ведь рано или поздно они устанут.

А если нет?

Он терпел, сколько мог, пока воздух не стал совершенно непригоден для дыхания, а затем отключил поле. Телиане расселись на земле вокруг чужака. Горели костры, на которых они готовили пищу. Ринек лениво метнул в него копьё, и поле в который раз включилось.

— Ага, — подумал Бентли, — сообразили. Собираются уморить меня голодом.

Он попытался сосредоточиться в темноте, но стены чулана словно сдавливали его. У него началась клаустрофобия: ведь воздух, которым он дышал, опять становился спёртым.

Немного подумав, он отключил поле. Телиане глядели на него холодно. Один из них взялся за копьё.

— Погодите! — закричал Бентли. Одновременно он включил рацию.

— Чего тебе надобно? — спросил Ринек.

— Выслушайте меня! Это же несправедливо — заманить меня в «Протект», как в капкан!

— А? Что происходит? — раздался голос профессора Слиггерта у него в ухе.

— Вы, телиане, знаете, — хрипло продолжал Бентли, — вы знаете, что меня можно уничтожить, непрерывно приводя «Протект» в действие. Я не могу его отключить! Я не могу из него выбраться!

— А-а! — сказал профессор Слиггерт. — Я понимаю, в чем затруднение. Да-да.

— Нам очень неприятно, — извинился Гуаскль, — но злого духа надлежит уничтожить.

— Конечно, — безнадежно сказал Бентли, — но не меня же. Помогите мне, профессор!

— Это действительно упущение, — бормотал профессор Слиггерт в задумчивости, — и очень серьезное. Как ни странно, подобные случаи нельзя предусмотреть, сидя в лаборатории. Они обнаруживаются лишь при проведении всей программы полевых испытаний. В последующих моделях этот недостаток будет устранен.

— Великолепно! Но я-то уже здесь! Как мне снять эту штуку?

— Простите меня, — сказал Слиггерт. — Поверьте, я никак не ожидал, что может возникнуть такая необходимость. По правде говоря, я сконструировал эти доспехи так, чтобы вы ни при каких обстоятельствах из них не выбрались.

— Ах, вы, паршивый...

— Прошу вас! — строго сказал Слиггерт. — Не будем терять голову. Если вы продержитесь несколько месяцев, нам, возможно, удастся...

— Не продержусь! Воздуха! Воды!

— Огня! — вскричал Ринек с искаженным лицом. — Скуем дьявола огнем!

И «Протект» со шелканьем включился.

В крошечной тьме Бентли старался обдумать все как можно тщательнее. Из «Протекта» придется вылезать самому. Но как? В сумке с инструментами есть нож. Можно ли разрезать крепкие пластиковые лямки? Это необходимо!

Но что потом? Даже если он выйдет из своей крепости, все равно до корабля остается миля. Его, лишенного защиты, убьет первое же копьё. Ведь туземцы торжественно поклялись убить его, ибо он был непреложно объявлен злым духом.

Надо бежать, это единственный шанс на спасение. К тому же лучше погибнуть от копьё, чем медленно задыхаться в непроглядной тьме.

Бентли отключил поле. Телиане окружали его кострами, отрезая путь стеной пламени.

Он неистово рубанул по пластиковой паутине. Нож скользнул по лямке, а Бентли очутился в силовом поле.

Когда он снова вышел, огненный круг был уже замкнут. Телиане осторожно пододвигали костры поближе к врагу, уменьшая радиус этого круга.

У Бентли душа ушла в пятки. Как только костры достаточно приблизятся, «Протект» включится и останется включенным. Ему уже не удастся отключить поле нажатием кнопки — предпочтение будет отдано сигналу непрерывной опасности. Пока туземцы поддерживают огонь, Бентли будет заперт в силовом поле, как в мышеловке.

А если учесть, как относятся примитивные народы к дьяволам, вполне возможно, что они не поленятся жечь костры на протяжении ста, а то и двухсот лет. Бентли бросил нож, хватанул пластиковую лямку кусачками и разрезал ее наполовину.

Затем снова погрузился в защитное поле.

У Бентли кружилась голова, он терял сознание от усталости и судорожно хватал ртом зловонный воздух. Сделав невероятное усилие, он взял себя в руки. Сейчас не время сдаваться. Иначе конец.

Он отыскал кнопку, нажал ее. Теперь костры были уже совсем близко. В лицо полыхнуло жаром. Он злобно щелкнул кусачками по лямке и почувствовал, что она отлетела.

Он выскочил из «Протекта» в тот миг, когда поле опять включилось. Его швырнуло прямо в костер. Однако он выпрыгнул из пламени не обгорев.

Селяне взревели. Бентли помчался прочь, бросая на бегу лингвасцен, сумку с инструментами, рацию, пище-

вые концентраты и флягу. Разок он оглянулся и увидел, что телиане бегут за ним по пятам.

Но Бентли твердо держал свой курс. Изнемогающее сердце, казалось, вот-вот разобьет грудную клетку, а легкие сплющатся в комок и больше не вдохнут воздух. Но корабль был уже совсем близко, дружелюбной громадой возвышался на плоской равнине.

Он непременно успеет. Еще каких-нибудь двадцать метров...

Впереди мелькнуло что-то зеленое. То был маленький детеныш мобаки в шубке зеленого меха. Неуклюжий зверек пытался убраться с пути беглеца.

Бентли свернул в сторону, чтобы не раздавить его, и с запоздалым сожалением понял, что никогда не следует нарушать ритм бега. Под ноги ему подвернулся какой-то камень, и он упал.

Позади слышался топот приближающихся телиан, и Бентли с трудом приподнялся на одно колено.

Тут кто-то запустил в него дубинкой и угодил пряме-хонько в лоб.

— Ар гуай дрил? — издали спрашивал чей-то голос на непонятном языке. Бентли приоткрыл глаз и увидел, что над ним склонился Гуаскль. Он был опять в селении, в хижине. На пороге, наблюдая за ним, стояли несколько вооруженных заклинателей духов.

— Ар дрил? — повторил свой вопрос Гуаскль.

Бентли повернулся набок и увидел рядом с собой аккуратно разложенные инструменты, флягу, концентраты, рацию и лингвасцен. Он жадно принял к фляге, потом включил лингвасцен.

— Я спросил, хорошо ли ты себя чувствуешь, — сказал Гуаскль.

— Конечно, превосходно, — буркнул Бентли, ощупывая голову. — Давай закругляться.

— Закругляться?

— Ты ведь хотел меня убить, не правда ли? Так не будем превращать это дело в балаган.

— Но мы вовсе не собирались уничтожить тебя, — сказал Гуаскль. — Мы с самого начала знали, что ты хороший и добрый человек. Нам нужен был дьявол.

— Как? — переспросил Бентли. Он ничего не понимал.

— Пойдем, увидишь.

Заклинатели духов помогли Бентли встать и вывели его на улицу. Там, окруженный морем огня, мерцал большой черный шар «Протекта».

— Ты этого, понятно, не знал, — сказал Гуаскль, — но на твоей спине сидел дьявол.

— Ух, ты! — выдохнул Бентли.

— Да, это так. Мы старались выдворить его путем очищения, но он был слишком силен. Нам пришлось вынудить тебя, брат, стать лицом к лицу с этой нечистой силой и отбросить ее. Мы знали, что ты выдержишь это испытание. И ты его выдержал!

— Понятно, — сказал Бентли. — Дьявол на спине. Да, наверное.

Таким и должен был им показаться «Протект». Тяжелый, бесформенный груз на плечах, изрыгающий черный шар всякий раз, как его пытаются очистить от скверны. Что же оставалось делать религиозным людям, как не постараться вырвать Бентли из когтей дьявола?

Бентли заметил, что несколько женщин из селения принесли корзинки с едой и бросили их в огонь перед шаром. Он вопросительно посмотрел на Гуаскля,

— Мы хотим его умиловать, — разъяснил Гускль, — ибо это необычайно могущественный дьявол, несомненно умеющий творить чудеса. Наше селение гордится тем, что такой дьявол попал к нам в рабство.

Вперед выступил заклинатель духов из соседнего селения.

— Есть ли у тебя на родине еще дьяволы? Не мог бы ты привезти такого и нам, чтобы мы ему поклонялись?

За ним нетерпеливо вышли вперед другие заклинатели. Бентли кивнул головой.

— Пожалуй, это можно устроить, — сказал он.

Он понял, что тут-то и завязалась торговля Земли с Тельсом. И еще понял, что наконец-то найдено подходящее применение для Универсальной Защиты профессора Слиггерта.

ЗАЯЦ

Я подъехал к Марсопорту через несколько часов после того, как прибыл корабль с Земли. На его борту находились буры с алмазными коронками — заказ на них я оформил больше года назад. Мне хотелось заявить свои права на эти буры, пока их никто не перехватил. Я вовсе не хочу сказать, что их могли украсть; все мы тут, на Марсе, джентльмены и ученые. Однако здесь всякая мелочь достается с трудом, а украсть по праву первого — это традиционный способ, каким джентльмены-ученые добывают необходимое оборудование.

Едва я успел погрузить буры в джип, как подъехал Карсон из Горной группы, размахивая чрезвычайно срочным весьма аварийным ордером. К счастью, у меня хватило соображения выписать сверхсрочный ордер у директора Бэрка. Карсон воспринял свою неудачу с такой учтивостью, что я подарил ему три бура.

Он понесся на своем скутере по красным пескам Марса, которые так красиво выходят на цветных фотографиях и так безбожно забивают двигатели.

Я подошел к земному кораблю: меня вовсе не волновали космолеты, просто хотелось взглянуть на нечто еще не примелькавшееся.

Тут я увидел зайца.

Он стоял возле космолета и смотрел на красный песок, на опаленные посадочные шахты, на пять зданий Марсопорта; глаза у него были огромные, словно блюда. На его лице, казалось, было написано: «Марс! Вот это да!»

Мысленно я застонал. В тот день мне предстояло столько работы, что и за месяц не переделать. А заяц входил в мою компетенцию. Как-то в приливе несвойственной ему фантазии директор Бэрк сказал мне: «Талли, ты умеешь обращаться с людьми. Ты в них понимаешь. Они тебя любят. Поэтому назначаю тебя главой Службы безопасности на Марсе».

Это надо было понимать так, что в мое ведение передаются зайцы.

В данном случае заяц выглядел лет на двадцать. Роста в нем было свыше шести футов, а тощего мяса на костях — от силы сто фунтов. В здоровом марсианском климате его нос успел стать ярко-красным. У зайца были большие, с виду нескладные руки и большие ступни. В бодрящей марсианской атмосфере он ловил воздух ртом, как рыба, выброшенная из воды. Респиратора у него, естественно, не было. У зайцев никогда не бывает респираторов.

Я подошел к нему и спросил:

— Ну и как же тебе здесь нравится?

— Госпо-ди-и! — сказал он.

— Потрясающее ощущение, не правда ли? — спросил я. — Наяву стоять на взаправдашней, всамделишной чужой планете.

— И не говорите! — произнес, задыхаясь, заяц. От кислородного голодания он весь посинел — весь, кроме кончика носа. Я решил проучить его — пусть еще чуть-чуть помучится.

— Ты, значит, тайком забрался на этот грузовой корабль, — сказал я. — Прокатился без билета на изумительный, чарующий, экзотический Марс.

— Ну, меня вряд ли можно назвать безбилетником, — проговорил он, судорожно пытаюсь набрать воздух в легкие. — Я вроде как бы... вроде как бы...

— Вроде как бы сунул капитану взятку, — закончил я за него.

К этому времени он уже еле-еле стоял на своих длинных, тощих ногах. Я вытащил запасной респиратор и нахлобучил ему на нос.

— Пошли, заяц, — сказал я. — Найду тебе что-нибудь перекусить. Потом у нас с тобой будет серьезный разговор.

По дороге в кают-компанию я придерживал его за руку: он так пялил глаза на все вокруг, что неминуемо обо что-нибудь споткнулся бы и сломал бы это «что-нибудь». В кают-компании я повысил давление воздуха и разогрел зайцу свинину с бобами.

Он с жадностью проглотил еду, откинулся в кресле, и рот у него растянулся от уха до уха.

— Меня зовут Джонни. Джонни Франклин, — сказал он. — Марс! Прямо не верится, что я и вправду здесь.

Так говорят все зайцы — те, что остаются в живых после перелета. Ежегодно делается примерно десять попыток, но лишь один или два человека умудряются выжить. Они ведь невероятные идиоты. Несмотря на проверки службы безопасности, зайцы каким-то образом прокрадываются на борт фрахтовика.

Корабли стартуют с ускорением порядка двадцати *g*, и заяц, у которого нет специальных средств защиты, сплющивает в лепешку. Если он при этом и уцелеет, его прикончит радиация. Или же он задохнется в неventилируемом трюме, не успев добраться до каюты пилота.

У нас тут есть специальное кладбище, исключительно для зайцев.

Однако время от времени кто-нибудь ухитряется выжить и вступает на Марс с большими надеждами и глазами, сияющими, как звезды.

Разочаровывать их приходится никому иному, как мне.

— Зачем же ты приехал на Марс? — спросил я.

— Я вам объясню, — сказал Франклин. — На Земле приходится поступать, как все люди. Надо думать, как все, и делать, как все, не то окажешься под замком.

Я кивнул.

Сейчас, впервые в истории человечества, на Земле все спокойно. Мир во всем мире, единое всемирное правительство, мировое процветание. Власти стремятся сохранить все, как есть. Мне кажется, что они заходят слишком далеко, подавляя даже самый безобидный индивидуализм, но кто я такой, чтобы судить? По всей вероятности, лет через сто или около того станет легче, но для зайца, живущего в *наши дни*, это слишком долгий срок.

— Значит, ты испытывал потребность в новых горизонтах, — сказал я.

— Да, сэр, — ответил Франклин. — Мне не хотелось бы показаться вам трепачом, сэр, но я мечтал стать первооткрывателем. Трудности меня не страшат. Я буду работать! Вот увидите, только позвольте мне остаться, прошу вас, сэр! Я буду работать не покладая рук...

— А что ты будешь делать? — спросил я.

— А? — на мгновение он смешался, потом ответил: — Что угодно.

— Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился

химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

— Нет, сэр, — пролепетал заяц.

Это не доставляло мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу неумолимую, горькую правду.

— Так, значит, твоя специальность не химия, — размышлял я вслух. — У нас нашлось бы местечко для перwokлассного геолога. На худой конец — для статистика.

— Боюсь, я не...

— Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

— Нет, сэр.

— А докторская степень? Или степень магистра? Ну, хоть какой-нибудь диплом.

— Нет, сэр, — ответил подавленный Франклин. — Я и средней-то школы не окончил.

— Так что же ты в таком случае собирался здесь делать? — спросил я.

— Вот, знаете, сэр, — сказал Франклин, — я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думал, может, сгожусь вроде как посыльным. И я обучен плотницкому делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работка и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктику 2000-х, — героический фронтир для смелых, решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронтир. Это тупик.

— Франклин, — сказал я, — знаешь ли ты, что Строительство на Марсе зависит от поставок с Земли? Знаешь ли, что оно себя не окупает и, возможно, никогда не

окупит? Знаешь ли ты, что содержание одного человека обходится Строительству в пятьдесят тысяч долларов ежегодно? Считаешь ли ты, что стоишь годового заработка в пятьдесят тысяч долларов?

— Много я не съем, — возразил Франклин. — А уж как пообвыкну, я...

— *Кроме того*, — прервал его я, — знаешь ли ты, что на Марсе нет никого, кто не является по крайней мере доктором наук?

— Этого я не знал, — прошептал Франклин.

Зайцы никогда этого не знают.

Рассказывать им должен я.

Итак, я рассказал Франклину, что все плотничьи, слесарные, водопроводные работы, обязанности посыльных и поваров, а также уборку, починку и ремонт выполняют сами ученые в свободное время. Пусть не очень хорошо, но выполняют.

Суть в том, что на Марсе отсутствует неквалифицированная рабочая сила. Мы просто-напросто не можем себе этого позволить.

Я ждал, что Франклин зальется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

Он обвел комнату тоскливым взглядом, рассматривая обстановку замызганной, крохотной кают-компания. Понимаете, все в ней было марсианским.

— Пошли, — сказал я, поднимаясь с места. — Постель я тебе найду. А завтра организуем обратный проезд на Землю. Не огорчайся. Зато ты повидал Марс.

— Да, сэр. — Заяц с трудом поднялся. — Только я, сэр, ни за что не вернусь на Землю.

Я не стал с ним спорить. Зайцы, как правило, вечно хорохорятся. Откуда мне было знать, что на уме у этого?

Уложив Франклина, я вернулся в лабораторию и несколько часов занимался работой, которую надо было сделать во что бы то ни стало. Я лег спать совершенно обессиленный.

Наутро я пришел будить Франклина. В постели его не было. Мгновенно у меня мелькнула мысль о возможности диверсии. Кто знает, на что способен несостоявшийся первооткрыватель? Того и гляди выдернет из реактора два-три замедлителя или подожжет склад с горючим. Я неистово метался по лагерю, повсюду разыскивая зайца, и наконец обнаружил его в недостроенной спектрографической лаборатории.

Эту лабораторию мы строили в нерабочее время. У кого оказывалось свободных полчаса, тот укладывал несколько кирпичей, выпиливал крышку стола или привинчивал дверные петли к косяку. Никого нельзя было освободить от работы на такой срок, чтобы наладить все по-настоящему.

За несколько часов Франклин успел больше, чем все мы за несколько месяцев. Он действительно был умелым плотником и работал так, словно все фурии ада гнались за ним по пятам.

— Франклин! — окликнул я.

— Здесь, сэр. — Он поспешил ко мне. — Хотел что-нибудь сделать, чтоб не есть даром ваш хлеб, мистер Талли. Дайте мне еще часок-другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был похлопать его по плечу и сказать: «Парень, книжное образо-

вание — это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь».

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры.

Зайцы здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

— Франклин, — сказал я, — пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слюнтяй. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

— Я не могу вернуться на Землю, — еле слышно ответил Франклин.

— Что такое?

— Если я вернусь, меня упрячут за решетку.

— Ну, ладно, рассказывай все с самого начала, — простонал я. — Только, пожалуйста, покороче.

— Слушаюсь, сэр. Как я уже говорил, сэр, — начал Франклин, — на Земле надо поступать, как все, и думать, как все. Ну, вот, до поры до времени все было хорошо. Но потом я открыл Истину.

— Что-что?

— Я открыл Истину, — гордо повторил Франклин. — Я набрел на нее случайно, но вообще-то она очень простая. До того простая, что я обучил сестренку, а уж если та способна выучиться, значит, и всякий способен. Тогда я попытался обучить Истине всех.

— Продолжай, — сказал я.

— Ну и вот, все страшно обозлились. Сказали, что я спятил, что мне надо держать язык за зубами. Но я не мог молчать, мистер Талли, потому что это ведь Ис-

тина. Так что, когда за мной пришли, я отправился на Марс.

Ну и ну, подумал я, великолепно. Только этого нам не хватало на Марсе. Хороший, старомодный религиозный фанатик читает проповеди очерствелым ученым. Это как раз то, что прописал мне доктор. Ведь теперь, отослав парня назад на Землю, в тюрьму, я всю жизнь буду мучиться угрызениями совести.

— И это еще не все, — заявил Франклин.

— Ты хочешь сказать, что у этой душераздирающей истории есть продолжение?

— Да, сэр.

— Говори же, — со вздохом подбодрил его я.

— Они ополчились и на мою сестренку, — сказал Франклин. — Понимаете, когда ей открылась Истина, она не меньше моего захотела обучать других. Это ведь Истина, знаете ли. И вот теперь она вынуждена скрываться, пока... пока...

Он высморкался и с жалким видом проглотил слезы.

— Я думал, вы увидите, как я пригожусь на Марсе, и тогда сестренка могла бы ко мне...

— Довольно! — не выдержал я.

— Да, сэр.

— Больше ничего не желаю слышать. Я и так уже выслушал больше, чем нужно.

— А вы бы не хотели, чтобы я поведал вам Истину? — горячо предложил Франклин. — Я могу объяснить...

— Ни слова больше, — рявкнул я.

— Да, сэр.

— Франклин, я ничего не могу сделать для тебя, абсолютно ничего. У тебя нет степени. А у меня нет полномочий разрешить тебе остаться. Но я сделаю единст-

венное, что в моей власти. Я поговорю о тебе с директором.

— Вот здорово! Большое вам спасибо, мистер Талли. А вы объясните ему, что я еще не совсем окреп с дороги? Как только соберусь с силами, я вам докажу...

— Конечно, конечно, — сказал я и поспешно ушел.

Директор уставился на меня, как будто увидел моего двойника из антимира.

— Но, Талли, — сказал он, — тебе же известны правила.

— Конечно, — промямлил я. — Но ведь он действительно был бы нам полезен. И мне ужасно неприятно отпугивать его прямо в руки полиции.

— Содержание человека на Марсе обходится в пятьдесят тысяч долларов ежегодно, — сказал директор. — Считаешь ли ты, что он стоит заработка в...

— Знаю, знаю, — перебил я. — Но это такой трогательный случай, и он так старается, и мы могли бы его...

— Все зайцы трогательны, — заметил директор.

— Ну, ясно. В конце концов, это неполноценные создания, не то что мы, ученые. Пусть себе убирается туда, откуда явился.

— Талли, — спокойно сказал директор, — вижу, что этот вопрос обостряет наши отношения. Поэтому я предоставляю тебе самому решать его. Ты знаешь, что ежегодно на каждую вакансию в марсианском строительстве подается почти десять тысяч заявок. Мы отвергаем специалистов лучших, чем мы сами. Юноши годами учатся в университетах, чтобы занять здесь определенную должность, а потом окажется, что место уже занято. Учитывая все эти обстоятельства, считаешь ли ты по чести и совести, что Франклин должен остаться?

— Я... я... а-а, черт возьми, нет, если вы так ставите вопрос. — Я все еще был зол.

— А разве можно ставить его как-нибудь иначе?

— Разумеется, нет.

— Всегда печально, если много званных и мало избранных,— задумчиво проговорил директор.— Людям нужен новый фронтир. Хотел бы я отдать Марс для повсеместного заселения. Когда-нибудь так и случится. Но не раньше, чем мы научимся обходиться здешними ресурсами.

— Ладно, — сказал я. — Пойду организую отъезд зайца.

Когда я вернулся, Франклин работал на крыше спектрографической лаборатории. Едва взглянув мне в лицо, он понял, каков ответ.

Я сел в свой джип и покатил в Марсопорт. Я знал, что сказать капитану, который допустил пребывание Франклина на своем корабле. Слишком уж часты такие безобразия. Пусть теперь этот шутник и везет Франклина обратно на Землю.

Фрахтовик был погружен в стартовую шахту, только нос вырисовывался на фоне неба. Наш нуклеоник Кларксон готовил корабль к отлету.

— Где капитан этой ржавой посудыны? — спросил я.

— Капитана нет, — ответил Кларксон. — Это модель «Лежебока». С радиоуправлением.

Я почувствовал, как мой желудок стал медленно опускаться и подниматься, наподобие качелей.

— Капитана нет?

— Не-а.

— А экипаж?

— На корабле его нет, — сказал Кларксон.— Ты ведь знаешь, Талли.

— В таком случае на корабле не должно быть кислорода, — догадался я.

- Разумеется, нет!
- И защиты от радиации?
- Безусловно!
- И теплоизоляции нет?

— Теплоизоляции ровно столько, чтобы корпус не расплавился.

— И, наверное, он стартует с максимальным ускорением? Что-нибудь около тридцати пяти g?

— Конечно, — подтвердил Кларксон. — Для беспилотного корабля это наиболее экономично. А что тебя смущает?

Я ему не ответил. Молча подошел к джипу и, выжав акселератор до отказа, помчался к спектрографической лаборатории. Желудок у меня больше не поднимался и не опускался. Он вращался как волчок.

Человек неспособен выжить после такого рейса. У него нет на это никаких шансов. Ни одного шанса на десять миллиардов. Это физически невозможно.

Когда я подъехал к лаборатории, Франклин уже закончил крышу и работал внизу, соединяя трубы. Был обеденный перерыв, и ему помогали несколько человек из Горной группы.

— Франклин, — сказал я.

— Что, сэр?

Я набрал побольше воздуха в легкие.

— Франклин, ты прилетел сюда на том фрахтовике?

— Нет, сэр, — ответил он. — Я все пытался вам объяснить, что и не думал подкупать никакого капитана, но вы так и не...

— В таком случае, — проговорил я очень медленно, — как ты сюда попал?

— Благодаря Истине!

— Ты не можешь мне объяснить?

С секунду Франклин размышлял.

— С дороги я просто ужасно устал, мистер Талли,— сказал он,— но, кажется, могу.

И он исчез.

Я стоял и тупо моргал. Потом один из горных инженеров указал вверх. На высоте примерно трехсот футов парил Франклин.

Мгновение спустя он опять стоял рядом со мной. У него был иззябший вид, а кончик носа порозовел от холода.

Смахивает на мгновенное перемещение в пространстве. Нуль-перелет! Ну и ну!

— Это и есть Истина? — спросил я.

— Да, сэр,— сказал Франклин.— Это когда смотришь на мир по-иному. Стоит только увидеть Истину, *по-настоящему* увидеть,— и все становится возможным. Но на Земле это называли гал... галлюцинацией. Сказали, чтобы я прекратил гипнотизировать людей и...

— Ты можешь этому научить?

— Запросто,— ответил Франклин.— Правда, на это все же уйдет какое-то время.

— Это ничего. Смею надеяться, мы можем изыскать какое-то время. Да уж, полагаю, что можем. Даже наверняка. Да уж, какое-то время, затраченное на Истину, будет затрачено с толком...

Не известно, долго ли еще я бы нес околесицу, но Франклин горячо вмешался:

— Мистер Талли, значит ли это, что я могу остаться?

— Ты можешь остаться, Франклин. По правде говоря, если ты попытаешься нас покинуть, я тебя застрелю.

— О, благодарю вас, сэр! А как насчет моей сестренки? Можно ей сюда?

— Да-да, безусловно,— обрадовался я.— Пусть твоя сестренка приезжает. В любое время...

Я услышал испуганный крик горняков и медленно обернулся. Волосы у меня встали дыбом.

Передо мной стояла девушка — высокая, худенькая девушка с огромными, словно блюдца, глазами. Она озиралась по сторонам как лунатик и бормотала:

— Марс! Госпо-ди-и!

Потом заметила меня и вспыхнула.

— Простите меня, сэр,— сказал она.— Я... я подслушивала.

ЧЕЛОВЕКОМИНИМУМ

У каждого своя песня, думал Антон Настойч. Хорошенькая девушка подобна мелодии, а бравый космонавт — грохоту труб. Мудрые старцы в Межпланетном бюро напоминают разноголосые деревянные духовые инструменты. Есть на свете гении, чья жизнь — сложный, богато инструментованный контрапункт, а есть отбросы общества, и их существование всего лишь вопль гобоя, заглушенный неумолимой дробью басового барабана.

Размышляя обо всем этом, Настойч сжимал в руке лезвие бритвы и рассматривал синие прожилки вен у себя на запястье.

Ибо если у каждого своя песня, то песню Настойча можно уподобить плохо задуманной и бездарно исполненной симфонии ошибок.

При его рождении чуть слышно зазвенели было колокольчики радости. Под приглушенный барабанный бой юный Настойч отважился пойти в школу. Он кончил с отличием и поступил в колледж, в привилегированную группу из пятисот учащихся, где в какой-то степени можно было рассчитывать на индивидуальный подход.

Однако Настойчу не везло от рождения. За ним тянулась непрерывная цепь мелких неприятностей — опроки-

нутые чернильницы, утерянные книги и перепутанные бумаги. Вещам была свойственна отвратительная привычка ломаться у него в руках, если не считать случаев, когда вещи ломали ему руки. Добавьте к этому, что он переболел всеми детскими болезнями, в том числе скарлатиной, алжирской свинкой, фурункулезом, лисянкой, зеленой и оранжевой лихорадкой.

Все эти неприятности ни в коей мере не умаляли врожденных способностей Настойча, но в перенаселенном мире конкуренции на одних способностях далеко не уедешь. Нужно еще изрядное везение, а у Настойча его вовсе не было. Нашего героя перевели в обычную группу на десять тысяч студентов, где все проблемы усложнились, а шансы подхватить инфекцию повысились.

То был высокий, худой, мягкосердечный, трудолюбивый молодой человек в очках, которому (по причинам, не поддающимся анализу) врачи давно поставили диагноз «подвержен несчастным случаям». Какие бы там ни были причины, факт оставался фактом. Настойч относился к числу тех бедняг, для которых жизнь трудна до невозможности.

Большинство людей скользит по жизненным джунглям с легкостью крадущейся пантеры. Но для Настойча эти джунгли на каждом шагу кишели капканами, западнями и ловушками, ядовитыми грибами и жестокими хищниками, разверзались внезапными пропастями и разливались непреодолимыми реками. Безопасного пути нет. Все дороги ведут к беде.

Годы учения в колледже юный Настойч кое-как преодолел, невзирая на замечательный талант ломать ноги на винтовых лестницах, растягивать сухожилия, спотыкаясь о тумбы, ушибать локти в турникетах, разбивать очки о зеркальные стекла окон и вообще проделывать все прочие грустные, нелепые и тягостные трюки, кото-

рые выпадают на долю людей, подверженных несчастным случаям. Он мужественно устоял перед соблазном впасть в ипохондрию и силился бороться с неудачами.

Окончив колледж, Настойч взял себя в руки и попытался вновь утвердить светлую тему надежды, некогда намеченную его дюжим отцом и нежной матерью. Под барабанную дробь и переливы струн ступил Настойч на остров Манхэттен, чтобы стать кузнецом собственного счастья. Он упорно трудился, стремясь побороть свою злую судьбу, склонность к несчастьям и, несмотря ни на что, хотел остаться оптимистом.

Однако злая судьба брала свое. Благородные аккорды выливались в невнятное бормотание, и симфония жизни Настойча докатилась до уровня комической оперы. Работу за работой терял он в потоке испорченных диктофонов и залитых чернилами договоров, забытых карточек и перепутанных таблиц; в мощном крещендо ребер, сломанных в толкотне подземки, ступней, вывихнутых в решетках тротуаров, очков, разбитых о незамеченные углы, в череде болезней (в том числе — гепатита Д, марсианского гриппа, венерианского гриппа, синдрома пробуждения и смешливой лихорадки).

Настойч по-прежнему противился искушению стать ипохондриком. Во сне он видел космос и смельчаков с квадратными подбородками, завоевывающих новые земли, видел поселения на дальних планетах и бескрайние просторы свободных земель, где вдали от чахлах игрушечных джунглей Земли человеку воистину дано познать самого себя. Он подал заявление в Бюро межпланетных путешествий и поселений и получил отказ. Нехотя отмахнувшись от мечты и снова попытал свои силы в разных областях. Одновременно он прибегал и к психоанализу, и к гипнотическому внушению, и к гипнотиче-

скому гипервнушению, и к снятию противовнушения, но все понапрасну.

У каждой симфонии есть свой финал, а у каждого человека — свой предел. Тридцати четырех лет от роду, в три дня вылетев с работы, которую искал два месяца, Настойч распрощался с надеждами. Эту неудачу он считал заключительным, комическим, диссонирующим ударом медных тарелок — последней почестью тому, кому лучше было и не появляться на свет.

Получив с мрачным видом свои жалкие гроши, Настойч обменялся последним робким рукопожатием с бывшим начальником и стал спускаться на лифте в вестибюль. В его мозгу уже мелькали мысли о самоубийстве: ему чудились колеса грузовика, газовые краны, многоэтажные здания и быстроходные реки.

Лифт доставил его в необозримый мраморный вестибюль, где дежурили полисмены в форме и где целые толпы дожидались очереди на выход в город. Настойч пристроился в хвост и, пока не подошла его очередь, бездумно следил за измерителем плотности населения, стрелка которого подрагивала почти у самой отметки паники. На улице наш герой влился в могучий поток, текущий на запад, к жилому массиву, где обитал и он.

В его мозгу все еще копошились мысли о самоубийстве, уже не такие лихорадочные, но облеченные в более конкретную форму. Настойч перебирал в уме различные способы и средства, пока не поравнялся со своим домом; тогда он отделился от толпы и скользнул в подъезд.

Настойч пробрался сквозь несметные полчища детейшек, наводнявших коридоры, и попал в клетушку, выданную ему городскими властями. Он вошел, закрыл дверь, запер ее на ключ и вынул из бритвенного прибора лезвие. Улегшись на кровать и упершись ногами в

противоположную стену, он стал рассматривать синие прожилки вен у себя на запястье.

Решится ли он? Способен ли проделать все чисто и быстро, без ошибок и сожалений? Или завалит и эту работу и его, исходящего криком от боли, поволокут в больницу — жалкое зрелище на потеху студентам-практикантам?

Пока он раздумывал, кто-то подсунул под дверь желтый конверт с телеграммой. Весть, которая подоспела как раз в решающую минуту и с такой мелодраматической внезапностью, показалась Настойчу крайне подозрительной. Тем не менее он отложил лезвие и поднял с пола конверт.

Телеграмма была из Бюро межпланетных путешествий и поселений — великой организации, ведающей каждым шагом человека в космосе. Настойч вскрыл конверт дрожащими пальцами и прочитал:

*Мистеру Антону Настойчу
Временный жилищный массив 1993
Район 43825, Манхэттен 212, Нью-Йорк*

Дорогой мистер Настойч!

Три года назад Вы обратились к нам с просьбой о предоставлении Вам любой должности на иных планетах. К сожалению, в то время мы были вынуждены ответить Вам отказом. Однако мы подшили в Ваше личное дело все анкетные данные, а недавно пополнили их новейшими сведениями. Рад сообщить, что Вы хоть сейчас можете получить назначение, которое, видимо, полностью соответствует именно Вашим талантам и квалификации. Не сомневаюсь, что работа Вам подойдет, поскольку условия таковы: годовой оклад 20 000 долларов, все

предусмотренные законом пограничные льготы и небывалые перспективы продвижения по службе.

Прошу Вас явиться ко мне для переговоров.

С искренним уважением

*Уильям Гаскелл,
заместитель директора по кадрам*

ВН/евт Здс

Настойч бережно сложил телеграмму и спрятал в конверт. Первоначальное ощущение жгучей радости развеялось, уступив место дурным предчувствиям.

Какие у него таланты, какая квалификация для должности, приносящей в год двадцать тысяч да вдобавок еще и льготы? Не путают ли его с другим Антоном Настойчем?

Навряд ли. В Бюро попросту не случается таких накладок. Если же допустить, что там знают, с кем имеют дело, и осведомлены о злополучном прошлом Настойча,— так зачем он им понадобился? Что он умеет делать такого, чего не сделает гораздо лучше любой мужчина, женщина или ребенок?

Настойч сунул телеграмму в карман и положил бритву на место. Теперь самоубийство казалось несколько преждевременным. Сначала надо выяснить, чего хочет Гаскелл.

В главном административном корпусе Бюро межпланетных путешествий и поселений Настойча без задержки впустили в личный кабинет Уильяма Гаскелла. Заместитель директора по кадрам оказался рослым седым человеком с резкими чертами лица; он излучал радушие, которое Настойч счел подозрительным.

— Садитесь же, садитесь, мистер Настойч,— сказал Гаскелл.— Будете курить? Не хотите ли выпить? Страшно рад, что у вас нашлось время.

— Вы уверены, что обратились по адресу? — спросил Настойч.

Гаскелл бегло просмотрел досье, лежащее у него на столе. — Сейчас выясним. Антон Настойч; возраст — тридцать четыре года; родители — Грегори Джеймс Настойч и Анита Суонс Настойч из Лейктауна, Нью-Джерси. Правильно?

— Да, — подтвердил Настойч. — И у вас есть для меня работа?

— Вот именно.

— Оклад двадцать тысяч в год и льготы?

— Совершенно верно.

— Не скажете ли, в чем заключается эта работа?

— Для этого мы здесь и сидим, — жизнерадостно ответил Гаскелл. — Должность, которую я предназначаю для вас, мистер Настойч, в нашем штатном расписании называется «внеземной освоитель».

— Как вы сказали?

— Внеземной, или инопланетный, освоитель, — повторил Гаскелл. — Освоители, знаете ли, — это люди, которые устанавливают контакты с другими планетами, первые поселенцы, которые собирают все жизненно необходимые сведения. Я считаю их Дрэйками и Магелланами нашего века. Думаю, вы и сами согласитесь, что это блестящее предложение.

Настойч побагровел и встал.

— Если вы кончили издеваться надо мной, то я пошел.

— Что?

— Это я-то — внеземной освоитель? — проговорил Настойч с горьким смехом. — Не пытайтесь меня разыгрывать. Я читаю газеты. Мне известно, кто такие освоители.

— Кто же они такие?

— Цвет Земли,— выпалил Настойч.— Самый здоровый дух в самых здоровых телах. Люди с мгновенной реакцией, способные разрешить любую проблему, справиться с любой трудностью, приспособиться к любому окружению. Разве не так?

— Видите ли,— разъяснил Гаскелл,— *было* так — в начальном периоде освоения планет. И мы позволили такому стереотипному представлению укорениться в общественном сознании, чтобы привить доверие к нашей организации. Однако в настоящее время этот тип освоителя устарел. Для людей, которых вы описывали, есть уйма других дел. Но отнюдь не освоение планет.

— Разве вашим сверхлюдям оно не под силу? — спросил Настойч с легкой насмешкой.

— Ну, что вы, конечно, под силу,— ответил Гаскелл.— Здесь нет никакого парадокса. Заслуги первооткрывателей остались непревзойденными. Эти люди только благодаря своему упорству и силе воли ухитрились выжить на всяких планетах, где существовала хоть ничтожная возможность жизни. Планеты требовали от них полной отдачи всех духовных и физических сил, и, выполняя свой долг, эти люди творили чудеса. Они навеки вошли в историю как памятник выносливости и приспособляемости *homo sapiens*.

— Почему же вы их больше не используете?

— Потому что изменились земные проблемы,— заявил Гаскелл.— Поначалу освоение космоса было подвигом, достижением науки, мерой обороны, символом. Но эти дни миновали. Катастрофически росла перенаселенность Земли. В сравнительно пустынные земли Бразилии, Новой Гвинее и Австралии хлынули миллионы... Однако бурный рост населения вскоре помог заполнить и эти земли. В крупных городах дошло до паники среди населения, разразились Субботние бунты. А население

в связи с успехами гериатрии и дальнейшим резким снижением детской смертности неуклонно росло.

Гаскелл потер лоб.

— Неприятное было положение. Однако этические проблемы, связанные с приростом населения, меня не касаются. Мы здесь, в Бюро, знаем только одно: необходимы новые земли, да побыстрее. Нам нужны планеты, которые, не в пример Мārсу и Венере, в кратчайший срок перешли бы на самоснабжение. Местности, куда можно перебросить миллионы людей, пока ученые и политические деятели не наведут порядок на Земле. Мы должны в кратчайший срок начать колонизацию новых планет. А это означает, что нужно ускорить процесс начального освоения.

— Все это мне известно, — вставил Настойч. — Но я по-прежнему не понимаю, с какой стати вы отказались от услуг оптимальных людей.

— Разве вам не ясно? Мы стали искать планеты, где могли бы осесть и выжить обыкновенные люди. Наших оптимальных освоителей никак нельзя было назвать обыкновенными. Наоборот, они едва не породили новую, высшую расу. И они не могли судить, насколько те или иные условия пригодны для обыкновенных людей. Например, существуют мрачные, унылые, дождливые планеты, где средний колонист впадает в депрессию, близкую к помешательству; наш же оптимальный освоитель слишком здраво мыслит, чтобы беспокоиться из-за унылого климата. Микробы, уносящие тысячи жизней, в худшем случае доставляют ему несколько неприятных часов. Наш оптимальный освоитель легко избегает опасностей, которые могут привести колонию на край гибели. Он неспособен мерить такие вещи обыденной меркой. Они его ничуть не затрагивают.

— Начинаю понимать, — пробормотал Настойч.

— Итак, наилучшим выходом,— продолжал Гаскелл,— явилось бы постепенное покорение планет. Сначала освоитель, за ним группа исследователей, потом испытательная колония, состоящая в основном из психологов и социологов, затем еще исследователи, которые анализируют сведения, накопленные другими группами, и так далее. Однако на все это вечно не хватает времени и денег. Колонии нужны нам сейчас, а не через пятьдесят лет.

Мистер Гаскелл умолк и в упор взглянул на Настойча.

— Так вот, видите ли, нам необходимо получить немедленную информацию о том, удастся ли группе обыкновенных людей жить и преуспевать на новой планете. Вот почему мы стали предъявлять к освоителям совершенно другие требования.

Настойч кивнул.

— Обыкновенные освоители — для обыкновенных людей. Но все же я хочу выяснить один вопрос.

— Пожалуйста.

— Насколько хорошо вы знаете мое прошлое?

— Весьма хорошо,— заверил его Гаскелл.

— В таком случае, вы, может быть, заметили, что мне свойственна некоторая тенденция к... в общем, некоторая склонность к несчастным случаям. Если говорить начистоту, мне и здесь-то, на Земле, с трудом удается выжить.

— Знаю,— с удовлетворением подтвердил мистер Гаскелл.

— Каково же мне придется на неведомой планете? И зачем вам нужен именно я?

Мистер Гаскелл, очевидно, почувствовал некоторую неловкость.— Видите ли, ваша формулировка «обыкновенные освоители — для обыкновенных людей» неверна.

Дело далеко не так просто. Колония состоит из тысяч, а зачастую из миллионов людей с совершенно разными потенциалами жизнеспособности. Гуманизм и законность требуют, чтобы всем им был предоставлен шанс в борьбе. А в людей надо вселить уверенность еще до того, как они расстанутся с Землей. Мы должны убедить их — и закон, и самих себя, — что даже самые слабые получают шанс выжить.

— Продолжайте, — попросил Настойч.

— Поэтому, — скороговоркой докончил Гаскелл, — несколько лет назад мы отказались от открывателей типа «человекооптимум» и перешли на тип «человекоминимум».

Некоторое время Настойч молча усваивал это сообщение.

— Значит, я вам нужен, потому что там, где могу жить я, проживет *каждый*.

— Ваши слова более или менее подытоживают нашу точку зрения, — ответил Гаскелл с доброжелательной улыбкой.

— А какие шансы будут у меня?

— Некоторые наши минимально жизнеспособные освоители справились с задачей очень успешно.

— А другие?

— Конечно, есть риск, — признал Гаскелл. — Не говоря уж о потенциальных опасностях, которые таятся в самих планетах, есть и прочие осложнения, связанные со спецификой эксперимента. Я не могу сказать вам, в чем они заключаются, — иначе пропадет единственный элемент, позволяющий нам управлять испытанием на минимальную жизнестойкость. Я просто ставлю вас в известность, что они есть.

— Не очень-то веселая перспектива, — сказал Настойч.

— Возможно. Но подумайте о том, какая вас ждет награда, если вы все преодолеете! Вы же фактически станете отцом-основателем колонии! Как эксперту вам цены не будет. Вы займете прочное место в жизни общины. И, что не менее важно, вам удастся развеять свои тайные сомнения касательно собственного места в мироздании.

Настойч нехотя кивнул.

— Объясните мне, пожалуйста, вот что. Ваша телеграмма пришла сегодня в особенно критический момент. Можно было подумать, будто...

— Да, это специально,— подхватил Гаскелл.— Мы установили, что нужные нам люди наиболее сговорчивы, когда находятся в известном психическом состоянии. Мы тщательно следим за теми немногими, кто соответствует нашим требованиям, и ждем благоприятного момента, чтобы выступить со своими предложениями.

— Часом позже получилось бы не совсем удобно,— заметил Настойч.

— А днем раньше бесполезно.— Гаскелл встал из-за стола.— Не разделите ли вы со мной ленч? Мы могли бы обсудить с вами остальные детали за бутылкой вина.

— Ладно,— ответил Настойч.— Но учтите, пока я ничего не обещаю.

— Само собой,— согласился Гаскелл и пропустил его вперед.

После ленча Настойч погрузился в тяжкое раздумье. Его страшно влекла работа освоителя, несмотря на связанный с ней риск. В конце концов, она не более опасна, чем самоубийство, а оплачивается гораздо лучше. Если он выйдет победителем, награда будет велика; в случае неудачи он заплатит не дороже, чем собирался платить здесь, на Земле.

На Земле за тридцать четыре года он не слишком преуспел. До сих пор, если у него и были проблески способностей, их заглушала непреодолимая тяга к болезням, несчастным случаям и грубым промахам.

Однако Земля перенаселена, здесь царит хаос и смятение. Быть может, подверженность несчастным случаям не врожденный порок, а результат невыносимых условий.

Освоение планет перенесет Настояча в новую среду. Он будет один, будет зависеть только от самого себя и отвечать только перед самим собой. Это дьявольски опасно... но что может быть опаснее сверкающего лезвия бритвы в собственной руке?

Это будет величайшее усилие в его жизни, конечное испытание. Он станет бороться с собственными роковыми наклонностями, как никогда. На этот раз он бросит в бой всю свою силу и решимость и будет сражаться до последнего вздоха.

Он принял предложенную работу. В последующие недели, предоставленные ему для подготовки, он питался и упивался своей решимостью, спал с нею, слушал ее стук в мозгу и чувствовал, как она вплетается в его нервы; бормотал ее себе под нос, как буддийскую молитву, видел во сне, чистил ею зубы и мыл руки, размышлял о ней, пока она не зажужжала монотонным припевом в его сознании во сне и наяву и не стала постепенно контролировать и сдерживать все его поступки.

И вот пришла пора Настоячу отправиться в годичную командировку на перспективную планету в Восточном звездном секторе. Гаскелл пожелал ему счастливого пути и обещал держать с ним связь по Г-фазному радио. Настояча вместе со снаряжением погрузили на сторожевой корабль «Королева Глазго», и путешествие началось.

В течение нескольких месяцев, пока длился космический перелет, Настойч как одержимый думал о принятом решении. Он тщательно следил за собой в условиях невесомости, отдавал себе отчет в каждом своем поступке и перепроверял все движущие им мотивы. Из-за такого непрерывного контроля Настойч стал делать все гораздо медленнее; но постепенно контроль вошел в привычку... Образовался комплекс новых рефлексов, который начал вытеснять прежнюю рефлекторную систему.

Однако путь к прогрессу был усеян терниями. Наперекор всем своим усилиям Настойч подцепил от дезинфицирующей установки какую-то экзему и разбил одну из десяти пар очков о переборку, его мучали бесчисленные головные боли, боли в спине, боли от исцарапанных пальцев рук и сбитых пальцев ног.

Тем не менее он чувствовал, что добился кое-какого успеха, и от этого сознания воля его соответственно крепла. И наконец на обзорном экране появилась планета.

Ее называли буквой греческого алфавита — Тэтой. Настойча со всем снаряжением высадили на травянистой и лесистой возвышенности вблизи горного хребта. Планету обзревали с воздуха, и эту местность выбрали заранее из-за благоприятных условий. Вода, лес, плоды и полезные ископаемые — все находилось под боком. Такая местность могла бы стать отличной территорией для колонистов.

Астролетчики пожелали ему удачи и оставили одного. Настойч провожал их взглядом, пока корабль не скрылся за грядой облаков. Тогда Настойч взялся за работу.

Первым делом он привел в действие робота. Эта большая черная поблескивающая машина универсального назначения — стандартное оборудование для освоения

лей и поселенцев. Она не умела разговаривать, петь, читать стихи наизусть или играть в карты, как более дорогие модели. Она могла только кивать или покачивать головой — скучный партнер для того, чтоб коротать с ним год. Однако робот был запрограммирован на подчинение устным командам значительной сложности, на выполнение тяжелой «черной» работы и должен был проявлять находчивость в трудных положениях.

С помощью робота Настойч принялся разбивать в степи лагерь, не сводя глаз с горизонта в ожидании беды. Воздушная разведка не обнаружила признаков чужой культуры, но ведь этого никогда нельзя сказать наверняка. Животный мир Тэты оставался загадкой.

Настойч работал медленно и старательно, а бок о бок с ним трудился молчаливый робот. К вечеру был разбит временный лагерь, Настойч завел радарный механизм тревоги и улегся в постель.

Проснулся он перед самым рассветом от пронзительного сигнала. Он оделся и выскочил наружу. В воздухе слышалось сердитое гудение, словно палетела саранча.

— Достань два лучемета,— сказал он роботу,— и быстренько возвращайся. Да прихвати с собой бинокль.

Кивнув, робот заковылял прочь. Настойч медленно повернулся и, дрожа от холода в сером рассвете, попытался определить направление звука. Он осмотрел сырую степь, зеленую опушку леса, скалы за лесом. Никакого движения. Но вот взошло солнце, и в его лучах Настойч увидел нечто похожее на темную, низко нависшую тучу. Туча быстро неслась к лагерю, хотя и двигалась против ветра.

Вернулся робот с лучеметами. Один из них взял сам Настойч, другой оставил роботу и приказал не стрелять без команды. Робот кивнул, и, когда он повернулся в сторону восходящего солнца, глаза его мрачно блеснули.

Туча подлетела совсем близко и оказалась несметной стаей птиц. Настойч внимательно рассмотрел их в бинокль. Величиной они были с земных ястребов, но неслаженным бредущим полетом напоминали летучих мышей. Настойч заметил мощные когти и длинные клювы, усеянные острыми зубами. Обладая столь смертоносным оружием нападения, птицы непременно должны быть хищными.

С громким клекотом стая описала круг над пришельцами. И вот со всех сторон на них напали птицы с выпущенными когтями и распростертыми крыльями.

Настойч приказал роботу открыть огонь.

Спина к спине они вместе отбивали птичью атаку. Батальоны птиц, скошенные огнем, в вихре крови и перьев падали оземь. Настойч и робот не сдавались, сдерживали натиск воздушных волков и даже обращали их в бегство. Но тут отказал лучемет Настойча.

По идее лучеметы продавались заряженными и с гарантией на семьдесят пять часов непрерывной работы в автоматическом режиме. Лучемет не должен отказывать! По инерции Настойч продолжал тупо щелкать курком. Потом отбросил оружие и поспешил к палатке со снаряжением, предоставив роботу вести бой в одиночку.

Он разыскал два запасных лучемета и, вернувшись в бой, увидел, что теперь вышло из строя оружие робота. Бедняга отбивался от стаи руками. Он молотил по птицам, сбившимся в сплошную массу, и с его суставов стекали капли смазочного масла. Робот покачнулся, едва не потеряв равновесие, и Настойч заметил, что некоторые птицы увернулись от ударов и, облепив плечи робота, нацелились клювами на глаза-фотоэлементы и кинестетическую антенну.

Подняв вверх оба лучемета, Настойч врезался в

птичью стаю. Один лучемет отказал почти мгновенно. Настойч продолжал скашивать птиц последним оружием, моля судьбу о том, чтобы не кончился заряд.

Наконец стая, встревоженная понесенным уроном, с гомоном и криком улетела прочь. Чудом уцелевшие Настойч и робот остались стоять по колено в выщипанных перьях и обугленных тушках.

Настойч осмотрел четыре лучемета, из которых три оказались совершенно негодными, и в гневе направился к палатке связи.

Он вызвал Гаскелла и рассказал о нападении птицы о том, как отказали три лучемета из четырех. Побагровев от ярости, он обличал тех, кто ведает снаряжением освоителей. Потом, переводя дыхание, сглатывая ждательные ожидания и извинения Гаскелла.

— Да это один из контрольных элементов, — отозвался Гаскелл.

— Чего?

— Я вам объяснял давным-давно, — сказал Гаскелл. — Мы ведем испытание в расчете на минимальную жизнеспособность. *Минимальную*, помните. Нам надо знать, что случится с колонией, члены которой наделены полезными навыками неравномерно. Поэтому мы ищем наименьший общий знаменатель.

— Все это мне известно. Но вот лучеметы...

— Мистер Настойч, основать колонию, даже по принципу абсолютного минимума, стоит баснословно дорого. Мы предоставляем колонистам новейшее оружие и наилучшее снаряжение, но не можем заменять отказавшее или амортизированное оборудование. Колонистам приходится использовать незаменимые боеприпасы, механизмы, подверженные поломкам и износу, пищевые продукты, которые приходят к концу или портятся...

— И все это вы мне дали с собой?

— Конечно. В целях контроля мы снабдили вас минимумом всего, что необходимо для жизни. Только так и можно судить, пригодна ли Тэта для колонизации.

Это нечестно! Освоителям всегда дают все самое лучшее!

— Нет, — возразил Гаскелл. — В старину, разумеется, было именно так. Но теперь, когда мы проверяем наименьший потенциал, это относится не только к человеку, но и к снаряжению. Я ведь предупреждал вас, что работа сопряжена с риском.

— Предупреждали, — согласился Настойч, — но... Ладно. У вас есть для меня в запасе еще какие-нибудь сюрпризы?

— В общем нет, — ответил Гаскелл после секундной паузы. — Как и вы сами, ваше снаряжение характеризуется минимальной жизнеспособностью. Этим почти все сказано.

Настойч уловил в ответе некоторую уклончивость, но Гаскелл отказался дать более подробное разъяснение. Они прервали связь, и Настойч вернулся к своему лагерю, в котором царил полный хаос.

Они с роботом перенесли лагерь в лес, чтобы укрыться от дальнейших птичьих налетов. Налаживая хозяйство заново, Настойч заметил, что добрая половина канатов перетерлась, электрические приборы перегорают один за другим, а на брезенте палаток проступила плесень. Он старательно привел все в порядок, ободрав при этом костяшки пальцев и стерев ладони в кровь. Потом вышел из строя генератор.

Три дня Настойч искал повреждение, руководствуясь инструкцией на немецком языке, приложенной к генератору. Похоже было, что в генераторе все не соответствует схеме, и никакие меры не помогали. В конце концов Настойч случайно установил, что инструкция относится к

совершенно другой модели. Тут он вышел из себя и лягнул генератор, чуть не сломав при этом мизинец на правой ноге.

Затем он взял себя в руки, еще четыре дня выяснял разницу между своим генератором и описанной моделью и наконец устранил неисправность.

Птицы обнаружили, что в лесу можно отвесно, камнем падать между деревьев в лагерь Настойча, хватать еду и скрываться, прежде чем на них успеют навести лучемер. Их налеты стоили Настойчу пары очков и серьезного ранения шеи. Кропотливо трудясь, он сплел сети и при помощи робота натянул их среди ветвей над лагерьем.

Теперь птицы ничего не могли поделывать. Наконец-то у Настойча нашлось время проверить пищевые припасы. Выяснилось, что часть обезвоженных продуктов плохо обработана на фабрике, а часть поросла отвратительными грибками местного происхождения. То и другое означало недоброкачество. Если сейчас же не принять мер, то на зиму пищи не хватит.

Настойч проделал серию опытов с местными фруктами, злаками, овощами и ягодами. Среди них было несколько съедобных и питательных разновидностей. Он попробовал их и тотчас же покрылся живописной аллергической сыпью. Порывшись в медикаментах, он нашел лекарство от аллергии. Выздоровев, Настойч опять занялся опытами, чтобы обнаружить виновника болезни, но во время проверки конечных результатов к нему ворвался робот, перевернул пробирки и пролил незаменимые химикалии.

Пришлось Настойчу продолжить опыты на самом себе, после чего один вид ягод и два вида овощей он исключил из рациона как аллергены.

Однако фрукты были превосходны, а местные злаки

давали отличный хлеб. Настойч собрал семена и поздней тэтанской весной поручил роботу пахать и сеять.

Робот без усталости трудился на новых полях, а Настойч тем временем обследовал окрестности. Он нашел гладкие камни, на которых были нацарапаны знаки, похожие на цифры, и даже изображены деревья, туча и горы. «Должно быть, на Тэте когда-то жили разумные существа, — подумал Настойч. — Вполне возможно, что они и сейчас населяют какие-то зоны планеты». Однако разыскивать аборигенов было некогда.

Осмотрев свои поля, Настойч увидел, что робот посеял семена на большей глубине, чем требовалось по программе. С этим урожаем пришлось распрощаться, и следующий сев Настойч провел собственноручно.

Он срубил деревянную хижину и заменил гниющие палатки сараями. Постепенно готовился к наступающей зиме. И так же постепенно стал подозревать, что робот изнашивается.

Большая черная универсальная машина справлялась с поручениями, как и прежде. Однако движения робота становились все более конвульсивными, он не мог рассчитать своих сил. Тяжелые сосуды раскалывались в его лапах, а сельскохозяйственные орудия ломались. Настойч запрограммировал его на прополку полей, но, пока пальцы робота рвали сорняки, его широкие плоские ноги вытапывали ростки злаков. Принимаясь за колку дров, робот, как правило, ломал ручку топора. Когда робот входил, хижина сотрясалась, а дверь то и дело соскакивала с петель.

Настойча удивляла и беспокоила внезапная деградация робота. Починить его не было никакой возможности: робота охраняла заводская пломба, его могли ремонтировать только заводские техники, располагавшие специальными инструментами, запасными частями и зна-

ниями. Настойчу же было доступно лишь одно — отказаться от услуг робота. Но тогда он остался бы в полном одиночестве.

Он программировал все более и более простые задачи, а на себя брал больше и больше хлопот. И все же робот изнашивался. В один прекрасный вечер, когда Настойч обедал, робот склонился над плитой и опрокинул горшок с кипящим рисом.

Пустив в ход свои вновь открытые таланты жизнеспособности, Настойч отскочил в сторону, и кипящая масса попала ему не в лицо, а на левое плечо.

Это уж было слишком. Робот становился опасен. Перевязав ожог, Настойч решил выключить робота и в одиночку бороться за то, чтобы выжить. Твердым голосом произнес он команду — спать.

Робот лишь посмотрел на него и беспокойно заматался по хижине, не повинаясь одной из основных команд.

Настойч повторил приказ. Робот покачал головой и стал сваливать поленья у печи.

Что-то разладилось. Придется отключить робота вручную. Однако на черной глянцевитой поверхности машины не было и следов выключателя. Тем не менее Настойч взял сумку с инструментами и приблизился к роботу.

Как ни странно, робот попятился от него и вытянул перед собой руки, словно обороняясь.

— Не двигайся! — крикнул Настойч.

Робот продолжал пятиться, пока не уперся спиной в стену.

Настойч колебался, недоумевая, что же творится с роботом. Машина не могла послушаться приказа. Во все роботехнические устройства неизменно закладывается готовность к самопожертвованию.

Настойч подошел к роботу, полный решимости отключить его любой ценой. Робот подпустил человека совсем близко и замахнулся бронированным кулаком. Настойч увернулся от удара и запустил гаечным ключом в кинестетическую антенну робота. Тот поспешно втянул антенну внутрь и снова замахнулся. На сей раз бронированный кулак угодил Настойчу под ребра.

Настойч рухнул на пол, а робот, возвышаясь над поверженным противником, засверкал красными глазами и зашевелил железными пальцами. Антон закрыл глаза, ожидая, что робот его добьет. Однако машина повернулась и вышла из хижины, разбив при этом замок.

Несколько минут спустя Настойч услышал, что робот как ни в чем не бывало рубит дрова и укладывает поленья в поленницу.

Воспользовавшись санитарным пакетом, Настойч перевязал раненый бок. Робот покончил с дровами и вернулся за дальнейшими инструкциями. Дрожащим голосом Настойч услал его к дальнему ручью за водой. Робот ушел, не выказав более никаких признаков агрессивности. Настойч потащился к радию.

— Не стоило и пытаться отключить его, — сказал Гаскелл, услышав о происшествии. — Конструкция не предусматривает отключения вручную. Разве вы не заметили? Ради собственной безопасности не вздумайте затеять вторую попытку.

— А в чем дело?

— Дело в том, что... вы, наверное, сами успели догадаться... Робот служит при вас нашим контролером качества.

— Не понимаю, — пробормотал Настойч. — А зачем вам контролер качества?

— Неужели я должен повторять все с самого нача-

ла? — устало спросил Гаскелл. — Вас взяли на службу в качестве освоителя с минимальной жизнеспособностью. Не со средней, не с повышенной. С *минимальной*.

— Да, но...

— Не перебивайте. Помните ли вы, как прожили тридцать четыре года на Земле? Вас постоянно преследовали болезни, несчастные случаи и неудачи. Именно такое положение мы и хотели воспроизвести на Тэте. Но вы изменились, мистер Настояч.

— Во всяком случае, я *старался* измениться.

— Конечно, — согласился Гаскелл. — Мы этого ожидали. Большинство наших минимально жизнеспособных освоителей меняется. Сталкиваясь с новым окружением и заново начиная жизнь, они проявляют самообладание, какое им раньше и не снилось. Но это вовсе не то качество, на которое мы рассчитываем, и нам приходится как-то компенсировать такие перемены. Видите ли, далеко не всегда колонисты прибывают на планету с целью самоусовершенствования. В каждой колонии найдутся легкомысленные люди, не говоря уж о престарелых, немощных, слабоумных, бесшабашных, неразумных детях и так далее. Наши стандарты минимальной жизнеспособности гарантируют выживание каждого колониста. Теперь вам ясно?

— Вроде бы, — ответил Настояч.

— Потому-то нам и необходим контроль над вами, чтобы предупредить появление в вас средней или высокой жизнеспособности, на которую мы не рассчитываем.

— Для этого при мне робот? — уныло вставил Настояч.

— Верно. Робот запрограммирован на осуществление проверки, верховного контроля над уровнем вашей жизнеспособности. Он откликается на вас, Настояч. Пока вы остаетесь в заданном диапазоне общей беспомощно-

сти, робот всеми силами помогает вам. Когда же вы исправляетесь, становитесь более искушенным и жизнеспособным, реже страдаете от несчастных случаев,— поведение робота резко ухудшается. Он начинает ломать вещи, которые полагалось бы ломать вам, принимает неправильные решения, которые иначе приняли бы вы...

— Это нечестно!

— Настойч, вы, кажется, думаете, будто у нас здесь санаторий или благотворительное общество. В таком случае вы ошибаетесь. От вас нам нужны лишь услуги, которые мы купили и оплатили. Услуги, которые — да будет мне дозволено прибавить — вы предпочли самоубийству.

— Ладно! — прокричал Настойч. — Я ведь делаю свое дело. Но есть ли правило, запрещающее мне демонтировать проклятого робота?

— Вовсе нет, — более ровным тоном ответил Гаскелл, — если только это вам под силу. Однако я серьезнейшим образом не советую. Слишком опасно. Робот не даст вывести себя из строя.

— Это уж мне решать, а не ему, — буркнул Настойч и прервал связь.

На Тэте отцвела весна, и Настойч окончательно понял, что такое его помощник. Он приказал роботу обследовать дальние горы, но тот не пожелал расстаться с хозяином. Он попытался не давать роботу никаких поручений, но черному страшилищу не сиделось без дел. Не получая заданий, робот сам себе выдумывал работу, развивал бурную деятельность и опустошал поля и склады Настойча.

В целях самозащиты Настойч поручил роботу самое безобидное занятие, какое только мог придумать. Он приказал машине вырыть колодец, надеясь, что та погребет себя на дне. Однако из вечера в вечер робот

поднимался на поверхность, перемазанный и торжествующий, и входил в хижину, щедро посыпая еду Настойча землей, распространяя аллергические заболевания, ломая тарелки и оконные стекла.

Настойч помрачнел, но терпел создавшееся положение. Теперь робот казался ему воплощением другой, темной стороны собственной души, воплощением незадачливого растяпы Настойча. Когда он видел разрушительные набегі робота, ему чудилось, будто он следит за уродливой частью самого себя, словно это живая патология, отлитая из металла.

Он старался стряхнуть с себя это ощущение. Однако робот все более явно воплощал разрушительные стороны натуры Настойча, но только оторванные от явлений жизни, их порождающих, и доведенные до абсурда.

Настойч трудился, а за ним, крадучись, шел его невроз — разрушительная сила, обладающая самозащитой, как все неврозы. Неистребимая болезнь жила с Настойчем под одной крышей, следила за ним, пока он ел, и стояла рядом, пока он спал.

Настойч выполнял свои обязанности и справлялся с ними все лучше и лучше. Он, как мог, наслаждался днями, грустил при закате солнца и проводил кошмарные ночи, когда над его ложем стоял робот и, казалось, размышлял, не пора ли свести счеты. А наутро, просыпаясь живым и невредимым, Настойч прикидывал, как бы избавиться от своего спотыкающегося, неуклюжего, пагубного невроза.

Однако положение оставалось безвыходным да вдобавок осложнилось новым обстоятельством.

Несколько дней дождь лил как из ведра. Когда небо прояснилось, Настойч вышел на поля. Позади него грохал робот, который нес орудия труда.

Внезапно в сырой земле под ногами Настойча раз-

верзлась трещина. Она расширилась, и весь участок, где стоял Настояч, обвалился. Настояч выпрыгнул на откос, и робот втащил его наверх, едва не вывихнув ему при этом руку.

Осмотрев обвалившийся участок поля, Настояч увидел, что под ним проходит туннель. Еще заметны были следы земляных работ. С одной стороны туннель завалило, но в другом направлении он уходил в глубь земли.

Настойч вернулся домой за лучеметом и фонариком. Он спустился по склону, осветил туннель и увидел мохнатое существо, которое торопливо скрылось за поворотом. Оно походило на огромного крота.

Наконец-то Настояч встретил на Тэте иные формы жизни.

Последующие несколько дней он осторожно исследовал туннели и два-три раза мельком видел серые кротоподобные тени, которые тотчас исчезали в лабиринте подземных ходов.

Настойч изменил тактику. Он углубился в главный туннель всего на несколько сот метров и оставил там свой дар — плоды. Когда на другой день он вернулся к тому же месту, плодов не было. Вместо них лежали две глыбы свинца.

Обмен дарами длился целую неделю. Как-то раз, когда Настояч нес плоды и ягоды, в туннеле показался огромный крот, который медленно и с явным беспокойством двигался навстречу человеку. Он знаком указал на фонарик, и Настояч прикрыл рукой свет, чтобы не причинять боль глазам крота.

Он выжидал. Крот медленно передвигался на двух ногах, морща нос и прижав сморщенные ручки к груди. Остановившись, он взглянул на Настояча выпученными глазами. Потом наклонился и нацарапал на земляном полу туннеля какой-то знак.

Настойч понятия не имел, что означает этот знак. Однако само действие предполагало наличие разума, умение говорить и способность абстрактно мыслить. Он нацарапал рядом со знаком крота другой знак, желая показать, что наделен такими же качествами.

Между двумя расами завязалось общение. За спиной у Настойча, сверкая глазами, стоял робот и наблюдал, как человек и тэтанец стремятся понять друг друга.

Установление контакта принесло Настойчу еще больше забот. Надо было обрабатывать поля и сады, ремонтировать оборудование и присматривать за роботом; в свободное время Настойч прилежно изучал язык кротов. А кроты так же прилежно помогали Настойчу.

Постепенно человек и кроты стали понимать друг друга, наслаждаться взаимным общением; они подружились. Настойч узнал о повседневной жизни кротов, об их отвращении к свету, о путешествиях по подземным пещерам, о тяге к знаниям и просвещению. В свою очередь он рассказал кротам все, что мог, о Человеке.

— А что это за металлический предмет? — поинтересовались кроты.

— Слуга Человека, — ответил Настойч.

— Но он стоит за твоей спиной и сердито сверкает глазами. Этот металлический предмет ненавидит тебя. Все ли металлические предметы ненавидят людей?

— Конечно, нет, — сказал Настойч. — Это особый случай.

— Он нас пугает. Все ли металлические предметы пугают?

— Некоторые, но не все.

— Когда этот металлический предмет не сводит с нас глаз, нам трудно думать и трудно понимать твои слова. Всегда ли так бывает с металлическими предметами?

— Иногда они некстати вмешиваются, — признал Настойч. — Но не бойтесь, робот вас не тронет.

Кротовый народец не разделял мнения Настойча. Наш герой рассыпался в извинениях за тяжелую, неуклюжую, невоспитанную машину, рассказал о том, как машины верно служат Человеку и как облегчают его жизнь. Однако кротовый народец остался при своем убеждении и упорно избегал страшного робота.

Тем не менее после длительных переговоров Настойч заключил с кротовым народцем пакт о сотрудничестве. За свежие плоды и ягоды, которые были кротам весьма по вкусу, но редко им доставались, они обязались добывать будущим колонистам металлическую руду, а также искать для них источники воды и нефти. Более того, колонистам предоставлялась во владение вся поверхность Тэты, а хозяевами недр торжественно признавались тэтанцы.

Обеим сторонам такое распределение благ показалось справедливым, и Настойч вместе с вождем кротов скрепили каменный документ своими подписями, увенчав их настолько замысловатыми росчерками, насколько позволил резец.

В честь знаменательного события Настойч устроил пир. Вдвоем с роботом он принес кротам щедрый дар — самые изысканные плоды и ягоды. Пушистые, серые, ясноглазые кроты собрались толпой и стали нетерпеливо попискивать.

Робот поставил наземь корзины с плодами и отошел в сторонку, но поскользнулся на гладком камушке, замолотил руками, чтобы удержать равновесие, и с грохотом повалился на одного из кротов. Тут же робот поднялся на ноги и, протянув неловкие стальные руки, попытался поднять жертву, но было поздно. Он сломал несчастному позвоночник.

Остальных кротов как ветром сдуло — они исчезли и унесли с собой погибшего. А Настойч с роботом остались в туннеле вдвоем, окруженные огромными горами плодов.

В ту ночь Настойч долго и упорно размышлял. Ему была понятна дьявольская логика событий. Контакты минимально жизнеспособных освоителей с инопланетянами, как правило, связаны с известной неуверенностью, недоверием, непониманием и даже со смертными случаями. У него же отношения с кротовым народцем шли как по маслу — слишком гладко для минимальных способностей.

Робот попросту внес поправку в сложившуюся ситуацию и совершил те ошибки, каких можно было ждать от Настойча.

Однако, понимая логику событий, Настойч не принимал ее. Кротовый народец был его другом, а Настойч его предал. Между ними больше не бывать дружбе, и будущим колонистам нечего мечтать о сотрудничестве. Все это несбыточно, пока по туннелям, спотыкаясь, топает робот.

Настойч пришел к выводу, что робот должен быть уничтожен. Он решил пустить в ход свои новые, с таким трудом приобретенные качества и раз навсегда отделаться от пагубного невроза, не отступающего от него ни на шаг. Если придется заплатить жизнью, — ну что ж, напомнил себе Настойч, меньше чем год назад я соглашался расстаться с нею по гораздо менее серьезным причинам.

Он восстановил контакт с кротами и поговорил с ними на эту тему. Кроты согласились помочь ему, ибо даже у этих смиренных существ было какое-то понятие о возмездии. Они подсказали несколько идей, удивительно похожих на человеческие, поскольку кроты тоже умели

воевать. Они объяснили Настойчу, что надо сделать, и тот обещал попробовать.

Через неделю кроты подготовили все. Настойч нагрузил робота корзинами с плодами и повел его в туннели, словно пытаясь заключить новое соглашение.

Кротовый народец не показывался на глаза. Настойч и робот забрались далеко в подземные коридоры, освещая себе фонариками путь во мгле. Глаза-фотоэлементы робота мерцали красным огнем, а сам он грозно высился за спиной у Настойча.

Вошли в подземную пещеру. Раздался еле слышный свист, и Настойч метнулся в сторону.

Робот, почуяв опасность, хотел последовать за ним, но, заторможенный своей программой незадачливости, споткнулся, и плоды разлетелись по полу пещеры. Тут из мрака сверху спустились канаты, которые опутали голову и плечи робота.

Он старался разорвать прочное волокно, но его опутывали все новые и новые канаты, которые со свистом молниями падали с потолка. Сверкая фотоэлементами, робот пытался высвободить руки.

Из коридоров десятками сбегались кроты. Вокруг робота зазмеились новые канаты, а он все напрягался, чтобы разорвать узы, и из его суставов сочилось масло. Несколько минут в пещере слышался лишь свист летящих канатов, поскрипывание суставов робота да сухой треск рвущихся волокон.

Настойч вернулся в пещеру и присоединился к сражению. Нападающие связывали робота все надежнее и надежнее, пока наконец не парализовали его окончательно и он уже не мог найти точку опоры. А канаты все свистели в воздухе, и робот наконец опрокинулся — исполинский канатный кокон, у которого виднелись только ступни и голова.

Тогда кроты в восторге заверещали и попытались тупыми землеройными когтями выцарапать роботу глаза. Однако глаза прикрылись стальными веками. Кроты ограничились тем, что насыпали песка в суставы, а потом Настойч растолкал тэтанцев и попытался расплавить робота последним лучеметом.

Прежде чем металл раскалился, лучемет вышел из строя. Робота связали ноги и поволокли по коридору, который заканчивался глубокой расселиной. Его сбросили в расселину, послушали, как он стучается о гранитные стены пропасти, а когда он упал на дно, разразились торжествующими криками.

Кроты устроили праздник. Но Настойчу было не по себе. Он вернулся в хижину и двое суток отлеживался в кровати, твердя себе снова и снова, что ведь не человека он убил и даже не мыслящее существо, а всего-навсего уничтожил опасную машину.

Однако он не мог забыть молчаливого спутника, который сражался вместе с ним против птиц, сеял на его полях и колол ему дрова. Правда, робот был неуклюж и все ломал, но неуклюж на его, Настойча, лад — на такой лад, что уж кто-кто, а Настойч способен это понять и простить.

Некоторое время он чувствовал себя так, как если бы отмерла часть его души. Но вечерами его навещали кроты и утешали, да и надо было работать на полях и складах.

Наступила осень — пора уборки урожая. Настойч взялся за дело. Вскоре после исчезновения робота в нем опять пробудилась прежняя склонность к несчастным случаям. Настойч преодолел ее с новой верой в себя. К первому снегу работа по уборке урожая и консервированию продуктов была завершена. Близился к концу год пребывания Настойча на Тэте.

По радио он послал Гаскеллу подробный отчет об опасностях, достоинствах и потенциальных возможностях планеты, сообщил о соглашении с кротовым народцем и рекомендовал планету для заселения. Через две недели Гаскелл откликнулся.

— Хорошо потрудились,— сказал он Настойчу.— Правление считает, что Тэта, безусловно, соответствует требованиям минимальной жизнеспособности. Мы немедленно высылаем корабль с колонистами.

— Значит, испытание закончено? — спросил Настойч.

— Вот именно. Корабль прибудет месяца через три. Возможно, эту партию привезу я сам. Поздравляю, мистер Настойч. Вы станете отцом-основателем новехонькой колонии!

— Право, не знаю, как и благодарить вас, мистер Гаскелл,— начал было Настойч.

— Благодарить меня не за что,— прервал его Гаскелл.— Наоборот. Кстати, как вы справились с роботом?

— Уничтожил,— ответил Настойч и рассказал о гибели крота и позднейших событиях.

— Гм,— промычал Гаскелл.

— Вы сами говорили, что правила этого не воспрещают.

— Так оно и есть. Робот входит в ваше снаряжение, так же как лучеметы, палатки и продукты питания. Как и они, робот являлся одной из проблем вашего выживания. Вы вправе были распорядиться им как угодно.

— В чем же дело?

— Да просто хотелось бы думать, что вы его действительно уничтожили. Знаете ли, все эти модели, предназначенные для контроля качества, рассчитаны на долгосрочную службу. В них встроены узлы саморемонта, им сообщено острое чувство самосохранения. Укокошить такого робота дьявольски трудно.

— По-моему, мне это удалось,— заметил Настойч.
— Будем надеяться. Но если робот уцелел, ждите неприятных сюрпризов.

— Почему? Он будет мстить?

— Ну что вы! Робот лишен эмоций.

— Так в чем же дело?

— Вся беда вот в чем. Назначением робота было сводить на нет всякое улучшение вашей жизнеспособности. Вот он и делал различные пакости.

— Конечно. Значит, если он вернется, все начнется сызнова?

— Даже хуже. Вот уже несколько месяцев, как робот разлучен с вами. Если он еще функционирует, то в нем накопились неостребованные бедствия. Вся жажда разрушения, которую ему полагалось накопить за месяцы, должна найти выход, и лишь тогда робот может вернуться к нормальной работе. Вы меня поняли?

Настойч нервно откашлялся.

— И, само собой, он уж постарается разрядить их побыстрее, чтобы прийти в норму.

— Естественно. Так вот, корабль прибудет месяца через три. Быстрее невозможно. Советую вам убедиться, что робот обезврежен. Теперь нам нежелательно лишиться вас.

— Да, нежелательно,— согласился Настойч.— Я сейчас же займусь этим вопросом.

Он захватил все необходимое и поспешил в туннели. Кроты, которым он объяснил положение вещей, проводили его к расселине. Оснащенный паяльной лампой, ножовкой, кувалдой и долотом, Настойч стал медленно спускаться по крутому склону расселины.

Он быстро отыскал на дне место падения робота. Там, между двумя валунами, торчала цельная металлическая рука, вырванная из плечевого сустава. Чуть подальше

он нашел осколки разбитого глаза-фотоэлемента и наткнулся на пустой кокон из порванных, разлохмаченных канатов.

Самого же робота нигде не было.

Настойч взобрался вверх по склону, предупредил кротов об опасности и занялся приготовлениями.

Двенадцать дней прошли мирно. На тринадцатый вечер перепуганный крот принес Настойчу весть. В туннелях снова появился робот; он шествует темными подземными ходами, сверкая единственным уцелевшим глазом, и безошибочно пробирается по лабиринту в главный коридор.

Подготовленные к его появлению, тэтанцы встретили его канатами, но робот уже извлек уроки из прошлого. Он увернулся от бесшумно падающих петель и напал на кротов. Шестерых он убил, а остальных обратил в бегство.

Выслушав новости, Настойч коротко кивнул, отпустил крота и возобновил работу. Линию обороны в туннелях он уже наладил. Теперь же он разложил перед собой на столе четыре неисправных лучемета, разобранных до винтика. Работая без справочников и пособий, он пытался из четырех комплектов деталей собрать одно действующее оружие.

Он работал до поздней ночи — тщательно проверял каждую деталь и укладывал на место в корпус. Крохотные детальки расплывались перед глазами, пальцы одеревенели и разбухли, точно сосиски. Крайне осторожно, пользуясь пинцетом и лупой, он приступил к сборке оружия.

Внезапно раздался трубный звук — ожил приемопередатчик.

— Антон, — спрашивал Гаскелл, — что слышно о работе?

— Вот-вот явится,— ответил Настойч.

— Этого я и боялся. Послушайте, мне удалось дозвониться на завод-изготовитель. Мы крупно повздорили, но я добился разрешения вывести робота из строя и получил подробную инструкцию.

— Спасибо,— сказал Настойч.— Говорите скорее, как это делается.

— Необходимо следующее оборудование: источник электроэнергии, дающий ток двадцать пять ампер под напряжением двести вольт... Даст ваш генератор такой ток?

— Даст. Продолжайте.

— ...Медный стержень, серебряная проволока и щуп, сделанный из непроводящего материала, например из дерева. Все это монтируется в следующем...

— Мне ни за что не успеть,— заметил Настойч,— но говорите.

В радиі что-то громко зажужжало.

— Гаскелл! — вскричал Настойч.

Рация умолкла. Из хижины с радиоаппаратурой доносился шум — там что-то рухнуло. Затем на пороге появился робот.

У него не было левой руки и правого глаза, но узел саморемонта залечил пораненные места. Теперь робот был тускло-черный, а на груди и боках у него проступили полосы ржавчины.

Настойч перевел глаза на почти собранный лучемер и стал прилаживать последние детали.

Робот направился к человеку.

— Ступай наруби дров,— распорядился Настойч самым естественным тоном, на какой только был способен.

Робот остановился, повернулся, взял топор и после некоторого колебания вышел из комнаты.

Настойч окончил сборку и стал закручивать крышку.

Робот отбросил топор и снова повернулся, раздраемый противоречивыми командами. Настойч рассчитывал, что в результате конфликта в какой-нибудь схеме расплавится предохранитель. Однако робот принял решение и устремился к Настойчу.

Настойч навел на врага лучемер и спустил курок. Сгусток энергии остановил робота на полпути. Металлическая кожа мгновенно раскалилась докрасна.

Тут лучемер опять вышел из строя.

Настойч выругался, замахнулся тяжелым оружием и швырнул им в единственный глаз робота, но промахнулся. Лучемер отскочил от металлического лба.

Оглушенный робот искал человека ощупью. Настойч увернулся от его руки и, выбежав из хижины, устремился к черному устью туннеля. Войдя туда, он бросил взгляд назад и увидел, что робот продолжает погоню.

Настойч прошел по туннелю несколько сот метров, включил фонарик и стал поджидать робота.

Как только Настойч убедился, что робот не уничтожен, он тщательно обдумал план действий.

Первой его мыслью, естественно, было скрыться. Но робот, способный двигаться не отдыхая, догонит его без труда. Бесцельно петлять по лабиринту туннелей тоже не годится. Пришлось бы делать привалы, чтобы поесть, напиться и отоспаться. А роботу привалы не нужны.

Поэтому Настойч устроил в туннелях множество ловушек и на них-то возлагал все надежды. Хотя одна да сработает. В этом он не сомневался.

Но, даже твердя себе слова утешения, Настойч содрогался при мысли о множестве несчастий, которые накопил для него робот: о месяцами не заживающих переломах рук, трещинах ребер, вывихнутых лодыжках, о рубленых ранах, порезах, укусах, инфекционных и хрониче-

ских болезнях. Все это робот вывалит на него в один прием, чтобы поскорее возобновить текущую деятельность.

Нет, Настойчу никак не пережить этой полосы несчастий. Ловушки *обязательно* должны сработать!

Вскоре послышались громовые шаги робота, а затем появился и он сам. Увидев Настойча, он заспешил к нему.

Настойч побежал по туннелю со скоростью спринтера, потом свернул в более узкий проход. Робот постепенно сокращал разделяющую их дистанцию.

Добежав до характерного обнажения пород, Настойч оглянулся, чтобы прикинуть дистанцию, и дернул веревку, запрятанную в скалах.

Кровля туннеля обвалилась, засыпав робота тоннами земли и камней. Сделай робот еще шаг вперед — и он оказался бы погребенным.

Однако, мгновенно оценив ситуацию, он вихрем отпрянул назад. Его запорошило землей, мелкие камешки забарабанили по голове и плечам. Но основная масса породы миновала его.

Когда упала последняя песчинка, робот перелез через новоявленный холм и продолжил погоню.

Настойч выбивался из сил. Неудача с ловушкой обескуражила его. Однако, напомнил он себе, впереди есть кое-что почище. Вторая ловушка наверняка прикончит несносную машину.

Они бежали по извилистому туннелю, где путь освещался лишь редкими вспышками фонарика Настойча. Робот снова догонял человека. Настойч выбежал на прямой участок и ускорил бег.

Он пересек клочок земли, который ничем не отличался от всякого другого. Но, как только туда, гроыхая, ступил робот, земля расступилась. Настойч все тщатель-

но рассчитал. Ловушка, выдерживающая его вес, тотчас рухнула под тяжестью робота.

Робот замахал рукой, ища, за что бы ухватиться. Между пальцами у него заструилась земля, и он соскользнул в капкан, который смастерил Настойч,— конусообразную яму, стенки которой сходились книзу наподобие гигантской воронки, где робот должен был заклинить на веки вечные.

Однако робот широко растопырил ноги, раздвинув их почти под прямыми углами к туловищу. Суставы его застресали — с таким усилием вонзил он пятки в пологие стенки ямы; под его тяжестью со стенок посыпалась земля, но они выдержали. Роботу удалось притормозить, не долетев до дна.

Рукой робот выдолбил в земле глубокие упоры. Он вытащил одну ногу, нащупал упор, поставил ее туда; потом вытащил другую ногу. Медленно, но верно робот выбирался из плена, и Настойч снова пустился бегом.

Теперь он дышал тяжело и прерывисто, а в боку у него кололо. Робот бежал быстрее, чем раньше, и Настойчу стоило немалых усилий оставаться впереди.

Как он рассчитывал на эти две ловушки! Теперь осталась только одна. Очень хорошая, но связана с риском.

Головокружение все усиливалось, но Настойч заставил себя сосредоточиться. Когда остается последняя ловушка, надо учитывать каждую мелочь. Он миновал камень с белой пометкой и выключил фонарик. Тут он сбавил скорость и, отсчитывая шаги, дождался, пока робот не очутился прямо у него за спиной и едва не сгреб его пятерней за шиворот.

Восемнадцать... девятнадцать... двадцать!

На двадцатом шаге Настойч нырнул головой во мрак. Несколько секунд он, казалось, парил в воздухе. Потом

упал в воду, нырнул на небольшую глубину, выплыл на поверхность и стал выжидать.

Робот зашел слишком далеко, чтобы остановиться. С оглушительным всплеском он угодил в подземное озеро, яростно захлопал руками и ногами, поднимая тучи брызг, и наконец с бульканьем скрылся под водою.

Услышав это бульканье, Настояч поплыл к другому берегу, благополучно добрался до него и вылез из ледяной воды. Несколько минут он дрожал на скалах, облепленных илом. Потом заставил себя ползти на четвереньках дальше по берегу, к тайнику, где он припас дрова, спички, виски, одеяла и сухую одежду.

Еще несколько часов Настояч сушился, переодевался и разводил костер. Он поел, напился и стал разглядывать неподвижную гладь подземного озера. Задолго до сегодняшних приключений он измерил его глубину с помощью тридцатиметрового лота и не достиг дна. Быть может, это озеро бездонное. А скорее всего, из него берет начало подземная река с быстрым течением, которое унесет робота далеко, на долгие недели, даже месяцы. Или...

Он услышал тихий плеск и направил в ту сторону луч фонарика. Из воды высунулась голова робота, за нею показались плечи и торс.

Очевидно, озеро не было бездонным. Должно быть, робот пересек его по дну и вскарабкался на крутой берег.

Робот стал взбираться вверх по илистым скалам. Настояч устало поднялся на ноги и бросился бежать.

Последняя ловушка тоже оказалась бесполезной, и робот теперь надвигался на него, чтобы умертвить. Настояч мчался к выходу из туннеля. Ему хотелось погибнуть при свете солнца.

Передвигаясь рысцой, Настояч вывел робота из туннеля на крутой склон горы. Дыхание жгло ему глотку,

мускулы живота напряглись до боли. Он бежал, прикрыв глаза, голова кружилась от изнеможения.

Ловушки не помогли. Как это он раньше не понял, что они наверняка не помогут? Робот — часть его самого, его невроз, который хочет его доконать. Может ли человек переумудрить самую мудреную часть самого себя? Правая рука всегда узнает, что творит левая, и даже самые хитроумные уловки лишь ненадолго обманывают искуснейшего из обманщиков.

«Не с того конца я взялся за дело, — думал Настояч, когда лез вверх по склону. — Обман к свободе не приведет. Надо...»

Робот чуть не ухватил его за ногу, прубо напомнив о разнице между теоретическими и практическими познаниями. Настояч рванулся вперед и принялся бомбардировать его камнями. Отмахнувшись от них, как от мух, робот полез дальше по склону.

Настояч срезал угол по почти отвесной скале. Свободы обманом не добьешься, твердил он себе. Обман непременно подведет. Выход — в *перемене!* Выход — в покорении, но не робота, а того, что олицетворяет робот.

Самого себя!

Он был в полубреду, мысли текли бесконтрольно. Он убеждал себя: если побороть ощущение сходства с роботом, то робот явно перестанет быть *его*, Настояча, неврозом! Он превратится в обыкновенный невроз и потеряет власть над Настоячем.

Нужен суший пустяк: исцелиться от невроза (пусть хоть на десять минут) — и робот не причинит ему вреда!

Отхлынула усталость, и Настояча переполнила необычная, опьяняющая самоуверенность. Он дерзко пробежал по хаотическому нагромождению камней — под-

ходящему местечку для того, чтобы вывихнуть лодыжку или сломать ногу. Годом, даже месяцем раньше с ним бы здесь непременно что-нибудь произошло. Однако переродившийся Настойч, уподобясь полубогу, легко перемахнул через огромные камни.

Робот, однорукий и одноглазый, упрямо принял несчастье на себя. Он зацепился за что-то и во весь рост растянулся на острых камнях. Когда робот, поднявшись, снова пустился в погоню за Настойчем, он заметил хромоту.

Окрыленный успехом, но предельно настороженный, Настойч уперся в гранитную стену и прыгнул на выступ — едва заметную серую тень. На какую-то страшную долю секунды он повис в воздухе, но тут, когда пальцы его чуть не соскользнули со стены, он нащупал ногой опору. Не колеблясь, он подтянулся на руках и спрыгнул по другую сторону стены.

За ним, громко скрипя суставами, последовал робот. Он повредил себе палец — раньше нечто подобное случилось бы с Настойчем.

Настойч перескакивал с валуна на валун. Робот, то и дело скользя и оступаясь, приближался. Настойчу все было безразлично. Ему пришло в голову, что свойственная ему склонность к несчастным случаям подготовила его к этому решающему мигу. Теперь наступил отлив. Наконец-то Настойч стал тем, к чему его предназначала природа, — он приобрел *иммунитет* к несчастным случаям!

Робот пополз за ним по сверкающей поверхности белого камня. Опыренный крайней уверенностью в своих силах, Настойч столкнул вниз несколько валунов и закричал во все горло, чтобы вызвать обвал.

Камни зашевелились, а над собой он услышал глухой грохот. Настойч укрылся за валуном, избежав про-

стертой ручищи робота, и обнаружил, что дальше отступать некуда.

Он оказался в низенькой и неглубокой пещерке. Перед ним, загородив вход, вырос робот и отвел назад свой железный кулак.

При виде бедного, неуклюжего робота, подверженно-го несчастным случаям, Настойч разразился хохотом. Но тут робот выбросил вперед кулак, вложив в удар всю свою силу.

Настойч увернулся, но в этом не было нужды. Неуклюжий робот и так промазал по меньшей мере на сантиметр. Как раз такой ошибки и следовало ждать от нелепого создания, раба нелепых несчастных случаев.

Сила отдачи отбросила робота, он пошатнулся. Отчаянно стараясь удержать равновесие, он балансировал на краю скалы. Всякому нормальному человеку или роботу это удалось бы. Но не рабу несчастных случаев. Он упал ничком, разбив при падении единственный глаз, и покатился по склону.

Настойч выглянул было из пещеры, чтобы подтолкнуть падающего, но тотчас поспешно забился в самый дальний угол. Вместо него дело сделал обвал — он покатила быстро уменьшающееся черное пятно по пыльно-белому склону горы и забросал тоннами камней.

Настойч, усмехаясь, наблюдал за происходящим. Потом стал спрашивать себя, что он, собственно говоря, здесь делает.

Тут-то его и начала бить дрожь.

Спустя несколько месяцев Настойч стоял у сходней колониистского судна «Кучулэйн» и смотрел, как на зимнюю, залитую солнцем Тэту высаживаются колониисты. Среди них были люди самые различные.

Все они отправились на Тэту, чтобы начать новую жизнь. Каждый был кому-то дорог, по крайней мере самому себе, и каждый заслуживал какого-то шанса на жизнь независимо от степени своей жизнеспособности.

Не кто иной, как он, Антон Настойч, разведал для этих людей минимальные возможности существования на Тэте и в какой-то степени вселил надежду в самых неспособных — в неумеек, которым тоже хочется жить.

Он отвернулся от потока первых поселенцев и по служебной лестнице поднялся на судно. В конце коридора он вошел в каюту Гаскелла.

— Ну, что, Антон,— спросил Гаскелл,— как они вам показались?

— По-моему, хорошие ребята,— ответил Настойч.

— Вы правы. Эти люди считают вас отцом-основателем, Антон. Вы им нужны. Останетесь?

Настойч сказал:

— Я считаю Тэту своим домом.

— Значит, решено. Я только...

— Погодите,— прервал его Настойч.— Я еще не кончил. Я считаю Тэту своим домом. Я хочу здесь осесть, жениться, завести детишек. Но не сразу.

— Что такое?

— Мне здорово пришлось по душе освоение планет,— пояснил Настойч.— Хотелось бы еще поосваивать. Одну-две планетки. Потом я вернусь на Тэту.

— Этого я и ожидал,— с несчастным видом пробормотал Гаскелл.

— А что тут такого?

— Ничего. Но боюсь, что нам уже не удастся привлечь вас в качестве освоителя, Антон.

— Почему?

— Вы ведь знаете наши требования. Застолбить планету под будущую колонию должен минимально жизнеспособный человек. Как ни напрягай фантазию, вас уже никак не назовешь минимально жизнеспособным.

— Но ведь я такой же, как всегда! — возразил Настойч.— Да, на этой планете я исправился. Но вы же этого ожидали и навязали мне робота, который все компенсировал. А кончилось тем...

— Да, чем же кончилось?

— Что ж, кончилось тем, что я как-то увлекся. Наверное, пьян был. Не представляю, как я мог такое натворить.

— Но ведь натворил же!

— Да. Но постойте! Пусть так, но ведь я еле в живых остался после опыта — всего этого опыта на Тэте. Еле-еле! Разве это не доказывает, что я по-прежнему минимально жизнеспособен?

Гаскелл поджал губы и задумался.

— Антон, вы почти убедили меня. Но боюсь, что вы просто играете словами. Честно говоря, я больше не могу считать вас человекоминимумом. Боюсь, придется вам смириться со своим жребием на Тэте.

Настойч сник. Он устало кивнул, пожал Гаскеллу руку и повернулся к двери.

Поворачиваясь, он задел рукавом чернильный прибор и смахнул его со стола.

Настойч кинулся его поднимать и грохнулся головой о стол. Весь забрызганный чернилами, он помедлил, зацепился за стул, упал.

— Антон,— нахмурился Гаскелл,— что за представление?

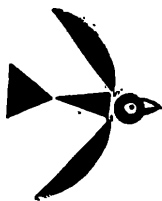
— Да нет же,— сказал Антон,— это не представление, черт возьми!

— Гм. Любопытно. Ну, вот что, Антон, не хочу вас слишком обнадеживать, но возможно — учтите, не наверняка, только возможно...

Гаскелл пристально поглядел на раздумывавшееся лицо Настойча и разразился смехом.

— Ну и пройдоха же вы, Антон! Чуть не одурачили меня! А теперь, будьте добры, проваливайте отсюда и ступайте к колонистам. Они воздвигают статую в вашу честь и, наверное, хотят, чтобы вы присутствовали на открытии.

Пристыженный, но невольно ухмыляющийся Антон Настойч ушел навстречу своей новой судьбе.

ФОРМА

Пид-Пилот замедлил скорость почти до нуля. С волнением всматривался он в зеленую планету.

Даже без показаний приборов не оставалось места сомнениям. Во всей системе эта планета, третья от Солнца, была единственной, где возможна жизнь. Планета мирно проплывала в дымке облаков.

Она казалась совсем безобидной. И все же было на этой планете нечто такое, что лишало жизни участников всех экспедиций, когда-либо посланных с Глома.

Прежде чем бесповоротно устремиться вниз, Пид какое-то мгновение колебался. Он и двое его подчиненных сейчас вполне готовы, больше, чем когда бы то ни было. В сумках их тел хранятся компактные Сместители, бездействующие, но тоже готовые.

Пиду хотелось что-нибудь сказать экипажу, но он не вполне представлял, как построить свою речь.

Экипаж ждал. Ильг-Радист уже отправил последнее сообщение на планету Глом. Джер-Индикатор следил за циферблатами шестнадцати приборов одновременно. Он доложил: «Признаки враждебной деятельности отсутствуют». Поверхности его тела беспечно струились.

Пид отметил про себя эту беспечность. Теперь он знал, о чем должен говорить. С той поры, как Экспедиция покинула Глом, Дисциплина Формы омерзительно расшаталась. Командующий Вторжением предупреждал его; но все же надо что-то предпринять. Это долг Пилота, ибо низшие касты, к которым относятся Радисты и Индикаторы, приобрели дурную славу стремлением к Бесформию.

— На нашу экспедицию возлагаются великие надежды,—медленно начал Пид.—Мы теперь далеко от родины.

Джер-Индикатор кивнул. Ильг-Радист вытек из предписанной ему формы и комфортабельно распластался по стене.

— Однако же,—сурово сказал Пид,—расстояние не служит оправданием безнравственному Бесформию.

Ильг поспешно влился в форму, подобающую Радисту.

— Нам, несомненно, придется прибегать к экзотическим формам,—продолжал Пид.—На этот случай есть особое разрешение. Но помните: всякая форма, принятая не по служебной необходимости, есть происки самого Бесформия.

Джер резко прекратил текучую игру поверхностей своего тела.

— У меня все,—закончил Пид и заструился к пульта. Корабль пошел на посадку так плавно, экипаж действовал настолько слаженно, что Пид ощутил прилив гордости.

«Хорошие работники,—решил он.—Нельзя же, в самом деле, надеяться, что самосознание Формы у них так же развито, как у Пилота, принадлежащего к высшей касте». То же самое говорил ему и Командующий Вторжением.

— Пид,— сказал Командующий Вторжением во время их последней беседы,— эта планета нужна нам по-зарез.

— Да, сэр,— ответил Пид; он стоял, вытянувшись в струнку и ни на йоту, ни малейшим движением не отклоняясь от Парадной формы Пилота.

— Один из вас,— внушительно проговорил Командующий,— должен проникнуть туда и установить Сместитель вблизи источника атомной энергии. На нашем конце будет сосредоточена армия, готовая к прыжку.

— Мы справимся, сэр,— ответил Пид.

— Экспедиция непременно должна достигнуть цели,— сказал Командующий, и облик его на мгновение расплылся от неимоверной усталости.— Строго между нами: на Гломе беспокойно. Бастует, например, каста горняков. Они требуют новой формы для земляных работ. Утверждают, будто старая неудобна.

Пид выразил должное негодование. Горняцкая форма установлена давным-давно, еще пятьдесят тысяч лет назад, так же как и прочие основные формы. А теперь эти выскочки хотят изменить ее!

— Это не все,— поведал ему Командующий.— Мы обнаружили еще один культ Бесформия. Взяли почти восемь тысяч гломов, но не известно, сколько их гуляет на свободе.

Пид знал, что речь идет об искушении Великого Бесформия, самого опасного дьявола, какого только может представить себе разум жителей Глома. Но как случается, дивился он, что гломы поддаются его искушению?

Командующий угадал, какой вопрос вертится у Пиды на языке.

— Пид,— сказал он,— тебе, наверное, непонятно. Ответь мне, нравится ли тебе пилотировать?

— Да, сэр,— ответил Пид просто. Нравится ли пилотировать! Да в этом вся его жизнь! Без корабля он — ничто.

— Не все гломы могут сказать то же самое,— продолжал Командующий.— Мне тоже это непонятно. Все мои предки были Командующими Вторжениями, от самых истоков Времени. Поэтому, разумеется, и я хочу быть Командующим Вторжением. Это не только естественно, но и закономерно. Однако низшие касты испытывают совсем иные чувства.— И он печально потряс телом.

— Я сообщил тебе об этом не зря,— пояснил Командующий.— Нам, гломам, необходимо больше пространства. Неурядицы на планете объясняются только перенаселением. Так утверждают психологи. Получи мы возможность развиваться на новой планете — все раны будут исцелены. Мы на тебя рассчитываем, Пид.

— Да, сэр,— не без гордости ответил Пид.

Командующий поднялся было, желая показать, что разговор окончен, но неожиданно передумал и снова уселся.

— Нам придется следить за экипажем,— сказал он.— Ребята они верные, спору нет, но все из низших каст. А что такое низшие касты, ты и сам знаешь.

Да, Пид это знал.

— Вашего Джера-Индикатора подозревают в тайных симпатиях Реформизму. Однажды он был оштрафован за то, что неправомочно имитировал форму Охотника. Против Ильга не выдвигали ни одного конкретного обвинения. Однако до меня дошли слухи, что он подозрительно долго пребывает в неподвижном состоянии. Не исключено, что он воображает себя Мыслителем.

— Но, сэр,— осмелился возразить Пид,— если они

хоть незначительно запятнаны Реформизмом или Бесформием, стоит ли отправлять их в эту экспедицию?

После некоторого колебания Командующий медленно проговорил:

— Есть множество гломов, которым я могу доверять. Однако эти двое наделены воображением и находчивостью, особыми качествами, которые необходимы в этой экспедиции.— Он вздохнул.— Право, не понимаю, почему эти качества обычно связаны с Бесформием.

— Да, сэр,— сказал Пид.

— Надо только следить за ними.

— Да, сэр,— повторил Пид и отсалютовал, поняв, что беседа окончена. Во внутренней сумке тела он чувствовал тяжесть дремлющего Сместителя, готового преобразовать вражеский источник энергии в мост через космическое пространство — мост, по которому хлынут с Глома победоносные рати.

— Желаю удачи,— сказал Командующий.— Уверен, что она вам понадобится.

Корабль беззвучно опускался на поверхность вражеской планеты. Джер-Индикатор исследовал проплывающие внизу облака и ввел полученные данные в Маскировочный блок. Тот принялся за работу. Вскоре корабль казался со стороны всего лишь формацией перистых облаков.

Пид предоставил кораблю медленно дрейфовать к поверхности загадочной планеты. Теперь он пребывал в Парадной форме Пилота — самой эффективной, самой удобной из четырех форм, предназначенных для касты Пилотов. Он был слеп, глух и нем — всего лишь придаток пульта управления; все его внимание устрем-

лено на то, чтобы не обгонять слоистые облака, держаться среди них, слиться с ними.

Джер упорно сохранял одну из двух форм, дозволенных Индикаторам. Он ввел данные в Маскировочный блок, и опускающийся корабль медленно преобразовался в мощное кучевое облако.

Враждебная планета не подавала никаких признаков жизни.

Ильг засек источник атомной энергии и сообщил данные Пиду. Пилот изменил курс. Он достиг нижних облаков, всего лишь в миле от поверхности планеты. Теперь корабль принял облик пухленького кудрявого кучевого облачка.

Но сигнала тревоги не было. Неведомая судьба двадцати предыдущих экспедиций все еще не была разгадана.

Пока Пид маневрировал над атомной электростанцией, сумерки окутали лик планеты. Избегая окрестных зданий, корабль парил над лесным массивом.

Тьма сгустилась, и одинокая луна зеленой планеты скрылась за облачной вуалью.

Одно облачко опускалось ниже и ниже... и приземлилось.

— Живо, все из корабля! — крикнул Пид, отсоединяясь от пульта управления. Он принял ту из форм Пилота, что наиболее пригодна для бега, и пулей выскочил из люка. Джер и Ильг помчались за ним. В пятидесяти метрах от корабля они остановились и замерли в ожидании.

Внутри корабля замкнулась некая цепь. Корабль бесшумно содрогнулся и стал таять на глазах. Пластмасса растворялась в воздухе, металл съеживался.

Вскоре корабль превратился в груды хлама, но процесс все еще продолжался. Крупные обломки разбивались на мелкие, а мелкие дробились снова и снова.

Глядя на самоуничтожение корабля, Пид ощутил внезапную беспомощность. Он был Пилотом и происходил из касты Пилотов. Пилотом был его отец, и отец отца, и все предки — еще в те туманные времена, когда на Гломе были созданы первые космические корабли. Все свое детство он провел среди кораблей; все зрелые годы пилотировал их.

Теперь, лишенный корабля, он был наг и беспомощен в чуждом мире.

Через несколько минут там, где опустился корабль, остался лишь холмик пыли. Ночной ветер развеял эту пыль по лесу, и тогда уж совсем ничего не осталось.

Они ждали. Но ничего не случилось. Вздыхал ветерок, поскрипывали деревья. Трещали белки, хлопотали в своих гнездах птицы. С мягким стуком упал желудь.

Глубоко, с облегчением вздохнув, Пид уселся. Двадцать первая экспедиция Глома приземлилась благополучно.

Все равно до утра нельзя было ничего предпринять; поэтому Пид начал разрабатывать план. Они высадились совсем близко от атомной электростанции, так близко, что это была просто дерзость. Теперь придется подойти еще ближе. Так или иначе, одному из них надо пробраться в помещение реактора, чтобы привести в действие Сместитель.

Трудно. Но Пид не сомневался в успехе. В конце концов, жители Глома — мастера по части изобретательности.

«Мастера-то мастера,— подумал он горько,— а вот

радиоактивных элементов страшно не хватает». То была еще одна причина, по которой экспедиция считалась такой важной. На подвластных Глому планетах почти не осталось радиоактивного горючего.

Глом растратил свои запасы радиоактивных веществ еще на заре истории, осваивая соседние миры и заселяя те из них, что были пригодны для жизни. Но колонизация едва поспевала за все растущей рождаемостью. Глому постоянно нужны были новые и новые миры.

Нужен был и этот мир, недавно открытый одной из разведывательных экспедиций. Он годился решительно во всех отношениях, но был слишком уж отдаленным. Не хватало горючего, чтобы снарядить военно-космическую флотилию.

К счастью, существовал и другой путь к цели. Еще лучший.

Когда-то, в глубокой древности, ученые Глома создали Сместитель. То был подлинный триумф Техники Тожественности. Он позволял осуществлять мгновенное перемещение массы между двумя точками, определенным образом связанными между собой.

Один — стационарный — конец установки находился на единственной атомной энергостанции Глома. Второй конец надо было поместить рядом с любым источником ядерной энергии и привести в действие. Отведенная энергия протекала между обоими концами и дважды видоизменялась.

Тогда благодаря чудесам Техники Тожественности гломы могли *перешагивать* с планеты на планету; могли обрушиваться чудовищной, все затопляющей волной.

Это делалось совсем просто. Тем не менее двадцати экспедициям не удалось установить Сместитель на земном конце.

Что помешало им — никто не знал. Ни один корабль не вернулся на Глом, чтобы рассказать об этом.

Перед рассветом, приняв окраску местных растений, они крадучись пробирались сквозь леса. Сместители слабо пульсировали, чуя близость ядерной энергии.

Мимо стрелой промчалось крохотное четвероногое существо. У Джера тотчас появились четыре ноги и удлиненное обтекаемое тельце, и он бросился вдогонку.

— Джер! Вернись немедленно! — взывл Пид, отбрасывая всякую осторожность.

Джер догнал зверька и повалил на землю. Он старался запрыгнуть добычу, но позабыл обзавестись зубами. Зверек вырвался и исчез в подлеске. Джер отрастил комплект зубов и напряг мускулы для прыжка.

— Джер!

Индикатор неохотно обернулся. В молчании он вприскок вернулся к Пиду.

— Я был голоден, — сказал он.

— Нет, не был, — неумолимо ответил Пид.

— Был, — пробормотал Джер, корчась от смущения.

Пид вспомнил слова Командующего. В Джере, безусловно, таятся Охотничьи наклонности. Надо будет следить за ним в оба.

— Ничего подобного больше не повторится, — сказал Пид. — Помни, Экзотические формы еще не разрешены. Будь доволен той формой, для которой ты рожден. — Джер кивнул и снова слился с подлеском. Они продолжили путь.

С опушки атомная электростанция была хорошо видна. Пид замаскировался под кустарник, а Джер

превратился в старое бревно. Ильг после недолгого колебания принял облик молодого дубка.

Станция представляла собой невысокое длинное здание, обнесенное металлическим забором. В заборе были ворота, а у ворот стояли часовые.

«Первая задача,— подумал Пид.— Как проникнуть в ворота?» Он стал прикидывать пути и способы.

По обрывочным сведениям, извлеченным из отчетов разведывательных экспедиций, Пид знал, что в некоторых отношениях раса людей походила на гломов. У них, как и у гломов, имелись ручные животные, дома, дети, культура. Обитатели планеты были искусны в механике, как и гломы.

Однако между двумя расами существовали неимоверные различия.

Людам была дана постоянная и неизменная форма, как камням или деревьям. А чтобы хоть чем-то компенсировать такое однообразие, их планета изобиловала фантастическим множеством родов, видов и пород. Это было совершенно непохоже на Глом, где животный мир исчерпывался всего лишь восемью различными формами.

И совершенно ясно, что Люди наловчились вылавливать непрошенных гостей, подумал Пид. Жаль, что он не знает, из-за чего провалились прежние экспедиции. Это намного упростило бы дело.

Мимо на двух неправдоподобно негнувшихся ногах проковылял Человек. В каждом его движении чувствовалась угловатость. Он торопливо миновал гломов, не заметив их.

— Придумал,— сказал Джер, когда странное существо скрылось из виду.— Я притворюсь Человеком, пройду через ворота в зал реактора и активирую Сместитель.

— Ты не умеешь говорить на их языке,— напомнил Пид.

— Я и не стану ничего говорить. Я на них и внимания-то не обращаю. Вот так.— Джер быстро принял облик Человека.

— Недурно,— одобрил Пид.

Джер сделал несколько пробных шагов, подражая трясучей походке Человека.

— Но боюсь, ничего не выйдет,— продолжал Пид.

— Это же вполне логично,— возразил Джер.

— Я знаю. Поэтому-то прежние экспедиции наверняка прибегли к такому способу. И ни одна из них не вернулась.

Спорить было трудно. Джер снова перелился в форму бревна.

— Как же быть? — спросил он.

— Дай мне подумать,— ответил Пид.

Мимо проковыляло существо, которое передвигалось не на двух ногах, а на четырех. Пид узнал его: то была Собака, друг Человека. Он пристально наблюдал за ней.

Собака неторопливо направилась к воротам, опустив морду. Никто ее не остановил; она миновала ворота и улеглась на траве.

— Гм,— сказал Пид.

Они следили за собакой не отрываясь. Один из Людей, проходя мимо, прикоснулся к ее голове. Собака высунула язык и перевернулась на спину.

— Я тоже так могу,— возбужденно сказал Джер. Он уже переливался в форму собаки.

— Нет, погоди,— сказал Пид.— Остаток дня мы потратим на то, чтобы хорошенько все обдумать. Дело слишком важное, нельзя бросаться в него очертя голову.

Джер угрюмо подчинился.

— Пошли, пора возвращаться,— сказал Пид. В сопровождении Джера он двинулся было в глубь леса, но вдруг вспомнил об Ильге.

— Ильг! — тихо позвал он.

Никто не откликнулся.

— Ильг!

— Что? Ах, да! — произнес дубок и слился с кустарником. — Прошу прощения. Вы что-то сказали?

— Мы возвращаемся,— повторил Пид. — Ты случайно не Мыслил?

— О нет,— заверил его Ильг. — Просто отдыхал.

Пид примирился с таким объяснением. Забот и без того хватало.

Скрытые в лесной чаще, они весь остаток дня обсуждали этот вопрос. Были, по-видимому, лишь две возможности — Человек или Собака. Дерево не могло пройти за ворота — это было не в характере Деревьев. Никто не мог проскользнуть незамеченным.

Расхаживать под видом Человека казалось слишком рискованным. Порешили, что утром Джер сделает вылазку в образе Собаки.

— А теперь поспите,— сказал Пид.

Оба члена экипажа послушно расплущились, мгновенно став бесформенными. Но Пид не мог заснуть.

Все казалось слишком уж простым. Почему так плохо охранялась атомная электростанция? Должны же были Люди хоть что-нибудь выведать у экспедиций, перехваченных ими в прошлом. Неужто они убивали, не задавая никаких вопросов?

Никогда не угадаешь, как поступит существо из чужого мира.

Может быть, открытые ворота просто ловушка?

Он устало вытек в удобную позу на бугорчатой земле, но тут же поспешно привел себя в порядок.

Он опустился до Бесформия.

«Удобство не имеет ничего общего с долгом», — напомнил он себе и решительно принял форму Пилота.

Однако форма Пилота не была создана для сна на сырой, неровной почве. Пид провел ночь беспокойно, думая о кораблях и сожалея, что не летит.

Утром Пид проснулся усталый и в дурном расположении духа. Он растолкал Джера.

— Надо приниматься за дело, — сказал он.

Джер весело излился в вертикальное положение.

— Давай, Ильг! — сердито позвал Пид, оглядываясь вокруг. — Просыпайся.

Ответа не последовало.

— Ильг! — окликнул он.

Ответа по-прежнему не было.

— Помоги поискать его, — сказал Пид Джеру. — Он должен быть где-то поблизости.

Вдвоем они осмотрели каждый куст, каждое дерево и бревно в окрестности. Но ничто из них не было Ильгом.

Пид ощутил, как его сковывает холодом испуг. Что могло случиться с Радистом?

— Быть может, он решил пройти за ворота на свой страх и риск? — предположил Джер.

Пид обдумал эту гипотезу и счел ее невероятной. Ильг никогда не проявлял инициативы. Он всегда довольствовался тем, что выполнял чужие приказы.

Они выжидали. Но вот настал полдень, а Ильга все еще не было.

— Больше ждать нельзя,— объявил Пид, и оба двинулись по лесу. Пид ломал себе голову, действительно ли Ильг пытался пройти за ворота на свой страх и риск. В таких тихонях зачастую кроется безрассудная храбрость.

Но ничто не говорило о том, что попытка Ильга удалась. Приходилось думать, что Радист погиб или захвачен в плен Людьми.

Значит, Сместитель придется активировать вдвоем.

А Пид по-прежнему не знал, что случилось с остальными экспедициями.

На опушке леса Джер превратился в копию Собаки. Пид придирчиво оглядел его.

— Поменьше хвоста,— сказал он.

Джер укоротил хвост.

— Побольше ушей.

Джер удлинил уши.

— Теперь подравняй их.— Он посмотрел, что получилось. Насколько он мог судить, Джер стал совершенством от кончика хвоста до мокрого черного носа.

— Желаю удачи,— сказал Пид.

— Благодарю.— Джер осторожно вышел из леса, передвигаясь дергающейся поступью Собак и Людей. У ворот его окликнул часовой. Пид затаил дыхание.

Джер прошел мимо Человека, игнорируя его. Человек двинулся было к Джеру, и тот припустился бегом.

Пид приготовил две крепкие ноги, готовясь стремительно броситься в атаку, если Джера схватят.

Но часовой вернулся к воротам. Джер немедленно перестал бежать и спокойно побрел к главному входу.

Со вздохом облегчения Пид ликвидировал ноги.

Но главный вход был закрыт! Пид надеялся, что Индикатор не сделает попытки открыть его. Это было не в повадках Собак.

К Джеру подбежала другая Собака. Он попятился от нее. Собака подошла совсем близко и обнюхала Джера. Тот ответил тем же.

Потом обе собаки побежали за угол.

«Это остроумно,— подумал Пид.— Сзади непременно отыщется какая-нибудь дверь».

Он взглянул на заходящее солнце. Как только Сместитель будет активирован, сюда хлынут армии Глома. Пока Люди опомнятся, здесь уже будут войска с Глома — не меньше миллиона. И это только начало.

День медленно угасал, но ничто не происходило.

Пид не спускал глаз с фасада здания; он нервничал. Если у Джера все благополучно, дело не должно так затягиваться.

Он ждал до поздней ночи. Люди входили в здание и выходили из него, Собаки лаяли у ворот. Но Джер не появлялся.

Джер попался. Ильг исчез. Пид остался один.

И он все еще не знал, что произошло.

К утру Пид охватило безысходное отчаяние. Он понял, что двадцать первая экспедиция Глома на этой планете находится на грани полного провала. Теперь все зависит только от него.

Он решил совершить дерзкую вылазку в облике Человека. Больше ничего не оставалось.

Он видел, как большими партиями прибывают рабочие и проходят в ворота. Пид раздумывал, что лучше: смешаться с толпой или выждать, пока суматоха уляжется. Он решил воспользоваться сутолокой и стал отливаться в форму Человека.

По лесу, мимо его укрытия, прошла Собака.

— Привет,— сказала Собака.

То был Джер!

— Что случилось? — спросил Пид с облегчением.— Почему ты так задержался? Трудно войти?

— Не знаю,— ответил Джер, виляя хвостом.— Я не пробовал.

Пид онемел.

— Я охотился,— благодушно пояснил Джер.— Эта форма, знаете ли, идеально подходит для Охоты. Я вышел через задние ворота вместе с другой Собакой.

— Но экспедиция... твой долг...

— Я передумал,— заявил Джер.— Вы знаете, Пилот, я никогда не хотел быть Индикатором.

— Но ты ведь родился Индикатором!

— Это верно,— сказал Джер,— но мне от этого не легче. Я всегда хотел быть Охотником.

Пидо трясло от злости.

— Нельзя,— сказал он очень медленно, как объяснял бы глому-ребенку.— Форма Охотника для тебя запретна.

— Ну, не здесь, здесь-то не запретна,— возразил Джер, по-прежнему виляя хвостом.

— Чтоб я этого больше не слышал,— сердито сказал Пид.— Отправляйся на электростанцию и установи свой Сместитель. Я постараюсь забыть все, что ты плел.

— Не пойду,— ответил Джер.— Мне здесь гломы ни к чему. Они все погубят.

— Он прав,— произнес кряжистый дуб.

— Ильг! — ахнул Пид.— Где ты?

Зашевелились ветви.

— Да здесь,— сказал Ильг.— Я все Размышлял.

— Но ведь... твоя каста...

— Пилот,— печально сказал Джер.— Проснитесь!

Большинство народа на Гломе несчастно. Лишь обычай вынуждает нас принимать кастовую форму наших предков.

— Пилот,— заметил Ильг,— все гломы рождаются бесформенными!

— А поскольку гломы рождаются бесформенными, все они должны иметь Свободу Формы,— подхватил Джер.

— Вот именно,— сказал Ильг.— Но ему этого не понять. А теперь извините меня. Я хочу подумать.— И дуб умолк.

Пид невесело засмеялся.

— Люди вас перебьют,— сказал он.— Точно так же, как они истребили другие экспедиции.

— Никто из гломов не был убит,— сообщил Джер.— Все наши экспедиции находятся здесь.

— Живы?

— Разумеется. Люди даже не подозревают о нашем существовании. Собака, с которой я охотился,— это глом из девятнадцатой экспедиции. Нас здесь сотни, Пилот. Нам здесь нравится.

Пид пытался все это усвоить. Он всегда знал, что низшим кастам недостает формового самосознания. Но это уж... это просто абсурдно!

Так вот в чем таилась опасность этой планеты — в свободе!

— Присоединяйтесь к нам, Пилот,— предложил Джер.— Здесь настоящий рай. Знаете, сколько на этой планете всяких разновидностей? Неисчислимое множество! Здесь есть формы на все случаи жизни!

Пид покачал головой. На его случай жизни формы нет. Он — Пилот.

Но ведь Люди ничего не знают о присутствии гломов. Подобраться к реактору до смешного легко.

— Всеми вами займется Верховный суд Глома,— прорычал он и обернулся Собакой.— Я сам установлю Сместитель.

Мгновение он изучал себя, потом ощерился на Джефра и вприпрыжку направился к воротам.

Люди у ворот даже не взглянули на него. Он проскользнул в центральную дверь здания вслед за каким-то Человеком и понесся по коридору.

В сумке тела пульсировал и подрагивал Сместитель, увлекая Пиду к залу реактора.

Он опрометью взлетел по какой-то лестнице, промчался по другому коридору. За углом слышались шаги, и Пид инстинктивно почувствовал, что Собакам запрещено находиться внутри здания.

В отчаянии он огляделся, ища, куда бы спрятаться, но коридор был гладок и пуст. Только с потолка свисали светильники.

Пид подпрыгнул и приклеился к потолку. Он принял форму светильника и от души надеялся, что Человек не станет выяснять, отчего он не зажжен.

Люди пробежали мимо.

Пид превратился в копию Человека и поспешил к цели.

Надо подойти поближе.

В коридоре появился еще один человек. Он пристально посмотрел на Пиду, попытался что-то сказать и внезапно пустился наутек.

Пид не знал, что насторожило Человека, но тоже побежал со всех ног. Сместитель в сумке дрожал и бился, показывая, что критическая дистанция почти достигнута.

Неожиданно мозг пронзило ужасающее сомнение. Все экспедиции дезертировали! Все гломы до единого!

Он чуть-чуть замедлил бег.

Свобода Формы... какое странное понятие. Тревожащее понятие. «Это, несомненно, козни Самого Бесформия», — сказал он себе и бросился вперед.

Коридор заканчивался гигантской запертой дверью. Пид уставился на нее.

В дальнем конце коридора загромыхали шаги, слышались крики Людей.

Где же он ошибся? Как его выследили? Он быстро осмотрел себя, провел пальцами по лицу.

Он забыл отформовать черты лица.

В отчаянии он дернул дверь. Потом вынул из сумки крохотный Сместитель, но пульсация была еще недостаточно сильной. Надо подойти к реактору ближе.

Он осмотрел дверь. Между ней и полом была узенькая щель. Пид быстро стал бесформенным и протек под дверью, с трудом протиснув за собой Сместитель.

С внутренней стороны на двери был засов. Пид задвинул его и огляделся по сторонам, надеясь отыскать что-нибудь, чем можно забаррикадировать дверь. Комнатка была малюсенькая. С одной стороны — свинцовая дверь, ведущая к реактору. С другой стороны — оконце. Вот и все.

Пид бросил взгляд на Сместитель. Пульсация была сильной. Наконец-то он у цели. Здесь Сместитель может работать, черпая энергию от реактора и преобразуя ее. Нужно только привести его в действие.

Однако они дезертировали, все до единого.

Пид колебался. Все гломы рождаются бесформенными. Это правда. Дети гломов аморфны, пока не подрастут настолько, что можно преподать им кастовую форму предков. Но Свобода Формы?..

Пид взвешивал возможности. Без помехи принимать любую форму, какую только захочет! На этой райской планете он может осуществить любое честолюбивое же-

ление, стать чем угодно, делать что угодно. Он вовсе не будет одинок. И другие гломы наслаждаются здесь преимуществами Свободы Формы.

Люди взламывали дверь. Пид все еще был в нерешительности. Как поступить? Свобода...

Но не для него, подумал он с горечью. Легко стать Охотником или Мыслителем. А он — Пилот. Пилотирование — его жизнь, его страсть. Как же он будет им заниматься здесь?

Конечно, у Людей есть корабли. Можно превратиться в Человека, отыскать корабль...

Нет, никак. Легко стать Деревом или Собакой. Никогда не удастся ему выдать себя за Человека.

Дверь трещала под непрерывными ударами.

Пид подошел к окну, чтобы в последний раз окинуть взглядом планету, прежде чем привести в действие Сместитель. Он выглянул — и чуть не лишился чувств, так он был потрясен.

Так это действительно правда! А он-то не вполне понимал, что имел в виду Джер, когда говорил, что на этой планете есть все виды жизни, все формы, способные удовлетворить любое желание! Даже его желание!

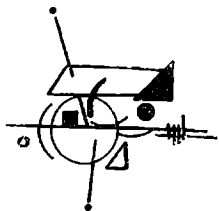
Страстное желание всей Касты Пилотов, желание еще более заветное, чем Пилотирование.

Он взглянул еще раз, потом швырнул Сместитель на пол, разбив его вдребезги.

Дверь поддалась, и в тот же миг он вылетел в окно.

Люди метнулись к окну. Они выглянули наружу, но так и не поняли, что видят.

За окном взмыла вверх большая белая птица. Она взмахивала крыльями — неуклюже, но с возрастающей силой, стремясь догнать улетающую птичью стаю.

СПЕЦИАЛИСТ

Фотонный шторм разразился без предварительного предупреждения, обрушился на Корабль из-за плеяды красных звезд-гигантов. Глаз едва успел с помощью Передатчика подать второй и последний сигнал тревоги, как шторм уж бушевал вовсю.

Для Передатчика это был третий дальний перелет и первый в жизни шторм световых лучей. Когда Корабль заметно отклонился от курса, принял на себя удар фронта волны и чудовищно накренился, Передатчик перепугался не на шутку. Однако страх тотчас рассеялся, уступив место сильнейшему возбуждению.

«Чего бояться,— подумал Передатчик,— разве не готовили меня как раз к таким аварийным ситуациям?»

Когда налетел шторм, Передатчик беседовал с Питателем, но сразу же резко оборвал разговор. Он надеялся, что Питатель благополучно выпутается. Жаль юнца — это его первый дальний рейс.

Нитевидные проволоочки, — составляющие большую часть тела Передатчика, были протянуты по всему Кораблю. Передатчик быстро поджал их под себя — все, кроме тех, что связывали его с Глазом, Двигателем и Стенками. Теперь все зависело от них. Пока не уляжет-

ся шторм, остальным членам Команды придется рассчитывать только на свои силы.

Глаз расплющил по Стенке свое дисковидное тело и высунул наружу один из органов зрения. Остальные он сложил и, чтобы сосредоточиться, втянул их внутрь.

Пользуясь органом зрения Глаза, Передатчик вел наблюдение за штормом. Чисто зрительные восприятия Глаза он переводил в команды для Двигателя, который направлял Корабль наперерез волнам. Почти одновременно Передатчик увязывал команды по курсу со скоростью; это делалось для Стенок, чтобы те увеличили жесткость и лучше противостояли ударам.

Действия координировались быстро и уверенно: Глаз измерял силу волн, Передатчик сообщал информацию Двигателю и Стенкам. Двигатель вел Корабль вперед в очередную волну, а Стенки смыкались еще теснее, чтобы принять удар.

Увлечшись стремительной, слаженной общей работой, Передатчик и думать забыл о собственных страхах. Думать было некогда. В качестве корабельной системы связи он должен был с рекордной быстротой переводить и передавать сигналы, координируя информацию и командуя действиями.

Спустя каких-нибудь несколько минут шторм утих.

— Отлично,— сказал Передатчик.— Посмотрим, есть ли повреждения.— Во время шторма нити его спутались, но теперь он распутал их и протянул по всему Кораблю, включив каждого члена Команды в свою цепь.— Двигатель!

— Самочувствие превосходное,— отозвался Двигатель. Во время шторма он активизировал челюсти-замедлители, умеряя атомные взрывы в своем чреве. Никакой буре не удалось бы застигнуть врасплох столь опытного астронавта, как Двигатель.

— Стенки!

Стенки рапортовали поочередно, и это заняло уйму времени. Их было более тысячи — тонких прямоугольников, составляющих оболочку Корабля. Во время шторма они, естественно, укрепляли стыки, повысив тем самым упругость всего Корабля. Однако в одной или двух появились глубокие вмятины.

Доктор сообщил, что он цел и невредим. Он состоял в основном из рук и во время шторма цеплялся за какой-то Аккумулятор. Теперь он снял со своей головы нить, тянущуюся от Передатчика, отключился таким образом от цепи и занялся изрешеченными Стенками.

— Давайте-ка побыстрее, — сказал Передатчик, не забывая, что предстоит еще определить местонахождение Корабля. Он предоставил слово четверем Аккумуляторам. — Ну, как вы там? — спросил он.

Ответа не было. Аккумуляторы сладко спали. Во время шторма их рецепторы были открыты, и теперь все четверо раздувались от избытка энергии. Передатчик подергал своими ниточками, но Аккумуляторы не шелохнулись.

— Пусти-ка меня, — вызвался Питатель. Бедняга не сразу догадался прикрепиться к Стенке своими всасывающими трубками и успел-таки хлебнуть лиха, но петушился ничуть не меньше, чем всегда. Из всех членов Команды Питатель был единственным, кто никогда не нуждался в услугах Доктора: его тело регенерировало самостоятельно.

Он торопливо пересек пол на своих щупальцах — их было около двенадцати — и лягнул ближайший Аккумулятор. Огромный конус, напоминающий гигантскую копилку, приоткрыл было один глаз, но тут же закрыл его снова. Питатель вторично лягнул Аккумулятор, на этот раз вовсе безрезультатно. Тогда он дотянулся до пре-

дохранительного клапана, расположенного в верхней части Аккумулятора, и выпустил часть запаса энергии.

— Сейчас же прекрати,— буркнул Аккумулятор.

— А ты проснись и рапортуй по всей форме.

Аккумуляторы раздраженно заявили, что они вполне здоровы и что любому дураку это ясно. На время шторма их пригвоздили к полу монтажные болты.

Остальная часть поверки-прошла быстро. Мыслитель был здоров и бодр, а Глаз восторженно расхваливал красоты шторма. Произошел только один несчастный случай.

Погиб Ускоритель. Двухногий, он не был так устойчив, как остальные члены Команды. Шторм застал его посреди пола, швырнул на Стенку, которая к тому моменту успела резко увеличить свою жесткость, и переломал ему какие-то жизненно важные кости. Теперь даже Доктор был бессилён помочь.

Некоторое время все молчали. Гибель какой-то части Корабля — дело нешуточное. Корабль — это единое целое, состоящее исключительно из членов Команды. Утрата одного из них — удар по всей Команде.

Особенно серьезно обстояло дело именно сейчас. Корабль только-только доставил груз в порт, отделенный от Центра Галактики несколькими тысячами световых лет. После шторма координаты Корабля были совершенно неизвестны.

Глаз подполз к одной из Стенок и выставил орган зрения наружу. Стенки пропустили его и тотчас сомкнулись снова. Высунувшись из Корабля, орган зрения удлинился настолько, чтобы обозревать всю звездную сферу. Картина была сообщена Передатчику, который доложил о ней Мыслителю.

Мыслитель — гигантская бесформенная глыба протоплазмы — лежал в углу каюты. В нем хранилась па-

мать всех его предков-космопроходцев. Он рассмотрел полученную картину, мгновенно сравнил ее с массой других, запечатленных в его клетках, и сообщил:

— В пределах досягаемости нет ни одной планеты, входящей в Галактическое Содружество.

Передачик машинально перевел каждому сообщение, которого опасались больше всего на свете.

С помощью Мыслителя Глаз определил, что Корабль отклонился от курса на несколько сот световых лет и находится на окраине Галактики.

Каждый член Команды хорошо понимал, что это означает. Без Ускорителя, который разгоняет Корабль до скорости, во много раз превышающей световую, им никогда не вернуться домой. Обратный перелет без Ускорителя продлится дольше, чем жизнь каждого из них.

— Нам остается избрать одну из двух возможных линий поведения. Первая: пользуясь атомной энергией Двигателя, направить Корабль к ближайшей галактической планете. Это займет приблизительно двести световых лет. Возможно, Двигатель и доживет до конца пути, но остальные наверняка не доживут. Вторая: найти в зоне нашего местонахождения примитивную планету, населенную потенциальными Ускорителями. Выбрать одного из них и обучить, чтобы он разгонял наш Корабль на пути к галактической территории.

Изложив все варианты, отысканные в памяти предков, Мыслитель умолк.

После быстро проведенного голосования оказалось, что все склоняются в пользу второго предложения Мыслителя. Да и выбора-то, по правде говоря, не было. Только второй вариант оставлял хоть какую-то надежду на возвращение домой.

— Хорошо,— сказал Мыслитель.— А теперь поедим. Полагаю, все мы это заслужили.

Тело погибшего Ускорителя сбросили в пасть Двигателя, который тут же поглотил его и преобразовал атомы в энергию.

Из всех членов Команды только Двигатель питался атомной энергией.

Чтобы накормить остальных, Питатель поспешно подзарядился от ближайшего Аккумулятора. После этого он преобразовал находящиеся внутри него питательные вещества в продукты, которые потребляли другие члены Команды. Химия тела у Питателя непрерывно изменялась, перерождалась, адаптировалась, приготовляя различные виды питания.

Глаз употреблял в пищу только сложные цепочки молекул хлорофилла. Изготовив для него такие цепочки, Питатель скормил Передатчику углеводороды, а Стенкам — хлористые соединения. Для Доктора он воспроизвел точную копию богатых кремнием плодов, к которым тот привык на родине.

Наконец трапеза окончилась, и Корабль снова был приведен в порядок. В углу сном праведников спали Аккумуляторы. Глаз расширял свое поле зрения, насколько мог, настраивая главный зрительный орган на высокочувствительную телескопическую рецепцию. Даже в столь чрезвычайных обстоятельствах Глаз не устоял перед искушением и начал сочинять стихи. Он объявил во всеуслышание, что работает над новой эпической поэмой «Периферическое свечение». Поскольку никто не желал выслушать эту поэму, Глаз ввел ее в Мыслителя, который сберегал в памяти решительно все, хорошее и плохое, истинное и ложное.

Двигатель никогда не спал. По горло полный энергией, полученной из праха Ускорителя, он вел Корабль вперед со скоростью, в несколько раз превышающей скорость света.

Стенки спорили, кто из них во время последнего отпуска был пьянее всех.

Передатчик решил расположиться поудобнее. Он отцепился от Стенок, и его круглое тельце повисло в воздухе, подвешенное на сети пересекающихся нитей.

На мгновение он вспомнил об Ускорителе. Странно — ведь все они дружили с Ускорителем, а теперь сразу о нем позабыли. Дело тут отнюдь не в черствости, а в том, что Корабль — это единое целое. Об утрате одного из членов скорбят, но при этом главное — чтобы не нарушилось единство.

Корабль проносился мимо солнц галактической окраины.

Мыслитель рассчитал, что вероятность отыскать планету Ускорителей составляет примерно четыре к пяти, и проложил спиральный маршрут поисков. Неделью спустя им повстречалась планета первобытных Стенок. На бреющем полете можно было увидеть, как эти толстокожие прямоугольники греются на солнце, лазают по горам, смыкаются в тоненькие, но широкие плоскости, чтобы их подхватил легкий ветерок.

Все корабельные Стенки тяжело вздыхали, охваченные острой тоской по родине. До чего похоже на их родную планету!

Со Стенками вновь открытой планеты еще не вступала в контакт ни одна галактическая экспедиция, и они не подозревали о своем великом предназначении — влиться в обширное Содружество Галактики.

Спиральный маршрут проходил мимо множества миров — и мертвых, и слишком юных для возникновения жизни. Повстречали планету Передатчиков. Паутина линии связи раскинулась здесь чуть ли не на половину континента.

Передатчик жадно рассматривал планету, прибегнув

к помощи Глаза. Его охватила жалость к самому себе. Вспомнился дом, семья, друзья. Вспомнилось и дерево, которое он собирался купить, когда вернется.

На какое-то мгновение Передатчик удивился: что делает он в заброшенном уголке Галактики, да к тому же в качестве корабельного прибора?

Однако он стряхнул с себя минутную слабость. Обязательно найдется планета Ускорителей — надо только поискать как следует.

По крайней мере он на это надеялся.

Корабль стремительно неся по неисследованной окраине, мимо длинной вереницы бесплодных миров. Но вот на пути попалась целая россыпь планет, населенных первобытными Двигателями, которые плавали в радиоактивном океане.

— Какая богатая территория, — обратился Питатель к Передатчику. — Галактике следовало бы выслать сюда отряд контактеров.

— Возможно, после нашего возвращения так и поступят, — ответил Передатчик.

Они были очень дружны между собой — их связывало чувство еще более теплое, чем всеобъемлющая дружба членов Команды. Дело не только в том, что оба были младшими членами Команды, хотя их взаимная привязанность объяснялась и этим. Оба выполняли сходные функции — вот где коренилось родство душ. Передатчик переводил информацию, Питатель преобразовывал пищу. Они и внешне-то были схожи. Передатчик представлял собой центральное ядро с расходящимися во все стороны нитями, Питатель — центральное ядро с расходящимися во все стороны трубочками.

Передатчик считал, что после него наиболее сознательное существо на Корабле — это Питатель. По-настоящему Передатчик никогда не понимал, как проте-

кают сознательные процессы у некоторых членов Команды.

Еще солнца, еще планеты. Двигатель начал перегреваться. Как правило, он применялся только при старте и посадке, а также при точном маневрировании внутри планетной системы. Теперь же в течение многих недель он работал непрерывно со сверхсветовой и досветовой скоростью. Начинало сказываться напряжение.

С помощью Доктора Питатель привел в действие систему охлаждения Двигателя. Грубое средство, но приходилось довольствоваться малым. Перестроив атомы азота, кислорода и водорода, Питатель создал охлаждающую жидкость. Доктор порекомендовал Двигателю длительный отдых. Он предупредил, что бравый ветеран не протянет и недели при таком напряжении.

Поиски продолжались, но настроение Команды постепенно падало. Все понимали, что в Галактике Ускорители встречаются редко, не то что расплодившиеся Стенки и Двигатели.

От межзвездной пыли на Стенках появились оспины. Стенки жаловались, что по приезде домой разорятся, так как им необходимо будет пройти полный курс лечения в косметическом салоне. Передатчик заверил их, что все расходы примет на себя фирма.

Даже Глаз налился кровью, оттого что непрерывно таращился в пространство.

Подлетели еще к одной планете. Сообщили ее характеристики Мыслителю, который надолго задумался над ними.

Спустились поближе — так, что можно было различить отдельные предметы.

Ускорители! Примитивные Ускорители!

Стремительно развернулись назад, в космос, — строить дальнейшие планы. Питатель приготовил двад-

цать три опьяняющих напитка, чтобы отпраздновать событие.

Корабль на трое суток вышел из строя.

— Ну, как, все готовы? — еле слышно спросил Передатчик на четвертые сутки. Он мучился: с похмелья горели все нервные окончания.

Ну и хватил же он лишку! У него сохранилось смутное воспоминание о том, как он обнимал Двигателя и приглашал по возвращении поселиться на одном дереве.

Сейчас Передатчик содрогался при одной мысли об этом.

Остальные члены Команды чувствовали себя не лучше. Стенки пропускали воздух — они слишком ослабли, чтобы сомкнуться как следует. Доктор валялся без чувств.

Хуже всех пришлось Питателю. Поскольку его система приспособлялась к любому горючему, кроме атомного, он отведаль все им же приготовленные зелья, в том числе неустойчивый иод, чистый кислород и взрывчатый сложный эфир. Вид у него был весьма жалкий. Трубочки, обычно красивого цвета морской воды, покрылись оранжевыми подтеками. Его пищеварительный тракт работал вовсю, очищаясь от всевозможной гадости, и Питатель маялся поносом.

Трезвыми оставались только Мыслитель и Двигатель. Мыслитель пить не любил — свойство необычное для астронавта, но характерное для Мыслителя, а Двигатель не умел.

Все прислушались к поразительным сообщениям, которые без запинки выкладывал Мыслитель. Рассмотрев поверхность планеты при помощи Глаза, Мыслитель обнаружил там металлические сооружения. Он выдвинул устрашающую гипотезу, будто Ускорители на этой планете создали у себя механическую цивилизацию.

— Так не бывает, — категорически заявили три Стенки, и большинство Команды с ними согласилось. Весь металл, по их мнению, или был запрятан глубоко под землей или валялся в виде ничего не стоящих ржавых обломков.

— Не хочешь ли ты сказать, будто они делают из металла вещи? — осведомился Передатчик. — Прямо из обыкновенного мертвого металла? А что из него можно сделать?

— Ничего нельзя сделать, — решительно сказал Питатель. — Такие изделия беспрерывно ломались бы. Ведь металл не чувствует, когда его разрушает усталостный износ.

Однако Мыслитель оказался прав. Глаз увеличил изображение, и каждый увидел, что Ускорители понаделали из неодушевленного металла большие укрытия, экипажи и прочие предметы.

Причину столь странного направления цивилизации трудно было установить сразу, но ясно было, что это недоброе предзнаменование. Однако, как бы там ни было, самое страшное осталось позади. Планета Ускорителей найдена. Предстояла лишь сравнительно легкая задача — уговорить одного из туземцев.

Едва ли это будет так уж сложно. Передатчик знал, что даже среди примитивных народов священные принципы Галактики — сотрудничество и взаимопомощь — нерушимы.

Команда решила не совершать посадки в густонаселенном районе. Разумеется, нет причин опасаться недружелюбной встречи, но установить связь с этими существами как с племенем — дело отряда контактеров. Команде же нужен только один индивид. Поэтому они выбрали почти необитаемый земельный массив и совершили посадку, едва эту часть планеты окутала ночь.

Почти сразу же удалось обнаружить одиночного Ускорителя.

Глаз адаптировался, чтобы видеть в темноте, и все стали следить за движениями Ускорителя. Через некоторое время тот улегся возле костра. Мыслитель разъяснил, что это распространенный среди Ускорителей обычай отдыха.

Перед самым рассветом Стенки расступились, а Питатель, Передатчик и Доктор вышли из Корабля.

Питатель ринулся вперед и похлопал туземца по плечу. Вслед за ним протянул линию связи и Передатчик.

Ускоритель раскрыл органы зрения, моргнул ими и сделал странное движение органом, предназначенным для поглощения еды. После этого он вскочил на ноги и пустился бежать.

Три члена Команды были ошеломлены. Ускоритель даже не дал себе труда выяснить, чего хотят от него трое инопланетян!

Передатчик быстро удлинил какую-то нить и на расстоянии пятнадцати метров ухватил Ускорителя за конечность. Ускоритель упал.

— Обращайся с ним поласковее, — посоветовал Питатель. — Возможно, его испугал наш вид. — У него даже все трубки затряслись от смеха при мысли, что Ускорителя, наделенного множеством органов, одного из самых чудных существ в Галактике, может испугать чей-то облик.

Вокруг упавшего Ускорителя засуетились Питатель и Доктор, подняли его и перенесли на Корабль.

Стенки снова сомкнулись. Ускорителя выпустили из цепкого захвата и приготовились к переговорам.

Едва освободясь, Ускоритель вскочил на ноги и метнулся к тому месту, где только что сомкнулись Стенки.

Он неистово забарабанил в них верхними конечностями, отверстие для поглощения еды у него дрожало.

— Перестань, — возмутилась Стенка. Она напружинилась, и Ускоритель рухнул на пол. Мгновенно вскочив, он снова кинулся вперед.

— Остановите его, — распорядился Передатчик. — Он может ушибиться.

Один из Аккумуляторов проснулся ровно настолько, чтобы подкатиться под ноги Ускорителю. Ускоритель упал, снова поднялся и помчался вдоль Корабля.

Линии Передатчика тянулись и по передней части Корабля, так что он перехватил Ускорителя на самом носу. Ускоритель стал отдирать нити, и Передатчик поспешно отпустил его.

— Подключи его к системе связи! — вскричал Питатель. — Быть может, удастся воздействовать на него убеждением!

Передатчик протянул к голове Ускорителя нить и замахал ею, подавая понятный всей Галактике знак установления связи. Однако Ускоритель вел себя поистине странно: он продолжал увертываться, отчаянно размахивая куском металла, который держал в руке.

— Как вы думаете, что он намерен делать с этой штукой? — спросил Питатель. Ускоритель атаковал борт Корабля, заколотив металлом по одной из Стенок. Стенка инстинктивно ожесточилась, и металл звякнул об пол.

— Оставьте его в покое, — сказал Передатчик. — Дайте ему время утихомириться.

Передатчик посовещался с Мыслителем, но они так и не решили, что делать с Ускорителем. Тот никак не шел на установление связи. Каждый раз когда Передатчик протягивал ему свою нить, Ускоритель выказывал все признаки необоримого ужаса. До поры до времени дело зашло в тупик.

Предложение отыскать на этой планете другого Ускорителя Мыслитель тут же отверг. Он считал, что поведение Ускорителя типично и, если обратиться к другому, результат не изменится. Кроме того, первый контакт с планетой — прерогатива отряда контактеров.

Если они не найдут общего языка с этим Ускорителем, то на данной планете уже не свяжутся с другим.

— Мне кажется, я понял, в чем беда, — заявил Глаз. Он вскарабкался на Аккумулятор, как на трибуну. — Здешние Ускорители создали механическую цивилизацию. Но каким способом? Вообразите только, они работали свои пальцы, как Доктор, и научились изменять форму металлов. Они пользовались своими органами зрения, как я. Вероятно, развивали и бесчисленное множество прочих органов. — Он сделал эффектную паузу. — Здешние Ускорители утратили специализацию!

По этому поводу спорили несколько часов. Стенки утверждали, что разумное существо без специализации немыслимо. В Галактике таких нет. Однако факты были налицо — города Ускорителей, их экипажи... Этот Ускоритель, как и остальные, по-видимому, умел многое.

Он умел делать все, только не ускорять!

Частично эту несообразность объяснил Мыслитель.

— Данная планета не первобытна. Она сравнительно древняя и должна была бы вступить в Содружество много тысячелетий назад. Поскольку этого не произошло, местные Ускорители несправедливо лишились прав, принадлежавших им от рождения. Они даровиты, их специальность — ускорение, но ускорять им было нечего. В итоге, естественно, их культура развивалась патологически. Что это за культура, мы можем только догадываться. Однако, если исходить из имеющихся данных, есть все основания полагать, что местные Ускорители... неконтактны.

Мыслителю была свойственна манера самые поразительные заявления делать самым невозмутимым тоном.

— Вполне возможно, — продолжал непреклонный Мыслитель, — что местные Ускорители не пожелают иметь с нами ничего общего. В таком случае вероятность того, что мы найдем другую планету Ускорителей, составляет приблизительно один к двумстам восьмидесяти трем.

— Нельзя с уверенностью утверждать, что он не станет сотрудничать, пока мы не добились контакта с ним, — заметил Передатчик. Ему было крайне трудно поверить, что разумное существо способно отказаться от добровольного сотрудничества.

— А как это сделать? — спросил Питатель.

Разработали план действий. Доктор медленно подошел к Ускорителю; тот попятился. Тем временем Передатчик просунул нить сквозь Стенку наружу, протянул вдоль Корабля и снова втянул внутрь, как раз позади Ускорителя.

Пятясь, Ускоритель уперся спиной в Стенку, и Передатчик ввел нить в его голову, во впадину связи, расположенную в центре мозга.

Ускоритель без чувств рухнул на пол.

Когда Ускоритель пришел в себя, Питатель и Доктор держали его за руки и за ноги, иначе он оборвал бы линию связи. Тем временем Передатчик, пользуясь своим искусством, изучал язык Ускорителя.

Задача оказалась не слишком сложной. Все языки Ускорителей принадлежали к одной и той же группе, и этот случай не был исключением. Передатчику удалось уловить на поверхности коры достаточно мыслей, чтобы представить себе строй чуждой речи.

Он попытался наладить общение с Ускорителем.

Ускоритель хранил молчание.

— По-моему, он нуждается в пище,— сказал Питатель. Все вспомнили, что Ускоритель находится на борту Корабля почти двое суток. Питатель изготовил одно из стандартных блюд, любимых Ускорителями, и подал его чужаку.

— О господи! Бифштекс! — воскликнул Ускоритель.

По переговорным цепям Передатчика вся Команда испустила радостный клич. Ускоритель произнес первые слова!

Передатчик проанализировал слова и покопался в памяти. Он знал сотни две языков Ускорителей, а простейших диалектов — еще больше. Передатчик установил, что Ускоритель разговаривает на смешении двух наречий.

Насытившись, Ускоритель огляделся по сторонам. Передатчик перехватил его мысли и разнес их по всей Команде.

Ускоритель воспринимал окружающее как-то необычно. Корабль казался ему буйством красок. По Стенкам пробегали волны. Прямо перед ним находилось нечто вроде гигантского черно-зеленого паука, чья паутина опутала весь Корабль и протянулась к головам остальных невиданных существ. Глаз почудился ему странным зверьком без меха — существом, которое находилось где-то на полпути между освеженным кроликом и яичным желтком (что это за диковинки, никто на Корабле не знал).

Передатчика покорила новая точка зрения, которую он обнаружил в мозгу Ускорителя. Никогда до сих пор не видел он мира в таком свете. Теперь, когда Ускоритель это заметил, Передатчик не мог не признать, что у Глаза и вправду смешная внешность.

Попытались войти в контакт.

— Что вы за создания такие, черт вас возьми? — спросил Ускоритель; он заметно успокоился к исходу вторых суток. — Зачем вы схватили меня? Или я просто свихнулся?

— Нет, — успокоил его Передатчик, — твоя психика вполне нормальна. Перед тобой торговый Корабль Галактики. Штормом нас занесло в сторону, а наш Ускоритель погиб.

— Допустим, но при чем тут я?

— Нам бы хотелось, чтобы ты присоединился к нашей команде, — ответил Передатчик, — и стал новым Ускорителем.

Ускорителю растолковали обстановку, и он задумался. В мыслях Ускорителя Передатчик улавливал внутреннюю борьбу. Тот никак не мог решить, наяву ли все с ним происходит или нет. Наконец Ускоритель пришел к выводу, что он не сошел с ума.

— Слушайте, братцы, — сказал он, — я не знаю, кто вы такие, и в чем тут дело, но мне пора отсюда убираться. У меня кончается увольнительная, и если я не появлюсь в самое ближайшее время, мне не миновать дисциплинарного взыскания.

Передатчик попросил Ускорителя пояснить, что такое «дисциплинарное взыскание», и послал полученную информацию Мыслителю.

«Эти Ускорители заняты склокой» — таково было заключение Мыслителя.

— Но зачем? — спросил Передатчик. В мыслях он с грустью допустил, что Мыслитель, очевидно, прав: Ускоритель не выказывал особого стремления сотрудничать.

— С удовольствием выручил бы вас, ребята, — продолжал Ускоритель, — но откуда вы взяли, что я могу придать скорость такому огромному агрегату? Да ведь

чтобы только-только сдвинуть ваш корабль с места, нужен целый танковый дивизион.

— Одобряете ли вы войны? — спросил по предложению Мыслителя Передатчик.

— Никто не любит войну — особенно те, кому приходится проливать кровь.

— Зачем же вы воюете?

Органом приема пищи Ускоритель скорчил какую-то мину, которую Глаз зафиксировал и переслал Мыслителю. «Одно из двух: или ты убьешь, или тебя убьют. А вам, друзья, известно, что такое война?»

— У нас нет войн, — отчеканил Передатчик.

— Счастливые, — горько сказал Ускоритель. — А у нас есть. И много.

— Конечно, — подхватил Передатчик. К этому времени он успел получить у Мыслителя исчерпывающее объяснение. — А хотел бы ты с ними покончить?

— Конечно.

— Тогда лети с нами. Стань Ускорителем.

Ускоритель встал и подошел к Аккумулятору. Усевшись на него, Ускоритель сжал кулаки.

— Какого черта ты тут мелешь? Как я могу прекратить все войны? — осведомился он. — Даже если бы я обратился к самым важным шишкам и сказал...

— Этого не нужно, — прервал его Передатчик. — Достаточно отправиться с нами в путь. Доставишь нас на базу. Галактика вышлет на вашу планету отряд контактеров. Тогда войнам придет конец.

— Черта с два, — ответил Ускоритель. — Вы, миляги, значит, застряли здесь? Ну и прекрасно. Никаким чудISHам не удастся завладеть Землей.

Ошеломленный Передатчик пытался проникнуть в ход мыслей собеседника. Неужели Ускоритель его не понял? Или он сказал что-нибудь невпопад?

— Я думал, ты хочешь прекратить войны,— заметил он.

— Ну ясно, хочу. Но я не хочу, чтобы нас *заставляли* их прекратить. Я не предатель. Лучше уж буду воевать.

— Никто вас не заставит. Вы просто прекратите сами, потому что не будет необходимости воевать.

— А ты знаешь, почему мы воюем?

— Само собой разумеется.

— Неужто? Интересно послушать.

— Вы, Ускорители, слишком долго были отделены от основного потока Галактики,— объяснил Передатчик.— У вас есть специальность — ускорение, но вам нечего ускорять. Поэтому у вас нет настоящего дела. Вы играете вещами — металлами, неодушевленными предметами,— но не находите в этом подлинного удовлетворения. Лишенные истинного призвания, вы воюете просто от тоски. Как только вы займете свое место в Галактическом Содружестве — и, смею вас уверить, это почетное место,— ваши войны прекратятся. К чему воевать — ведь это противоестественное занятие,— когда можно ускорять? Кроме того, исчезнет ваша механическая цивилизация, поскольку нужды в ней уже не будет.

Ускоритель покачал головой — жест, который Передатчик истолковал как признак растерянности.

«А что это такое — ускорение?»

Передатчик попытался растолковать как можно яснее, но, поскольку ускорение не входило в его компетенцию, у него самого было лишь общее представление о предмете.

— Ты хочешь сказать, что *этим* и должен заниматься каждый житель Земли?

— Безусловно,— подтвердил Передатчик.— Это ваша великая профессия.

На несколько минут Ускоритель задумался.

«По-моему, тебе нужен врач-психиатр или что-нибудь в этом роде. Никогда в жизни я не мог бы это сделать. Я начинающий архитектор. К тому же... ну, да это трудно объяснить».

Однако Передатчик уже воспринял возражение Ускорителя, в мыслях которого появилась особь женского пола. Да не одна, а две или три. Притом Передатчик уловил ощущение одиночества, отчужденности.

Ускоритель был преисполнен сомнений.

Он боялся.

— Когда мы попадем в Галактику,— сказал Передатчик, горячо надеясь, что нашел нужные доводы,— ты познакомишься с другими Ускорителями. И с Ускорительницами. Вы, Ускорители, все похожи друг на друга, так что ты с ними непременно подружишься. А что касается одиночества на Корабле, так здесь его просто не существует. Ты еще не понял, в чем суть Содружества. В Содружестве никто не чувствует себя одиноким.

Ускоритель надолго задумался над идеей существования внеземных Ускорителей. Передатчик силился понять, почему эта идея настолько поразила его собеседника. Галактика кишит Ускорителями, Питателями, Передатчиками и многими другими видами разумных существ в бесконечных вариантах и повторениях.

— Все же не верится, что кто-нибудь способен закончить со всеми войнами,— пробормотал Ускоритель.— Откуда мне знать, что это не ложь?

У Передатчика появилось такое ощущение, словно его ударили в самое ядро. Должно быть, Мыслитель был прав, утверждая, что эти Ускорители не станут сотрудничать. Значит, деятельность Передатчика прекратится? Значит, он вместе со всей Командой проведет остаток жизни в космосе только из-за тупости горстки Ускорителей?

Однако даже эти горькие мысли не приглушили чувства жалости к Ускорителю.

Какой ужас, думал Передатчик. Вечно сомневаться, не решаться, никому не верить. Если эти Ускорители не займут подходящего им места в Галактике, кончится тем, что они истребят друг друга. Им давным-давно пора вступить в Содружество.

— Как мне убедить тебя? — воскликнул Передатчик.

В отчаянии он подключил Ускорителя ко всем цепям. Он открыл Ускорителю грубоватую покладистость Двигателя, бесшабашный нрав Стенок; показал ему поэтические склонности Глаза и дерзкое добродушие Питателя. Он распахнул настежь собственный мозг и продемонстрировал Ускорителю свою родную планету, семью и дерево, которое мечтал приобрести по возвращении.

Он развернул перед Ускорителем картины, которые показали историю каждого из представителей разных планет. У них были разные моральные понятия, но всех их объединяли узы Галактического Содружества.

Ускоритель созерцал все это, никак не реагируя.

Немного погодя он покачал головой. Ответ был выражен жестом — неуверенным, смутным, но явно отрицательным.

Передатчик приказал Стенкам открыться. Те повиновались, и Ускоритель ошарашенно уставился в образовавшийся проем.

— Ты свободен, — сказал Передатчик. — Отключи только линию связи и ступай.

— А как же вы?

— Поищем другую планету Ускорителей.

— Какую? Марс? Венеру?

— Не знаем. Остается только надеяться, что поблизости есть другая.

Ускоритель посмотрел в проем — и перевел взгляд на Команду. Он колебался, и лицо его ясно отражало внутреннюю борьбу.

— Все, что вы мне показывали, — правда?

Отвечать не пришлось.

— Ладно, — внезапно заявил Ускоритель, — поеду. Я, конечно, круглый дурак, но я поеду. Если вы так говорите, значит, так оно и есть.

Передачик видел, что мучительные колебания, которых стоило Ускорителю согласие, лишили его ощущения реальности происходящего. Он действовал, как во сне, когда решения принимаются легко и беспечно.

— Осталось лишь маленькое затрудненьце, — прибавил Ускоритель с истерическим легкомыслием. — Ребята, будь я проклят, если умею ускорять. Вы, кажется, упоминали о сверхсветовой? Да я не дам и мили в час.

— Да нет же, уверяю тебя, ты умеешь ускорять, — убеждал его Передачик, сам не вполне веря в то, что говорит. Он хорошо знал, на что способны Ускорители, но этот...

— Ты только попробуй.

— Обязательно, — согласился Ускоритель. — Во всяком случае, тогда я уж наверняка проснусь.

Пока Корабль готовили к старту, Ускоритель разговаривал сам с собой.

— Странно, — бормотал Ускоритель. — Я-то думал, что туристский поход — лучший отдых, а в результате у меня появились кошмары!

Двигатель поднял Корабль в воздух. Стенки сомкнулись еще раньше, а теперь Глаз направлял Корабль прочь от планеты.

— Мы вышли из зоны притяжения, — сообщил Передачик. Прислушиваясь к Ускорителю, он молил судьбу пощадить разум этого бедняги. — Сейчас Глаз и Мысли-

тель зададут курс, я передам его тебе, а ты ускоряй в заданном направлении.

— Ты сумасшедший, — пролепетал Ускоритель. — Ты ошибся планетой. И вообще, хорошо бы вы исчезли, кошмарные видения.

— Ты теперь участник Содружества, — возразил доведенный до отчаяния Передатчик. — Вот тебе курс. Ускоряй!

Какое-то мгновение Ускоритель бездействовал. Он медленно стряхивал с себя оцепенение, начиная сознавать, что все это ему не приснилось. Он ощутил Содружество. Он ощутил спаянность Глаза с Мыслителем, Мыслителя с Передатчиком, Передатчика с Ускорителем, всех четверых со Стенками, с остальными членами Команды — всех со всеми.

— Что это такое? — растерянно спросил Ускоритель. Он проникался единством Корабля, безмерной теплотой, близостью, достигаемой только в Содружестве.

Он стал ускорять.

Ничего не получилось.

— Попробуй еще разок, — взмолился Передатчик.

Ускоритель заглянул себе в душу. Ему открылся бездонный колодец сомнения и страха. Смотрясь в него, как в зеркало, он видел лишь свое искаженное ужасом лицо.

Мыслитель осветил ему этот колодец.

Ускорители веками не расставались с сомнением и страхом. Ускорители воевали из страха, убивали из сомнения.

Но на дне колодца... там скрывалась тайна ускорения!

Человек, Специалист, Ускоритель — теперь он целиком влился в Команду, растворился в ней и как бы обнял Мыслителя и Передатчика за плечи.

Внезапно Корабль рванулся вперед с восьмикратной световой скоростью. И эта скорость все возрастала.

ДЕМОНЫ

Проходя по Второй авеню, Артур Гаммет решил, что денек выдался пригожий, по-настоящему весенний — не слишком холодный, но свежий и бодрящий. Идеальный день для заключения страховых договоров, сказал он себе. На углу Девятой стрит он сошел с тротуара.

И исчез.

— Видали? — спросил мясника подручный. Оба стояли в дверях мясной лавки, праздно глаза на прохожих.

— Чего «видали»? — отозвался тучный, краснолицый мясник.

— Вон того малого в пальто. Он исчез.

— Просто свернул на Девятую, — буркнул мясник, — ну и что с того?

Подручный мясника не заметил, чтобы Артур сворачивал на Девятую или пересекал Вторую. Он видел, как тот мгновенно пропал. Но какой смысл упорствовать? Скажешь хозяину: «Вы ошибаетесь», а дальше что? Может статься, парень в пальто и вправду свернул на Девятую. Куда еще он мог деться? Однако Артура Гаммета уже не было в Нью-Йорке. Он пропал без следа.

Совсем в другом месте, может быть даже не на Земле, существо, именующее себя Нельзевулом, уставилось на пятиугольник. Внутри пятиугольника возникло нечто

отнюдь не входящее в его расчеты. Гневным взглядом сверлил Нельзевул это «нечто», да и было отчего выйти из себя. Долгие годы он выискивал магические формулы, экспериментировал с травами и эликсирами, штудировал лучшие книги по магии и ведовству. Все, что усвоил, он вложил в одно титаническое усилие, и что же получилось? Явился не тот демон.

Разумеется, здесь возможны всяческие неполадки. Взять хотя бы руку, отрубленную у мертвеца: вовсе *не исключено*, что труп принадлежал самоубийце, — разве можно верить даже лучшим из торговцев? А может быть, одна из линий, образующих стороны пятиугольника, проведена чуть-чуть криво — это ведь очень важно. Или слова заклинания произнесены не в должном порядке. Одна фальшивая нота — и все погибло! Так или иначе сделанного не вернешь. Нельзевул прислонился к исполинской бутылки плечом, покрытым красной чешуей, и почесал другое плечо кинжалообразным ногтем. Как всегда в минуты замешательства, усеянный колючками хвост нерешительно постукивал по полу.

Но какого-то демона он все же изловил.

Правда, создание, заключенное внутри пятиугольника, ничуть не походило ни на одного из известных демонов. Взять хоть бы эти болтающиеся складки серой плоти... Впрочем, все исторические сведения славятся своей неточностью. Как бы там ни выглядело сверхъестественное существо, придется ему раскошелиться. В чем, в чем, а в этом он уверен. Нельзевул поудобнее скрестил копыта и стал ждать, когда чудное существо заговорит.

Артур Гаммет был слишком ошеломлен, чтобы разговаривать. Только что он шел в страховую контору, никого не трогал, наслаждался чудесным воздухом раннего

весеннего утра. Он ступил на мостовую на перекрестке Второй и Девятой — и... внезапно очутился здесь. Непонятно, где именно.

Чуть покачиваясь, он стал вглядываться в густой туман, застилающий комнату, и различил огромное чудище в красной чешуе; чудище сидело на корточках. Рядом с ним возвышалось что-то вроде бутылки — прозрачное сооружение высотой добрых три метра. У чудища был усыпанный шипами хвост — им оно теперь почесывало голову — и поросячьи глазки, которые уставились на Артура. Тот пытался поспешно отступить назад, но ему удалось сделать лишь один шаг. Он заметил, что стоит внутри очерченной мелом фигуры и по неведомой причине не может перешагнуть через белые линии.

— Ну, вот, — заметило красное страшилище, нарушив наконец молчание, — теперь-то ты попался.

Оно проговорило совсем другие слова, звуки которых были совершенно незнакомы Артуру. Однако каким-то образом он понял смысл сказанного. То была не телепатия: словно Артур автоматически, без напряжения переводил с чужого языка.

— По правде говоря, я немножко разочарован, — продолжал Нельзевул, не дождавшись ответа от демона, плененного в пятиугольнике. — Во всех легендах говорится, что демоны — это устрашающие создания пяти метров роста, крылатые, с крохотными головами, и будто в груди у них дыра, из которой извергаются струи холодной воды.

Артур Гаммет стянул с себя пальто: оно бесформенным промокшим комом упало ему под ноги. В голове мелькнула смутная мысль, что идея извержения холодных струй не так уж плоха. Комната напоминала раскаленную печь. Его серый костюм из твида успел уже превратиться в сырую измятую мешанину из материи и пота.

Вместе с этой мыслью пришла примиренность с красным чудищем, с проведенными мелом линиями, которых не переступишь, с жаркой комнатой — словом, решительно со всем.

Раньше он замечал, что в книгах, журналах и кинофильмах герой, попавший в необычное положение, всегда произносит: «Ущипните меня, наяву такого не бывает!» или: «Боже, мне снится сон, либо я напился, либо сошел с ума». Артур вовсе не собирался изрекать столь явную бессмыслицу. Во-первых, он был убежден, что огромное красное чудище этого не оценит, во-вторых, знал, что не спит, не пьян и не сошел с ума. В лексиконе Артура Гаммета отсутствовали нужные слова, но он понимал: сон — это одно, а то, что он сейчас видит, — совершенно другое.

— Что-то я не слыхал, чтобы в легендах упоминалось об умении сдирать с себя кожу, — задумчиво пробормотал Нельзевул, глядя на пальто, валяющееся у ног Артура. — Занятно.

— Это ошибка, — твердо ответил Артур. Опыт работы страховым агентом сослужил ему сейчас хорошую службу. Артуру приходилось сталкиваться со всякими людьми и разбираться во всевозможных запутанных ситуациях. Очевидно, чудище пыталось вызвать демона. Не по своей вине оно наткнулось на Артура Гаммета и находится под впечатлением, будто Артур и *есть* демон. Ошибку следует исправить как можно скорее.

— Я страховой агент, — заявил он. Чудище покачало огромной рогатой головой. Оно хлестало себя по бокам, с неприятным свистом рассекая воздух.

— Твоя потусторонняя деятельность несколько меня не интересует, — зарычал Нельзевул. — В сущности, мне

даже безразлично, к какой породе демонов ты относишься.

— Но я же объясняю вам, что я не...

— Ничего не выйдет! — прорычал Нельзевул, подходя к самому краю пятиугольника и свирепо сверкая глазами. — Я знаю, что ты демон. И мне нужен крутяк.

— Крутяк? Что-то я не...

— Я все ваши демонские увертки насквозь вижу, — заявил Нельзевул, успокаиваясь с видимым усилием. — Я знаю, так же как и ты, что демон, вызванный заклинанием, должен исполнить одно желание заклинателя. Я тебя вызвал, и мне нужен крутяк. Десять тысяч фунтов крутяка.

— Крутяк... — растерянно начал Артур, стараясь держаться в самом дальнем углу пятиугольника, подальше от чудища, которое ожесточенно размахивало хвостом.

— Крутяк, или шамар, или волхóлово, или фон-дерпшик. Это все одно и то же.

«Да ведь оно говорит о деньгах», — вдруг дошло до Артура. Жаргонные словечки были незнакомы, но интонацию, с какой они выговаривались, ни с чем не спутаешь. Крутяком, несомненно, называется то, что служит местной валютой.

— Десять тысяч фунтов не так уж много, — продолжал Нельзевул с хитрой ухмылочкой. — Во всяком случае, для тебя. Ты должен радоваться, что я не из тех кретинов, кто клянчит бессмертия.

Артур и радовался.

— А если я не соглашусь? — спросил он.

— В таком случае, — ответил Нельзевул, и ухмылка его сменилась хмурой гримасой, — мне придется заколдовать тебя. Заключить в эту бутыль.

Артур покосился на прозрачную зеленую махину, возвышающуюся над головой Нельзевула. Широкая у

основания бутылъ постепенно сужалась кверху. Если только чудище способно затолкать Артура внутрь, он никогда в жизни не протиснется обратно через узкое горлышко. А что чудище способно, в этом Артур не сомневался.

— Ну же, — сказал Нельзевул, снова расплываясь в ухмылке, еще более хитрой, чем раньше, — нет никакого смысла становиться в позу героя. Что для тебя десять тысяч фунтов старого, доброго фон-дер-пшика? Меня они осчастливят, а ты это сделаешь одним мановением руки.

Он умолк, и его улыбка стала заискивающей.

— Знаешь, — продолжал он тихо, — ведь я потратил на это уйму времени. Прочитал массу книг, извел кучу шамара. — Внезапно хвост его хлестнул по полу, словно пуля, рикошетом отскочившая от гранита. — Не пытайся обвести меня вокруг пальца! — взревел он.

Артур обнаружил, что магическая сила меловых линий распространяется по меньшей мере на высоту его роста. Он осторожно прислонился к невидимой стене, и, установив, что она выдерживает тяжесть, комфортабельно оперся на нее.

Десять тысяч фунтов крутяка, размышлял он. Очевидно, это чудище — волшебник из бог весть какой страны. Быть может, с другой планеты. Своими заклинаниями оно пыталось вызвать демона, исполняющего любые желания, а вызвало его, Артура Гаммета. Теперь оно чего-то хочет от него и в случае неповиновения угрожает бутылкой. Все это страшно нелогично, но Артур Гаммет заподозрил, что колдуны по большей части народ алогичный.

— Я постараюсь достать тебе крутяк, — промямлил Артур, почувствовав, что надо сказать хоть слово. — Но мне надо вернуться за ним в... э-э... преисподнюю. Весь этот вздор с мановением руки вышел из моды.

— Ладно,— согласилось чудище, стоя на краю пятиугольника и плотоядно поглядывая на Артура.— Я тебе доверяю. Но помни, я могу тебя вызвать в любое время. Ты никуда не денешься, сам понимаешь, так что лучше и не пытайся. Между прочим, меня зовут Нельзевул.

— А Вельзевул вам случайно не родственник?

— Это мой прадед,— ответил Нельзевул, подозрительно косясь на Артура.— Он был военным. К сожалению, он... — Нельзевул оборвал себя на полуслове и метнул на Артура злобный взгляд.— Впрочем, вам, демонам, все это известно! Сгинь! *И принеси крутяк.*

Артур Гаммет снова исчез.

Он материализовался на углу Второй авеню и Девятой стрит — там же, где исчез. Пальто валялось у его ног, одежда была пропитана потом. Он пошатнулся — ведь в тот миг, когда Нельзевул его отпустил, он опирался на магическую силовую стену, — но удержал равновесие, поднял с земли пальто и поспешил домой. К счастью, народу вокруг было немного. Две женщины с хозяйственными сумками, ахнув, быстро зашагали прочь. Какой-то щеголевато одетый господин моргнул раз пять-шесть, сделал шаг в его сторону, словно намереваясь что-то спросить, передумал и торопливо пошел к Восьмой стрит. Остальные то ли не заметили Артура, то ли им было наплевать.

Придя в свою двухкомнатную квартиру, Артур сделал слабую попытку забыть все происшедшее, как забывают дурной сон. Это не удалось, и он стал перебирать в уме свои возможности.

Он мог бы достать крутяк. То есть не исключено, что мог бы, если бы выяснил, что это такое. Вещество, ко-

торое Нельзевул считает ценным, может оказаться чем угодно. Свинцом, например, или железом. Но даже в этом случае Артур, живущий на скромный доход, совершенно вылетит в трубу.

Он мог бы заявить в полицию. И попасть в сумасшедший дом. Не годится.

Наконец, можно не доставать крутяк — и провести остаток дней в бутылке. Тоже не годится.

Остается одно — ждать, пока Нельзевул не вызовет его снова, и тогда уж выяснить, что такое крутяк. А вдруг окажется, что это обыкновенный навоз? Артур может взять его на дядюшкиной ферме в Нью-Джерси, но пусть уж Нельзевул сам позаботится о доставке.

Артур Гаммет позвонил в контору и сообщил, что болен и проболит еще несколько дней. После этого он приготовил на кухне обильный завтрак, в глубине души гордясь своим аппетитом. Не каждый способен умять такую порцию, если ему предстоит лезть в бутылку. Он привел все в порядок и переоделся в плавки. Часы показывали половину пятого пополудни. Артур растянулся на кровати и стал ждать. Около половины десятого он исчез.

— Опять переменял кожу, — заметил Нельзевул. — Где же крутяк?

Нетерпеливо подергивая хвостом, он забегал вокруг пятиугольника.

— У меня за спиной его нет, — ответил Артур, поворачиваясь так, чтобы снова стать лицом к Нельзевулу. — Мне нужна дополнительная информация. — Он принял непринужденную позу, опершись о невидимую стену, излучаемую меловыми линиями. — И ваше обещание, что, как только я отдам крутяк, вы оставите меня в покое.

— Конечно, — с радостью согласился Нельзевул. —

Так или иначе я имею право выразить только одно желание. Вот что, давай-ка я поклянусь великой клятвой Сатаны. Она, знаешь ли, абсолютно нерушима.

— Сатаны?

— Это один из первых наших президентов, — пояснил Нельзевул с благоговейным видом. — У него служил мой прадед Вельзевул. К несчастью... Впрочем, ты все и так знаешь.

Нельзевул принес великую клятву Сатаны, и она оказалась необычайно внушительной. Когда он умолк, голубые клубы тумана в комнате окаймились красными полосами, а контуры гигантской бутылки зловеще заколыхались в тусклом освещении. Даже в своей более чем легкой одежде Артур обливался потом. Он пожалел, что не родился холодильным демоном.

— Вот так, — заключил Нельзевул, распрямляясь во весь рост посреди комнаты и обвивая хвостом запястье. Глаза его мерцали странным огнем — отблеском воспоминаний о былой славе.

— Так какая тебе нужна информация? — осведомился Нельзевул, вышагивая взад и вперед около пятиугольника и волоча за собой хвост.

— Опишите мне этот крутяк.

— Ну, он такой тяжелый, не очень твердый...

— Быть может, свинец?

—и желтый.

Золото...

— Гм, — пробормотал Артур, внимательно разглядывая бутылку. — А он никогда не бывает серым, а? Или темно-коричневым?

— Нет. Он всегда желтый. Иногда с красноватым отливом.

Все-таки золото. Артур стал задумчиво созерцать чешуйчатое чудище, которое с плохо скрытым нетерпением расхаживало по комнате. Десять тысяч фунтов золота. Это обойдется в... Нет, лучше над этим не задумываться. Немыслимо.

— Мне понадобится некоторое время, — сказал Артур. — Лет шестьдесят-семьдесят. Давайте вот как условимся: я сообщу вам сразу же, когда...

Нельзевул прервал его раскатом гомерического хохота. Очевидно, Артур пощекотал его остаточное чувство юмора, ибо Нельзевул, обхватив колени передними лапами, повизгивал от веселья.

— Лет шестьдесят-семьдесят! — проревел, захлебываясь, Нельзевул, и задрожала бутылка, и даже стороны пятиугольника как будто заколебались. — Я дам тебе минут шестьдесят-семьдесят! Иначе — крышка!

— Минуточку, — проговорил Артур из дальнего угла пятиугольника. — Мне понадобится чуть-чуть... Погодите! — У него только что мелькнула спасительная мысль. То была, несомненно, лучшая мысль в его жизни. Больше того, это была его собственная мысль.

— Мне нужна точная формула заклинания, при помощи которого вы меня вызываете, — заявил Артур. — Я должен удостовериться в центральной конторе, что все в порядке.

Чудище пришло в неистовство и принялось сыпать проклятиями. Воздух почернел, и в нем появились красные разводы; в тон голосу Нельзевула сочувственно зазвенела бутылка, а сама комната, казалось, пошла кругом. Однако Артур Гаммет твердо стоял на своем. Он терпеливо, раз семь или восемь, объяснял, что заточать его в бутылку бесполезно — тогда уж Нельзевул наверняка не получит золота. Все, что от того требуется, — это формула, и она, безусловно, не...

Наконец Артур добился формулы.

— И чтобы у меня без штучек! — прогремел на прощание Нельзевул, обеими руками и хвостом указывая на бутылку. Артур слабо кивнул и вновь очутился в своей комнате.

Следующие несколько дней прошли в бешеных поисках по всему Нью-Йорку. Некоторые из ингредиентов магической формулы было легко отыскать, например веточку омелы в цветочном магазине, а также серу. Хуже обстояло с могильной землей и с левым крылом летучей мыши. По-настоящему в тупик Артура поставила рука, отрубленная у убитого. В конце концов бедняге удалось добыть и ее в специализированном магазине, обслуживающем студентов-медиков. Продавец уверял, будто покойник, которому принадлежала рука, погиб насильственной смертью. Артур подозревал, что продавец безответственно поддакивает ему, считая требование покупателя просто-напросто блажью, но тут уж ничего нельзя было поделать.

В числе прочих ингредиентов он приобрел большую стеклянную бутыль, и поразительно дешево. Все же у жителей Нью-Йорка есть кое-какие преимущества, заключил Артур. Не существует ничего — буквально ничего, — что не продавалось бы за деньги.

Через три дня все необходимые материалы были закуплены, и в полночь на третьи сутки он разложил их на полу в своей квартире. В окно светила луна во второй фазе; насчет лунной фазы магическая формула не давала ясных инструкций. Казалось, все на мази. Артур очертил пятиугольник, зажег свечи, воскурил благовония и затянул слова заклинания. Он надеялся, что, пунктуально следуя полученным указаниям, ухитрится

заколдовать Нельзевула. Его единственным желанием будет, чтобы Нельзевул оставил его в покое отныне и навсегда. План казался безупречным.

Он приступил к заклинаниям; по комнате голубой дымкой расползся туман, и вскоре Артур увидел нечто вырастающее в центре пятиугольника.

— Нельзевул! — воскликнул он. Однако то был не Нельзевул.

Когда Артур кончил читать заклинание, существо внутри пятиугольника достигло без малого пяти метров в высоту. Ему пришлось склониться почти до полу, чтобы уместиться под потолком комнаты Артура. То было создание ужасающего вида, крылатое, с крохотной головой и с дырой в груди.

Артур Гаммет вызвал не того демона.

— Что все это значит? — удивился демон и выбросил из груди струю холодной воды. Вода плеснула о невидимые стены пятиугольника и скатилась на пол. Должно быть, у демона сработал обычный рефлекс: в комнате Артура и так царил приятная прохлада.

— Я хочу, чтобы ты исполнил мое единственное желание, — отчеканил Артур. Демон был голубого цвета и невероятно худой: вместо крыльев торчали рудиментарные отростки. Прежде чем ответить, он два раза похлопал ими себя по костлявой груди.

— Я не знаю, кто ты такой и как тебе удалось поймать меня, — сказал демон, — но это хитроумно. Это, бесспорно, хитроумно.

— Не будем болтать попусту, — нервно ответил Артур, про себя соображая, когда именно вздумается Нельзевулу вызвать его снова. — Мне нужно десять тысяч фунтов золота. Известно также под названиями крутяк, волхолово и фон-дер-пшик. — С минуты на минуту, подумал он, могу оказаться в бутылке.

— Ну, — пробормотал холодильный демон, — ты, кажется, исходишь из ложной предпосылки, будто я...

— Даю тебе двадцать четыре часа...

— Я не богат, — сообщил холодильный демон. — Я всего лишь мелкий делец. Но, может быть, если ты дашь мне срок...

— Иначе — крышка, — докончил Артур. Он указал на большую бутылку, стоящую в углу, и тут же понял, что в ней никак не поместится пятиметровый холодильный демон.

— Когда я вызову тебя в следующий раз, бутылка будет достаточно велика, — прибавил Артур. — Я не думал, что ты окажешься таким рослым.

— У нас есть легенды о таинственных исчезновениях, — раздумывал демон вслух. — Так вот что тогда случается! Преисподняя... Впрочем, вряд ли мне кто-нибудь поверит.

— Принеси крутяк, — распорядился Артур. — Сгинь! И холодильного демона не стало.

Артур Гаммет знал, что медлить больше суток нельзя. Возможно, и это слишком много, ибо никому неизвестно, когда же Нельзевул решит, что время истекло. И уж вовсе не известно, что предпримет багрово-чешуйчатая тварь, если будет разочарована и в третий раз. К концу дня Артур заметил, что судорожно сжимает трубу парового отопления. Много ли она поможет против заклинаний?! Просто приятно ухватиться за что-нибудь основательное.

Артур подумал, что стыдно приставать к холодильному демону и злоупотреблять его возможностями. Совершенно ясно, что это не настоящий демон — не более настоящий, чем сам Артур. Что ж, он никогда не засадит голубого демона в бутылку. Все равно это не поможет, если желание Нельзевула не осуществится.

Наконец Артур снова пробормотал слова заклинания.

— Ты бы сделал пятиугольник пошире, — попросил холодильный демон, сжеживаясь в неудобной позе внутри магической зоны. — Мне не хватает места для...

— Сгинь, — воскликнул Артур и лихорадочно стер пятиугольник. Он очертил его заново, используя на этот раз площадь всей комнаты. Он оттащил на кухню бутыл (все ту же, поскольку пятиметровой не нашлось), забрался в стенной шкаф и повторил формулу с самого начала. Снова навис густой, колыхающийся синий туман.

— Ты только не горячись, — заговорил в пятиугольнике холодильный демон. — Фон-дер-пшика еще нет. Заминка вышла. Сейчас я тебе все объясню. — Он похлопал крыльями, чтобы развеять туман. Рядом с ним стояла бутылка высотой в три метра. Внутри, позеленевший от ярости, сидел Нельзевул. Он что-то кричал, но крышка была плотно завинчена и ни один звук не проникал наружу.

— Выписал формулу в библиотеке, — пояснил демон. — Чуть не ошалел, когда она подействовала. Всегда, знаешь ли, был трезвым дельцом. Не признаю всей этой сверхъестественной мути. Однако надо смотреть фактам в лицо. Как бы там ни было, я заколдовал вон того демона. — Он ткнул костлявой рукой в сторону бутылки. — Но он ни за что не хочет раскошелиться. Вот я и заключил его в бутылку.

Холодильный демон испустил глубокий вздох облегчения, заметив улыбку Артура. Она была равносильна отсрочке смертного приговора.

— Мне в общем-то бутылка ни к чему, — продолжал холодильный демон, — у меня жена и трое детишек. Ты

ведь знаешь, как это бывает. У нас сейчас кризис в страховом деле и все такое; я не наберу десяти тысяч фунтов крутяка, даже если мне дадут в подмогу целую армию. Но как только я уговорю вон того демона...

— О крутяке не беспокойся, — прервал его Артур. — Возьми только этого демона себе. Храни его хорошенько. Разумеется, в упаковке.

— Я это сделаю, — заверил синекрылый страховой агент. — Что же касается крутяка...

— Да бог с ним, — сердечно отозвался Артур. В конце концов, страховые агенты должны стоять друг за друга. — А ты тоже занимаешься пожарами и кражами?

— Я больше по несчастным случаям, — ответил страховой агент. — Но знаешь, я вот все думаю...

Внутри бутылки ярился, бушевал и сыпал ужасными проклятиями Нельзевул, а два страховых агента безмятежно обсуждали тонкости своей профессии.

РЕЙС МОЛОЧНОГО ФУРГОНА

— Такой случай больше не представится, — сказал Арнольд. — Миллионные прибыли, небольшие начальные вложения, быстрая окупаемость. Ты меня слышишь?

Ричард Грегор устало кивнул. В конторе Межпланетной очистительной службы «Асс» медленно и томительно тянулся день, неотличимый от вереницы остальных дней. Грегор раскладывал пасьянс. Его компаньон Арнольд сидел за письменным столом, закинув ноги на пачку неоплаченных счетов.

За стеклянными дверями скользили тени; это шли мимо люди, направляясь в «Марс-Сталь», «Неоримские новшества», «Альфа-Дьюара продукция» и другие конторы, расположенные на том же этаже.

В пыльном помещении службы «Асс» по-прежнему царили тишина и запустение.

— Чего мы ждем? — громко спросил Арнольд. — Беремся мы за это дело или нет?

— Это не по нашей части, — ответил Грегор. — Ведь мы специалисты по безопасности планет. Ты что, забыл?

— Никому не нужна эта безопасность, — парировал Арнольд.

К несчастью, он говорил правду.

После успешного очищения Призрака-IV от воображаемых чудовищ служба «Асс» пережила период кратковременного подъема. Однако вскоре космическая экспансия приостановилась. Люди занялись увеличением прибылей, возведением городов, распахиванием полей, прокладкой дорог.

Когда-нибудь движение возобновится. Пока есть что осваивать, человечество будет осваивать новые миры. Но сейчас дела шли из рук вон плохо.

— Надо учитывать перспективы, — сказал Арнольд. — Живут все эти люди на светлых, солнечных новых планетах. Им нужны домашние животные, которых привезем им с родины... — он выдержал драматическую паузу, — мы с тобой.

— У нас нет оборудования для перевозки скота, — возразил Грегор.

— У нас есть звездолет. Что тебе еще нужно?

— Все. Главным образом знания и опыт. Перевозка живых тварей в космосе — работа в высшей степени деликатная. Это работа для специалистов. Что ты сделаешь, если между Землей и Омегой IV корова свалится от ящура?

Арнольд авторитетно заявил:

— Мы будем перевозить лишь выносливые, устойчивые породы. Проведем медицинский осмотр. И прежде, чем животные взойдут на борт, я собственноручно продезинфицирую корабль.

— Ну, вот что, мечтатель, — озлился Грегор, — готовься к удару. В нашем секторе космоса всеми перевозками животных ведает концерн «Тригейл». Конкурентов он не терпит, и потому конкурентов у него нет. Как ты собираешься его обойти?

— Будем брать дешевле.

— И сдохнем с голоду.

— Мы и так уж подышаем с голоду.

— Лучше голодать, чем «случайно» на месте назначения получить пробойну от одного из буксиров «Тригейла». Или обнаружить в пути, что кто-то заполнил водяные баки керосином. И вовсе не заполнил кислородных баллонов.

— Ну и воображение у тебя! — нервно проговорил Арнольд.

— То, что ты считаешь плодом моего воображения, уже не раз случалось в действительности. В этой сфере «Тригейл» хочет быть единственным, и он им остается. «По несчастной случайности», если хочешь, зловещий каламбур.

В этот момент отворилась дверь. Арнольд одним махом убрал со стола ноги, а Грегор сбросил карты в ящик стола.

Посетитель, судя по коренастой фигуре, непропорционально маленькой голове и бледно-зеленой коже, не был жителем Земли. Он уверенно подошел прямо к Арнольду.

— Прибудут в центральный пакгауз «Тригейла» через три дня, — сказал посетитель.

— Так быстро, мистер Венс? — отозвался Арнольд.

— Да. Смагов надо транспортировать с особой осторожностью, а квиллов доставили еще несколько дней назад.

— Отлично. Это мой компаньон, — сказал Арнольд, обращившись к Грегору, который хлопал глазами от изумления.

— Счастлив познакомиться. — Венс крепко стиснул руку Грегора. — Восхищаюсь вами, ребята. Свободная инициатива, конкуренция — я в это верю. Вам известен маршрут?

— Все записано, — ответил Арнольд. — Мой компаньон готов стартовать в любую минуту.

— Я сразу же отправлюсь на Вермойн II и буду там вас ожидать. Всего хорошего.

Он повернулся и ушел.

Грегор медленно спросил:

— Арнольд, что ты вытворяешь?

— Наживаю состояние нам обоим, вот что я вытворяю, — ядовито ответил Арнольд.

— Перевозкой скота?

— Да.

— На территории «Тригейла»?

— Да.

— Покажи-ка контракт.

Арнольд извлек документы. Там значилось, что Межпланетная очистительная (и транспортная) служба «Асс» обязуется доставить пять смагов, пять фиргелей и десять квиллов в систему звезды Вермойн. Товар надлежит погрузить в центральном пакгаузе «Тригейла» и сдать в главном пакгаузе Вермойна II. Службе «Асс» предоставляется также право по своему усмотрению соорудить собственный пакгауз.

Вышеуказанных животных следует доставить живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми, способными к размножению и так далее. Были пункты, предусматривающие огромные неустойки в случае утери животных, доставки их не живыми, не здоровыми, не способными к размножению, и так далее.

Документ звучал как соглашение о временном перемирии между двумя враждующими державами.

— Ты вправду подписал этот смертный приговор? — недоверчиво спросил Грегор.

— Ясное дело. Тебе всего и работы-то — погрузить этих тварей, забросить на Вермойн и там скинуть.

— Мне? А что же будешь делать ты?

— Я останусь здесь и обеспечу тебе поддержку, — ответил Арнольд.

— Поддерживай меня на борту корабля.

— Нет-нет, это невозможно. При виде квила меня выворачивает наизнанку.

— Точно такое же ощущение вызывает у меня вид этого договора. Давай-ка для разнообразия поручим дело тебе.

— Но ведь я веду научно-исследовательскую работу, — возразил Арнольд, с лица которого градом катился пот. — Мы с тобой так условились. Разве ты забыл?

Грегор не забыл. Он вздохнул и беспомощно пожал плечами.

Компаньоны принялись немедленно приводить в порядок корабль. Трюм состоял из трех отсеков — по количеству пород. Все животные дышали кислородом и были жизнеспособны при 70° по Фаренгейту, так что здесь никакие проблемы не возникали. На корабль погрузили нужные корма.

Через три дня, когда все как будто было готово, Арнольд решил проводить Грегора до центрального пакгауза фирмы «Тригейл».

На пути до «Тригейла» ничего не произошло, но Грегор не без трепета приземлился на посадочной платформе. Слишком много рассказов ходило про этот концерт, чтобы можно было чувствовать себя в его цитадели как дома. Грегор принял всяческие меры предосторожности. Топливом и всеми необходимыми припасами он обзавелся на Луна-станции и не собирался впускать служащих «Тригейла» на борт корабля.

Однако если сотрудников станции и тревожил вид старого, потрепанного звездолета, они это удачно скрывали. Два трактора втащили корабль на погрузочную платформу и втиснули его между двумя лощеными тригейловскими экспресс-фрахтовиками.

Оставив Арнольда следить за погрузкой, Грегор ушел подписывать декларации. Вкрадчивый чиновник «Тригейла» подал ему документы и с интересом смотрел на Грегора, пока тот изучал их.

— Смагов грузите, а? — вежливо спросил чиновник.

— Да, — ответил Грегор, ломая голову, как же выглядят эти смаги.

— И квилов, и фиргелей в придачу, — задумчиво продолжал чиновник. — Всех вместе. Вы очень храбрый человек, мистер Грегор.

— Кто, я? Почему?

— Знаете старую поговорку: «Если едешь со смагами, не забудь прихватить увеличительное стекло».

— Нет, я такой поговорки не слышал.

Чиновник дружелюбно усмехнулся и пожал руку Грегору.

— После такого рейса вы сами будете складывать пословицы. Желаю большой удачи, мистер Грегор. Разумеется, неофициально.

Грегор слабо улыбнулся в ответ. Он вернулся на погрузочную платформу. Смаги, фиргели и квилы были уже на борту, размещенные по своим отсекам. Арнольд включил подачу воздуха, проверил температуру и задал всем суточный рацион.

— Ну, тебе пора, — весело сказал Арнольд.

— Действительно, пора, — согласился Грегор без особого энтузиазма. Он вскарабкался на борт, не обращая внимания на толпу хихикающих зевак.

Корабль отбуксировали на взлетную полосу; вскоре Грегор был уже в космосе и держал курс на крохотный лакгауз, обращающийся на орбите вокруг Вермойна II.

В первый день космического рейса работы всегда хватает. Грегор проверил приборы, потом осмотрел баки, резервуары, трубопровод и электропроводку. Он хотел убедиться, что старт не вызвал никаких повреждений. Затем он решил взглянуть на груз. Пора было выяснить, на что похожи эти звери.

В правом переднем отсеке находились квилы. Они напоминали гигантские снежные шары. Грегор знал, что квилы дают драгоценную шерсть, за которую повсюду платят бешеные деньги.

Животные, очевидно, не привыкли к невесомости, потому что их пища осталась нетронутой. Они неуклюже плавали вдоль стен и потолка, и жалобно блеяли, и присились на твердую почву.

С фиргелями все обстояло благополучно. То были большие гладкокожие ящерицы, назначения которых в сельском хозяйстве Грегор не мог себе представить. Они пребывали в спячке и должны были спать до конца рейса.

Пять смагов радостно залаяли при его появлении. Эти ласковые травоядные млекопитающие явно наслаждались состоянием невесомости.

Удовлетворенный, Грегор вернулся в кабину управления. Рейс начался хорошо. «Тригейл» к нему не придирался, а животные в пути чувствовали себя превосходно.

В конце концов, может быть, это занятие и впрямь не более опасно, чем рейс молочного фургона, подумал Грегор.

Проверив работу рации и переключателей управления, он завел будильник и улегся спать.

Восемь часов спустя он проснулся. Сон не освежил его, голова раскалывалась от боли. У кофе был отвратительный привкус слизи. Грегор с трудом сосредоточил внимание на пульте с приборами.

Эффект консервированного воздуха, решил он и радировал Арнольду, что все в порядке. Однако посреди разговора оказалось, что он с трудом поднимает веки.

— Кончаю, — сказал он, сладко зевнув. — Душно здесь. Пойду вздремну.

— Душно? — переспросил Арнольд; по радио его голос казался далеким-далеким. — Не должно быть. Циркуляторы воздуха...

Грегор обнаружил, что приборы пьяно покачиваются перед ним и расплываются, теряя очертания. Он облокотился на пульт и закрыл глаза.

— Грегор!

— Ммм...

— ГРЕГОР! Проверь содержание кислорода!

Грегор пальцем приоткрыл один глаз ровно на столько времени, чтобы бросить взгляд на шкалу. Он несказанно развеселился, увидев, что концентрация углекислого газа достигла небывалого уровня.

— Кислорода нет, — сообщил он Арнольду. — Вот проснусь и все улажу.

— Это вредительство! — взревел Арнольд. — Проснись, Грегор!

Неимоверным усилием Грегор подался вперед и открыл аварийный кран воздухоснабжения. Поток чистого кислорода отрезвил его. Он встал, неуверенно покачиваясь, и плеснул водой себе в лицо.

— А животные! — вопил Арнольд. — Посмотри, как там животные!

Грегор включил вспомогательную систему проветривания во всех трех отсеках и помчался по коридору.

Фиргели были живы и не вышли из спячки.

Смаги, очевидно, не заметили никакой разницы в составе атмосферы.

Два квила потеряли было сознание, но теперь быстро приходили в себя. В отсеке квилов Грегор понял наконец, что случилось.

Никакого вредительства не было. В стенах и потолке вентиляторы, по которым циркулировал воздух на корабле, оказались забитыми квилей шерстью. Ключья шерсти реяли в неподвижном воздухе, напоминая снегопад при замедленной съемке.

— Конечно, конечно, — сказал Арнольд, когда Грегор сообщил о случившемся. — Разве я не предупреждал тебя, что квилов необходимо стричь дважды в неделю? Ты, наверно, забыл. Вот что сказано в книге: «Квилы — *Queelis Tropicalis* — мелкие тонкорунные млекопитающие, находятся в отдаленном родстве с овцами Земли. Родина квилов — Тенсис V, однако их успешно разводят и на других планетах с высоким тяготением. Одежда, сотканная из шерсти квилов, огнеупорна, непроницаема для укуса насекомых, не поддается гниению и практически вечна благодаря значительному содержанию металла в шерсти. Квилов необходимо стричь дважды в неделю. Размножаются фемишем».

— Никакого вредительства, — прокомментировал Грегор.

— Никакого вредительства, но тебе бы лучше постричь квилов, — ответил Арнольд.

Грегор дал отбой, нашел в сумке с инструментами ножницы для жести и пошел обрабатывать квилов. Однако режущие кромки тотчас же притупились от металлической шерсти. Квилов скорее всего надо было стричь специальными ножницами из какого-нибудь твердого сплава.

Он кое-как собрал летающую шерсть и снова прочистил вентиляторы.

Осмотрев все в последний раз, он пошел ужинать.

В рагу плавала маслянистая металлическая шерсть квилов.

Он лег спать с чувством отвращения.

Проснувшись, он удостоверился, что старый, кряхтящий корабль все еще держит правильный курс. Главный привод работал хорошо, и будущее представилось Грегору в розовом свете, особенно после того, как оказалось, что фиргели все еще спят, а смаги ведут себя вполне прилично.

Однако, осматривая квилов, Грегор увидел, что с момента погрузки они не съели ни крошки. Дело становилось серьезным. Он связался с Арнольдом, чтобы посоветоваться.

— Очень просто, — сказал Арнольд, перелистав несколько справочников. — У квилов отсутствуют горловые мускулы. Чтобы пища проходила вниз по пищеводу, им необходима сила тяготения. Но при невесомости нет и тяготения, так что пища не поступает в желудок.

Действительно просто. Одна из тех мелочей, что на Земле не предусмотреть. В космосе же, при искусственных условиях, даже самый простой вопрос превращается в сложнейшую проблему.

— Тебе придется придать кораблю вращение, чтобы создать для них хоть какую-то силу тяжести, — сказал Арнольд.

Грегор быстро произвел в уме некоторые вычисления.

— На это уйдет уйма энергии.

— Тогда, как сказано в книге, ты можешь заталки-

вать в них пищу рукой. Скатываешь пищу во влажный комок, погружаешь руку по локоть им в глотку и...

Грегор прервал связь и включил боковые сопла. Он широко расставил ноги и с тревогой стал ждать, что же будет.

(Квилы накнулись на корм с непринужденностью, которая привела бы в восторг любого квиловода.

Придется теперь заправиться горючим в космическом пакгаузе у Вермойна II. Издержки сильно взлетят, потому что во вновь освоенных планетных системах горючее очень дорого. Но все же прибыль будет достаточно велика.

Он вернулся к своим обязанностям по кораблю. Звездолет медленно преодолевал неизмеримое пространство.

Снова наступило время кормежки. Грегор задал корм квилам и перешел к отсеку смагов. Он открыл дверь и позвал: «Подходи!»

Никто не подошел.

Отсек был пуст.

Грегор почувствовал какое-то странное ощущение под ложечкой. Это невозможно. Смагам уйти некуда. Они решили подшутить над ним и где-нибудь спрятались. Но в отсеке негде было спрятаться пяти большим смагам.

Ощущение дрожи перешло в форменную тряску. Грегор вспомнил о неустойке в случае утери, повреждения, и так далее и тому подобное.

— Эй, смаг! Выходи, смаг! — прокричал он. Ответа не было.

Он внимательно осмотрел стены, потолок, дверь и вентиляторы — быть может, смаги ухитрились пролезть сквозь них.

Но смаги бесследно исчезли.

Вдруг он услышал какой-то шорох у себя под ногами. Посмотрев вниз, он заметил, как что-то прошмыгнуло мимо.

То был один из смагов, съезжившийся до пяти сантиметров в длину. Грегор нашел и остальных — они сбились в угол, все такие же крохотные.

Что говорил чиновник «Тригейла»? «Если едешь со смагами, не забудь прихватить увеличительное стекло».

У Грегора не было времени, для того чтобы впасть в полноценное, добротное шоковое состояние. Он тщательно закрыл за собой дверь и метнулся к рации.

— Очень странно, — сказал Арнольд, когда связь была установлена. — Съежились, говоришь? Сейчас посмотрю. Угу... Ты не создавал искусственного тяготения, а?

— Конечно, создавал. Чтобы накормить квилов.

— Напрасно, — упрекнул Арнольд. — Смаги привыкли к слабому тяготению.

— Откуда мне было знать?

— Испытывая необычное для них тяготение, они ссыхаются до микроскопических размеров, теряют сознание и гибнут.

— Но ты сам велел мне создать искусственное тяготение.

— Да нет же! Я лишь мельком упомянул, что есть такой метод кормления квилов. Тебе же я рекомендовал кормить их из рук.

Грегор поборол почти непреодолимое желание сорвать рацию со стены. Он сказал:

— Арнольд, смаги привыкли к слабому тяготению. Так?

— Так.

— А квилы — к сильному. Ты знал это, когда подписывал контракт?

Арнольд судорожно глотнул, затем откашлялся.

— Видишь ли, мне действительно казалось, что это несколько затрудняет дело. Но это великолепно окупится.

— Конечно, если только сойдет с рук. Что мне теперь прикажешь делать?

— Снижай температуру,— самоуверенно ответил Арнольд.— Смаги стабилизируются при нуле градусов.

— А люди при нуле градусов замерзают,— заметил Грегор.— Ладно, передача окончена.

Грегор натянул на себя всю одежду, какую нашел, и включил систему охлаждения. Через час смаги вновь выросли до нормальных размеров.

Пока все шло неплохо. Он заглянул к квилам. Холод, казалось, подбодрил их. Они были живее, чем когда-либо, и блеяли, выпрашивая еду. Он скормил им очередной рацион. Съев сэндвич с ветчиной и шерстью, Грегор лег спать.

На другой день оказалось, что на корабле стало пятнадцать квиллов. Десять взрослых народили пятерых детенышей. Все пятнадцать были голодны.

Грегор накормил их. Он решил, что происшествие естественно, поскольку в одном помещении транспортируются и самцы, и самки. Это следовало предвидеть: надо было разделить животных не только по видам, но и по признакам пола.

Когда он вновь заглянул к квилам, их число увеличилось до тридцати восьми.

— Размножаются, да? — переспросил Арнольд по радио; в голосе его звучала озабоченность.

— Да. И непохоже, чтоб они собирались остановиться.

— Этого следовало ожидать.

— Почему? — озадаченно спросил Грегор.

— Я тебе говорил. Квилы размножаются фемишем.

— Мне так и слышалось. А что это такое?

— То, что ты слышишь, — раздраженно ответил Арнольд. — И как тебе только удалось окончить школу? Это партеногенез при температуре замерзания воды.

— Так оно и есть — мрачно произнес Грегор. — Я поворачиваю корабль.

— Нельзя! Мы разоримся!

— При нынешних темпах размножения квилов мне скоро не останется места на корабле. Его придется вести квилу.

— Грегор, не поддавайся панике. Есть идеально простой выход.

— Я весь внимание.

— Увеличь давление и влажность воздуха. Тогда они остановятся.

— Может быть. А ты уверен, что смаги не превратятся в бабочек?

— Побочных явлений не будет.

Как бы то ни было, возвращаться на Землю не стоило. Корабль прошел уже половину пути. С тем же успехом можно избавиться от мерзких тварей и в пункте назначения.

Разве только спустить их всех за борт. Идея хоть и невыполнимая, но соблазнительная.

Грегор увеличил давление и влажность воздуха, и квилы перестали размножаться. Теперь их насчитывалось сорок семь, и большую часть времени Грегор тратил на то, чтобы очищать вентиляторы от шерсти. Замедленная сюрреалистическая метель бушевала в кори-

доре, в машинном зале, в баках с водой и у Грегора под рубашкой.

Он ел безвкусные продукты с шерстью, а на десерт — неизменный пирог с шерстью.

Ему мерещилось, будто сам он превращается в квила.

Но вот на горизонте появилось яркое пятнышко. На переднем экране засияла звезда Вермойн. Через день он прибудет на место, сдаст груз и тогда вернется в запыленную контору, к неоплаченным счетам и пасьянсу.

В тот вечер он откупорил бутылку вина, чтобы отпраздновать конец рейса. Вино смыло вкус шерсти во рту, и он улегся в постель с чувством легкого, приятного опьянения.

Однако заснуть он не мог. Температура неуклонно падала. Капли воды на стенах застывали в льдинки.

Придется включить отопление.

Дайте-ка сообразить. Если включить отопление, смаги съезжатся. Разве только устранить тяготение. Но тогда сорок семь квиллов объявят голодовку.

К черту квиллов. В таком холоде невозможно управлять звездолетом.

Он вывел корабль из вращения и включил обогреватели. Целый час он ожидал, дрожа и постукивая ногами. Обогреватели бойко тянули энергию от двигателей, но тепла не давали.

Это было смехотворно. Он перевел их на предельную мощность.

Через час температура упала ниже нуля. Хотя Вермойн был уже виден, Грегор сомневался, доведется ли ему посадить корабль.

Не успел он развести на полу кабины костер, взяв для растопки самые легко воспламеняющиеся предметы на корабле, как вдруг ожила рация.

— Я вот тут думаю,—сказал Арнольд.— Надеюсь, ты не слишком резко менял тяготение и давление?

— Какая разница? — рассеянно спросил Грегор.

— Это может дестабилизировать фиргелей. Резкие перепады температуры и давления выводят их из спячки. Ты бы лучше посмотрел.

Грегор засуетился. Он открыл дверь, ведущую в отсек фиргелей, заглянул внутрь и содрогнулся.

Фиргели, разумеется, бодрствовали. Они каркали. Огромные ящерицы порхали по отсеку, покрытые изморозью. Из отсека вырвался поток ледяного воздуха. Грегор захлопнул дверь и поспешил к рации.

— Понятно, покрыты изморозью,—сказал Арнольд.— Фиргели едут на Вермойн I. Жаркое местечко Вермойн I — очень близко к солнцу. Фиргели консервируют холод. Это самые лучшие во Вселенной портативные установки для кондиционирования воздуха.

— А почему ты не сказал мне этого раньше? — ехидно спросил Грегор.

— Тебя бы это расстроило. Кроме того, они бы продолжали спать, если бы ты не валял дурака с тяготением и давлением.

— Фиргели едут на Вермойн I. А как насчет смагов?

— На Вермойн II. Маленькая планетка, тяготение невелико.

— А квилы?

— Ясное дело, на Вермойн III.

— Идиот! — заорал Грегор.— Ты поручаешь мне такой груз и ждешь, что я стану им жонглировать? — Если бы в этот миг Арнольд находился на корабле, Грегор придушил бы его.

— Арнольд,— проговорил он очень медленно,— довольно идей, довольно планов. Ты обещаешь?

— Да ладно,— примирительным тоном сказал Арнольд.— Не из-за чего так брюзжать.

Грегор дал отбой и принялся за работу, пытаясь согреть корабль. Ему удалось поднять температуру до двадцати семи градусов по Фаренгейту, а потом перегруженные обогреватели окончательно вышли из строя.

К этому времени планета Вермойн II была совсем рядом.

Грегор отшвырнул кусок дерева, который собирался сжечь, и взялся за пленку. Он перфорировал на пленке курс к Главному пакгаузу, обращающемуся по орбите вокруг Вермойна II, как вдруг услышал зловещий скрежет. В то же время стрелки десятка дисков и циферблатов остановились на нуле.

Он устало поплыл в машинный зал. Главный привод не работал, и не требовалось специального технического образования, чтобы понять почему.

В застойном воздухе машинного зала парила квилля шерсть. Она набилась в подшипники, в систему смазки, заклинила охлаждающие вентиляторы.

Для отполированных деталей двигателя металлическая шерсть оказалась сильнодействующим истирающим материалом. Удивительно, как еще привод продержался столько времени.

Грегор вернулся в кабину управления. Невозможно посадить корабль без главного привода. Придется чинить его в космосе, проедать прибыли. К счастью, звездолет приводится в движение соплами боковых реактивных двигателей. Им еще можно маневрировать.

Вероятность успеха — один к одному, но еще не поздно установить контакт с искусственным спутником, который служит пакгаузом Вермойна.

— Говорит «Асс»,— объявил Грегор, выведя корабль на орбиту вокруг спутника.— Прошу разрешения на посадку.

Послышался треск статического разряда.

— Говорит спутник,— ответил ему чей-то голос.— Сообщите о себе подробнее.

— Это корабль службы «Асс», направляется на Вермойн II с Центрального пакгауза «Тригейл»,— уточнил Грегор.— Бумаги в порядке.

Он повторил традиционный формальный запрос о разрешении на посадку и откинулся на спинку кресла.

Борьба была нелегкой, но все животные прибыли живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми и так далее и тому подобное. Служба «Асс» заработала кругленькую сумму. Но сейчас Грегор мечтал лишь об одном: выбраться из корабля и влезть в горячую ванну. И всю остальную жизнь держаться подальше от квиллов, смагов и фиргелей. Он хотел....

— В разрешении на посадку отказано.

— Что-о?

— Очень жаль, но в настоящее время свободных мест нет. Если хотите, оставайтесь на орбите, мы постараемся принять вас месяца через три.

— Погодите! — взвыл Грегор.— Нельзя же так! У меня на исходе продукты, главный привод сгорел, и я не могу больше терпеть этих животных!

— Очень жаль.

— Вы не имеете права прогнать меня,— хрипло сказал Грегор.— Это общественный пакгауз. Вам придется...

— Общественный? Извините, сэр. Этот пакгауз принадлежит концерну «Тригейл».

Рация умолкла. Несколько минут Грегор не сводил с нее глаз.

«Тригейл»!

Вот почему они не придирались к нему на своем Центральном пакгаузе. Гораздо остроумнее отказать ему в посадке на пакгаузе Вермойна.

Самое обидное то, что они, вероятно, вправе так поступить.

Он не может приземлиться на планете.

Посадка звездолета без главного привода равносильна самоубийству.

А в солнечной системе Вермойна нет другого космического пакгауза.

Что ж, он доставил животных *почти* к самому пакгаузу. Мистер Венс, без сомнения, все поймет и оценит его добрые намерения.

Он связался с Венсом, находящимся на Вермойне II, и объяснил ему обстановку.

— Не в пакгаузе? — переспросил Венс.

— Всего лишь в пятидесяти милях от пакгауза.

— Нет, так не пойдет. Разумеется, я приму животных. Они мои. Но есть пункты, предусматривающие неустойку в случае неполноценной доставки.

— Но ведь вы не примените их, правда? — взмолился Грегор.— Мои намерения...

— Они меня не интересуют,— прервал его Венс.— Меня интересует предел прибыли и все такое. Нам, колонистам, всякая кроха годится.

И он дал отбой.

Обливаясь потом, хотя в помещении было холодно, Грегор вызвал Арнольда и сообщил ему новости.

— Это неэтично! — объявил Арнольд в неистовстве.

— Но законно.

— Я знаю, черт побери. Мне надо подумать.

— Придумай что-нибудь толковое,— сказал Грегор.

— Я свяжусь с тобой позднее.

После разговора Грегор несколько часов подряд кормил животных, вычесывал квилью шерсть из своих волос и жег мебель на палубе корабля. Когда зажужжала рация, он суеверно скрестил пальцы, прежде чем ответить.

— Арнольд?

— Нет, это Венс.

— Послушайте, мистёр Венс,—сказал Грегор.— Если бы нам дали хоть маленькую отсрочку, мы могли бы покончить дело полюбовно. Я уверен...

— Э, вам удалось-таки меня объегорить,—огрызнулся Венс.— К тому же на совершенно законном основании. Я навел справки. Хитро сработано, сэр, весьма хитро. Я высылаю буксир за животными.

— Но пункт о неустойке...

— Естественно, не могу его применить.

Грегор усталился на рацию. Хитро сработано? Что придумал Арнольд?

Он радировал Арнольду в контору.

— Говорит секретарь мистера Арнольда,—ответил ему юный девичий голосок.— Мистера Арнольда сегодня уже не будет.

— Не будет? Секретарь? Мне нужен Арнольд из «Асса». Я попал к другому Арнольду, не правда ли?

— Нет, сэр, это контора мистера Арнольда, из Международной очистительной службы «Асс». Вы хотели сделать заказ? У нас первоклассный пакгауз в системе Вермойна, на орбите вблизи Вермойна II. Мы транспортируем животных с планет легкого, среднего и высокого тяготения. Мистер Грегор лично руководит работами. Я полагаю, что вы найдете наши цены умеренными.

Так вот до чего додумался Арнольд — превратить корабль в пакгауз! По крайней мере на бумаге. А ведь

контракт действительно предоставил им право соорудить пакгауз по своему усмотрению. Умно!

Но этот паршивец Арнольд не соображает, что от добра добра не ищут. Теперь он хочет заняться пакгаузным делом!

— Что вы сказали, сэр?

— Я сказал, что это говорит пакгауз. Примите радиограмму для мистера Арнольда.

— Слушаю, сэр.

— Передайте мистеру Арнольду, чтобы он аннулировал все заказы,— угрюмо произнес Грегор.— Его пакгауз возвращается домой что есть духу.

РИТУАЛ

Акиенобоб вприпрыжку приблизился к хижине Старейшего Песнопевца и принялся отплясывать Танец Важного Сообщения, аккомпанируя себе ритмичным постукиванием хвоста по земле. В дверях тут же появился Старейший Песнопевец и принял позу напряженного внимания: руки сложены на груди, хвост обвит вокруг плеч.

— Прибыл корабль богов,—нараспев проговорил Акиенобоб, выплясывая приличествующий случаю танец.

— В самом деле? — откликнулся Старейший Песнопевец, одобрительно косясь на сложные па. Вот она, пристойная манера! Не то что расхлябанные, упрощенные движения, которые предписывает Альгонова ересь.

— Из божественного и неподдельного металла! — захлебнулся восторгом Акиенобоб.

— Хвала богам,—церемонно ответил Старейший Песнопевец, скрывая охватившее его возбуждение.— «Наконец-то! Боги возвратились!» — Созови общину.

Акиенобоб отправился на сельскую площадь и исполнил там Танец Сбора. Тем временем Старейший

Песнопевец воскурил щепотку священного благовония, оттер хвост песком и, очистясь таким образом от скверны, поспешил возглавить приветственные пляски.

Корабль богов — огромный цилиндр из почерневшего, изъязвленного металла — лежал в небольшой долине. Селяне, собравшись на почтительном расстоянии, выстроились в символическую фигуру «Общий Привет Всем Богам».

Корабль богов разверзся, и оттуда, шатаясь, с трудом выбрались два бога.

Старейший Песнопевец тотчас же признал их по облику. В Великую Книгу о богах, написанную почти пять тысячелетий назад, были занесены сведения о всевозможных разновидностях божеств. Там описывались боги большие и боги малые, боги крылатые и боги о копытах, боги однорукие, двурукие и трехрукие, боги с щупальцами, чешуйчатые боги и множество иных обликов, какие благоугодно принимать богам.

Каждую разновидность полагалось приветствовать по особому, специально ей предназначенному приветственному обряду, ибо так было начертано в Великой Книге о Богах.

Старейший Песнопевец тотчас же заметил, что перед ним двуногие, двурукие, бесхвостые боги. Он поспешно перестроил своих соплеменников в подобающую фигуру.

К нему вприпрыжку подошел Глат, прозванный Младшим Песнопевцем.

— С чего начнем? — учтиво прокашлял он.

Старейший Песнопевец пронзил его укоризненным взглядом.

— С Танца Разрешения на Посадку, — ответил он, с достоинством произнося древние, утратившие смысл слова.

— Разве? — Глат почесал хвостом шею. Это был жест явного пренебрежения.— По заветам Альгоны — прежде всего пиршество.

Старейший Песнопевец отвернулся, жестом выразив несогласие. Покуда бразды правления у него в руках, он не пойдет ни на какие компромиссы с ересью Альгоны — учением, созданным всего каких-нибудь три тысячонки лет назад.

Младший Песнопевец Глат вернулся на свое место в строю танцоров. «Смехотворно,— думал он,— что вот такая консервативная развалина, как Старейший Песнопевец, устанавливает порядок танцев. Совершеннейшая нелепица — ведь было же доказано...»

А два бога пытались двигаться! Покачиваясь, балансировали они на тонких ногах. Один зашатался и упал ничком. Другой помог ему встать, после чего упал сам. Медленно, с усилием поднялся он на ноги.

Боги удивительно напоминали простых смертных.

— Они выразили в танце свое расположение! — воскликнул Старейший Песнопевец.— Приступайте же к Танцу Разрешения на Посадку.

Туземцы плясали, приседая, колотя хвостами о землю, кашлем и лаем выражали свое ликование. Затем в строгом соответствии с церемониалом богов водрузили на носилки из ветвей священного дерева и понесли на Священный Курган.

— Давайте обсудим все как следует,— предложил Глат, поравнявшись со Старейшим Песнопевцем.— Поскольку за тысячи лет это первый случай пришествия каких бы то ни было богов, то, несомненно, разумно было бы прибегнуть к обрядам Альгоны. Просто на всякий случай.

— Нет,— решительно отказался Старейший Песнопевец, энергично перебирая шестью ногами.— Все по-

добающие обряды приведены в древних книгах ритуалов.

— Я знаю,—настаивал Глат,—но ведь ничего страшного не случится...

— Никогда, — твердо заявил Старейший Песнопевец.— Для каждого бога есть свой Танец Разрешения на Посадку. Затем идет Танец Подтверждения Астродрома, Танец Таможенного Досмотра, Танец Разгрузки и Танец Медицинского Освидетельствования.— Старейший Песнопевец выговаривал таинственные древние названия отчетливо и внушительно, с благоговением.— Тогда и только тогда можно начинать пиршество.

На носилках, сделанных из ветвей, два бога стенали и вяло шевелили руками. Глат знал: боги исполняют Танец Подражания боли и мукам смертных, подтверждая свое родство с теми, кто им поклоняется.

Все было так, как и должно быть,—так, как начертано в Книге последнего пришествия. Тем не менее Глата поразило совершенство, с каким боги копируют чувства простых смертных. Глядя на них, можно было подумать, будто они и вправду умирают от голода и жажды.

Глат улыбнулся своим мыслям. Всем известно, что боги не ощущают ни голода, ни жажды.

— Поймите же,—обратился Глат к Старейшему Песнопевцу.— Для нас важно избежать той роковой ошибки, какую допустили наши пращуры в Дни космических полетов. Так ли я говорю?

— Разумеется,—ответил Старейший Песнопевец, почтительно склоняя голову перед ритуальным названием Золотого века. Пять тысячелетий назад их племя находилось на вершине богатства и благоденствия и боги часто посещали его. Однако, как гласит легенда, в один прекрасный день кто-то допустил ошибку в ритуале и

племя было предано Забвению. С тех пор посещения богов прекратились раз и навсегда.

— Если боги одобряют наши обряды,—сказал Старейший Песнопевец,—то снимут с нас Забвение. Тогда явятся и другие боги, как бывало в старину.

— Вот именно. А ведь Альгона был последним, кто воочию видел бога. Уж он-то, наверное, знает, что говорит, предписывая начинать с пиршества, а церемонии оставлять напоследок.

— Учение Альгоны — пагубная ересь,—возразил Старейший Песнопевец.

И Младший Песнопевец в сотый раз задумался, не пора ли сбросить маску лицемерия, не приказать ли общине без промедления приступить к Обряду Воды и к Пиршеству. Ведь многие были тайными приверженцами Альгоны.

Но нет, пока не время, ибо власть Старейшего Песнопевца все еще слишком сильна. Да и момент неподходящий. Надо подождать, думал Глат, нужно знамение самих богов.

А боги по-прежнему возлежали на носилках, радуя глаз верующих дивным Танцем-конвульсией — Подражанием жажде и мукам простых смертных.

Богов усадили на вершине Священного Кургана, и Старейший Песнопевец самолично возглавил Танец Подтверждения Астродрома. В окрестные селения послали гонцов с наказом созвать всех взрослых жителей на ритуальные пляски.

В самом селении женщины начали готовиться к Пиршеству. Некоторые из них пустились от радости в пляс, ибо разве не сказано в Писаниях, что вновь появятся боги, и тогда наступит конец Забвению, и к каждому придет богатство и благоденствие, как в Дни космических полетов?

На кургане один из богов простерся ниц. Другой с трудом принял сидячее положение и искусно подрагивающим пальцем указывал на свой рот.

— Это знак благоволения! — вскричал Старейший Песнопевец.

Глат кивнул, не прекращая пляски, в то время как по складкам его кожи градом струился пот. Старейший Песнопевец был одаренным толкователем. С этим нельзя не согласиться.

Но вот сидящий бог стиснул одной рукой горло, отчаянно жестикулируя другой.

— Быстрее! — прохрипел Старейший Песнопевец; он чутко ловил малейшее движение богов.

Теперь бог что-то кричал ужасающим, надтреснутым голосом. Он кричал, указывал себе на горло и снова кричал, уподобляясь страждущему смертному.

Все шло в строгом соответствии с Танцем Богов, как он описан в Книге последнего пришествия.

Как раз в этот миг на площадь перед курганом ворвалась ватага молодежи из соседнего селения и сменила хозяев в танце. На время Младший Песнопевец мог выйти из круга. Переводя дух, он подошел к Старейшему Песнопевцу.

— Вы будете исполнять *все* танцы? — спросил он.

— Конечно. — Старейший Песнопевец не спускал глаз с плясунов, ибо на этот раз ошибки нельзя было допустить. Это последний случай обелить себя перед богами и вернуть себе добрую славу в их глазах.

— Пляски будут продолжаться ровно восемь дней, — непреклонно сказал Старейший Песнопевец. — Если произойдет хоть малейшая ошибка, начнем все сызнова.

— По словам Альгоны, прежде всего надо торопиться с Обрядом Воды, — возразил Глат, — а затем...

— Вернись в круг! — отрезал Старейший Песнопевец, жестом выразив крайнее возмущение. — Ты слышал, как боги кашляли в знак одобрения. Так и только так удастся нам снять древнее заклятие.

Младший Песнопевец отвернулся. Ах, если бы его воля! В древние времена, когда боги то и дело уходили и возвращались, обычай Старейшего Песнопевца был правильным обычаем. Глат вспомнил, как описывается приход корабля богов в Книге последнего пришествия:

Начался Обряд Разрешения на Посадку (в те дни это еще не называлось ни плясками, ни танцами).

Боги протанцевали Танец Страдания и Боли.

Затем был проделан Обряд Подтверждения Астродрома.

В ответ боги исполнили Танец Голода и Жажды — точь-в-точь так, как сейчас.

Затем последовали Обряды Таможенного Досмотра, Разгрузки и Медицинского Освидетельствования. Все время, пока длились обряды, богам не давали ни еды, ни питья — таково было одно из предписаний ритуала.

Когда со всеми обрядами было покончено, один из богов по неведомой причине притворился мертвым. Другой отнес его обратно на небесный корабль, и боги покинули планету, чтобы больше никогда не возвратиться.

Вскоре после этого началось Забвение.

Однако не существует и двух древних писаний, толкующих причины Забвения одинаково. Некоторые утверждают, что богов оскорбило несовершенное исполнение какого-то танца. Другие, как Альгона, пишут, что надо начинать с пиршества и возлияний, а потом уж переходить к обрядам.

Альгону почитали далеко не все. В конце концов, ведь богам неведомы ни голод, ни жажда. С какой же стати пиршество должно предшествовать обрядам?

Глат свято верил в учение Альгоны и уповал, что в один прекрасный день выяснит истинную причину Забвения.

Внезапно танец прервался. Глат поспешил взглянуть, что же произошло.

Какой-то глупец оставил подле Священного Кургана простой кувшин с водой. Один из богов подполз к кувшину. Руки бога готовились схватить недостойный предмет.

Старейший Песнопевец, чуть ли не вырвал из рук бога кувшин, поспешно унес его прочь, и все племя испустило вздох облегчения. Какое кошунство — оставить поблизости от бога обыкновенную, неочищенную, неосвященную воду, да еще в ничтожном сосуде без росписи. Да прикоснись к ней бог — и его праведный гнев испепелит все селение.

Бог разгневался. Он прокричал что-то, перстом указывая на оскорбительный сосуд. Затем указал на второго бога, который все еще был погружен в небесный экстаз и лежал лицом вниз. Он указал на свое горло, на пересохшие, растрескавшиеся губы и опять на кувшин с водой. Он сделал два неуверенных шага и упал. Бог заплакал.

— Живо! — крикнул Младший Песнопевец. — Начинайте Танец Взаимовыгодного Торгового Соглашения!

Только его находчивость и спасла положение. Танцующие подожгли священные ветки и, кружась волчком, принялись размахивать ими перед ликами богов. Боги раскашлялись и тяжело задышали в знак одобрения.

— Ну и хитер же ты на выдумку, — ворчливо признал Старейший Песнопевец. — И как только тебе пришел на ум этот танец?

— У него самое таинственное название, — объяснил

Глат.— Я знал, что сейчас нужно действовать решительно.

— Что ж, молодец,— похвалил Старейший Песнопевец и вернулся к своим обязанностям в танце.

С довольной улыбкой Глат обвинил хвостом талию. Во время поданная команда оказалась удачным ходом.

Теперь надо поразмыслить над тем, как бы лучше выполнить обряды Альгоны.

Боги возлежали на земле, кашляя и лоя ртом воздух, словно умирающие. Младший Песнопевец решил подождать более удобного случая.

Весь день плясали Танец Взаимовыгодного Торгового Соглашения, и боги тоже принимали в нем участие. Поклониться им приходили жители отдаленных селений, и боги, задыхаясь, выражали свое милостивое расположение.

К концу танца один из богов чрезвычайно медленно поднялся на ноги. Он упал на колени, с преувеличенным пафосом подражая движениям смертного, который ослаб до предела.

— Он вещает,— прошептал Старейший Песнопевец, и все смолкли.

Бог простер руки. Старейший Песнопевец кивнул.

— Он сулит нам хороший урожай,— пояснил Старейший Песнопевец.

Бог стиснул кулаки, но тут же разжал их, охваченный приступом кашля.

— Он сочувствует нашей жажде и бедности,— наставительно произнес Старейший Песнопевец.

Бог снова указал себе на горло — таким горестным жестом, что кое-кто из поселян разрыдался.

— Он желает, чтобы мы повторили танцы сначала,— разъяснил Старейший Песнопевец.— Давайте же, становитесь в первую позицию.

— Его жест означает вовсе не то,— дерзко заявил Глат, решив, что час настал.

Все воззрились на него, потрясенные, в гробовом молчании.

— Богу угоден Обряд Воды,— сказал Глат.

По рядам танцующих пробежал вздох. Обряд Воды составлял часть еретического учения Альгоны, которое Старейший Песнопевец неустанно предавал анафеме. Впрочем, с другой стороны, Старейший Песнопевец уже в преклонных летах. Быть может, Глат, Младший Песнопевец...

— Не допущу! — взвизгнул Старейший Песнопевец. — Обряд Воды следует за пиршеством, которое начинается после всех плясок. Только таким путем избавимся мы от Забвения!

— Необходимо предложить богам воды! — прогремел Младший Песнопевец.

Оба взглянули на богов — не подадут ли те знамение, но боги молча следили за ними усталыми, налитыми кровью глазами.

Но вот один из богов кашлянул.

— Знамение! — вскричал Глат, прежде чем Старейший Песнопевец успел перетолковать этот кашель в свою пользу.

Старейший Песнопевец пытался спорить, но тщетно. Ведь поселяне слышали бога собственными ушами.

В очищенных от скверны, красиво расписанных кувшинах принесли воду, и плясуны встали в позы, подобающие обряду. Боги взирали на них, тихо переговариваясь на языке божием.

— Ну! — скомандовал Младший Песнопевец. На курган внесли кувшин с водой. Один из богов потянулся к кувшину. Другой оттолкнул его и сам схватился за кувшин.

По толпе прокатился взволнованный гул.

Первый бог слабо ударил второго и завладел водой. Второй отнял кувшин и поднес ко рту. Тогда первый сделал выпад, и кувшин с водой покатился по склону кургана.

— Я предостерегал тебя! — возопил Старейший Песнопевец. — Они отвергли воду, как и следовало ожидать. Убери ее скорее, пока мы еще не обречены на гибель!

Двое схватили кувшины и умчались с ними прочь. Боги взвыли, но тут же умолкли.

По приказу Старейшего Песнопевца тотчас начался Танец Таможенного Досмотра. Снова зажгли священные ветви и оведали ими богов, как веерами. Боги слабо прокашляли одобрение. Один попытался сползти с кургана, но упал ничком. Другой лежал недвижимо.

Так лежали боги долгое время, не подавая знамений.

Младший Песнопевец стоял в хвосте цепочки танцующих. Почему, вопрошал он себя снова и снова, почему отступились от него боги?

Неужели Альгона заблуждается?

Но ведь боги *отвергли* воду.

У Альгоны черным по белому написано, что единственный способ снять таинственное проклятие Забвения — это без промедления принести в дар богам еду и питье. Быть может, богам пришлось дожидаться слишком долго?

«Пути богов неисповедимы, — печально думал Глат. — Теперь случай упущен навеки. С тем же успехом можно было разделять веру Старейшего Песнопевца».

И он уныло поплелся в круг танцующих.

Старейший Песнопевец повелел начать пляски сначала и продолжать их четыре дня и четыре ночи. Потом, если богам будет угодно, в их славу будет устроено пиршество.

Боги не подавали знамений. Они лежали на священном кургане, распростершись во весь рост, и время от времени подергивали конечностями, изображая смертных, которых одолевает усталость, отчаянная жажда.

Это были очень могущественные боги. Иначе разве могли бы они столь искусно подражать смертным?

А к утру случилось следующее: невзирая даже на то, что Старейший Песнопевец отменил Танец Хорошей Погоды, облака на небе стали сгущаться. Громадные и черные, они заслонили утреннее солнце.

— Пройдет стороной,—предрек Старейший Песнопевец, отплясывая Танец Отречения от Дождя.

Однако тучи разверзлись, и полился дождь. Боги медленно зашевелились, оборотили лица к небу.

— Тащите доски! — кричал Старейший Песнопевец. — Принесите навес! Боги предадут дождь проклятию: ведь до окончания обрядов ни одна капля не смеет коснуться тел божиих!

Глат же, сообразив, что представился еще один благоприятный случай, возразил:

— Нет! Этот дождь наслали сами боги!

— Уведите юного еретика! — пронзительно взвизгнул Старейший Песнопевец. — Давайте сюда навес!

Плясуны оттащили Глата в сторонку и принялись сооружать над богами шатер, чтобы укрыть их от дождя. Старейший Песнопевец собственноручно покрывал шатер крышей, работая споро и благоговейно.

Под внезапно хлынувшим ливнем боги не шевелились — они лежали, широко раскрыв рты. Когда же они увидели, как Старейший Песнопевец возводит над ними крышу, то попытались встать.

Старейший Песнопевец торопился: он знал, что своим недостойным присутствием оскверняет заповедный курган.

Боги переглянулись. Один из них медленно встал на колени. Другой протянул ему обе руки и помог подняться на ноги.

Бог стоял, раскачиваясь, как пьяный, сжимая руку возлежащего бога. И вдруг обеими руками с яростью толкнул Старейшего Песнопевца в грудь.

Старейший Песнопевец потерял равновесие и закувыркался по Священному Кургану, нелепо дрыгая ногами в воздухе. Бог сорвал с навеса крышу и помог встать другому богу.

— Знамение! — вскричал Младший Песнопевец, вырываясь из удерживающих его рук. — Знамение!

Никто не мог этого отрицать. Теперь оба бога стояли, запрокинув головы, подставив рты под струи дождя.

— Начинайте пиршество! — рявкнул Глат. — Такова воля богов!

Плясуны колебались. Впасть в ересь Альгоны — это серьезный шаг, который стоило бы хорошенько обдумать.

Однако теперь, когда всем стал распоряжаться Младший Песнопевец, приходилось рискнуть.

Оказалось, что Альгона был прав. Боги выражали свое одобрение воистину по-божески: запихивали яства в рот огромными кусками — какое изумительное подражание смертным! — и поглощали напитки с таким усердием, будто и впрямь умирали от жажды.

Глат сожалел лишь о том, что не знает божьего языка, ибо больше всего на свете ему хотелось узнать, каковы же были истинные причины Забвения.

«ОСОБЫЙ СТАРАТЕЛЬСКИЙ»

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце падало сквозь мертвенно-белую завесу небосвода, изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.

— Только не спать,— сказал себе Моррисон, выправляя по компасу курс пескохода.

Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Венеры; двадцать первый день боролся со сном за рулем пескохода, который, качаясь из стороны в сторону, переваливал через одну песчаную волну за другой. Ехать по ночам было бы легче, но здесь слишком часто приходилось объезжать крутые овраги и валуны величиной с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись по двое: один вел машину, а другой тряс его, не давая заснуть.

— Но в одиночку лучше,— напомнил себе Моррисон.— Вдвое меньше припасов и не рискуешь случайно оказаться убитым.

Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за поляроидным ветровым

стеклом, плясала и зыбилась пустыня. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.

Это был крупный, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко стриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и приехал на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, сколотить себе состояние, как это делали уже многие до него. В Престо — последнем городке на рубеже пустыни — он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.

В Престо десяти долларов ему хватило как раз на то, чтобы выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал виски с содовой, выпил с шахтерами и старателями и посмеялся над рассказами старожилов про стаи волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солнечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.

Но теперь, пройдя за двадцать один день 1800 миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь и в самом деле можно погибнуть!

Но можно и разбогатеть; именно это и намеревался сделать Моррисон.

Из приемника послышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва расслышал звуки танцевальной музыки из Венусборга. Потом звуки замерли, и слышно было только гудение.

Моррисон выключил радио и крепко вцепился в руль обеими руками. Разжал одну руку, взглянул на часы: девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару нужно отдыхать. Но не больше получаса. Где-то впереди ждет сокрови-

ще, и ему нужно найти его, до того как истощатся припасы.

Там, впереди, *непременно* должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня, как он напал на ее следы. А что, если он наткнется на настоящую жилу, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто третьем? Тогда он сделает то же, что сделали они: закажет «Особый старательский» коктейль, сколько бы с него ни содрали.

Пескоход катился вперед, делая неизменные тридцать миль в час, и Моррисон заставил себя внимательно взглядеться в опаленную жаром желтовато-коричневую местность. Вон тот выход песчаника точь-в-точь такого же цвета, как волосы Джейни.

Когда он доберется до богатых залежей, то вернется на Землю; они с Джейни поженятся и купят себе ферму в океане. Хватит с него старательства. Только бы одну богатую жилу, чтобы купить кусок глубокого, синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его оно вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей пасутся в планктонных садках, а он сам со своим верным дельфином посматривает, не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из-за коралловых зарослей серо-стальная акула...

Моррисон почувствовал, что пескоход бросило вбок. Он очнулся, судорожно сжал руль и изо всех сил вывернул его. Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Сильно накренившись, пескоход цеплялся колесами за гребень. Песок и галька летели из-под широких колес, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу.

И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился набок и покатился вниз. Песок сыпался в рот и в глаза. Отплеываясь, Моррисон не выпускал руля из рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту.

Несколько мгновений Моррисон висел в воздухе. Потом пескоход рухнул на дно сразу всеми колесами. Моррисон слышал треск: это лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

«Самое время вздремнуть», — сказал себе Моррисон. — Но, пожалуй, лучше я сначала выясню обстановку».

Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины, разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто осталось невредимым.

«Могло быть и хуже», — сказал себе Моррисон.

Он нагнулся и внимательно оглядел шины.

«Оно и есть хуже», — добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Оставшейся резины не хватило бы и на детский воздушный шарик. Запасные колеса он использовал еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон вытащил телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эла в Престо. Через секунду засветился маленький видеоскрин. Он увидел длинное, угрюмое лицо, перепачканное маслом.

— Гараж Эла. Эдди у аппарата.

— Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяц назад я купил у вас этот пескоход «Дженерал моторс». Помните?

— Конечно, помню,— ответил Эл.— Вы тот самый парень, что поехал один по Юго-западной тропе. Ну, как ведет себя таратайка?

— Прекрасно. Машина что надо. Я вот по какому делу...

— Эй,— перебил его Эдди,— что с вашим лицом?

Моррисон провел по лбу рукой; она оказалась в крови.

— Ничего особенного,— сказал он.— Я кувыркнулся с дюны, и лопнули две шины.

Он повернул телефон, чтобы Эдди смог их разглядеть.

— Не починить,— сказал Эдди.

— Так я и думал. А запасные я истратил, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы телепортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то мне без них не сдвинуться с места.

— Конечно,— ответил Эдди,— только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за телепортировку. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.

— Ладно.

— Хорошо, сэр. Если сейчас вы покажете мне наличные или чек, который отошлете вместе с распиской, я буду действовать.

— В данный момент,— сказал Моррисон,— у меня с собой нет ни цента.

— А счет в банке?

— Исчерпан дочиста.

— Облигации? Недвижимость? Хоть что-нибудь, что можно обратить в наличные?

— Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов. Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.

— Если вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ничего не выйдет.

— Что вы хотите сказать? — спросил Моррисон. — Вы же знаете, что я заплачу за шины.

— А вы знаете законы Венеры, — упрямо сказал Эдди. — Никакого кредита! Деньги на бочку!

— Не могу же я ехать на пескоходе без шин, — сказал Моррисон. — Неужели вы меня здесь бросите?

— Кто это вас бросит? — возразил Эдди. — Со старателями такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию «Коммунальные услуги» и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о передаче им остатков пескохода, снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.

— Я не хочу возвращаться, — ответил Моррисон. — Смотрите!

Он поднес аппарат к самой земле.

— Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!

— Следы находят все старатели, — сказал Эдди. — Проклятая пустыня полна таких следов.

— Но это богатое месторождение, — настаивал Моррисон. — Следы ведут прямо к залежам, к большой жиле. Эдди, я знаю, это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...

— Не могу, — ответил Эдди. — Я же всего-навсего здешний служащий. Я не могу телепортировать вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе

меня выгонят с работы, а может быть, и посадят. Вы знаете закон.

— Деньги на бочку,— мрачно сказал Моррисон.

— Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда-нибудь попробуете еще раз.

— Я двенадцать лет копил деньги,— ответил Моррисон.— Я не поверну назад.

Он отключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Максу Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Максу негде взять тысячу четыреста долларов — в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венусборга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяину,— где уж тут помогать попавшим в беду старателям.

«Не могу я просить Макса о помощи,— решил Моррисон.— По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его следы. Значит, остается выпутываться самому».

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе.

Нужно взять телефон. Походный набор для анализов. Концентраты, револьвер, компас. И больше ничего, кроме воды — столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Моррисон собрался в путь. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода — самое драгоценное имущество, если не считать телефона. Но ничего не поделаешь. Напившись вдоволь, он взвалил на плечи тюк и направился на юго-запад, в глубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солнце палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над Моррисоном, как крыша из раскаленного железа. Он шел по следам золота, а по его следам шел еще кто-то.

На шестой день он уловил какое-то движение, но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его выслеживает.

Венерианская порода волков — маленьких, худых, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, будто в усмешке, челюстями — была одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон взгляделся и увидел, что рядом с первым волком появились еще два.

Он растегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно.

Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе, футах в десяти слева от себя, на высоте чуть больше человеческого роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортировку.

— Кто бы это мог мне что-то телепортировать? — подумал Моррисон, глядя, как вихрь медленно растет.

Телепортировка предметов со стационарного проектора в любую заданную точку была обычным способом доставки грузов на опромные расстояния Венеры. Телепортировать можно было любой неодушевленный

предмет. Одушевленные предметы телепортировать не удавалось, потому что при этом происходили некоторые незначительные, но непоправимые изменения молекулярного строения протоплазмы. Кое-кому пришлось убедиться в этом на себе, когда телепортировка только еще входила в практику.

Моррисон ждал. Воздушный вихрь достиг трех футов в диаметре. Из него вышел хромированный робот с большой сумкой.

— А, это ты,— сказал Моррисон.

— Да, сэр,— сказал робот, окончательно высвободившись из вихря.— Уильямс-4 с венерианской почтой к вашим услугам.

Робот был среднего роста, с тонкими ногами и плоскими ступнями, человекоподобный и наделенный добродушным характером. Вот уже двадцать три года он представлял собой все почтовое ведомство Венеры — сортировал, хранил и доставлял письма. Он был построен основательно, и за все двадцать три года почта ни разу не задержалась.

— Вот и мы, мистер Моррисон,— сказал Уильямс-4.— К сожалению, в пустыню почта заглядывает только дважды в месяц, но уж зато приходит вовремя, а это самое ценное. Вот для вас. И вот. Кажется, есть еще одно. Что, пескоход сломался?

— Ну да,— ответил Моррисон, забирая письма.

Уильямс-4 продолжал рыться в сумке. Хотя старый робот был прекрасным почтальоном, он слыл самым большим болтуном на всех трех планетах.

— Где-то здесь было еще одно,— сказал Уильямс-4.— Плохо, что пескоход сломался. Теперь уж пескоходы пошли не те, что во времена моей молодости. Послушайте доброго совета, молодой человек. Возвращайтесь назад, если у вас еще есть такая возможность.

Моррисон покачал головой.

— Глупо, просто глупо,— сказал старый робот.— Если б вы повидали с мое... Сколько раз мне попадались вот такие парни — лежат себе на песке в высохшем мешке из собственной кожи, а кости изгрызли песчаные волки и грязные черные коршуны. Двадцать три года я доставляю почту прекрасным молодым людям вроде вас, и каждый думает, что он необыкновенный, не такой, как другие.

Зрительные ячейки робота затуманились воспоминаниями.

— Но они такие же, как и все,— продолжал Уильямс-4.— Все они одинаковы, как роботы, сошедшие с конвейера, особенно после того, как с ними разделяются волки. И тогда мне приходится пересылать письма и личные вещи их возлюбленным, на Землю.

— Знаю,— ответил Моррисон.— Но кое-кто остается в живых, верно?

— Конечно,— согласился робот.— Я видел, как люди сколачивали себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое.

— Только не я,— ответил Моррисон.— Мне хватит и одного. А потом я куплю себе подводную ферму на Земле.

Робот содрогнулся.

— Ненавижу соленую воду. Но каждому — свое. Желаю удачи, молодой человек.

Робот внимательно оглядел Моррисона — вероятно, чтобы прикинуть, много ли на нем личных вещей, — и полез обратно в воздушный вихрь.

Мгновение — и он исчез. Еще мгновение — исчез и вихрь.

Моррисон сел и принялся читать письма. Первое было от маклера по драгоценным камням Макса Крэндол-

ла. Он писал о депрессии, которая обрушилась на Венусбург, и намекал, что может оказаться банкротом, если кто-нибудь из его старателей не найдет чего-то стоящего.

Второе письмо было уведомлением от Телефонной компании Венеры. Моррисон задолжал за двухмесячное пользование телефоном двести десять долларов и восемь центов. Если эта сумма не будет уплачена немедленно, телефон подлежит отключению.

Последнее письмо, пришедшее с далекой Земли, было от Джейни. Оно было заполнено новостями о его двоюродных братьях, тетках и дядях. Джейни писала о фермах в Атлантическом океане, которые она присмотрела, и о чудном местечке, что она нашла в Карибском море недалеко от Мартиники. Она умоляла его бросить старательство, если оно грозит какой-нибудь опасностью; можно найти и другие способы заработать на ферму. Она посылала ему всю свою любовь и заранее поздравляла с днем рождения.

«День рождения? — спросил себя Моррисон. — Погодите, сегодня двадцать третье июля. Нет, двадцать четвертое. А мой день рождения первого августа. Спасибо, что вспомнила, Джейни».

В эту ночь ему снилась Земля и голубые просторы Атлантики. Но под утро, когда жара усилилась, он обнаружил, что видит во сне многие мили золотых жил, оскаливших зубы песчаных волков и «Особый старательский».

Моррисон продолжал идти по дну давно исчезнувшего озера, где камни сменились песком. Потом снова пошли камни, мрачные, скрученные и изогнутые на тысячу ладов. Красные, желтые и бурые цвета плыли у него перед глазами. Во всей этой пустыне не было ни одного зеленого пятнышка.

Он все шел в глубь пустыни, вдоль хаотических нагромождений камней, а поодаль, с обеих сторон, за ним, не приближаясь и не отставая, шли волки.

Моррисон не обращал на них внимания. Ему доставляли достаточно забот отвесные скалы и целые поля валунов, преграждавшие путь на юг.

На одиннадцатый день после того, как он бросил пескоход, следы золота стали настолько заметными, что породу уже можно было промывать. Волки все еще преследовали его, и вода была на исходе. Еще один дневной переход — и все будет кончено.

Моррисон на мгновение задумался, потом распаковал телефон и набрал номер компании «Коммунальные услуги».

На экране появилась суровая, строго одетая женщина с седеющими волосами.

— «Коммунальные услуги», — сказала она. — Чем мы можем вам помочь?

— Привет, — весело отозвался Моррисон. — Как погода в Венусборге?

— Жарко, — ответила женщина. — А у вас?

— Я даже не заметил, — улыбнулся Моррисон. — Слишком занят: пересчитываю свои богатства.

— Вы нашли золотую жилу? — спросила женщина, и ее лицо немного смягчилось.

— Конечно, — ответил Моррисон. — Но пока никому не говорите. Я еще не оформил заявку. Мне бы наполнить их, — беззаботно улыбаясь, он показал ей свои фляги. Иногда это удавалось. Иногда, если вы вели себя достаточно уверенно, «Коммунальные услуги» давали воду, не проверяя ваш текущий счет. Конечно, это было жульничество, но ему было не до приличий.

— Я полагаю, ваш счет в порядке? — спросила женщина.

— Конечно,— ответил Моррисон, почувствовав, как улыбка застыла на его лице.— Мое имя Том Моррисон. Можете проверить...

— О, этим занимаются другие. Держите крепче флягу. Готово!

Крепко держа флягу обеими руками, Моррисон смотрел, как над ее горлышком тонкой хрустальной струйкой показалась вода, телепортированная за четыре тысячи миль из Венусборга. Струйка потекла во флягу с чарующим журчанием. Глядя на нее, Моррисон почувствовал, как его пересохший рот начал наполняться слюной.

Вдруг вода перестала течь.

— В чем дело? — спросил Моррисон.

Экран телефона померк, потом снова засветился. Моррисон увидел перед собой худое лицо незнакомого мужчины. Мужчина сидел за большим письменным столом. Перед ним была табличка с надписью: «Милтон П. Рид, вице-президент, отдел счетов».

— Мистер Моррисон,— сказал Рид,— ваш счет перерасходован. Вы получили воду обманным путем. Это уголовное преступление.

— Я заплачу за воду,— сказал Моррисон.

— Когда?

— Как только вернусь в Венусборг.

— Чем вы собираетесь платить?

— Золотом,— ответил Моррисон.— Посмотрите, мистер Рид. Это вернейшие признаки! Вернее, чем были у Кэрка, когда он сделал свою заявку! Еще день — и я найду золотоносную породу...

— Так думает каждый старатель на Венере,— сказал мистер Рид.— Всего один день отделяет каждого старателя от золотоносной породы. И все они рассчитывают получить кредит в «Коммунальных услугах»,

— Но в данном случае...

— «Коммунальные услуги»,— продолжал мистер Рид,— не благотворительная организация. Наш устав запрещает продление кредита, мистер Моррисон. Венера— еще не освоенная планета, и планета очень далекая. Любое промышленное изделие приходится ввозить сюда с Земли за немыслимую цену. У нас есть своя вода, но найти ее, очистить и потом телепортировать стоит дорого. Наша компания, как и любая другая на Венере, вынуждена удовлетвориться крайне малой прибылью, да и та неизменно вкладывается в расширение дела. Вот почему здесь не может быть кредита.

— Я все это знаю,— сказал Моррисон.— Но я же говорю вам, что мне нужен только день или два, не больше...

— Абсолютно исключено. По правилам мы уже сейчас не имеем права выручать вас. Вы должны были объявить о своем банкротстве неделю назад, когда сломался пескоход. Ваш механик сообщил нам об этом, как требует закон. Но вы этого не сделали. Мы имеем право бросить вас. Вы понимаете?

— Да, конечно,— устало ответил Моррисон.

— Тем не менее компания приняла решение ради вас нарушить правила. Если вы немедленно повернете назад, мы снабдим вас водой на обратный путь.

— Я пока не хочу возвращаться. Я почти нашел месторождение.

— Вы должны повернуть назад! Подумайте хорошенько, Моррисон! Что было бы с нами, если бы мы позволяли каждому старателю рыскать по пустыне и снабжали его водой? Туда устремились бы десять тысяч человек, и не прошло бы и года, как мы были бы разорены. Я и так нарушаю правила. Возвращайтесь!

— Нет,— ответил Моррисон.

— Подумайте еще раз. Если вы сейчас не повернете назад, «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за снабжение вас водой.

Моррисон кивнул. Если он пойдет дальше, то рискует умереть в пустыне. А если вернется? Он окажется в Венусборге без гроша в кармане, кругом в долгах и будет тщетно разыскивать работу в перенаселенном городе. Ему придется спать в ночлежке и кормиться бесплатной похлебкой вместе с другими старателями, которые повернули обратно. А где он достанет деньги, чтобы вернуться на Землю? Когда он снова увидит Джейни?

— Я, пожалуй, пойду дальше,— сказал Моррисон.

— Тогда «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за вас,— повторил Рид и повесил трубку.

Моррисон уложил телефон, хлебнул глоток из своих скудных запасов воды и снова пустился в путь.

Песчаные волки рысцей бежали с обеих сторон, постепенно приближаясь. С неба его заметил коршун с треугольными крыльями. Коршун день и ночь парил на восходящих токах воздуха, ожидая, пока волки прикончат Моррисона. Потом коршуна сменила стая маленьких летучих скорпионов. Они отогнали птицу наверх, в облачный слой. Летучие гады ждали целый день. Потом их в свою очередь прогнала стая черных коршунов.

Теперь, на пятнадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали еще обильнее. В сущности, он шел по поверхности золотой жилы. Везде вокруг, по-видимому, было золото. Но самой жилы он еще не обнаружил.

Моррисон сел и потряс свою последнюю флягу. Но не услышал плеска. Он отвинтил пробку и опрокинул флягу себе в рот. В запекшееся горло скатились две капли.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он разговаривал с «Коммунальными услугами». Последнюю воду он выпил вчера. Или позавчера?

Он снова завинтил пустую флягу и окинул взглядом выжженную жаром местность. Потом выхватил из мешка телефон и набрал номер Макса Крэндолла.

На экране появилось круглое, озабоченное лицо Крэндолла.

— Томми,— сказал он,— на кого ты похож?

— Все в порядке,— ответил Моррисон. — Немного высох, и все. Макс, я у самой жилы.

— Ты в этом уверен? — спросил Макс.

— Смотри сам,— сказал Моррисон, поворачивая телефон в разные стороны.— Смотри, какие здесь формации! Видишь вон там красные и пурпурные пятна?

— Верно, признаки золота,— неуверенно согласился Крэндолл.

— Где-то поблизости богатая порода. Она должна быть здесь! — сказал Моррисон.— Послушай, Макс, я знаю, что у тебя туго с деньгами, но хочу попросить тебя об одолжении. Пошли мне пинту воды. Всего пинту, чтобы мне хватило на день или два. Эта пинта может нас обоих сделать богачами.

— Не могу,— грустно ответил Крэндолл.

— Не можешь?

— Нет, Томми, я послал бы тебе воды, даже если бы вокруг тебя не было ничего, кроме песчаника и гранита. Неужели ты думаешь, что я дал бы тебе умереть от жажды, если бы мог что-нибудь поделать? Но я ничего не могу. Взгляни.

Крэндолл повернул свой телефон.

Моррисон увидел, что стулья, стол, конторка, шкаф и сейф исчезли из конторы.

Остался только телефон.

— Не знаю, почему не забрали и телефон,— сказал Крэндолл.— Я должен за него за два месяца.

— Я тоже,— вставил Моррисон.

— Меня ободрали как липку,— сказал Крэндолл.— Ни гроша не осталось. Пойми, за себя я не волнуюсь. Я могу питаться и бесплатной похлебкой. Но я не могу телепортировать тебе ни капли воды. Ни тебе, ни Ремстаатеру.

— Джиму Ремстаатеру?

— Ага. Он шел по следам золота на севере, за Забытой речкой. На прошлой неделе у его пескохода сломалась ось, а поворачивать назад он не захотел. Вчера у него кончилась вода.

— Я бы поручился за него, если бы мог,— сказал Моррисон.

— И он поручился бы за тебя, если бы мог,— ответил Крэндолл.— Но он не может, и ты не можешь, и я не могу. Томми, у тебя осталась только одна надежда.

— Какая?

— Найди породу. Не просто признаки золота, а настоящее месторождение, которое стоило бы настоящих денег. Потом позвони мне. Если это будет в самом деле золотиносная порода, я приведу Уилкса из «Три-Плэнет Майнинг» и заставлю его дать нам аванс. Он, вероятно, потребует пятьдесят процентов.

— Но это же грабеж!

— Нет, просто цена кредита на Венере,— ответил Крэндолл.— Не беспокойся, все равно останется немало. Но сначала нужно найти породу.

— О'кей,— сказал Моррисон.— Она должна быть где-то здесь. Макс, какое сегодня число?

— Тридцать первое июля. А что?

— Просто так. Я позвоню тебе, когда что-нибудь найду.

Повесив трубку, Моррисон присел на камень и тупо уставился в песок. Тридцать первое июля. Завтра у него день рождения. О нем будут думать родные. Тетя Бесс в Пасадене, близнецы в Лаосе, дядя Тед в Дуранго. И, конечно, Джейни, которая ждет его в Тампа.

Моррисон понял, что, если он не найдет породу, завтрашний день рождения будет для него последним.

Он поднялся, снова упаковал телефон рядом с пустыми флягами и направился на юг.

Он шел не один. Птицы и звери пустыни шли за ним. Над головой без конца кружились молча черные коршуны. По сторонам, уже гораздо ближе, его сопровождали песчаные волки, высунув языки в ожидании, когда же он упадет замертво...

— Я еще жив! — заорал на них Моррисон.

Он выхватил револьвер и выстрелил в ближайшего волка. Расстояние было футов двадцать, но он промахнулся. Он встал на одно колено, взял револьвер в обе руки и выстрелил снова. Волк завизжал от боли. Стая немедленно набросилась на раненого, и коршуны устремились вниз за своей долей.

Моррисон сунул револьвер в кобуру и побрел дальше. Он знал, что его организм сильно обезвожен. Все вокруг прыгало и плясало перед глазами, и его шаги стали неверными. Он выбросил пустые фляги, выбросил все, кроме прибора для анализов, телефона и револьвера. Или он выйдет из этой пустыни победителем, или не выйдет вообще.

Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти настоящую жилу.

К вечеру он заметил неглубокую пещеру у подножья утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом вытащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.

Снаружи фыркали и шелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь настороже.

Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейни говорила ему:

— Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.

— Проклятье,— отвечал Моррисон.— Стоит только приручить рыбу, как она начинает привередничать.

— Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?

— Позвони ветеринару.

— Звонила. Он у Блейков, ухаживает за молочным китом.

— Ладно. Пойду посмотрю.

Он надел маску и, улыбаясь, сказал:

— Не успеешь обсохнуть, как уже приходится снова лезть в воду.

Его лицо и грудь были влажными.

Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле были мокры от пота. Пристально посмотрев на перегороженный вход в пещеру, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.

Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля, отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.

Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.

Он снова увидел сон; на этот раз ему приснился «Особый старательский». Он слышал рассказы о нем во всех маленьких салунах, окаймлявших Скорпионову

пустыню. Заросшие щетиной пожилые старатели рассказывали о нем сотню разных историй, а выдавшие виды бармены добавляли новые подробности. В восемьдесят девятом году его заказал Кэрк — большую порцию, специально для себя. Эдмондсон и Арслер отведали его в девяносто третьем. Это было несомненно. И другие заказывали его, сидя на своих драгоценных золотых жилах. По крайней мере так говорили.

Но существовал ли он на самом деле? Был ли вообще такой коктейль — «Особый старательский»? Доживет ли Моррисон до того, чтобы увидеть это радужное чудо, выше колокольни, больше дома, дороже, чем сама золотоносная порода?

Ну, конечно! Ведь он уже почти может его разглядеть...

Моррисон заставил себя очнуться. Наступило утро. Он с трудом выбрался из пещеры навстречу дню.

Он еле-еле полз к югу, за ним по пятам шли волки, на него ложились тени крылатых хищников. Он скреб пальцами камни и песок. Вокруг были обильные признаки золота. Верные признаки!

Но где же в этой заброшенной пустыне золотоносная порода?

Где? Ему было уже почти все равно. Он гнал вперед свое сожженное солнцем, высохшее тело, останавливаясь только для того, чтобы отпугнуть выстрелом подошедших слишком близко волков.

Осталось четыре пули.

Ему пришлось выстрелить еще раз, когда коршуны, которым надоело ждать, начали пикировать ему на голову. Удачный выстрел угодил прямо в стаю, свалив двух птиц. Волки начали грызться из-за них. Моррисон, уже ничего не видя, пополз вперед.

И упал с гребня невысокого утеса.

Падение было не опасным, но он выронил револьвер. Прежде чем он успел его найти, волки бросились на него. Только их жадность спасла Моррисона. Пока они дрались над ним, он откатился в сторону и подобрал револьвер. Два выстрела разогнали стаю. После этого у него осталась одна пуля. Придется приберечь ее для себя — он слишком устал, чтобы идти дальше.

Он упал на колени. Признаки золота здесь были еще богаче. Они были фантастически богатыми. Где-то совсем рядом...

— Черт возьми,— произнес Моррисон.

Небольшой овраг, куда он свалился, был сплошной золотой жилой.

Он поднял с земли камешек. Даже в необработанном виде камешек весь светился глубоким золотым блеском — внутри сверкали яркие красные и пурпурные точки.

«Проверь,— сказал себе Моррисон.— Не надо ложных тревог. Не надо миражей и обманутых надежд. Проверь».

Рукояткой револьвера он отколол кусочек камня. С виду это была золотиносная порода. Он достал свой набор для анализов и капнул на камень белым раствором. Раствор вспенился и зазеленел.

— Золотиносная порода, точно! — сказал Моррисон, окидывая взглядом сверкающие склоны оврага.— Эге, да я богач!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал номер Крэндолла.

— Макс! — заорал он.— Я нашел! Нашел настоящее месторождение!

— Меня зовут не Макс,— сказал голос по телефону.

— Что?

— Моя фамилия Бойярд,— сказал голос.

Экран засветился, и Моррисон увидел худого желтолицего человека с тонкими усиками.

— Извините, мистер Бойярд,— сказал Моррисон,— я, наверное, не туда попал. Я звонил...

— Это неважно, куда вы звонили,— сказал мистер Бойярд.— Я участковый контролер Телефонной компании Венеры. Вы задолжали за два месяца.

— Теперь я могу заплатить,— ухмыляясь, заявил Моррисон.

— Прекрасно,— ответил мистер Бойярд.— Как только вы это сделаете, ваш телефон снова будет включен.

Экран начал меркнуть.

— Подождите! — закричал Моррисон.— Я заплачу, как только доберусь до вашей конторы! Но сначала я должен один раз позвонить. Только один раз, чтобы...

— Ни в коем случае,— решительно ответил мистер Бойярд.— После того, как вы оплатите счет, ваш телефон будет немедленно включен.

— Но у меня деньги здесь! — сказал Моррисон.— Здесь, со мной.

Мистер Бойярд помолчал.

— Ладно, это не полагается, но я думаю, мы можем выслать вам специального робота-посыльного, если вы согласны оплатить расходы.

— Согласен!

— Хм... Это не полагается, но я думаю... Где деньги?

— Здесь,— ответил Моррисон.— Узнаете? Это золотоносная порода!

— Мне уже надоели эти фокусы, которые вы, старатели, вечно пытаетесь нам устроить. Показываете горсть камешков...

— Но это на самом деле золотоносная порода! Неужели вы не видите?

— Я деловой человек, а не ювелир,— ответил мистер Бойярд.— Я не могу отличить золотоносной породы от золототысячника.

Экран погас.

Моррисон лихорадочно пытался снова дозвониться до него. Телефон молчал — не слышно было даже гудения. Он был отключен.

Моррисон положил аппарат на землю и огляделся. Узкий овраг, куда он свалился, тянулся прямо ярдов на двадцать, потом сворачивал влево. На его крутых склонах не было видно ни одной пещеры, ни одного удобного места, где можно было бы устроить баррикаду.

Сзади послышался какой-то шорох. Обернувшись, он увидел, что на него бросается огромный старый волк. Не раздумывая ни секунды, Моррисон выхватил револьвер и выстрелил, разmozжив голову зверя.

— Черт возьми,— сказал Моррисон,— я хотел оставить эту пулю для себя.

Он получил отсрочку на несколько секунд и бросился вниз по оврагу в поисках выхода. Вокруг красными и пурпурными искрами сверкала золотоносная порода. А позади бежали волки.

Моррисон остановился. Излучина оврага привела его к глухой стене.

Он прислонился к ней спиной, держа револьвер за ствол. Волки остановились в пяти футах от него, собираясь в стаю для решительного броска. Их было десять или двенадцать, и в узком проходе они сгрудились в три ряда. Вверху кружились коршуны, ожидая своей очереди.

В этот момент Моррисон услышал потрескивание телепортировки. Над головами волков появился воздушный вихрь, и они торопливо попятились назад.

— Как раз вовремя,— сказал Моррисон.

— Вовремя для чего? — спросил Уильямс-4, почтальон.

Робот вылез из вихря и огляделся.

— Ну-ну, молодой человек,— произнес Уильямс-4,— ничего себе, доигрались! Разве я вас не предостерегал? Разве не советовал вернуться? Посмотрите-ка!

— Ты был совершенно прав,— сказал Моррисон.— Что мне прислал Макс Крэндолл?

— Макс Крэндолл ничего не прислал, да и не мог прислать.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что сегодня ваш день рождения,— ответил Уильямс-4.— У нас на почте в таких случаях всегда бывает специальная доставка. Вот вам.

Уильямс-4 протянул ему пачку писем — поздравления от Джейни, теток, дядей и двоюродных братьев с Земли.

— И еще кое-что,— сказал Уильямс-4, роясь в своей сумке.— Должно быть кое-что еще. Пойдите... Да, вот.

Он протянул Моррисону маленький пакет.

Моррисон поспешно сорвал обертку. Это был подарок от тети Мины из Нью-Джерси. Он открыл коробку. Там были соленые конфеты — прямо из Атлантик-Сити.

— Говорят, очень вкусно,— сказал Уильямс-4, глядевший через его плечо.— Но не очень уместно в данных обстоятельствах. Ну, молодой человек, очень жаль, что вам придется умереть в день своего рождения. Самое лучшее, что я могу вам пожелать,— это быстрой и безболезненной кончины.

Робот направился к вихрю.

— погоди! — крикнул Моррисон.— Не можешь же ты так меня бросить. Я уже много дней ничего не пил. А эти волки...

— Понимаю,— ответил Уильямс-4.— Поверьте, это не доставляет мне никакой радости. Даже у робота есть какие-то чувства.

— Тогда помоги мне!

— Не могу. Правила почтового ведомства это категорически запрещают. Я помню, в девяносто седьмом меня примерно о том же просил Эбнер Лэти. Его тело потом искали три года.

— Но у тебя есть аварийный телефон? — спросил Моррисон.

— Есть. Но я могу им пользоваться только в том случае, если со мной произойдет авария.

— Но ты хоть можешь отнести мое письмо? Срочное письмо?

— Конечно, могу,— ответил робот.— Я для этого и создан. Я даже могу одолжить вам карандаш и бумагу.

Моррисон взял карандаш и бумагу и попытался собраться с мыслями. Если он напишет срочное письмо Максу, тот получит его через несколько часов. Но сколько времени понадобится ему, чтобы сколотить немного денег и послать ему воду и боеприпасы? День, два? Придется что-нибудь придумать, чтобы продержаться...

— Я полагаю, у вас есть марка? — сказал робот.

— Нет,— ответил Моррисон.— Но я куплю ее у тебя.

— Прекрасно,— ответил робот.— Мы только что выпустили новую серию Венусбургских треугольных. Я считаю их большим эстетическим достижением. Они стоят по три доллара штука.

— Хорошо. Очень умеренная цена. Давай одну.

— Остается решить еще вопрос об оплате.

— Вот! — сказал Моррисон, протягивая роботу кусок золотоносной породы стоимостью тысяч в пять долларов. Почтальон осмотрел камень и протянул его обратно:

— Извините, но я могу принять только наличные.

— Но это стоит побольше, чем тысяча марок! — сказал Моррисон. — Это же золотиносная порода!

— Очень может быть, — ответил Уильямс-4, — но я не запрограммирован на пробирный анализ. И почта Венеры основана не на системе товарного обмена. Я вынужден попросить три доллара бумажками или монетами.

— У меня их нет.

— Очень жаль.

Уильямс-4 повернулся, чтобы уйти.

— Но ты же не можешь просто уйти и бросить меня на верную смерть!

— Не только могу, но и должен, — грустно сказал Уильямс-4. — Я всего лишь робот, мистер Моррисон. Я был создан людьми и, естественно, наделен некоторыми из их чувств. Так и должно быть. Но есть и предел моих возможностей, — по сути дела, такой предел есть и у большинства людей на этой суровой планете. И в отличие от людей я не могу переступить свой предел.

Робот полез в вихрь. Моррисон непонимающим взглядом смотрел на него. Он видел за ним нетерпеливую стаю волков. Он видел неяркое сверкание золотиносной породы стоимостью в несколько миллионов долларов, покрывавшей склоны оврага.

И тут что-то в нем надломилось.

С нечленораздельным воплем Моррисон бросился вперед и схватил робота за ноги. Уильямс-4, наполовину скрывшийся в вихре телепортировки, упирался, брыкался и почти стряхнул было Моррисона. Но тот вцепился в него, как безумный. Дюйм за дюймом он вытащил робота из вихря, швырнул на землю и придавил его своим телом.

— Вы нарушаете работу почты, — сказал Уильямс-4.

— Это еще не все, что я собираюсь нарушить,— про-
рычал Моррисон.— Смерти я не боюсь. Это была моя
ставка. Но будь я проклят, если намерен умереть через
пятнадцать минут после того, как разбогател!

— У вас нет выбора.

— Есть. Я воспользуюсь твоим аварийным телефо-
ном.

— Это невозможно,— ответил Уильямс-4.— Я его не
дам. А сами вы до него не доберетесь без помощи ме-
ханической мастерской.

— Возможно,— ответил Моррисон.— Я хочу попро-
бовать.

Он вытащил свой разряженный револьвер.

— Что вы хотите сделать? — спросил Уильямс-4.

— Хочу посмотреть, не смогу ли я превратить тебя
в металлолом без всякой механической мастерской. Ду-
маю, что будет логично начать с твоих зрительных
ячеек.

— Это действительно логично,— ответил робот.—
У меня, конечно, нет инстинкта самосохранения. Но по-
звольте заметить, что вы оставите без почтальона всю
Венеру. От вашего антиобщественного поступка многие
пострадают.

— Надеюсь,— сказал Моррисон, занося револьвер
над головой.

— Кроме того,— поспешно добавил робот,— вы унич-
тожите казенное имущество. Это серьезное преступле-
ние.

Моррисон засмеялся и взмахнул револьвером. Робот
сделал быстрое движение головой и избежал удара. Он
попробовал вывернуться, но Моррисон навалился ему
на грудь всеми своими двумястами фунтами.

— На этот раз я не промахнусь,— пообещал Морри-
сон, примериваясь снова,

— Стойте! — сказал Уильямс-4. — Мой долг — охранять казенное имущество, даже в том случае, когда этим имуществом оказываюсь я сам. Можете воспользоваться моим телефоном, мистер Моррисон. Имейте в виду, что это преступление карается заключением не более чем на десять и не менее чем на пять лет в исправительной колонии на Солнечных болотах.

— Давай телефон, — сказал Моррисон.

Грудь робота распахнулась, и оттуда выдвинулся маленький телефон. Моррисон набрал номер Макса Крэндолла и объяснил ему положение.

— Ясно, ясно, — сказал Крэндолл. — Ладно, попробую найти Уилкса. Но, Том, я не знаю, чего я смогу добиться. Рабочий день окончен. Все закрыто...

— Открой! — сказал Моррисон. — Я могу все оплатить. И выручи Джима Ремстаатера.

— Это не так просто. Ты еще не оформил права на заявку. Ты даже не доказал, что это месторождение действительно чего-то стоит.

— Смотри, — Моррисон повернул телефон так, чтобы Крэндоллу были видны сверкающие стены оврага.

— Похоже на правду, — заметил Крэндолл. — Но, к сожалению, не все то золотоносная порода, что блестит.

— Как же нам быть? — спросил Моррисон.

— Нужно делать все по порядку. Я телепортирую к тебе Общественного Маркшейдера. Он проверит твою заявку, определит размеры месторождения и выяснит, не закреплено ли оно за кем-нибудь другим. Дай ему с собой кусок золотоносной породы. Побольше.

— Как мне его отбить? У меня нет никаких инструментов.

— Ты уж придумай что-нибудь. Он возьмет кусок для анализа. Если порода достаточно богата, твое дело в шляпе.

— А если нет?

— Может, лучше нам об этом не говорить,— сказал Крэндолл.— Я займусь делом, Томми. Желаю удачи.

Моррисон повесил трубку, встал и помог подняться роботу.

— За двадцать три года службы,— произнес Уильямс-4,— впервые нашелся человек, который угрожал уничтожить казенного почтового служащего. Я должен доложить об этом полицейским властям в Венусборге, мистер Моррисон. Я не могу иначе.

— Знаю,— сказал Моррисон.— Но мне кажется, пять или даже десять лет в тюрьме — всё же лучше, чем умереть.

— Сомневаюсь. Я и туда, знаете, ношу почту. Вы сами увидите все месяцев через шесть.

— Как? — переспросил ошеломленный Моррисон.

— Месяцев через шесть, когда я закончу обход планеты и вернусь в Венусбург. О таком деле нужно докладывать лично. Но прежде всего нужно разнести почту.

— Спасибо, Уильямс. Не знаю, как мне...

— Я просто исполняю свой долг,— сказал робот, подходя к вихрю.— Если вы через шесть месяцев все еще будете на Венере, я принесу вам почту в тюрьму.

— Меня здесь не будет,— ответил Моррисон.— Прощайте, Уильямс.

Робот исчез в вихре.

Потом исчез и вихрь.

Моррисон остался один в сумерках Венеры.

Он разыскал выступ золотоносной породы чуть больше человеческой головы, ударил по нему рукояткой револьвера, и в воздухе заплескали мелкие искрящиеся осколки. Спустя час на револьвере появились четыре вмятины, а на блестящей поверхности породы — лишь несколько царапин.

Песчаные волки начали подкрадываться ближе. Моррисон швырнул в них несколько камней и закричал сухим, надтреснутым голосом. Волки отступили.

Он снова вгляделся в выступ и заметил у его основания трещину не толще волоса. Он начал колотить в этом месте. Но камень не поддавался.

Моррисон вытер пот со лба и собрался с мыслями. Клин, нужен клин...

Он снял ремень. Приставив к трещине край стальной пряжки, он ударами револьвера вогнал ее в трещину на какую-то долю дюйма. Еще три удара — и вся пряжка скрылась в трещине, еще удар — и выступ отделился от жилы. Отломавшийся кусок весил фунтов двадцать. При цене пятьдесят долларов за унцию этот обломок должен был стоить тысяч двенадцать долларов, если только золото будет такое же чистое, каким оно кажется.

Наступили темно-серые сумерки, когда появился телепортированный сюда Общественный Маркшейдер. Это был невысокий, приземистый робот, отделанный старомодным черным лаком.

— Добрый день, сэр, — сказал Маркшейдер. — Вы хотите сделать заявку? Обычную заявку на неограниченную добычу?

— Да, — ответил Моррисон.

— А где центр вашего участка?

— Что? Центр? По-моему, я на нем стою.

— Очень хорошо, — сказал робот.

Вытащив стальную рулетку, он быстро отошел от Моррисона на двести ярдов и остановился. Разматывая рулетку, робот ходил, прыгал и лазил по сторонам квадрата с Моррисоном в центре. Окончив обмер, он долго стоял неподвижно.

— Что ты делаешь? — спросил Моррисон.

— Глубинные фотографии участка,— ответил робот.— Довольно трудное дело при таком освещении. Вы не могли бы подождать до утра?

— Нет!

— Ладно, придется повозиться,— сказал робот.

Он переходил с места на место, останавливался, снова шел, снова останавливался. По мере того как сумерки сгущались, глубинные фотографии требовали все большей и большей экспозиции. Робот вспотел бы, если бы только был на это способен.

— Все,— сказал он наконец.— Кончено. Вы дадите мне с собой образец?

— Вот он,— сказал Моррисон, взвесив в руке обломок золотоносной породы и протягивая ее Маркшейдеру.— Все?

— Абсолютно все,— ответил робот.— Если не считать, конечно, того, что вы еще не предъявили мне Поисковый акт.

Моррисон растерянно заморгал.

— Чего не предъявил?

— Поисковый акт. Это официальный документ, свидетельствующий о том, что участок, на который вы претендуете, согласно правительственному постановлению, не содержит радиоактивных веществ в количествах, превышающих пятьдесят процентов общей массы до глубины в шестьдесят футов. Простая, но необходимая формальность.

— Я никогда о ней не слышал,— сказал Моррисон.

— Ее сделали обязательным условием на прошлой неделе,— объяснил съемщик.— У вас нет акта? Тогда, боюсь, ваша обычная неограниченная заявка недействительна.

— Что же мне делать?

— Вы можете вместо нее оформить специальную

ограниченную заявку,— сказал робот.— Поискового акта для нее не требуется.

— А что это значит?

— Это значит, что через пятьсот лет все права переходят к правительству Венеры.

— Ладно! — заорал Моррисон.— Хорошо! Прекрасно! Это все?

— Абсолютно все,— ответил Маркшейдер.— Я захвачу этот образец с собой и отдам его на срочный анализ и оценку. По нему и по глубинным фотографиям мы сможем вычислить стоимость вашего участка.

— Пришлите мне что-нибудь отбиваться от волков,— сказал Моррисон.— И еды. И послушайте, я хочу «Особый старательский».

— Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.

Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отступали. Разинув пасти, высунув языки, они проползли остававшиеся несколько ярдов.

Вдруг волк, ползший впереди всех, взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.

Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью «Гранаты. Обращаться осторожно», потом еще один ящик с надписью «Пустынный рацион К».

Моррисон ждал, вглядываясь в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился в четверти мили от него. Из вихря показалось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, про-

пуская еще большую медную выпуклость. Днище уже стояло на песке, а выпуклость все росла. Когда наконец она показалась вся, в безбрежной пустыне возвышалась гигантская вычурная медная чаша для пунша. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Запекшееся горло саднило. Из вихря показалась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двигался.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех коршунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней. «Попросить бы мне флягу»,— говорил он себе, мучимый страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше. Вот наконец перед ним стоял «Особый старательский» — выше колокольни, больше дома, наполненный водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернул кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

«Надо было еще заказать чашку или стакан»,— подумал Моррисон, лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

ТРИ СМЕРТИ БЕНА БАНСТЕРА

Судьба целого мира зависела от того, будет или не будет он жить, а он, невзирая ни на что, решил уйти из жизни!

Эдвин Джеймс, Главный программист Земли, сидел на трехногом табурете перед Вычислителем возможностей. Это был щедушный человечек с причудливо некрасивым лицом. Большая контрольная доска, витавшая над его головой на высоте нескольких сот футов, и во все пригнетала его к земле.

Мерное гудение машины и неторопливый танец огоньков на панели навевали чувство уверенности и спокойствия, и, хоть Джеймс знал, как оно обманчиво, он невольно поддался его баюкающему действию. Но едва он забылся, как огоньки на панели образовали новый узор.

Джеймс рывком выпрямился и растер лицо. Из прези в панели выползала бумажная лента. Главный программист оборвал ее и впился в нее глазами. Потом хмуро покачал головой и заспешил вон из комнаты.

Пятнадцать минут спустя он входил в конференц-зал Всемирного планирующего совета. Там его уже ждали, рассевшись вокруг длинного стола, пять представителей федеративных округов Земли, приглашенные на экстренное заседание.

В этом году появился у них новый коллега — Роджер Битти от обеих Америк. Высокий угловатый мужчина с пышной каштановой шевелюрой, уже слегка редющей на макушке, видно, еще чувствовал себя здесь не по себе. Он с серьезным и сосредоточенным видом уткнулся в «Руководство по процедуре» и быстрыми короткими движениями нет-нет, да и прикладывал к своей кислородной подушке.

Остальные члены совета были старые знакомые Джеймса. Лан Ил от Пан-Азии, маленький, морщинистый и какой-то неистребимо живучий, с азартом говорил что-то рослому белокурому доктору Свегу от Европы. Прелестная, холеная мисс Чандрагор, как всегда, сражалась в шахматы с Аауи от Океании.

Джеймс включил встроенный в стену кислородный прибор, и собравшиеся с благодарностью отложили свои подушки.

— Простите, что заставил вас ждать,— сказал Джеймс,— я только сейчас получил последний прогноз.

Он вытащил из кармана записную книжку.

— На прошлом заседании мы остановили свой выбор на Возможной линии развития ЗБЗСС, отправляющейся от 1832 года. Нас интересовала жизнь Альберта Левинского. В Главной исторической линии Левинский умирает в 1935 году, попав в автомобильную катастрофу. Но поскольку мы переключились на Возможную линию ЗБЗСС, Левинский избежал катастрофы, дожил до шестидесяти двух лет и успешно завершил свою миссию. Следствием этого в наше время явится заселение Антарктики.

— А как насчет побочных следствий? — спросила Джанна Чандрагор.

— Они изложены в записке, которую я раздам вам позднее. Короче говоря, ЗБЗСС близко соприкасается

с Исторической магистралью (условное, рабочее название). Все значительные события в ней сохранены. Но есть, конечно, и факты, не предусмотренные прогнозом. Такие, как открытие нефтяного месторождения в Патагонии, эпидемия гриппа в Канзасе и загрязнение атмосферы над Мексико-сити.

— Все ли пострадавшие удовлетворены? — поинтересовался Лан Ил.

— Да. Уже приступили к колонизации Антарктики.

Главный программист развернул ленту, которую извлек из Вычислителя возможностей.

— Но сейчас перед нами трудная задача. Согласно предсказанию, Историческая магистраль сулит нам большие осложнения, и у нас нет подходящих Возможных линий, на которые мы могли бы переключиться.

Члены совета начали перешептываться.

— Разрешите обрисовать вам положение, — сказал Джеймс. Он подошел к стене и спустил вниз длинную карту. — Критический момент приходится на 12 апреля 1959 года, и вопрос упирается в человека по имени Бен Бакстер. Итак, вот каковы обстоятельства.

Всякое событие по самой своей природе может кончиться по-разному, и любой его исход имеет свою преемственность в истории. В иных пространственно-временных мирах Испания могла бы потерпеть поражение при Лепанто, Нормандия — при Гастингсе, Англия — при Ватерлоо.

Предположим, что Испания потерпела поражение при Лепанто...

Испания была разбита наголову. И непобедимая турецкая морская держава очистила Средиземное море от европейских судов. Десять лет спустя турецкий флот захватил Неаполь и этим проложил путь мавританскому вторжению в Австрию...

Разумеется, все в другом времени и пространстве.

Подобные умозрительные построения стали реальной возможностью после открытия временной селекции и соответственных перемещений в истории. Уже в 2103 году Освальд Мейнер и его группа теоретически доказали возможность переключения Исторической магистральной на другие Возможные исторические линии. Конечно, в известных пределах.

Например, мы не можем переключиться на далекое прошлое и сделать так, чтобы, скажем, Вильгельм Норманнский проиграл битву при Гастингсе. Историческое развитие после этого события пошло бы по совершенно иному пути, для нас неприемлемому. Переключение возможно только на смежные линии.

Эта теоретическая возможность стала практической необходимостью в 2213 году, когда вычислитель Сайкса-Рэйберна предсказал полную стерилизацию земной атмосферы в результате накопления радиоактивных побочных продуктов. Процесс этот был неизбежен и необратим. Его можно было остановить только в прошлом, когда началось загрязнение атмосферы.

Первое переключение было произведено с помощью новоизобретенного селектора Адамса — Хольта — Мартенса. Всемирный планирующий совет избрал линию, предусматривающую раннюю смерть Василия Ушенко (а также полный отказ от его ошибочных теорий о вредности радиации). Таким образом удалось в большой мере избежать последующего загрязнения атмосферы — правда, ценой жизни семидесяти трех потомков Ушенко, для которых не удалось подыскать переключенных родителей в смежном историческом ряду. После этого путь назад был уже невозможен. Переключение стало такой же необходимостью, как профилактика в медицине.

Но и у переключения были свои границы. Должно было наступить время, когда ни одна доступная линия уже не удовлетворяла требованиям, когда всякое будущее становилось неблагоприятным.

И, когда это случилось, планирующий совет перешел к более решительным действиям.

— Так вот что нас ожидает,— продолжал Эдвин Джеймс.— И этот исход неизбежен, если мы ничего не предпримем.

— Вы хотите сказать, мистер программист,— отозвался Лан Ил,— что Земля плохо кончит?

— К сожалению, это так.

Программист налил себе воды и перевернул страницу в записной книжке.

— Итак, исходный объект — некто Бен Бакстер, умерший 12 апреля 1959 года. Ему следовало бы прожить по крайней мере еще десяток лет, чтобы оказать необходимое воздействие на события в мире. За это время Бен Бакстер купит у правительства Йеллоустонский парк. Он сохранит его как парк, с той разницей, что заведет там правильное лесное хозяйство. Коммерчески это предприятие блестяще себя оправдывает. Бакстер приобретет и другие обширные земельные владения в Северной и Южной Америке. Наследники Бакстера на ближайшие двести лет станут королями древесины, им будут принадлежать огромные лесные массивы по всему земному шару. Их стараниями — вплоть до нашего времени — сохранятся на земле большие лесные районы. Если же Бакстер умрет...

И Джеймс безнадежно махнул рукой.

— Со смертью Бакстера леса будут истреблены задолго до того, как правительства осознают, что отсюда

воспоследует. А потом наступит Великая засуха ...03 года, которой не смогут противостоять еще сохранившиеся в мире скудные лесные зоны. И, наконец, придет наше время, когда в связи с истреблением деревьев естественный цикл углерод — углекислый газ — кислород нарушен, когда все окислительные процессы прекратились и нам остаются только кислородные подушки как единственное средство сохранения жизни.

— Мы опять сажаем леса,— вставил Аауи.

— Да, но, пока они вырастут, пройдут сотни лет, даже если применять стимуляторы. А тем временем равновесие может быть еще больше нарушено. Вот что значит для нас Бен Бакстер. В его руках воздух, которым мы дышим.

— Что ж,— заметил доктор Свег,— магистраль, в которой Бакстер умирает, явно не годится. Но ведь возможны и другие линии развития.

— Их много,— ответил Джеймс.— Но, как всегда, большинство отпадает. Вместе с Главной у нас остаются на выбор три. К сожалению, каждая из них предусматривает смерть Бена Бакстера 12 апреля 1959 года.

Программист вытер взмокший лоб.

— Говоря точнее, *Бен Бакстер умирает 12 апреля 1959 года, во второй половине дня, в результате делового свидания с человеком по имени Нед Бринн.*

Роджер Битти, новый член совета, нервно откашлялся.

— И это событие встречается во всех трех вариантах?

— Вот именно! И в каждом Бакстер умирает по вине Бринна.

Доктор Свег тяжело поднялся с места. До сих пор совет не вмешивался в существующие линии развития. Но данный случай требует вмешательства!

Члены совета одобрительно закивали.

— Давайте же рассмотрим вопрос по существу,— предложил Аауи.— Нельзя ли, поскольку этого требуют интересы Земли, совсем выключить Неда Бринна?

— Невозможно,— отвечал программист.— Бринн и сам играет важную роль в будущем. Он добился на бирже преимущественного права на приобретение чуть ли не ста квадратных миль леса. Но для этого ему и требуется финансовая поддержка Бакстера. Вот если бы можно было помешать этой встрече Бринна с Бакстером...

— Каким же образом? — спросил Битти.

— А уж как вам будет угодно. Угрозы, убеждение, подкуп, похищение — любое средство, исключая убийство. В нашем распоряжении три мира. Сумей мы задержать Бринна хотя бы в одном из них, это решило бы задачу.

— Какой же метод предпочтительнее? — спросил Аауи.

— Давайте испробуем разные, в каждом мире другой,— предложила мисс Чандрагор.— Это даст нам больше шансов. Но кто же займется этим — мы сами?

— Что ж, нам и книги в руки,— ответил Эдвин Джеймс.— Мы знаем, что поставлено на карту. Тут требуется искусство маневрирования, доступное только политику. Каждая бригада будет действовать самостоятельно. Да и можно ли контролировать друг друга, находясь в разных временных рядах?

— В таком случае,— подытожил доктор Свег,— пусть каждая бригада исходит из того, что другие потерпели поражение.

— Да так оно, пожалуй, и будет,— невесело улыбнулся Джеймс.— Давайте же делиться на бригады и договариваться о методах работы.

Утром 12 апреля 1959 года Недд Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде сквозила почти фанатическая гордость, а крепко стиснутые губы выдавали непроходимое упрямство. В движениях проглядывала уверенность человека, постоянно наблюдающего за собой и умеющего видеть себя со стороны.

Бринн уже собрался к выходу. Он зажал под мышкой трость и сунул в карман «Американских пэров» Сомерсета. Никогда не выходил он из дому без этого надежного провожатого.

Напоследок он приколот к отвороту пиджака золотой значок в виде восходящего солнца — эмблему его звания. Бринн был уже камергер второго разряда и немало этим гордился. Многие считали, что он еще молод для такого высокого поста. Однако все соглашались в том, что Бринн не по возрасту ревниво относится к правам и обязанностям своего положения.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве — простые обыватели, но среди прочих также и два шталмейстера. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

— Славный денек, *камергер*, — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм, как и подобает в разговоре с простолудином. Он неотступно ду-

мал о Бакстере. И все же краешком глаза приметил в клетке лифта высокого, ладно скроенного мужчину с золотистой кожей и характерным лицом полинезийца, что подтверждали и наискось поставленные глаза. Бринн еще подивился, что могло привести чужестранца в их прозаический многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по ежедневным встречам, но, конечно, не узнавал ввиду их скромного положения.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о полинезийце. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать в кафе «Принц Чарльз».

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Ну-с, что скажете? — спросил Аауи.

— Похоже, с ним каши не сваришь! — сказал Роджер Битти. Он дышал всей грудью, наслаждаясь свежим, чистым воздухом. Какая неслыханная роскошь — наглотаться кислорода! В их время даже у самых богатых закрывали на ночь кран кислородного баллона.

Оба следовали за Бринном на расстоянии полуквартиры. Его высокая, энергично вышагивающая фигура была хорошо заметна даже в утренней нью-йоркской толчее.

— Заметили, как он уставился на вас в лифте? — спросил Битти.

— Заметил, — ухмыльнулся Аауи. — Думаете, чувствует сердце?

— Насчет его чуткости не поручусь. Жаль, что времени у нас в обрез.

Аауи пожал плечами.

— Это был наиболее удобный вариант. Другой приходился на одиннадцать лет раньше. И мы все равно дожидались бы этого дня, чтобы перейти к прямым действиям.

— По крайней мере узнали бы, что он за птица. Такого, пожалуй, не запугаешь.

— Похоже, что так. Но ведь мы сами избрали этот метод.

Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним, а он идет вперед, не глядя ни вправо, ни влево. И тут-то и началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка; пурпурный с серебром медальон крестоносца первого ранга украшал его грудь.

— Куда лезете, не разбирая дороги? — пролаял крестоносец.

Бринн уже видел, с кем имеет дело. Проглотив оскорбление, он сказал:

— Простите, сэр!

Но крестоносец не склонен был прощать.

— Взяли моду соваться под ноги старшим!

— Я нечаянно, — сказал Бринн, побагровев от сдерживаемой злобы. Вокруг них собралось простонародье. Окружив плотным кольцом обоих разодетых джентльменов, зрители подталкивали друг друга и посмеивались с довольным видом.

— Советую другой раз смотреть по сторонам! — надсаживался толстяк крестоносец. — Шатается по улицам как помешанный. Вашу бранию надо еще не так учить вежливости.

— Сэр! — отвечивал Бринн, храня судорожное спокойствие. — Если вам угодно меня проучить, я с удовольствием встречу с вами в любом месте, с лю-

бым оружием в руках, какое вы сообразовали выбрать...

— Мне? Встретиться с вами? — Казалось, крестоносец ушам своим не верит.

— Мой ранг позволяет это, сэр!

— Ваш ранг? Да вы на пять разрядов ниже меня, дубина! Молчать, а не то я прикажу своим слугам — они тоже не вам чета — пусть поучат вас вежливости. А теперь прочь с дороги!

И крестоносец, оттолкнув Бринна, горделиво прошествовал дальше.

— Трус! — бросил ему вслед Бринн; лицо у него пошло красными пятнами. Но он сказал это тихо, как отметил кто-то в толпе. Зажав в руке трость, Бринн повернулся к смельчаку, но толпа уже расходилась, посмеиваясь.

— Разве здесь еще разрешены поединки? — удивился Битти.

— А как же! — кивнул Аауи. — Они ссылаются на прецедент 1804 года, когда Аарон Бэрр убил на дуэли Александра Гамильтона.

— Пора приниматься за дело! — напомнил Битти. — Вот только обидно, что мы плохо снаряжены.

— Мы взяли с собой все, что могли захватить. Придется этим ограничиться.

В кафе «Принц Чарльз» Бринн сел за один из дальних столиков. У него дрожали руки; усилием воли он унял дрожь. Будь он проклят, этот крестоносец первого ранга! Чванный задира и хвастун! От дуэли он, конечно, уклонился. Спрятался за преимущества своего звания.

В душе у Бринна нарастал гнев, зловещий, черный.

Убить бы этого человека и плевать на все последствия! Плевать на весь свет! Он никому не позволит над собой издеваться...

Спокойнее, говорил он себе. После драки кулаками не машут. Надо думать о Бене Бакстере и о предстоящем важнейшем свидании. Справившись с часами, он увидел, что скоро одиннадцать. Через два с половиной часа он должен быть в конторе у Бакстера и...

— Чего изволите, сэр? — спросил официант.

— Горячего шоколаду, тостов и яйца пашот.

— Не угодно ли картофеля фри?

— Если бы мне нужен был ваш картофель, я бы так и сказал! — напустился на него Бринн.

Официант побледнел, сглотнул и, прошептав: «Да, сэр, простите, сэр!», поспешил убраться.

Этого еще не хватало, подумал Бринн. Я уже и на прислугу кричу. Надо взять себя в руки.

— *Нед Бринн!*

Бринн вздрогнул и огляделся. Он ясно слышал, как кто-то шепотом произнес его имя. Но рядом на расстоянии двадцати футов никого не было видно.

— *Бринн!*

— Это еще что? — недовольно буркнул Бринн. — Кто со мной говорит?

— *Ты нервничаешь, Бринн, ты не владеешь собой. Тебе необходим отдых и перемена обстановки.*

Бринн побледнел под загаром и внимательно огляделся. В кафе почти никого не было. Только три пожилые дамы сидели ближе к выходу, да двое мужчин за ними были, видно, заняты серьезным разговором.

— *Ступай домой, Бринн, и отдохни как следует. Выключись, пока есть возможность.*

— У меня важное деловое свидание, — отвечал Бринн дрожащим голосом.

— *Дела важнее душевного здоровья?* — иронически спросил голос.

— Кто со мной говорит?

— *С чего ты взял, что кто-то с тобой говорит?*

— Неужто я говорю сам с собой?

— *А это тебе видней!*

— Ваш заказ, сэр! — подлетел к нему официант.

— Что? — заорал на него Бринн.

Официант испуганно отпрянул. Часть шоколаду пролилась на блюдец.

— Сэр? — спросил он срывающимся голосом.

— Что вы тут шмыгаете, болван!

Официант вытаращил глаза на Бринна, поставил поднос и убежал. Бринн подозрительно поглядел ему вслед.

— *Ты не в таком состоянии, чтобы с кем-то встречаться,* — настаивал голос. — *Ступай домой, прими что-нибудь, постарайся уснуть и прийти в себя.*

— Но что случилось, почему?

— *Твой рассудок в опасности! Голос, который ты слышишь, — последняя судорожная попытка твоего разума сохранить равновесие. Это серьезное остережение, Бринн! Прислушайся к нему!*

— Неправда! — воскликнул Бринн. — Я здоров! Я совершенно...

— Прошу прощения, — раздался голос у самого его плеча.

Бринн вскинулся, готовый дать отпор этой новой попытке нарушить его уединение. Над ним навис синий полицейский мундир. На плечах белели эполеты лейтенанта-нобиля.

Бринн проглотил подступивший к горлу комок.

— Что-нибудь случилось, лейтенант?

— Сэр, официант и хозяин кафе уверяют, что вы говорите сами с собой и угрожаете насилием.

— Чушь какая! — огрызнулся Бринн.

— *Это верно! Верно! Ты сходишь с ума!* — взвизгнул у него в голове голос.

Бринн уставился на грузную фигуру полицейского: он, конечно, тоже слышал голос. Но лейтенант-нобилль, должно быть, ничего не слышал. Он все так же строго взирал на Бринна.

— Враки! — сказал Бринн, уверенно отвергая показания какого-то лакея.

— Но я сам слышал! — возразил лейтенант-нобилль.

— Видите ли, сэр, в чем дело, — начал Бринн, осторожно подыскивая слова. — Я действительно...

— *Пошли его к черту, Бринн!* — завопил голос. — *Какое право он имеет тебя допрашивать! Двинь ему в зубы! Дай как следует! Убей его! Сотри в порошок!*

А Бринн продолжал, перекрывая этот галдеж в голове:

— Я действительно говорил сам с собой, лейтенант! У меня, видите ли, привычка думать вслух. Я таким образом лучше привожу свои мысли в порядок.

Лейтенант-нобилль слегка кивнул.

— Но вы угрожали насилием, сэр, без всякого повода!

— Без повода? А разве холодные яйца не повод, сэр? А подмоченные тосты и пролитый шоколад не повод, сэр?

— Яйца были горячие, — отозвался с безопасного расстояния официант.

— А я говорю — холодные, и дело с концом! Не заставляйте же вы меня спорить с лакеем!

— Вы абсолютно правы! — подтвердил лейтенант-нобилль, кивая на сей раз в полную силу. — Но я бы

попросил вас, сэр, немного унять свой гнев, хоть вы и абсолютно правы. Чего можно ждать от простонародья?

— Еще бы! — согласился Бринн. — Кстати, сэр, я вижу пурпурную оторочку на ваших эполетах. Уж не в родстве ли вы с О'Доннелом из Лосиной Сторожки?

— Как же! Мой третий кузен по материнской линии. — Теперь лейтенант-нобилъ увидел восходящее солнце на груди у Бринна. — Кстати, мой сын стажирует в юридической корпорации «Чемберлен-Холлс». Высокий малый, его зовут Кэллехен.

— Я запомню это имя, — обещал Бринн.

— Яйца были горячие! — не унимался официант.

— С джентльменом лучше не спорить! — оборвал его офицер. — Это может вам дорого обойтись. Всего наилучшего, сэр! — Лейтенант-нобилъ козырнул Бринну и удалился.

Уплатив по счету, Бринн последовал за ним. Он, правда, оставил официанту щедрые чаевые, но про себя решил, что ноги его больше не будет в кафе «Принц Чарльз».

— Вот пройдоха! — с досадой воскликнул Аауи, пряча в карман свой крохотный микрофон. — А я было думал, что мы его прищучили.

— И прищучили б, когда бы он хоть немного сомневался в своем разуме. Что ж, перейдем к более решительным действиям. Снаряжение при вас?

Аауи вытащил из кармана две пары медных наручников и одну из них передал Битти.

— Смотрите не потеряйте! — предупредил он. — Мы обещали вернуть их в Музей археологии.

— Совершенно верно! А что, пройдет сюда кулак? Да, да, вижу!

Они уплатили по счету и двинулись дальше.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, уверенно и прочно покоящихся на своих стапелях, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним происходит.

Эти голоса, звучащие в голове...

Может быть, он и в самом деле утратил власть над собой? Один из его дядей с материнской стороны провел последние годы в специальном санатории. Пресенильный психоз... Уж не действуют ли и в нем какие-то скрытые разрушительные силы?

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант. Надпись на носу гласила: «Тезей».

Куда эта махина держит путь? Возможно, что в Италию. И Бринн представил себе лазурное небо, щедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже грозит его рассудку — он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он человек обеспеченный. Дело его само о себе позаботится. Что мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что *ничто* этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое предприятие, то хватит и на то, чтобы от

него отказаться, сбросить все с плеч и уехать не оглядываясь.

К черту Бакстера, говорил он себе.

Душевное здоровье — вот что всего важнее! Он сядет на пароход сейчас же, сию минуту, а с дороги pošлет компаньонам телеграмму, где им все...

По пустынной улице приближались к нему двое прохожих. Одного он узнал по золотисто-смуглой коже и характерным чертам полинезийца.

— Мистер Бринн? — обратился к нему другой, мускулистый мужчина с копной рыжеватых волос.

— Что вам угодно? — спросил Бринн.

Но тут полинезиец без предупреждения обхватил его обеими руками, пригвоздив к месту, а рыжеволосый сбоку огрел кулаком, в котором поблескивало что-то металлическое. Вздвинченные нервы Бринна реагировали с молниеносной быстротой. Недаром во время Второго мирового крестового похода он служил в неистовых рыцарях. Еще и теперь, много лет спустя, у него безошибочно действовали рефлексy. Уклонившись от удара рыжеволосого, он сам двинул полинезийцу локтем в живот. Тот охнул и на какую-то секунду ослабил захват. Бринн воспользовался этим, чтобы вырваться.

Он наотмашь ударил полинезийца тыльной стороной руки и попал в гортанный нерв. Полинезиец задохнулся и упал как подкошенный. В ту же секунду рыжеволосый навалился на Бринна и стал молотить медным кастетом. Бринн лягнул его, промахнулся — и заработал сильный удар в солнечное сплетение. У Бринна перехватило дыхание, в глазах потемнело. И сразу же на него обрушился новый удар, пославший его на землю

почти в бессознательном состоянии. Но тут противник допустил ошибку.

Рыжеволосый хотел с силой наподдать ему ногой, но плохо рассчитал удар. Воспользовавшись этим, Бринн схватил его за ногу и рванул. Потеряв равновесие, рыжеволосый рухнул на мостовую и треснулся затылком.

Бринн кое-как поднялся, переводя дыхание. Полинезец лежал навзничь с посиневшим лицом, делая руками и ногами слабые плавательные движения. Его товарищ валялся замертво, с волос его капала кровь.

Следовало бы сообщить в полицию, мелькнуло в уме у Бринна. А вдруг он прикончил рыжеволосого! Это даже в самом благоприятном случае — непредумышленное убийство. Да еще лейтенант-нобилъ доложит о его странном поведении.

Бринн огляделся. Никто не видел их драки. Пусть его противники, если сочтут нужным, заявят в полицию.

Все как будто становилось на место. Пару эту, конечно, подослали конкуренты, они не прочь перебить у него сделку с Бакстером. Таинственные голоса — тоже какой-то их фокус.

Зато уж теперь им не остановить его. Все еще задыхаясь на ходу, Бринн помчался в контору Бакстера. Он уже не думал о поездке в Италию.

— Живы? — раздался откуда-то сверху знакомый голос.

Битти медленно приходил в сознание. На какое-то мгновение он испугался за голову, но, слегка до нее дотронувшись, успокоился: покамест — цела.

— Чем это он меня стукнул?

— Похоже, что мостовой, — ответил Аауи. — К сожа-

лению, я был беспомощен. Со мной он расправился на заре событий.

Битти присел и схватился за голову; она невыносимо болела.

— Ну и вояка! Призовой боец!

— Мы его недооценили, — сказал Аауи. — У него чувствуется выучка. Ну как, ноги вас еще носят?

— Пожалуй, что да, — отвечал Битти, поднимаясь с земли. — А ведь, наверно, уже поздно?

— Да, без малого час. Свидание назначено на час тридцать. Авось, удастся расстроить его в конторе у Бакстера.

Не прошло и пяти минут, как они схватили такси и на полной скорости примчались к внушительному зданию.

Хорошенькая молодая секретарша уставилась на них с открытым ртом. Сидя в такси, они немного пообчистились, но все еще выглядели весьма неавантжно. У Битти голова была кое-как перевязана платком; лицо полинезийца приобрело зеленоватый оттенок.

— Что вам угодно? — спросила секретарша.

— Сегодня в час тридцать у мистера Бакстера деловое свидание с мистером Бринном, — начал Аауи самым своим официальным тоном.

— Да-а-а...

Стенные часы показывали час семнадцать...

— Нам необходимо повидать мистера Бринна еще до этой встречи. Если не возражаете, мы подождем его здесь.

— Сделайте одолжение! Но мистер Бринн уже в кабинете.

— Вот как? А ведь половины второго еще нет!

— Мистер Бринн приехал заблаговременно. И мистер Бакстер принял его раньше.

— У меня срочный разговор, — настаивал Аауи.

— Приказано не мешать. — Вид у девушки был испуганный, и она уже потянулась к кнопке на столе.

Собирается звать на помощь, догадался Аауи. Такой человек, как Бакстер, разумеется, шагу не ступит без охраны. Встреча уже состоялась, не лезть же напролом. Быть может, предпринятые ими шаги изменили ход событий. Быть может, Бринн вошел в кабинет к Бакстеру уже другим человеком; утренние приключения не могли пройти для него бесследно.

— Не беспокойтесь, — сказал он секретарше, — мы подождем его здесь.

Бен Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и плешивой как колено головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин — эмблемой палаты лордов Уолл-стрита.

Бринн добрых полчаса излагал свое предложение; он усеял бумагами письменный стол Бакстера, он сыпал цифровыми данными, ссылаясь на господствующие тенденции, намечал перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова Бакстера.

— Гм-м-м, — промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, голова была точно свинцом налита, желудок свело спазмой. Вот что значит отвыкнуть от драки. И все же он надеялся кое-как дотерпеть.

— Ваши условия граничат с нелепостью, — сказал Бакстер.

— Сэр?..

— Я сказал — с нелепостью! Вы что, туги на ухо, мистер Бринн?

— Отнюдь нет, — ответил мистер Бринн.

— Тем лучше! Ваши условия были бы уместны, если бы мы говорили на равных. Но это не тот случай, мистер Бринн! И, когда фирма, подобная вашей, ставит такие условия «Предприятиям Бакстера», это звучит по меньшей мере нелепо.

Бринн прищурился. Бакстера недаром считают чемпионом ближнего боя. Это не личное оскорбление, внушал он себе. Обычный деловой маневр, он и сам к нему прибегает. Вот как на это надо смотреть!

— Разрешите вам напомнить, — возразил Бринн, — о ключевом положении упомянутой лесной территории. При достаточном финансировании мы могли бы почти неограниченно ее расширить, не говоря уже...

— Мечты, надежды, посулы, — вздохнул Бакстер. — Может, идея чего-то и стоит, но вы не сумели подать ее как следует.

Разговор чисто деловой, успокаивал себя Бринн. Он не прочь меня субсидировать, по всему видно. Я и сам предполагал пойти на уступки. Все идет нормально. Просто он торгуется, сбивает цену. Ничего личного...

Но Бринну очень уж досталось. Краснолицый крестноносец, таинственный голос в кафе, мимолетная мечта о свободе, драка с двумя прохожими... Он чувствовал, что сыт по горло...

— Я жду от вас, мистер Бринн, более разумного предложения. Такого, которое бы соответствовало скромному, я бы даже сказал, подчиненному положению вашей фирмы.

Зондирует почву, говорил себе Бринн. Но терпение его лопнуло. Бакстер не выше его по рождению! Как он смеет с ним так обращаться!

— Сэр! — пролепетал он помертвевшими губами. — Это звучит оскорбительно.

— Что? — отозвался Бакстер, и в его холодных глазах почудилась Бринну усмешка. — Что звучит оскорбительно?

— Ваше заявление, сэр, да и вообще ваш тон. Предлагаю вам извиниться!

Бринн вскочил и ждал, застыв в деревянной позе. Голова нечеловечески трещала, спазм в желудке не отпускал.

— Не понимаю, почему я должен просить извинения, — возразил Бакстер. — Не вижу смысла связываться с человеком, который не способен отделить личное от делового.

Он прав, думал Бринн. Это мне надо просить извинения. Но он уже не мог остановиться и очертя голову продолжал:

— Я вас предупредил, сэр! Просите извинения!

— Так нам не столковаться, — сказал Бакстер. — А ведь, по чести говоря, мистер Бринн, я рассчитывал войти с вами в дело. Хотите, я постараюсь говорить разумно — постарайтесь и вы отвечать разумно. Не требуйте от меня извинений, и продолжим наш разговор.

— Не могу! — сказал Бринн, всей душой жалея, что не может. — Просите извинения, сэр!

Небольшой, но крепко сбитый, Бакстер поднялся и вышел из-за стола. Лицо его потемнело от гнева.

— Пошел вон, наглый щенок! Убирайся подобру-поздорову, пока тебя не вывели, ты, взбесившийся осел! Вон отсюда!

Бринн готов был просить прощения, но вспомнил: красный крестоносец, официант и те два разбойника... Что-то в нем захлопнулось. Он выбросил вперед руку и нанес удар, подкрепив его всей тяжестью своего тела.

Удар пришелся по шее и притиснул Бакстера к столу. Глаза у него потускнели, и он медленно сполз вниз.

— Прошу прощения! — крикнул Бринн. — Мне страшно жаль! Прошу прощения!

Он упал на колени рядом с Бакстером.

— Ну как, пришли в себя, сэр? Мне страшно жаль! Прошу прощения...

Какой-то частью сознания, не утратившей способности рассуждать, он говорил себе, что впал в неразрешимое противоречие. Потребность в действии была в нем так же сильна, как потребность просить прощения. Вот он и разрешил дилемму, попытавшись сделать и то и другое, как бывает в сумятице душевного разлада: ударил, а затем попросил прощения.

— Мистер Бакстер! — окликнул он в испуге.

Лицо Бакстера налилось синевой, из уголка рта сочилась кровь. И тут Бринн заметил, что голова лежит под необычным углом к туловищу.

— О-о-ох... — только и выдохнул Бринн.

Прослужив три года в неистовых рыцарях, он не впервой видел сломанную шею.

II

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде чувствовалась сердечная доброта, а выразительный рот гово-

рил о несокрушимом благочестии. Он двигался легко и свободно, как человек чистой души, не привыкший размышлять над своими поступками.

Бринн уже собрался к выходу. Он зажал под мышкой молитвенный посох и сунул в карман «Руководство к праведной жизни» Норстеда. Никогда не выходил он из дому без этого надежного провожатого.

Напоследок он приколот к отвороту пиджака серебряный значок в виде серпа луны — эмблему его сана. Бринн был посвящен в сан аскета второй степени западнобуддистской конгрегации, и это даже вселяло в него известную гордость, конечно, сдержанную гордость, дозволительную аскету. Многие считали, что он еще молод для звания мирского священника, однако все соглашались в том, что Бринн не по возрасту ревностно блюдет права и обязанности своего сана.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве — западные буддисты, но также два ламаиста. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

— Славный денек, брат мой! — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм, в знак обычного скромного приветствия пастыря пасомому. Он неотступно думал о Бене Бакстере. И все же краешком глаза приметил в клетке лифта прелестную, холеную девушку с волосами черными как вороново крыло, с пикантным смугло-золотистым личиком. Индианка, решил про себя Бринн, и еще подивился, что могло привести чужеземку в их прозаический многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по внешнему виду, но счел бы нескромностью раскланиваться с ними.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл об индианке. У него выдался хлопотливый

день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел все заранее взвесить. Выйдя на улицу в серенькое, пасмурное апрельское утро, он решил позавтракать в «Золотом лотосе».

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Остаться бы здесь навсегда и дышать этим воздухом! — воскликнула Джанна Чандрагор.

Лан Ил слабо улыбнулся.

— Возможно, нам удастся дышать им в наше время. Как он вам показался?

— Уж очень доволен собой и, должно быть, ханжа и святоша. — Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, сутулая фигура выделялась даже в нью-йоркской утренней толчее.

— А ведь глаз не сводил с вас в лифте, — заметил Ил.

— Знаю. Видный мужчина, не правда ли?

Лан Ил удивленно вскинул брови, но ничего не сказал. Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним из уважения к его сану. И тут-то и началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка, облаченного в желтую рясу западнобуддистского священника.

— Простите, младший брат мой, я, кажется, помещал вашим размышлениям? — молвил священник.

— Это всецело моя вина, отец. Ибо сказано: пусть юность рассчитывает свои шаги, — отвечивал Бринн.

Священник покачал головой.

— В юности живет мечта о будущем, и старости надлежит уступать ей дорогу.

— Старость — наш путеводитель и дорожный указатель, — смиренно, но настойчиво возразил Бринн. — Все авторы единодушны в этом.

— Если вы чтите старость, — возразил священник, — внемите же и слову старости о том, что юности надлежит давать дорогу. И, пожалуйста, без возражений, возлюбленный брат мой!

Бринн с обдуманно любезной улыбкой отвесил низкий поклон. Священник тоже поклонился, и каждый пошел своей дорогой. Бринн ускорил шаг: он крепче зажал в руке молитвенный посох. До чего это похоже на священника — ссылаться на свой преклонный возраст как на аргумент в пользу юности. Да и вообще в учении западных буддистов много кричащих противоречий. Но Бринну было сейчас не до них.

Он вошел в кафе «Золотой лотос» и сел за один из дальних столиков. Перебирая пальцами сложный узор на своем молитвенном посохе, он чувствовал, что раздражение его проходит. Почти мгновенно вернулось к нему то ясное, бестревожное единство разума и чувства, которое так необходимо адепту праведной жизни.

Но пришло время помыслить о Бене Бакстере. Человеку не мешает помнить и о своих преходящих обязанностях наряду с религиозными. Посмотрев на часы, он увидел, что уже без малого одиннадцать. Через два с половиной часа он будет в конторе у Бакстера и...

— Что вам угодно? — спросил официант.

— Воды и сушеной рыбки, если можно, — отвечал Бринн.

— Не желаете ли картофеля фри?

— Сегодня вишья, и это не положено, — отвечал Бринн, из деликатности понизив голос.

Официант побледнел, сглотнул и, прошептав: «Да, сэр, простите, сэр!», поспешил уйти.

Напрасно я поставил его в глупое положение, упрекнул себя Бринн. Не извиниться ли?

Но нет, он только больше смутит официанга. И Бринн со свойственной ему решительностью выбросил из головы официанта и стал думать о Бакстере. Если к лесной территории, которую он собирается купить, прибавить капиталы Бакстера и связи Бакстера, трудно даже вообразить...

Бринн почувствовал безотчетную тревогу. Что-то неладное происходило за соседним столиком. Повернувшись, он увидел давешнюю смуглянку; она рыдала в крошечный носовой платочек. Маленький сморщенный старикашка безуспешно пытался ее утешить.

Плачущая девушка бросила на Бринна исполненный отчаяния взгляд. Что мог сделать аскет, очутившийся в таком положении, как не вскочить и направить стопы к их столику.

— Простите мою навязчивость, — сказал он, — я невольно стал свидетелем вашего горя. Быть может, вы одиноки в городе? Не могу ли я вам помочь?

— Нам уже никто не поможет! — зарыдала девушка. Старичок беспомощно пожал плечами.

Поколебавшись, Бринн присел к их столику.

— Поведайте мне свое горе, — сказал он. — Неразрешимых проблем нет. Ибо сказано: через любые джунгли проходит тропа, и след ведет на самую недоступную гору.

— Поистине так, — подтвердил старичок. — Но бывает, что человеческим ногам не под силу достигнуть конца пути.

— В таких случаях, — возразил Бринн, — всяк помогает всякому — и дело сделано. Поведайте мне ваши огорчения, я всеми силами постараюсь вам помочь.

Надо сказать, что Бринн-аскет превысил здесь свои полномочия. Подобные тотальные услуги лежат на обязанности священников высшей иерархии. Но Бринна так захватило горе девушки и ее красота, что он не дал себе времени подумать.

— В сердце молодого человека заключена сила, это посох для усталых рук, — процитировал старичок. — Но скажите, молодой человек, исповедуете ли вы религиозную терпимость?

— В полной мере! — воскликнул Бринн. — Это один из основных догматов западного буддизма.

— Отлично! Итак, знайте, сэр, что я и моя дочь Джанна прибыли из Лхаграмы в Индии, где поклоняются воплощению даритрийской космической функции. Мы приехали в Америку в надежде основать здесь небольшой храм. К несчастью, схизматики, чтящие воплощение Мари, опередили нас. Дочери моей надо возвращаться домой. Но фанатики марийцы покушаются на нашу жизнь, они поклялись камня на камне не оставить от даритрийской веры.

— Разве может что-нибудь угрожать вашей жизни здесь, в сердце Нью-Йорка? — воскликнул Бринн.

— Здесь больше, чем где бы то ни было! — сказала Джанна. — Людские толпы — маска и плащ для убийцы.

— Мои дни и без того сочтены, — продолжал старик со спокойствием отрешенности. — Мне следует остаться здесь и завершить свой труд. Ибо так написано. Но я хотел бы, чтобы по крайней мере дочь моя благополучно вернулась домой.

— Никуда я без тебя не поеду! — снова зарыдала Джанна.

— Ты сделаешь то, что тебе прикажут, — заявил старик.

Джанна робко потупилась под взглядом его черных, сверлящих глаз. Старик повернулся к Бринну.

— Сэр, сегодня во второй половине дня в Индию отплывает пароход. Дочери нужен провожатый, сильный, надежный человек, под чьим руководством и защитой она могла бы благополучно доехать. Все свое состояние я готов отдать тому, кто выполнит эту священную обязанность.

На Бринна вдруг нашло сомнение.

— Я просто ушам своим не верю, — начал он. — А вы не...

Словно в ответ, старик вытащил из кармана маленький замшевый мешочек и вытряхнул на стол его содержимое. Бринн не считал себя знатоком драгоценных камней, и все же немало их прошло через его руки в бытность его религиозным инструктором в годы Второго мирового йехада. Он мог поклясться, что узнает игру рубинов, сапфиров, изумрудов и алмазов.

— Все это ваше, — сказал старик. — Отнесите камни к ювелиру. Когда их подлинность будет подтверждена, вы, возможно, поверите и моему рассказу. Если же и это вас не убеждает...

И он извлек из другого кармана толстый бумажник и передал его Бринну. Открыв его, Бринн увидел, что он набит крупными купюрами.

— Любой банк удостоверит их подлинность, — продолжал старик. — Нет, нет, пожалуйста, я настаиваю, возьмите их себе. Поверьте, это лишь малая часть того, чем я рад буду отблагодарить вас за вашу великую услугу.

Бринн был ошеломлен. Он старался уверить себя, что драгоценности скорее всего искусная подделка, а деньги, конечно, фальшивые. И все же знал, что это не так. Они настоящие. Но если богатство, которым так швыряются,

не вызывает сомнений, то можно ли усомниться в рассказе старика?

Истории известны случаи, когда действительные события превосходили чудеса волшебных сказок. Разве в «Книге золотых ответов» мало тому примеров?

Бринн посмотрел на плачущую смуглянку, и его охватило великое желание зажечь радость в этих прекрасных глазах, заставить трагический рот улыбаться. Да и в обращенных к нему взорах красавицы угадывал он нечто большее, чем простой интерес к опекуну и защитнику.

— Сэр! — воскликнул старик. — Возможно ли, что вы согласны, что вы готовы...

— Можете на меня рассчитывать! — сказал Бринн.

Старик бросился пожимать ему руку. Что до Джанны, то она только взглянула на своего избавителя, но этот взгляд стоил жаркого объятия.

— Уезжайте сейчас же, не откладывая, — волновался старик. — Не будем терять времени. Возможно, в эту самую минуту нас караулит враг.

— Но я не одет для дороги...

— Неважно! Я снабжу вас всем необходимым...

— ...к тому же друзья, деловые свидания... погодите! Дайте опомниться!

Бринн перевел дыхание. Приключения в духе Гаруналь-Рашида заманчивы, спору нет, но нельзя же пускаться в них сломя голову.

— У меня сегодня деловой разговор, — продолжал Бринн. — Я не вправе им манкировать. Потом можете мной располагать.

— Как, рисковать жизнью Джанны? — воскликнул старик.

— Уверяю вас, ничего с вами не случится. Хотите —

пойдемте со мной. А еще лучше — у меня двоюродный брат служит в полиции. Я договорюсь с ним, и вам будет дана охрана.

Девушка отвернула от него свое прекрасное печальное лицо.

— Сэр,— сказал старик.— Пароход отходит в час, ни минутой позже!

— Пароходы отходят чуть ли не каждый день,— вразумлял его Бринн.— Мы сядем на следующий. У меня особо важное свидание. Решающее, можно сказать. Я добиваюсь его уже много лет. И речь не только обо мне. У меня дело, служащие, компаньоны. Уже ради них я не вправе им пренебречь.

— Дело дороже жизни! — с горькой иронией воскликнул старик.

— Ничего с вами не случится, — уверял Бринн.— Ибо сказано: «Зверь в джунглях пугается шагов...»

— Я и сам знаю, что и где сказано. На моем челе и челе дочери смерть уже начертала свои магические письмена, и мы погибнем, если вы нам не поможете. Вы найдете Джанну на «Тезее» в каюте-люкс «2А». Ваша каюта «3А» соседняя. Пароход отчаливает ровно в час. Если вам дорога ее жизнь, приходите!

Старик с дочерью встали и, уплатив по счету, удалились, не слушая доводов Бринна. В дверях Джанна еще раз на него оглянулась.

— Ваша сушеная рыба, сэр! — подлетел к нему официант. Он все время вертелся поблизости, не решаясь беспокоить посетителей.

— К черту рыбу! — взревел Бринн. Но тут же спохватился.— Тысяча извинений! Я совсем не вас имел в виду,— заверил он оторопевшего официанта.

Он расплатился, оставив щедрые чаевые, и стремительно ушел. Ему надо было еще о многом подумать.

— Эта сцена состарила меня лет на десять, она мне стоила последних сил,— пожаловался Лан Ил.

— Признайтесь: она доставила вам огромное удовольствие,— возразила Джанна Чандрагор.

— Что ж, вы правы,— энергично кивнув, согласился Лан Ил. Он маленькими глотками цедил вино, которое стюард принес им в каюту. — Вопрос в том, откажется ли Бринн от свидания с Бакстером и явится ли сюда?

— Я ему как будто понравилась,— заметила Джанна.

— Что лишь свидетельствует о его безошибочном вкусе.

Джанна поблагодарила шутливым кивком.

— Но что за историю вы придумали! Надо ли было наворачивать столько ужасов?

— Это было абсолютно необходимо. Бринн сильная и целеустремленная натура. Но есть в нем и этакая романтическая жилка. И разве только волшебная сказка — под стать его самым напыщенным мечтам — заставит его изменить долгу.

— А вдруг не поможет и волшебная сказка? — заметила Джанна в раздумье.

— Увидим. Лично мне кажется, что он придет.

— А я на это не рассчитываю.

— Вы недооцениваете свою красоту и актерское дарование, моя дорогая! Впрочем, проживем увидим.

— Единственное, что нам остается, — сказала Джанна, поудобнее устраиваясь в своем кресле.

Часы на письменном столике показывали сорок две минуты первого.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, уверенно и прочно покоящихся на своих стапелях,

всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Эта прелестная, убитая горем девушка...

Да, но как же долг, как же труд его преданных служащих — ведь именно сегодня ему предстояло завершить и увенчать его на письменном столе у Бакстера. Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант. Вот он, «Тезей». Бринн представил себе Индию, ее лазурное небо, щедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него. Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже значит лишиться прекраснейшей девушки в мире — он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом!

Но почему же, спрашивал себя Бринн, нащупывая в кармане замшевый мешочек. Материально он обеспечен. Дело его само о себе позаботится. Что мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что *ничто* этому не помешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое дело, то хватит и на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и последовать велению сердца.

К черту Бакстера, говорил он себе. Безопасность девушки важнее всего! Он сядет на пароход сейчас же, сию минуту и пошлет своим компаньонам телеграмму, где все им...

Итак, решение принято. Он круто повернулся, спустился вниз по сходням и без колебаний поднялся на борт.

Помощник капитана встретил его любезной улыбкой.

— Ваше имя, сэр?

— Нед Бринн.

— Бринн, Бринн...— Помощник искал в списке.— Что-то я не... О да! Вот вы где. Да, да, мистер Бринн! Ваша каюта на палубе А за номером 3. Разрешите пожелать вам приятного путешествия.

— Спасибо,— сказал Бринн, поглядев на часы. Они показывали без четверти час.

— Кстати,— спросил он помощника,— в котором часу вы отчаливаете?

— В четыре тридцать, минута в минуту, сэр!

— Четыре тридцать? Вы уверены?

— Абсолютно уверен, мистер Бринн.

— Мне сказали, в час по расписанию.

— Да, так по расписанию, сэр! Но бывает, что мы задерживаемся на несколько часов. А потом без труда нагоняем в пути.

Четыре тридцать! У него еще есть время. Он может вернуться, повидать Бена Бакстера и вовремя поспеть на пароход! Обе проблемы решены!

Благословляя неисповедимую, но благосклонную судьбу, Бринн повернулся и бросился вниз по сходням. Ему удалось тут же схватить такси.

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и плешивой как колено головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин — эмблемой смиренных служителей Уолл-стрита.

Бринн добрых полчаса излагал свои предложения, ссылаясь на господствующие тенденции, намечая перс-

пективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова Бакстера.

— Гм-м-м,— промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, пустой желудок бил тревогу. В мозгу сверлила мысль, что надо еще поспеть на «Тезей». Он хотел скорее покончить с делами и ехать в порт.

— Ваши условия слияния обеих фирм меня вполне устраивают,— сказал Бакстер.

— Сэр! — только и выдохнул Бринн.

— Повторяю: они меня устраивают. Вы что — туги на ухо, брат мой?

— Во всяком случае, не для таких новостей,— заверил его Бринн с ухмылкой.

— Лично меня очень обнадеживает слияние наших фирм,— продолжал Бакстер, улыбаясь.— Я — прямой человек, Бринн, и я говорю вам безо всяких: мне нравится, как вы провели изыскания и какой подготовили материал, и нравится, как вы провели эту встречу. Мало того, вы и лично мне нравитесь! Меня радует наша встреча, и я верю, что слияние послужит нам на пользу.

— Я тоже в это верю, сэр.

Они обменялись рукопожатиями и встали из-за стола.

— Я поручу своим адвокатам составить соглашение, исходя из нашей сегодняшней беседы. Вы получите его в конце недели.

— Отлично! — Бринн колебался: сказать или не говорить Бакстеру о своем отъезде в Индию. И решил не говорить. Бумаги по его указанию перешлют на борт «Тезея», а об окончательных подробностях можно будет договориться по телефону. Так или иначе, в Индии он не задержится, доставит девушку благополучно домой и тут же вылетит обратно.

Обменявшись новыми любезностями, будущие компаньоны начали прощаться.

— У вас редкостный посох,— сказал Бакстер.

— А, что? Да, да! Я получил его на этой неделе из Гонконга. Такой искусной резьбы, как в Гонконге, вы не найдете нигде.

— Да, я знаю. А можно посмотреть его поближе?

— Конечно. Но осторожнее, пожалуйста, он легко открывается.

Бакстер взял в руки искусно изукрашенную палку и надавил ручку. На другом ее конце выскочил клинок и слегка оцарапал ему ногу.

— Вот уж верно, что легко,— сказал Бакстер.— Я легче не выдывал.

— Вы, кажется, порезались!

— Ничего! Пустячная царапина. А клинок-то— дамасского литья!

Они еще несколько минут беседовали о тройном значении клинка в западнобуддистском учении и о новейших течениях в западнобуддистском духовном центре в Гонконге. Бакстер сложил палку и вернул ее Бринну.

— Да, посох отменный. Еще раз желаю вам доброго дня, дорогой брат, и...

Бакстер оборвал на полуслове. Рот его так и остался открытым, глаза уставились в какую-то точку над головой Бринна. Бринн обернулся, но не увидел ничего, кроме стены. Когда же он снова повернулся к Бакстеру, тот уже весь посинел, в уголках рта собралась пена.

— Сэр! — крикнул Бринн.

Бакстер хотел что-то сказать, но не мог. Два нетвердых шага — и он рухнул на пол.

Бринн бросился в приемную.

— Врача! Скорее врача! — крикнул он испуганной девушке. А потом вернулся к Бакстеру.

То, что он видел перед собой, был первый в Америке случай болезни, получившей впоследствии название гонконгской чумы. Занесенная сотнями молитвенных посохов, она вспышкой пламени охватила город, оставив за собой миллион трупов. Спустя неделю симптомы гонконгской чумы стали более известны горожанам, чем симптомы кори.

Бринн видел перед собой первую жертву.

С ужасом глядел он на терпкий ярко-зеленый оттенок, разлившийся по лицу и рукам Бакстера.

III

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. В час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде чувствовался настоящий интерес к людям, мягко очерченный рот говорил о покладистом характере, доступном доводам разума. В движениях проглядывала уверенность человека, знающего свое место в жизни.

Бринн уже собрался уходить. Он зажал под мышкой зонтик и сунул в карман экземпляр «Убийства в метро» в мягком переплете. Никогда он не выходил из дому без увлекательного детектива.

Напоследок он приколот к отвороту пиджака ониксовый значок commodora Океанского туристского клуба. Многие считали, что Бринн еще молод для такого высокого знака отличия. Но все соглашались в том, что он

не по возрасту ревностно блюдет права и обязанности своего звания. Он запер квартиру и пошел к лифту. Здесь уже стояла кучка обитателей дома, в большинстве лавочники, но Бринн узнал среди них и двух дельцов.

— Славный денек, мистер Бринн, — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

— Надеюсь! — сказал Бринн, погруженный в размышления о Бене Бакстере. И все же краешком глаза он заметил в клетке лифта белокурого гиганта — настоящего викинга, разговаривающего с плешивым коротышкой. Бринн еще подивился, что привело эту пару в их многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по ежедневным встречам, но не был еще ни с кем знаком, так как поселился здесь совсем недавно.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о викинге. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать у Чайльда.

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Ну-с, что скажете? — спросил доктор Свэг.

— По-моему, человек как человек. Похоже, что с ним можно сговориться. А впрочем, там видно будет.

Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, стройная фигура выделялась даже в утренней нью-йоркской толчее.

— Я меньше всего сторонник насилия, — сказал доктор Свэг. — Но в данном случае мое мнение: треснуть его по макушке — и дело с концом!

— Этот способ избрали Аауи и Битти. Мисс Чан-

драгор и Лан Ил решили испробовать подкуп. А нам с вами поручено воздействовать убеждением.

— А если он не поддастся убеждению?

Джеймс пожал плечами.

— Мне это не нравится,— сказал доктор Свэг.

Следуя за Бринном на расстоянии полуквартала, они увидели, как он налетел на какого-то румяного плотного бизнесмена.

— Простите,— сказал Бринн.

— Простите,— отозвался плотный бизнесмен.

Небрежно кивнув друг другу, они продолжали свой путь. Бринн вошел в кафе Чайльда и уселся за один из дальних столиков.

— Чего изволите, сэр? — спросил официант.

— Яйца пашот, тосты, кофе.

— Не угодно ли картофеля фри?

— Нет, спасибо!

Официант поспешил дальше. Бринн сосредоточил свои мысли на Бене Бакстере. При финансовой поддержке Бена Бакстера трудно даже вообразить...

— Простите, сэр,— раздался голос.— Не разрешите ли с вами побеседовать?

— О чем это?

Бринн поднял глаза и увидел белокурого гиганта и его коротышку приятеля, с которыми столкнулся в лифте.

— О деле чрезвычайного значения,— сказал коротышка.

Бринн поглядел на часы. Без чего-то одиннадцать. До встречи с Бакстером оставалось еще два с половиной часа.

Незнакомцы переглянулись и обменялись смущенными улыбками. Наконец коротышка прочистил горло.

— Мистер Бринн,— начал он.— Меня зовут Эдвин

Джеймс. Это мой коллега доктор Свег. Мы собираемся рассказать вам крайне странную на первый взгляд историю, однако я надеюсь, что вы терпеливо выслушаете нас. В заключение мы приведем ряд доказательств, которые, возможно, убедят, а возможно, и не убедят вас в справедливости нашего рассказа.

Бринн нахмурился: это еще что за чудачки! Рехнулись они, что ли? Но незнакомцы были хорошо одеты и вели себя безукоризненно.

— Ладно, валяйте,— сказал он.

Час двадцать минут спустя Бринн воскликнул:

— Ну и чудеса же вы мне порассказали!

— Знаю! — виновато пожал плечами доктор Свег. — Но наши доказательства...

— ...производят впечатление. Покажите-ка мне еще раз эту первую штуковину!

Свег передал ему просимое. Бринн почтительно уставился на небольшой блестящий предмет.

— Ребята, а ведь если эта крохотулька действительно дает холод и тепло в таких количествах, электрические корпорации, думается мне, отвалят за нее не один биллион.

— Это продукт нашей техники,— сказал Главный программист,— как, впрочем, и другие устройства, которые вы видели. За исключением мотрифайера, во всем этом нет ничего принципиально нового, это результаты развития и усовершенствования сегодняшней технической мысли и практики.

— А ваш талазатор! Простой, удобный и дешевый способ добывания пресной воды из морской! — Он уставился на обоих собеседников. — Хотя не исключено, конечно, что все эти изобретения — ловкая подделка.

Доктор Свег вскинул брови.

— Впрочем, я и сам кое-что смыслю в технике. И если это даже подделки, то эффект они дают такой же, как настоящие изобретения. Ох, морочите вы меня! Люди будущего! Этого еще не хватало!

— Так, значит, вы верите тому, что мы рассказали насчет вас, Бена Бакстера и временной селекции?

— Как сказать... — Бринн крепко задумался. — Верю условно.

— И вы отмените свидание с Бакстером?

— Не знаю.

— Сэр!

— Я говорю вам, что не знаю. Хватает же у вас нахальства! — Бринн все больше сердился. — Я работал как каторжный, чтобы этого добиться. Свидание с Бакстером — величайший шанс моей жизни. Другого такого шанса у меня не было и не будет. А вы предлагаете мне пожертвовать им ради какого-то туманного предсказания.

— Предсказание отнюдь не туманное, — поправил его Джеймс. — Оно ясное и недвусмысленное.

— К тому же речь не только обо мне. У меня дело, служащие, компаньоны и акционеры. Я обязан и ради них встретиться с Бакстером.

— Мистер Бринн, — сказал Свег, — вспомните, что здесь поставлено на карту!

— Да, верно, — хмуро отозвался Бринн. — Но вы говорили, что у вас там еще и другие бригады. А вдруг меня остановили в каком-то другом возможном мире.

— Не остановили, нет!

— Почему вы знаете?

— Я не хотел говорить тем бригадам, — сказал Главный программист, — но их надежды на успех так же призрачны, как и мои, — они близки к нулю!

— Черт!— выругался Бринн.— Вы, ребята, ни с того ни с сего сваливаетесь на человека из прошлого и преспокойно требуете, чтобы он перешерстил всю свою жизнь. Какое, наконец, вы имеете право?

— А что, если отложить свидание до завтра? — предложил доктор Свег.— Это, пожалуй...

— Свидание с Беном Бакстером не откладывают. Либо вы приходите в назначенное время, либо ждете,— может быть, и всю жизнь,— чтоб он вам назначил другое.— Бринн поднялся.— Вот что я вам скажу. Я и сам не знаю, как поступлю. Я выслушал вас — и более или менее вам верю, но ничего определенного сказать не могу! Мне надо самому принять решение.

Доктор Свег и Джеймс тоже встали.

— Ваше право! — сказал Главный программист Джеймс.— До свидания, мистер Бринн! Надеюсь, вы примете правильное решение.— Они обменялись рукопожатиями. Бринн поспешил к выходу.

Доктор Свег и Джеймс проводили его глазами.

— Ну как? — спросил Свег.— Похоже, склоняется?.. Или вы другого мнения?

— Я не сторонник гаданий. Возможность что-то изменить в пределах одной временной линии мало вероятно. Я в самом деле не представляю, как он поступит.

Доктор Свег покачал головой, а потом глубоко втянул носом воздух.

— Ничего дышится, а?

— Да, воздух что надо,— отозвался Главный программист Джеймс.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных океанских судов, уверенно и прочно покоящихся на своих стапелях, всегда действовало на него умиротворяю-

ще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Этот дурацкий рассказ.

...которому он верил.

Ну а как же его долг и все эти пропащие годы, ушедшие на то, чтобы добиться права покупки обширной лесной территории? А заключенные в сделке возможности, которые он хотел закрепить и увенчать сегодня за столом у Бакстера?!

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант «Тезей»...

И Бринн представил себе Карибское море, лазурное небо тех краев, щедрое солнце, вино, полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам себе избрал. И чего бы это ему ни стоило, он так и будет тащить этот груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он обеспеченный человек. Дело его само о себе позаботится. Что ему мешает сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что *ничто* этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и воля. Если у него хватило сил, чтобы преуспеть в делах, то хватит и на то, чтобы от них отказаться, сбросить все с плеч и последовать желанию сердца.

А заодно спасти это проклятое дурацкое будущее.

«К черту Бакстера!» — говорил он себе.

Но все это было несерьезно.

Будущее было слишком туманно, слишком далеко. Вся эта история, возможно, хитрый подвох, придуманный его конкурентами.

Пусть будущее само о себе позаботится!

Нед Бринн круто повернулся и зашагал прочь. Надо было торопиться, чтобы не опоздать к Бакстеру.

Поднимаясь на лифте в небоскребе Бакстера, Бринн старался ни о чем не думать. Самое простое — действовать безотчетно. На шестнадцатом этаже он сошел и направился к секретарше.

— Меня зовут Бринн. Мы сегодня условились встретиться с мистером Бакстером.

— Да, мистер Бринн. Мистер Бакстер вас ждет. Проходите к нему без доклада.

Но Бринн с места не сдвинулся, его захлестнуло волной сомнений. Он подумал о судьбе грядущих поколений, которым угрожает своим поступком, подумал о докторе Свеге и о Главном программисте Эдвине Джеймсе, об этих серьезных, доброжелательных людях. Не стали бы они требовать у него такой жертвы, если бы не крайняя необходимость.

И еще одно обстоятельство пришло ему в голову...

Среди грядущих поколений будут и его потомки.

— Входите же, сэр! — напомнила ему девушка.

Но что-то внезапно захлопнулось в мозгу у Бринна.

— Я передумал, — сказал он каким-то словно чужим голосом. — Я отменяю свидание. Передайте мистеру Бакстеру, что... я очень сожалею обо всем.

Он повернулся и, чтобы не передумать, стремглав сбежал вниз с шестнадцатого этажа.

В конференц-зале Всемирного планирующего совета пять представителей федеративных округов Земли сидели вокруг длинного стола в ожидании Эдвина Джеймса. Он вошел — тщедушный человечек с причудливо некрасивым лицом.

— Ваши доклады! — сказал он.

Аауи, изрядно помятый после недавних приключений, поведал об их попытке применить насилие и о том, к чему это привело.

— Если бы вы заранее не связали нам руки, результаты, возможно, были бы лучше,— добавил он в заключение.

— Это еще как сказа́ть,— отозвался Битти, пострадавший больше, чем Аауи.

Лан Ил доложил о частичном успехе и полной неудаче их совместной попытки с мисс Чандрагор. Бринн уже готов был сопровождать их в Индию — даже ценой отказа от свидания с Бакстером. К сожалению, ему представилась возможность сделать и то и другое.

В заключение Лан Ил философически посетовал на возмутительно ненадежные расписания пароходных компаний.

Главный программист Джеймс поднялся с места.

— Нам желательно было найти будущее, в котором Бен Бакстер сохранил бы жизнь и успешно завершил бы свою задачу по скупке лесных богатств Земли. Наиболее перспективной в этом смысле представлялась нам Главная историческая линия, к которой мы с доктором Свегом и обратились.

— И вы до сих пор ничего нам не рассказали,— попеняла ему с места мисс Чандрагор.— Чем же у вас кончилось?

— Убеждение и призыв к разуму казались нам наилучшими методами воздействия. Поразмыслив как следует, Бринн отменил свидание с Бакстером. Однако...

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и плешивой как колено головой; мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На

нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин — эмблема Уолл-стритского клуба.

Он уже с полчаса сидел неподвижно, размышляя о цифрах, господствующих тенденциях и намечающихся перспективах.

Затрещал зуммер внутреннего телефона.

— Что скажете, мисс Кэссиди?

— Приходил мистер Бринн. Он только что ушел.

— Что такое?

— Я и сама не понимаю, мистер Бакстер. Он приходил сказать, что отменяет свидание.

— И как же он это выразил? Повторите дословно.

— Сказал, что вы его ждете, и я предложила ему пройти в кабинет. Он посмотрел на меня очень странно и даже нахмурился. Я еще подумала: чем-то он расстроен. И снова предложила ему пройти к вам. И тогда он сказал...

— Слово в слово, мисс Кэссиди!

— Да, сэр! Он сказал: я передумал. Я отказываюсь от свидания. Передайте мистеру Бакстеру, что я очень сожалею обо всем.

— И это все, что он сказал?

— До последнего слова!

— А потом что он сделал?

— Повернулся и побежал вниз.

— Побежал?

— Да, мистер Бакстер. Он не стал ждать лифта.

— Понимаю.

— Вам еще что-нибудь нужно, мистер Бакстер?

— Нет, больше ничего, мисс Кэссиди. Благодарю вас.

Бакстер выключил внутренний телефон и тяжело повалился в кресло.

Стало быть, Бринн уже знает!

Это единственно возможное объяснение. Каким-то образом слухи просочились. Он думал, что никто не узнает, по крайней мере до завтра. Но чего-то он не предусмотрел.

Губы его сложились в горькую улыбку. Он не обвинял Бринна, хотя не мешало бы тому зайти объяснить-ся. А впрочем, нет. Пожалуй, так лучше.

Но *каким образом* до него дошло? Кто сообщил ему, что промышленная империя Бакстера — колосс на глиняных ногах, что она рушится, крошится в самом основании?

Если бы эту новость можно было утаить хоть на день, хотя бы на несколько часов! Он бы заключил соглашение с Бринном. Новое предприятие влило бы жизнь в дела Бакстера. К тому времени, как все бы узналось, он создал бы новую базу для своих операций.

Бринн узнал, и это его отпугнуло. Очевидно, знают все.

А теперь уже никого не удержишь. Не сегодня-завтра на него ринутся эти шакалы. А как же друзья, жена, компаньоны и маленькие люди, доверившие ему свою судьбу...

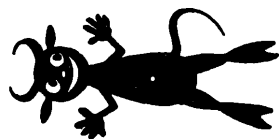
Что ж, у него уже много лет как созрело решение — на этот случай.

Без колебаний Бакстер отпер ящик стола и достал небольшой пузырек. Он вынул оттуда две белые пилюли.

Всю жизнь он жил по своим законам. Пришло время умереть по ним.

Бен Бакстер положил пилюли на язык. Две минуты спустя он повалился на стол.

Его смерть ускорила пресловутый биржевой крах 1959 года.

О П Е К А

В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фиггов я не боюсь, раз у меня заперты двери всех шкафов.

Вся загвоздка теперь в том, чтобы не политурировать. Мне нельзя политурировать. Ни под каким видом! И, как вы сами понимаете, меня это беспокоит. Ко всему прочему, я еще, кажется, схватил жестокую простуду.

Вся эта канитель началась со мной вечером 9 ноября. Я шел по Бродвею, направляясь в кафетерий Бейкера. На губах у меня блуждала легкая улыбка — след сданного несколько часов назад труднейшего экзамена по физике. В кармане побрякивало пять монет, три ключа и спичечная коробка.

Для полноты картины добавлю, что ветер дул с северо-запада со скоростью пяти миль в час. Венера находилась в стадии восхождения, Луна — между второй четвертью и полнолунием. А уж выводы извольте сделать сами!

Я дошел до угла Девяносто восьмой улицы и хотел перейти на ту сторону. Но едва ступил на мостовую, как кто-то закричал:

— Грузовик! Берегись грузовика!

Растерянно озираясь, я попятился назад. И — ничего не увидел. А спустя целую секунду из-за угла на двух колесах вывернулся грузовик и, не обращая внимания на красный цвет, загрохотал по Бродвею.

Если б не это предупреждение, он бы меня сшиб.

Не правда ли, вы не впервые слышите нечто подобное? Насчет таинственного голоса, запретившего тете Минни входить в лифт, который тут же брякнулся в подвал. Или, быть может, остерегшего дядю Тома ехать на «Титанике». Такие истории обычно на том и кончаются.

Хорошо бы моя так кончилась!

— Спасибо, друг! — сказал я и огляделся. Но никого не увидел.

— Вы все еще меня слышите? — осведомился голос.

— Разумеется, слышу!

Я сделал полный оборот и подозрительно воззрился на закрытые окна над моей головой.

— Но где же вы, черт возьми, прячетесь?

— Грониш, — отвечал голос. — Это ли искомый случай? Индекс преломления. Существо иллюзорное. Знает Тень. Напал ли я на того, кто мне нужен?

— Вы, должно быть, невидимка?

— Вот именно.

— Но кто же вы все-таки?

— Сверхпопечительный дерг.

— Что такое?

— Я... но, пожалуйста, открывайте рот пошире! Дайте соображу. Я — дух прошедшего рождества. Обитатель Черной Лагуны. Невеста Франкенштейна. Я...

— Позвольте,— прервал я его.— Что вы имеете в виду? Может быть, вы привидение или гость с другой планеты?

— Вот-вот, — сказал голос. — На то похоже.

Итак, мне все стало ясно. Каждый дурак бы понял, что со мной говорит существо с другой планеты. На земле он невидим, но изощренные чувства позволили ему обнаружить надвигающуюся опасность, о чем он меня и предупредил.

Словом, обычный, повседневный сверхъестественный случай.

Прибавив шагу, я устремился вперед по Бродвею.

— Что случилось? — спросил невидимка дерг.

— Ничего не случилось,— отвечал я,— если не считать того, что я стою посреди улицы и разговариваю с пришельцем из отдаленнейших миров. Похоже, что я один вас и слышу?

— Естественно.

— О господи! А знаете ли вы, куда меня могут завести такие штучки?

— Подтекст ваших рассуждений мне недостаточно ясен.

— В психовытрезвитель. В приют для умалишенных. В отделение для буйных. Иначе говоря, в желтый дом. Вот куда сажают людей, говорящих с невидимыми чужезвечными гостями. Спокойной ночи, приятель! Спасибо, что предупредили!

В голове у меня был полнейший кавардак, и я повернул на восток в надежде, что мой невидимый друг пойдет дальше по Бродвею.

— Не желаете со мной говорить? — допытывался дерг.

Я покачал головой — безобидный жест, за который людей не хватают на улице, — и продолжал идти вперед.

— Но вы должны! — воскликнул дерг уже с ноткой бешенства в голосе. — Настоящий контакт чрезвычайно труден и редко удается. В кои-то веки посчастливится переправить тревожный сигнал, да и то перед самой опасностью. И связь тут же затухает.

Так вот чем объясняются предчувствия тети Минни! Что до меня, то я по-прежнему ничего такого не чувствовал.

— Подобные условия повторяются раз в сто лет, — сокрушался дерг.

Какие условия? Пять монет и три ключа, побрякивающие в кармане во время восхождения Венеры? Полагаю, что в этом стоило бы разобраться, но, уж во всяком случае, не мне. С этой сверхъестественной музыкой никогда ничего не докажешь. Достаточно бедолаг вяжет сетки для смиренных рубашек, обойдутся и без меня.

— Оставьте меня в покое! — бросил я на ходу. И, перехватив косой взгляд полисмена, ухмыльнулся ему с видом сорванца-мальчишки и заторопился дальше.

— Я понимаю ваши затруднения, — не отставал дерг. — Но такой контакт будет вам как нельзя более полезен. Я хочу защитить вас от миллиона опасностей, угрожающих человеческому существованию.

Я промолчал.

— Ну, что ж, — сказал дерг. — Заставить вас не в моих силах. Предложу свои услуги кому-нибудь другому. До свидания, друг!

Я любезно кивнул на прощание.

— Последнее остережение! — крикнул дерг. — Завтра избегайте садиться в метро между двенадцатью и четвертью второго! Прощайте!

— Угу! А почему, собственно?

— Завтра на станции Кольцо Колумба толпа, высыпав из магазина, столкнет под поезд зазевавшегося пассажира. Вас, если вы подвернетесь!

— Так завтра кого-то убьют? — заинтересовался я. — Вы уверены?

— Не сомневаюсь.

— Вы и вообще разбираетесь в этих делах?

— Я воспринимаю все опасности, поскольку они направлены в вашу сторону и расположены во времени. У меня единственное желание — защитить вас.

— Послушайте, — прошептал я, — а не могли бы вы подождать с ответом до завтрашнего вечера?

— И вы мне позволите взять вас под опеку? — воспрянул дерг.

— Я отвечу вам завтра. По прочтении вечерних газет.

Такая заметка действительно появилась. Я прочел ее в своей меблированной комнате. Толпа смяла человека, он потерял равновесие и упал под налетевший поезд. Это заставило меня задуматься в ожидании разговора с невидимкой. Его желание взять меня под свою опеку казалось искренним. Но я отнюдь не был уверен, что и мне этого хочется. Когда часом позже дерг со мной соединился, эта перспектива уже совсем меня не привлекала, о чем я не замедлил ему сообщить.

— Вы мне не верите? — спросил он.

— Я предпочитаю вести нормальную жизнь.

— Сперва надо ее сохранить, — напомнил он. — Вчерашний грузовик...

— Это был исключительный случай, такое бывает раз в жизни.

— Так ведь в жизни и умирают только раз,— торжественно заявил дерг.— Достаточно вспомнить метро.

— Метро не считается. Я сегодня не собирался выезжать.

— Но у вас не было оснований не выезжать. А ведь это и есть самое главное. Точно так же как нет оснований не принять душ в течение ближайшего часа.

— А почему бы и нет?

— Некая мисс Флинн, живущая дальше по коридору, только что принимала душ и оставила на розовом плиточном полу в ванной полурастаявший розовый обмылок. Вы поскользнетесь и вывихнете руку.

— Но это не смертельно, верно?

— Нет. Это не идет в сравнение с тем случаем, когда некий трясущийся старый джентльмен уронит с крыши тяжелый цветочный горшок.

— А когда это случится? — спросил я.

— Вас это, кажется, не интересует.

— Очень интересует. Когда же? И где?

— Вы отдадитесь под мою опеку?

— Скажите только, на что это вам?

— Для собственного удовлетворения. У сверхпопечительного дерга нет большей радости, чем помочь живому существу избежать опасности.

— А больше вам ничего не понадобится? Скажем, такой малости, как моя душа или мировое господство?

— Ничего решительно! Получать вознаграждение за опеку нам ни к чему, тут важен эмоциональный эффект. Все, что мне нужно в жизни и что нужно всякому дергу,— это охранять кого-то от опасности, которой тот не видит, тогда как мы видим ее слишком ясно.— И дерг умолк. А потом добавил негромко:

— Мы не рассчитываем даже на благодарность.

Это решило дело. Мог ли я предвидеть, что отсюда

воспоследует? Мог ли я знать, что благодаря его помощи окажусь в положении, когда мне уже нельзя будет политурировать!

— А как же цветочный горшок? — спросил я.

— Он будет сброшен на углу 10-й улицы и бульвара Мак-Адамса завтра в восемь тридцать утра.

— Десятая, угол Мак-Адамса? Что-то я не припомню... Где же это?

— В Джерси-сити, — ответил он не задумываясь.

— В жизни не бывал в Джерси-сити! Не стоило меня предупреждать.

— Я не знаю, куда вы собираетесь или не собираетесь ехать, — возразил дерг. — Я только предвижу опасность, где бы она вам ни угрожала.

— Что же мне теперь делать?

— Все, что угодно. Ведите обычную нормальную жизнь.

— Нормальную жизнь? Ха!

Поначалу все шло неплохо. Я посещал лекции в Колумбийском университете, выполнял домашние задания, ходил в кино, бегал на свидания, играл в настольный теннис и шахматы — словом, жил, как раньше, и никому не рассказывал, что состою под опекой сверхпопечительного дерга.

Раз, а когда и два на дню ко мне являлся дерг. Придет и скажет: «На Вестэндской авеню между 66-й и 67-й улицами расшаталась решетка. Не становитесь на нее».

И я, разумеется, не становился. А кто-то становился. Я часто видел потом такие заметки в газетах.

Постепенно я втянулся и даже проникся ощущением уверенности. Некий дух денно и ночью ради меня хло-

почет, и единственное, что ему нужно,— это защитить меня от всяких бед. Потусторонний телохранитель! Эта мысль внушала мне крайнюю самонадеянность.

Мои отношения с внешним миром складывались как нельзя лучше.

А между тем мой дерг стал не в меру ретив. Он открывал все новые опасности, в большинстве своем и отдаленно не касавшиеся моей жизни в Нью-Йорке,— опасности, которых мне следовало избегать в Мексикосити, Торонто, Омахе и Папете.

Наконец я спросил, не собирается ли он извещать меня обо всех предполагаемых опасностях на земном шаре.

— Нет, только о тех немногих, которые могут или могли бы угрожать вам.

— Как? И в Мексикосити? И в Папете? А почему бы не ограничиться местной хроникой? Скажем, Большим Нью-Йорком?

— Такие понятия, как местная хроника, ничего мне не говорят, — отвечивал старый упрямец. — Мои восприятия ориентированы не в пространстве, а во времени. А ведь я обязан охранять вас от всяких зол!

Меня даже тронула его забота. Ну что тут можно было поделывать!

Приходилось отсеивать из его донесений опасности, ожидающие жителей Хобокена, Таиланда, Канзас-сити, Ангора Ватта (падающая статуя), Парижа и Сарасоты. Так добирался я до местных событий. Но и тут опускал почти все опасности, сторожившие меня в Квинсе, Бронксе, Бруклине, на Стэтен-Айленде, и сосредоточивался на Манхэттене. Иногда они заслуживали внимания. Мой дерг спасал меня от таких сюрпризов, как огромный затор на Катедрал Парквей, как малолетние карманники или пожар.

Однако усердие его все возрастало. Дело у нас началось с одного-двух докладов в день. Но уже через месяц он стал остерегать меня раз по пять-шесть на дню. И наконец его остережения в местном, национальном и международном масштабе потекли непрерывным потоком.

Мне угрожало слишком много опасностей, вопреки рассудку и сверх всякого вероятия.

Так, в самый обычный день:

Испорченные продукты в кафетерии Бейкера. Не ходите туда сегодня!

На Амстердамском автобусе № 132 неисправные тормоза. Не садитесь в него!

В магазине готового платья Меллена протекает газовая труба. Возможен взрыв. Отдайте гладить костюм в другое место.

Между Риверсайд-драйв и Сентрал-парк-вест бродит бешеная собака. Возьмите такси.

Вскоре я большую часть дня только и делал, что чего-то не делал и куда-то не ходил. Опасности подстерегали меня чуть ли не под каждым фонарным столбом.

Я заподозрил, что дерг раздувает свои отчеты. Это было единственное возможное объяснение. В конце концов, я еще до знакомства с ним достиг зрелых лет, отлично обходясь без посторонней помощи. Почему же опасностей стало так много?

Вечером я задал ему этот вопрос.

— Все мои сообщения абсолютно правдивы,—заявил он, по-видимому, слегка задетый.— А если не верите, включите завтра свет в вашей аудитории при кафедре психологии...

— Зачем, собственно?

— Повреждена проводка.

— Я не сомневаюсь в ваших предсказаниях. Но толь-

ко замечаю, что до вашего появления жизнь не представляла такой опасности.

— Конечно, нет. Но должны же вы понимать, что раз вы пользуетесь преимуществами опеки, то должны мириться и с ее отрицательными сторонами.

— Какие же это отрицательные стороны?

Дерг заколебался.

— Всякая опека вызывает необходимость дальнейшей опеки. По-моему, это азбучная истина.

— Значит, снова-здорово? — спросил я ошеломленно.

— До встречи со мной вы были как все и подвергались только риску, вытекавшему из ваших житейских обстоятельств. С моим же появлением изменилась окружающая вас среда, а стало быть, и ваше положение в ней.

— Изменилась? Но почему же?

— Да хотя бы потому, что в ней присутствую я. До некоторой степени вы теперь причастны и к моей среде, как я причастен к вашей. Известно также, что, избегая одной опасности, открываешь дверь другой.

— Вы хотите сказать, — спросил я отдельно, — что с вашей помощью опасность возросла?

— Это было неизбежно, — вздохнул он.

Нечего и говорить, с каким удовольствием я удавил бы его в эту минуту, не будь он невидим и неосяцаем. Во мне бушевали оскорбленные чувства; с гневом говорил я себе, что меня обвел, заманил в западню неземной мошенник.

— Отлично, — сказал я, взяв себя в руки. — Спасибо за все. Встретимся на Марсе или где там еще ваша хижина.

— Так вы отказываетесь от дальнейшей опеки?

— Угадали! Прошу выходя не хлопать дверью.

— Но что случилось? — Дерг был, видимо, искренне озадачен. — В вашей жизни возросли опасности — это верно, но что из того? Честь и слава тому, кто смотрит в лицо опасности и выходит из нее победителем. Чем серьезнее опасность, тем радостнее сознание, что вы ее избежали.

Тут только я понял, до чего он мне чужой, этот чужесветный гость!

— Только не для меня, — сказал я. — Брысь!

— Опасности увеличились, — доказывал свое дерг, — но моя способность справляться с ними перекрывает их с лихвой. Для меня удовольствие с ними бороться. Так что на вашу долю остается чистый барыш.

Я покачал головой.

— Я знаю, что меня ждет. Опасностей будет все больше, верно?

— Как сказать! Что до несчастных случаев, тут вы достигли потолка.

— Что это значит?

— Это значит, что количественно им уже некуда расти.

— Прекрасно! А теперь будьте добры убраться к черту!

— Но ведь я вам как раз объяснил...

— Ну конечно: расти они не будут. Как только вы оставите меня в покое, я вернусь в свою обычную среду, не правда ли? И к своим обычным опасностям?

— Вполне возможно, — согласился дерг. — Если, конечно, вы доживете.

— Так и быть, рискну!

С минуту дерг хранил молчание. И наконец сказал:

— Сейчас вы не можете себе это позволить. Завтра...

— Прошу вас не рассказывать. Я и сам сумею избежать несчастного случая.

— Я говорю не о несчастном случае.

— А о чем же?

— Уж и не знаю, как вам объяснить. — В тоне его чувствовалась растерянность. — Я говорил вам, что вы можете не опасаться количественных изменений. Но не упомянул об изменениях качественных.

— Что вы плетете? — накинулся я на него.

— Я только стараюсь довести до вас, что за вами охотится гампер.

— Это еще что за невидаль?

— Гампер — существо из моей среды. Должно быть, его привлекла ваша возросшая способность уклоняться от опасности, которой вы обязаны моей опеке.

— К дьяволу гампера — и вас вместе с ним!

— Если он к вам сунется, попробуйте прогнать его с помощью оелы. Иногда помогает железо в соединении с медью. А также...

Я бросился на кровать и сунул голову под подушку. Дерг понял намек. Спустя минуту я почувствовал, что он исчез.

Какой же я, однако, идиот! За всеми нами, обитателями Земли, водится эта слабость: хватаем, что ни дай, независимо от того, нужно нам или не нужно.

Вот так и наживаешь себе неприятности!

Но дерг убрался, и я избавился от величайшей неприятности. Некоторое время тихо-скромно посижу у себя в углу, пусть все постепенно приходит в норму. И, может быть, уже через несколько недель...

В воздухе послышалось какое-то жужжание.

Я с маху сел на кровати. В одном углу комнаты по-

дозрительно сгустились сумерки, и в лицо мне повеяло холодом. Жужжание между тем нарастало — и это было не жужжание, а смех, тихий и монотонный.

К счастью, никому не пришлось чертить для меня магический круг.

— Дерг! — завопил я. — Выручай!

Он оказался тут как тут.

— Омела! — крикнул он. — Гоните его омелой!

— А где, к чертям собачьим, взять теперь омелу?

— Тогда железо с медью!

Я бросился к столу, схватил медное пресс-папье и стал оглядываться в поисках железа. Кто-то вырвал у меня пресс-папье. Я подхватил его на лету. Потом увидел свою авторучку и поднес к пресс-папье острие пера.

Темнота рассеялась. Холод исчез.

По-видимому, я кое-как выбрался.

— Видите, вам нужна моя опека, — торжествовал дерг какой-нибудь час спустя.

— Как будто да, — подтвердил я скучным голосом.

— Вам еще много чего потребуется, — продолжал дерг. — Цветы борца, амаринта, чеснок, могильная плесень...

— Но ведь гампер убрался вон.

— Да, но остались грейлеры. И вам нужны средства против липпов, фигов и мелжрайзера.

Под его диктовку я составил список трав, отваров и прочих снадобий. Я не стал его расспрашивать об этом звене между сверхъестественным и сверхнормальным. Моя любознательность была полностью удовлетворена.

Привидения и лемуры? Или чужесветные твари? Одно другого стоит, сказал он, и я уловил его мысль.

Обычно им до нас дела нет. Наши восприятия, да и самое наше существование протекают в разных плоскостях. Пока человек по глупости не привлечет к себе их внимания.

И вот я угодил в эту игру. Одни хотели меня известить, другие защитить, но никто не питал ко мне добрых чувств, включая самого дерга. Я интересовал их как пешка в этой игре, если я правильно понял ее условия.

И в это положение я попал по собственной вине. К моим услугам была мудрость расы, веками накопленная человеком,—неодолимое расовое предубеждение против всякой чертовщины, инстинктивный страх перед нездешним миром. Ибо приключение мое повторялось уже тысячи раз. Нам снова и снова рассказывают, как человек наобум вторгается в неведомое и накликает на себя духов. Он сам напрашивается на их внимание, а ничего опаснее быть не может.

Итак, я был обречен дергу, а дерг — мне. Правда, лишь до вчерашнего дня. Сегодня я уже снова сам по себе.

На несколько дней все как будто успокоилось. С фиγμαми я справлялся тем простым способом, что держал шкафы на запоре. С липпами приходилось труднее, но жабий глаз более или менее удерживал их в узде. А что до мелжрайзера, то его следует остерегаться только в полнолуние.

— Вам грозит опасность,—сказал мне дерг не далее как позавчера.

— Опять? — отозвался я зевком.

— Нас преследует трэнг.

— Нас?..

— Да, и меня, ибо даже дерги подвержены риску и опасности.

— И этот трэнг действительно опасен?

— Очень!

— Что же мне делать? Завесить дверь змеиной шкурой? Или начертить на ней пятиугольник?

— Ни то ни другое,—сказал дерг.— Трэнг требует негативных мер, с ним надо воздерживаться от некоторых действий.

На мне висело столько ограничений, что одним больше, одним меньше — ничего уже не значило.

— Чего же мне не делать?

— Не политурьте,—сказал он.

— Не политурить? — Я наморщил брови.— Как это понимать?

— Ну, вы знаете. Это постоянно делается.

— Должно быть, мне это известно под другим названием. Объясните.

— Хорошо. Политурить — это значит...— Но тут он осекся.

— Что?...

— Он здесь! Это трэнг!

Я вдавился в стену. Мне показалось, что я вижу легкое кружение пыли в комнате, но, возможно, у меня пошаливали нервы.

— Дерг! — позвал я.— Где вы? Что же мне делать?

И тут я услышал крик и щелканье смыкающихся челюстей.

— Он меня заполучил! — взвизгнул дерг.

— Что же мне делать? — снова завопил я.

А затем противный скрежет что-то перемалывающих зубов. И слабый, задыхающийся голос дерга: «Не политурьте!»

А затем тишина.

И вот я сижу тихо-мирно. В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в

Нью-Йорке. Да и фига́м до меня не добраться, я держу на запоре дверцы моих шкафов.

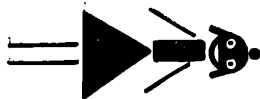
Вся загвоздка в этом «политурить». Мне нельзя политурить. Ни под каким видом! Если я не буду политурить, все успокоится и эта свора переберется еще куда-нибудь, на другое место. Так должно быть. Надо только переждать.

На беду свою я не знаю, что такое политурить. Это постоянно делается, сказал дерг. Вот я и избегаю по возможности что-либо делать.

Я кое-как поспал, и ничего не случилось — значит, это не политурить. Я вышел на улицу, купил провизию, заплатил что следует, приготовил обед и съел. И это тоже не политурить. Написал этот отчет. И это не политура.

Я еще выберусь из этой мути.

Попробую немножко поспать. Я, кажется, схватил простуду. Приходится чихнуть...

ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА

Эдвард Флэзвелл купил за глаза астероид в Межзвездной земельной конторе, расположенной на Земле. Он выбрал его по фотоснимку, где не было почти ничего, кроме живописных гор. Но Флэзвелл был любитель гор, он даже заметил клерку, принимавшему заявки:

— А ведь, пожалуй, браток, там и золотишко есть?

— Как же, как же, старик,— в тон ему отвечал клерк, удивляясь про себя, как может человек в здравом рассудке забраться куда-то на расстояние нескольких световых лет от ближайшего существа женского пола. На это способен разве лишь сумасшедший, заключил про себя клерк, окидывая Флэзвелла испытующим взглядом.

Но Флэзвелл был в здравом уме. Он просто не думал об этом.

Итак, он подписал обязательство на незначительную сумму, имеющую быть выплаченной в определенный срок, а также обещание вносить ежегодно значительные улучшения в свой участок. Не успели просохнуть на купчей чернила, как он взял билет на радиоуправляемый грузовой корабль второго класса, погру-

зил на него ассортимент подержанного оборудования и отправился в свои владения.

По прибытии на место начинающие колонисты обычно убеждаются, что приобрели кусище голой скалы. Не то Флэзвелл. Его астероид «Шанс», как он его называл, имел некий минимум атмосферы, а для чистого воздуха в него можно было подкачать кислороду. Была там и вода — бурильный молоток обнаружил ее на двадцать третьей пробе. В живописных горах не оказалось золота, зато нашлось немного пригодного к вывозу тория. А главное, значительная часть почвы оказалась пригодной для выращивания диоров, олджей, смисов и других экзотических плодовых деревьев. И Флэзвелл частенько говорил своему старшему роботу:

— Увидишь, я еще стану здесь богатым человеком!

На что робот неизменно отвечал:

— Истинная правда, босс!

Астероид и в самом деле оказался из многообещающих. Освоить его было не под силу одному человеку, но Флэзвеллу едва исполнилось двадцать семь лет, он обладал крепким сложением и решительным характером. Земля расцветала в его руках. Месяц уходил за месяцем, а Флэзвелл все так же возделывал свои сады, разрабатывал рудники и вывозил товары на единственном грузовом корабле, изредка навещавшем его астероид.

Однажды старший робот сказал ему:

— Хозяин, Человек, сэр, вы мне что-то не нравитесь, мистер Флэзвелл, сэр!

Флэзвелл досадливо поморщился. Бывший владелец его роботов был сторонник человеческого супрематизма, и притом самого бешеного толка. Ответы своих ро-

ботов он запрограммировал согласно собственным представлениям о должном уважении к Человеку. Ответы эти раздражали Флэзвелла, однако новая программа потребовала бы затрат. А где бы еще достал он роботов по такой сходной цене!

— Со мной все в порядке, Ганга-Сэм,— ответил он.

— Ах, прошу прощения, сэр! Но это не так, мистер Флэзвелл, сэр! Вы даже сами с собой разговариваете в поле — простите, что я осмелился вам это сказать.

— Пустяки, не имеет значения.

— И в левом глазу у вас, я замечаю, тик появился, саиб! И руки у вас дрожат. И вы слишком много пьете, сэр. И...

— Довольно, Ганга-Сэм! Робот должен знать свое место,— ответил Флэзвелл. Но, заметив выражение обиды, которое робот умудрился изобразить на своем металлическом лице, он вздохнул и сказал:

— Разумеется, ты прав. Да ты и всегда прав, дружище! Что же это со мной, в самом деле?

— Вы взвалили на себя слишком тяжкое Бремя Человека.

— Это я и сам знаю! — И Флэзвелл всей пятерней взъерошил непослушные черные волосы. — Иногда я завидую вам, роботам. Вечно вы смеетесь, беззаботные и счастливые.

— Это потому, что у нас нет души.

— У меня она, к сожалению, есть. Так что бы ты мне посоветовал?

— Поезжайте в отпуск, мистер Флэзвелл, босс! — предложил Ганга-Сэм — и мудро предпочел скрыться, чтобы дать хозяину время подумать.

Флэзвелл по достоинству оценил любезное предложение слуги, но ехать в отпуск было сложно. Его асте-

ройд «Шанс» находился в Троцийской системе, пожалуй, самой изолированной, какую можно найти в наши дни. Правда, он был расположен на расстоянии всего лишь пятнадцати летних дней от сомнительных развлечений Цитеры III и разве лишь чуть подальше от Нагондикона, где человек с луженой глоткой мог вволю повеселиться. Но расстояние — деньги, а деньги как раз то самое, что Флэзвелл хотел выколлотить из своего «Шанса».

Флэзвелл развел еще много культур, добыл еще много тория и отпустил бороду. Он продолжал что-то бормотать себе под нос, находясь в поле, и налегал на бутылку дома по вечерам. Кое-кто из роботов, простых сельскохозяйственных рабочих, пугался, когда Флэзвелл, пошатываясь, проходил мимо. Нашлись и такие, что начали уже молиться разжалованному богу огня. Но верный Ганга-Сэм вскоре положил конец этому зловещему развитию событий.

— Глупые вы машины! — говорил он роботам. — Человечий босс — он в порядке. Он сильный и добрый! Верьте, братья. Я не стал бы вас обманывать!

Но воркотня не прекращалась, потому что роботы требовали, чтобы Человек наставлял их своим примером. Бог ведь к чему бы это привело, не получи Флэзвелл с очередной партией продовольствия новенький сверкающий каталог Рэбек-Уорда.

Любовно развернул он его на своем грубом пластмассовом столике и при свете простой люминесцентной лампочки начал в него вникать. Какие чудеса там рекламировались на зависть и удивление одинокому колонисту! Домашние самогонные аппараты, заменители луны, портативные солидовизоры и...

Флэзвелл перевернул страницу, прочел, сглотнул слюну и снова перечел. Объявление гласило:

«НЕВЕСТЫ — ПОЧТОЙ!

Колонисты! Довольно страдать от проклятого одиночества! Довольно нести одному Бремя Человека! Рэбек-Уорд впервые в истории предлагает вам отборный контингент невест для колониста! С гарантией!

Рэбеко-уордовская модель пограничной невесты отбирается по признаку здоровья, приспособляемости, проворства, стойкости, всякой полезной колонисту сноровки и, разумеется, известной милovidности. Эти девушки могут жить на любой планете, поскольку центр тяжести у них расположен сравнительно низко, пигментация кожи подходит для любого климата, а ногти на руках и ногах короткие и крепкие. Что до фигуры, то они сложены пропорционально, но вместе с тем не так, чтобы отвлекать человека от дела, каковое достоинство, без сомнения, оценит наш трудяга колонист.

Рэбеко-уордовская пограничная модель представлена в трех размерах (спецификация см. ниже) — на любой вкус. По получении Вашего запроса Рэбек-Уорд вышлет Вам свежемороженый экземпляр грузовым кораблем третьего класса. Это сократит до минимума почтовые расходы.

Спешите заказать образцовую пограничную невесту *сегодня же!*»

Флэзвелл послал за Ганга-Сэмом и показал ему объявление. Человек-машина прочитал его про себя, а потом взглянул хозяину прямо в лицо.

— Как раз то, что нам требуется, эфенди,— сказал старший робот.

— Ты думаешь? — Флэзвелл вскочил и взволнованно зашагал по комнате.— Но ведь я еще не располагал жениться. И потом, кто же так женится? Да еще понравится ли она мне?

— Человеку-Мужчине положено иметь Человека-Женщину.

— Согласен, но...

— Неужто они заодно не пришлют свежезамороженного священника?

По мере того как Флэзвелл проникал в хитрую догадку слуги, по лицу его расплзалась довольная усмешка.

— Ганга-Сэм,— сказал он.— Ты, как всегда, ухватил самую суть дела. По-моему, контракт предусматривает мораторий для обряда, чтобы человек мог собраться с мыслями и принять решение. Заморозить священника — дорогое удовольствие. А пока суд да дело, неплохо иметь под рукой девушку, которая возьмет на себя положенную ей работу.

Ганга-Сэм ухитрился изобразить на лице загадочную улыбку. Флэзвелл сразу же сел и заказал образцовую пограничную невесту малого размера: он считал, что и этого более чем достаточно. Ганга-Сэму было поручено передать заказ по радио.

В ожидании Флэзвелл себя не помнил от волнения. Он уже загодя стал посматривать на небо. Роботам передалось его настроение. Вечерами их беззаботные песни и пляски прерывались взволнованным шепотом и затаенными смешками. Механические люди проходу не давали Ганга-Сэму:

— Эй, мастер! Расскажи, какая она, эта Человек-Женщина, хозяйка?

— Не ваше дело, — отвечал им Ганга-Сэм. — Это — дело Человека. Вам, роботам, лучше в это не соваться!

Но в конце концов и он не выдержал характера и стал наравне с другими поглядывать на небо.

Все эти недели Флэзвелл размышлял о преимуществах пограничной невесты. И чем больше он думал, тем больше привлекала его сама идея. Эти накрашенные, расфранченные куколки решительно не по нем! Как приятно обзавестись жизнерадостной, практичной, рассудительной подругой жизни, умеющей стряпать и стирать; она будет присматривать за домом и за роботами, шить, кроить и варить варения...

В этих грезах коротал он дни, искусывая себе до крови ногти.

Наконец корабль засверкал на горизонте. Он приземлился, выбросил за борт объемистый контейнер и улетел по направлению к Амире IV.

Роботы выбрали контейнер и принесли его Флэзвеллу.

— Ваша нареченная, сэр! — ликовали они, подкидывая на ладони масленки.

Флэзвелл объявил на радостях, что дает им свободных полдня, и вскоре остался в столовой один с большим холодным ящиком. Надпись на крышке гласила: «Обращаться осторожно! Внутри женщина!»

Он нажал на ручки размораживателя, выждал положенный час и открыл контейнер. Внутри оказался второй, потребовавший для разморозки целых два часа. Флэзвелл в нетерпении бегал из угла в угол, догрызая на ходу остатки ногтей.

Наконец настало время раскрыть и этот ящик. Трясущимися руками Флэзвелл снял крышку и увидел...

— Э-э-э-то еще что?! — воскликнул он.

Девушка в контейнере прищурилась, зевнула как кошечка, открыла глаза и села. Оба уставились друг на друга, и Флэзвелл понял, что произошла ужасная ошибка.

На ней было прелестное, но абсолютно непрактичное платье, на котором золотыми нитками было вышито ее имя — Шейла. Вслед за этим Флэзвеллу бросилось в глаза изящество ее фигурки, нимало не подходившей для тяжелого труда во внепланетных условиях, и белоснежная кожа — под жгучим астероидным летним солнцем она, конечно, покроется волдырями. А уж руки — изящные, с длинными пальцами и алыми ноготками, совсем не то, что обещал каталог Рэбек-Уорда. Что же до ног и прочих стате́й, решил про себя Флэзвелл, то все это уместно на Земле, но не здесь, где человек целиком принадлежит своей работе.

Нельзя было даже сказать, что у нее низко расположен центр тяжести. Как раз наоборот!

И Флэзвелл почувствовал, что его обманули, одурачили, обвели вокруг пальца.

Шейла выпорхнула из своего кокона, подошла к окну и окинула взглядом цветущие зеленые поля Флэзвелла в рамке живописных гор.

— А где же пальмы? — спросила она.

— Пальмы?..

— Разумеется. Мне говорили, что на Сирингаре V растут пальмы.

— Так это же не Сирингар V, — отвечал Флэзвелл.

— Как, разве вы не паша де Шре? — ахнула Шейла.

— Ничуть не бывало. Обыкновенный пограничный житель. А вы разве не пограничная невеста?

— Ну и ну! Разве я на нее похожа? — огрызнулась Шейла, гневно сверкая глазами. — Я — модель «ультралюкс» в роскошном оформлении, мне была выписа-

на путёвка на субтропическую райскую планету Сирингар V.

— Обоих нас подвели. Очевидно, напутали в транспортном отделе,— угрюмо отозвался Флэзвелл.

Девушка оглядела голую столовую, и ее хорошенькое личико скривилось в гримаску.

— Но вы ведь можете устроить, чтоб меня переправили на Сирингар V?

— Что до меня, то я не позволяю себе даже поездки в Нагондисон,— сказал Флэзвелл.— Но я извещу Рэбек-Уорда об этом недоразумении, и они, конечно, перевезут вас, когда пришлют мне мою образцовую пограничную невесту.

Шейла повела плечиками.

— Путешествия расширяют кругозор,— заметила она небрежно.

Флэзвелл рассеянно кивнул. Он крепко задумался. Эта девушка, по всему видно, лишена достоинств образцовой колонистки. Но она удивительно хороша собой. Почему бы не превратить ее пребывание здесь в нечто приятное для обеих сторон?

— При сложившихся условиях,— сказал он со своей самой располагающей улыбкой,— ничто не мешает нам стать друзьями.

— При каких это условиях?

— Просто мы единственные люди на всем астероиде.— И он слегка прикоснулся к ее плечу.— Давайте выпьем! Вы расскажете мне о себе. Были вы...

Но тут за его спиной раздался оглушительный лязг. Он повернулся и увидел, что из особого отделения в контейнере вылезает небольшой коренастый робот, сидевший там на корточках.

— Чего вам здесь нужно? — спросил Флэзвелл.

— Я — брачущий робот, — сказал робот. — Уполномочен государством регистрировать браки в космосе. А также прикомандирован компанией Рэбек-Уорд к этой молодой леди на правах ее опекуна, дуэньи и защитника — пока моя основная миссия, а именно свершение брачного обряда, не будет успешно выполнена.

— Наглый холуй, проклятый робот! — чертыхнулся Флэзвелл.

— А чего же вы ждали? — спросила Шейла. — Уж не свежезамороженного ли священника?

— Конечно, нет! Но согласитесь: робот-дуэнья...

— Лучшей и быть не может! — запротестовала она. — Вы не представляете, как некоторые мужчины ведут себя на расстоянии нескольких световых лет от Земли.

— Вы так думаете?

— По крайней мере так говорят, — ответила Шейла, скромно потупившись. — Да и согласитесь, нареченная невеста паши де Шре не может путешествовать без охраны.

— Возлюбленные чада, — загнул робот нараспев, — мы собрались здесь, чтобы соединить...

— Не сейчас, — надменно оборвала его Шейла. — И не с этим...

— Я поручу роботам приготовить для вас комнату, — прорычал Флэзвелл и удалился, ворча себе что-то под нос насчет Бремени Человека.

Он послал радиограмму Рэбек-Уорду, и ему сообщили, что заказанная модель невесты будет выслана безотлагательно, а самозванку у него заберут. После чего он возвратился к обычным своим трудам с твердым намерением не замечать Шейлу и ее дуэнью.

На «Шансе» опять закипела работа. Предстояло разведать новые месторождения тория и вырыть новые колодцы. Приближался сбор урожая, роботы долгие часы проводили в поле и в садах, их честные металлические физиономии лоснились от машинного масла, воздух был напоен благоуханием цветущего дира.

Между тем Шейла заявляла о своем присутствии с вкрадчивой, но тем более ощутимой силой. Вскоре над голыми лампочками люминесцентного света заpestрели пластмассовые абажуры, угрюмые окна украсились занавесками, а пол — разбросанными там и сям половиками. Да и вообще во всем доме замечались перемены, которые Флэзвелл не так видел, как ощущал.

Стало разнообразнее и питание. У робота-повара от времени стерлась во многих местах его памятная лента, и теперь все меню бедняги сводилось к беф-строганову, огуречному салату, рисовому пудингу и какао. Все время своего пребывания на «Шансе» Флэзвелл стоически обходился этим меню и только иногда разнообразил его пайками НЗ.

Взяв повара в работу, Шейла с поистине железным терпением нанесла на его ленту рецепты жаркого, тушеного мяса, салата оливье, яблочного пирога и многое другое. Таким образом, в отношении питания на «Шансе» наметились крупные перемены к лучшему. Когда же Шейла начала заполнять вакуумные баллоны смиссовым джемом, Флэзвелла окончательно одолели сомнения.

Что ни говори, а рядом — на редкость практичная и деловитая особа; несмотря на расточительную внешность, она делает все, что требуется от пограничной жены. Плюс у нее еще и другие достоинства! Далась ему эта рэбеко-урдовская пограничная модель!

Поразмыслив на эту тему, Флэзвелл сказал своему старшему роботу:

— Ганга-Сэм, у меня с этим делом положительно ум за разум заходит!

— Чего изволите? — отозвался старший робот с каким-то особенно безразличным выражением на металлическом лице.

— Мне сейчас, как никогда, необходима ваша роботовская интуиция, — продолжал Флэзвелл. — Она себя совсем неплохо показала, верно, Ганга-Сэм?

— Человек-Женщина взяла на себя свою, положенную ей долю Бремени Человека.

— Да, так оно и есть. Вопрос, на сколько ее хватит? Сейчас она делает не меньше, чем делала бы образцовая пограничная жена, верно? Стряпает, заготавливает консервы...

— Рабочие ее любят, — сказал Ганга-Сэм с простодушным достоинством. — Вы и не знаете, сэр: когда на прошлой неделе у нас началась эпидемия ржавчины, мам пользовала нас ночью и днем и утешала испуганных молодых рабочих.

— Возможно ли? — воскликнул потрясенный Флэзвелл. — Девушка из хорошего дома, одно слово — модель «люкс»?..

— Неважно, она — Человек, и у нее хватило силы и благородства взвалить на себя Бремя Человека.

— А знаешь? — сказал Флэзвелл с запинкой. — Ты меня убедил. Я и в самом деле считаю, что она подходит нам. Не ее вина, что она не пограничная модель. Все зависит от отбора и ухода, тут уж ничего не попишешь. Пойду скажу ей, пусть остается. И аннулирую свой заказ Рэбеку.

В глазах робота вспыхнуло странное выражение — почти смех. Он низко поклонился и сказал:

— Все будет, как хозяин скажет.
Флэзвелл побежал искать Шейлу.

Он нашел ее на медпункте, устроенном в бывшем складе инструментов. Здесь с помощью роботехника Шейла лечила вывихи и ссадины, эти обычные хвори у существ с металлической кожей.

— Шейла,— сказал Флэзвелл,— мне надо с вами поговорить.

— Ладно,— отозвалась она рассеянно,— вот только закреплю болт.— Она искусно вставила болт на место и потрепала робота по плечу гаечным ключом.

— А теперь, Педро, испробуем твою ногу.

Робот осторожно ступил на больную ногу, а потом налег на нее всей тяжестью. Убедившись, что она его держит, он со смешными ужимками заплясал вокруг Человека-Женщины, приговаривая:

— Ай да мэм, вы замечательно ее исправили, босс-леди! Грациас, мэм!

Все так же смешно пританцовывая, он вышел на солнце.

Флэзвелл и Шейла, посмеиваясь, смотрели ему вслед.

— Они совсем как дети! — сказал Флэзвелл.

— Их нельзя не любить,— подхватила Шейла.— Веселые, беззаботные...

— Но у них нет души,— напомнил Флэзвелл.

— Да,— отозвалась она, сразу посерьезнев.— Это правда. Так зачем же я вам понадобилась?

— Я хотел вам сказать...— Но тут Флэзвелл огляделся. Медпункт содержался в безукоризненной, стерильной чистоте. Повсюду на полках лежали гаечные ключи, болты, шурупы, ножовки, пневматические молотки и прочий хирургический инструментарий. Пожалуй, об-

становка не благоприятствовала объяснению, к которому он готовился.

— Давайте уйдем отсюда,— сказал он.

Они вышли из больницы и цветущими зелеными садами направились к подножию любимых Флэзвеллом величественных гор. Затененный отвесными утесами, тут поблескивал тихий, темный пруд, а над ним склонились гигантские деревья, выращенные Флэзвеллом при помощи стимуляторов роста.

Здесь они остановились.

— Вот что я хотел вам сказать,— начал Флэзвелл.— Вы, Шейла, меня удивили. Я думал, вы из этих белоручек, не знающих, куда себя девать. Ваши привычки, ваше воспитание, да и ваша наружность — все указывало на это. Но я был не прав. Вы не убоились трудностей нашей пограничной жизни, вы одержали верх и завоевали все сердца.

— Все ли? — вкрадчиво спросила Шейла.

— По-моему, я говорю от имени каждого робота на этом астероиде. Они вас боготворят. Я считаю, что вы наша и должны остаться здесь.

Наступила пауза, только хлопотун ветер шелестел в гигантских искусственно взращенных деревьях и рябил темную поверхность озера.

Наконец она сказала:

— Вы и в самом деле думаете, что мне нужно здесь остаться?

Флэзвелла захлестнуло ее пленительное очарование, он чувствовал, что тонет в топазовой глубине ее глаз. Сердце его учащенно забилося, он коснулся ее руки, и она чуть-чуть задержала его пальцы в своих.

— Шейла...

— Да, Эдвард?..

— Возлюбленные чада! — пролаял скрипучий металлический голос. — Мы собрались здесь, чтобы...

— Опять вы не вовремя, болван! — разгневалась Шейла.

Брачущий робот выступил из кустов и сказал недовольно:

— Уж я-то меньше всего люблю соваться в дела людей, но такова программа, записанная в моем запоминающем устройстве, и никуда от этого не денешься! Если вы меня спросите, так эти физические контакты вообще ни к чему. Чтобы убедиться на опыте, я и сам как-то попробовал обняться с роботом-швеей. И заработал здоровую ссадину. А раз я даже почувствовал во всем теле что-то вроде электрического тока или колотья и в глазах у меня замелькали какие-то геометрические фигуры. Гляжу, а это с провода сорвался изолятор. Ощущение было не из приятных...

— Наглый холуй, проклятый робот! — чертыхнулся Флэзвелл.

— Не считите меня навязчивым. Я только хотел объяснить, что и сам не вижу смысла в инструкции всемерно препятствовать физическому сближению до венчального обряда. Но, к сожалению, приказ есть приказ. А потому нельзя ли нам сейчас покончить с этим делом?

— Нет! — грозно сказала Шейла.

И робот, покорно пожав плечами, опять полез в кусты.

— Терпеть не могу, когда робот забывается! — сказал Флэзвелл. — Но это уже не имеет значения!

— Что не имеет значения?

— Да, — сказал Флэзвелл убежденно, — вы ни в чем не уступите ни одной пограничной невесте, и при этом вы куда красивее. Шейла, согласны вы стать моей женой?

Робот, неуклюже возившийся в кустарнике, снова выполз наружу.

— Нет! — сказала Шейла.

— Нет? — повторил озадаченный Флэзвелл.

— Вы меня слышали! Нет. Ни под каким видом!

— Но почему же? Вы так нам подходите, Шейла! Роботы вас боготворят. Никогда они так не работали...

— Меня вот ни столечко не интересуют ваши роботы! — воскликнула она, выпрямившись во весь рост, — волосы ее растрепались, глаза метали молнии. — И ни капли не интересует ваш астероид. А тем более не интересуете вы! Я хочу на Сиригар V, там мой нареченный паша будет меня на руках носить!

Оба смотрели друг на друга в упор: она — бледная от гнева, он — красный от смущения.

— Ну как, прикажете начинать? — осведомился брачующий робот. — Возлюбленные чада...

Шейла повернулась и стрелой помчалась к дому.

— Ничего не понимаю! — плакался робот. — Когда же мы наконец сотворим обряд?

— Обряда вообще не предвидится, — оборвал его Флэзвелл и прошествовал домой с гордым видом, внутренне кипя от злости.

Робот поколебался с минуту, испустил вздох, отдававший металлом, и пустился догонять образцовую невесту «ультралюкс».

Всю ночь Флэзвелл просидел в своей комнате, усиленно прикладываясь к бутылке и что-то бормоча себе под нос. С рассветом верный Ганга-Сэм постучался и вошел к нему в комнату.

— Вот они, женщины! — бросил Флэзвелл своему верному приближенному.

— Чего изволите? — откликнулся Ганга-Сэм.

— Я никогда их не пойму! Она меня за нос водила. Я-то думал — она метит здесь остаться. Я-то думал...

— Душа Мужчины темна и смутна, — сказал Ганга-Сэм. — Но она прозрачна как кристалл по сравнению с душой Женщины.

— Откуда это у тебя? — спросил Флэзвелл.

— Старая поговорка роботов.

— Удивляете вы меня, роботы! Иногда мне кажется, что у вас есть душа.

— О нет, мистер Флэзвелл, босс! В спецификации по роботехнике особо указано, что роботов надо строить без души, чтобы избавить их от страданий.

— Мудрое указание, — сказал Флэзвелл, — не мешало бы подумать об этом и в отношении Людей. Ну, да черт с ней! Ты-то зачем пожаловал?

— Я пришел доложить, что грузовой корабль вот-вот приземлится.

Флэзвелл побледнел.

— Как, уже? Значит, он привез мою невесту?

— Надо думать.

— А Шейлу увезет на Сирингар?

— Определенно!

Флэзвелл застонал и схватился за голову. А потом выпрямился и сказал:

— Ладно, ладно! Пойду посмотрю, готова ли она.

Он нашел Шейлу в столовой: она стояла у окна и смотрела, как корабль снижается по спирали.

— Желаю вам счастья, Эдвард, — сказала она. — Надеюсь, новая невеста не обманет ваших ожиданий.

Корабль приземлился, и роботы начали вытаскивать большой контейнер.

— Пойду, — сказала Шейла. — Они не станут долго ждать.

Она протянула ему руку.

Он стиснул ей пальцы и сам не заметил, как схватил ее за плечо. Она не противилась, да и брачущий робот почему-то не ворвался в комнату. Флэзвелл и сам не помнил, как она очутилась в его объятиях. Он поцеловал ее, и это было словно на горизонте засияло новое солнце.

Наконец он сказал осипшим голосом и будто себе не веря: — Вот так-так.

Флэзвелл дважды кашлянул.

— Шейла, я люблю тебя! У меня тебе, конечно, не видать роскоши, но если ты останешься...

— Наконец-то ты догадался, что любишь меня, дурачок! — сказала она. — Конечно же, я остаюсь.

Наступили поистине головокружительные, упоительные минуты. Но тут за окном раздался гомон роботов. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился брачущий в сопровождении Ганга-Сэма и двух сельскохозяйственных роботов.

— Вот уж действительно! Даже не верится! — восклицал брачущий. — Думал ли я дожить до дня, когда робот восстанет на работа.

— Что случилось? — спросил Флэзвелл.

— Этот ваш мастер сидел у меня на загривке, — пожаловался брачущий, — а его дружки держали меня за ноги. Но ведь я рвался сюда, чтобы свершить обряд, предписанный правительством и фирмой Рэбек-Уорд!

— Что же это ты, Ганга-Сэм? — спросил Флэзвелл, ухмыляясь.

Брачущий тем временем бросился к Шейле.

— Ну как, вы живы? И с вами ничего не случилось? Ни ссадин, ни коротких замыканий?

— Нет, нет, все обошлось,— выдохнула Шейла, с трудом приходя в себя.

— Это все я натворил, босс, сэр,— повинился Ганга-Сэм.— Каждому известно, что Мужчина и Женщина должны во время жениховства побыть вдвоем. Я только делал то, что считал своим долгом в отношении Человечьей Расы, мистер Флэзвелл, босс, сайб!

— Молодчина, Ганга-Сэм, я очень тебе обязан... О господи...

— Что случилось? — испуганно отозвалась Шейла.

Флэзвелл уставился в окно. Роботы волокли к дому большой контейнер.

— Это она, образцовая пограничная невеста! Что же нам делать, мой ангел? Ведь я тогда от тебя отказался и затребовал другую. Как теперь быть с контрактом?

— Не беспокойся,— рассмеялась Шейла.— В ящике нет никакой невесты. Сразу же по получении твой заказ был аннулирован.

— Неужели?

— В том-то и дело! — Она смущенно потупилась.— Но ты на меня, пожалуй, рассердишься...

— Не рассержусь,— обещал он.— Только объясни мне...

— Видишь ли, все ваши портреты, жителей границы, вывешены в конторе фирмы, так что невесты видят, с кем им придется встретиться. Они-то вольны выбирать жениха по вкусу, и я так долго торчала там — просила, чтоб меня выписали из моделей «ультралюкс», пока... пока не познакомилась с заведующим столом заказов. И вот,— выпалила она залпом,— упростила его послать меня сюда.

— А как же паша де Шре?

— Я его выдумала.

— Но зачем? — развел руками Флэзвелл. — Ты так красива...

— ...что каждый видит во мне игрушку для какого-нибудь жирного, развратного идиота, — подхватила она с горячностью. — А я этого не хочу. Я хочу быть женой. Я не хуже любой из этих толстомясых дурнушек.

— Лучше! — сказал он.

— Я умею стряпать, и лечить роботов, и вести хозяйство. Разве нет? Разве я не доказала?

— Еще бы, дорогая!

Но Шейла ударилась в слезы.

— Никто, никто мне не верил! Пришлось пуститься на хитрость. Мне надо было побыть здесь достаточно долго, чтобы ты успел... ну, успел в меня влюбиться!

— Что я и сделал, — заключил он, утирая ей слезы. — Все кончилось так, что лучше не надо. Да и вообще вся эта история — счастливая случайность.

На металлических щеках Ганга-Сэма выступило что-то вроде краски.

— А разве не случайность? — спросил Флэзвелл.

— Видите ли, сэр, мистер Флэзвелл, эфенди, известно, что Человеку-Мужчине требуется красивая Человек-Женщина. Пограничная модель ничего приятного в этом смысле не обещала, а мемсаиб Шейла — дочь друзей моего прежнего хозяина. Я и взял на себя смелость послать ваш заказ лично ей. Она упросила своего знакомого в столе заказов показать ей ваш портрет, а затем и переправить ее сюда. Надеюсь, вы не сердитесь на вашего смиренного слугу за такую вольность.

— Разрази меня гром! — наконец выдавил из себя Флэзвелл. — Я всегда говорил — никто не понимает лю-

дей лучше вас, роботов. Но что же в этом контейнере? — обратился он к Шейле.

— Мои платья, мои безделушки, мои ботинки, моя косметика, мой парикмахер, мой...

— Но...

— Тебе самому будет приятно, дорогой, чтобы твоя женушка хорошо выглядела, когда мы поедем с визитами. В конце концов, Цитера V всего в пятнадцати летних днях отсюда. Я справлялась еще до того, как к тебе ехать.

Флэзвелл покорно кивнул. Разве можно было ожидать чего-нибудь другого от образцовой невесты марки «ультралюкс»?

— Пора! — приказала Шейла, повернувшись к брачущему роботу.

Робот не отвечал.

— Пора! — прикрикнул на него Флэзвелл.

— А вы уверены? — хмуро спросил робот.

— Уверены! Начинайте!

— Ничего не понимаю! — пожаловался брачущий. — Почему именно теперь? Почему не на прошлой неделе? Или я — единственное здесь разумное существо? Ну да ладно! Возлюбленные чада...

Наконец церемония состоялась. Флэзвелл не поскупился дать своим роботам три свободных дня, и они пели, плясали и праздновали на свой беспечный роботский лад.

С той поры на «Шансе» наступили другие времена. У Флэзвеллов началось нечто вроде светской жизни: они сами бывали в гостях и принимали у себя гостей, такие же супружеские пары в радиусе пятнадцати — двадцати световых дней, с Цитеры III, Тама и Рандико I. Зато все остальное время Шейла гнула свою линию безупречной пограничной супруги, почитаемой ро-

ботами и боготворимой своим мужем. Брачующий робот, следуя стандартной инструкции, занял на астероиде место счетовода и бухгалтера — по своему умственному багажу он как нельзя лучше подходил для этой должности. Он часто говаривал, что без него здесь все пошло бы прахом.

Ну, а роботы продолжали выдавать на гора торий; дир, олдж и смис расцветали в садах, и Флэзвелл с Шейлой делили меж собой Бремя Человека.

Флэзвелл не мог нахвалиться своими поставщиками Рэбеком и Уордом. Но Шейла — та знала, что истинное счастье в том, чтобы иметь под рукой такого старшего робота, как преданный Ганга-Сэм, даром что у него не было души.

ОРДЕР НА УБИЙСТВО

Том Рыбак никак не предполагал, что его ждет карьера преступника. Было утро. Большое красное солнце только что поднялось над горизонтом вместе с плетущимся за ним маленьким желтым спутником, который едва поспевал за солнцем. Крохотная, аккуратная деревушка — диковинная белая точка на зеленом пространстве планеты — поблескивала в летних лучах своих двух солнц.

Том только что проснулся у себя в домике. Он был высокий молодой мужчина с дубленной на солнце кожей; от отца он унаследовал продолговатый разрез глаз, а от матери — простодушное нежелание обременять себя работой. Том не спешил: до осенних дождей не рыбачат, а значит, и настоящей работы для рыбака нет. До осени он намерен был немного поваландаться и починить рыболовную снасть.

— Да говорят же тебе: крыша должна быть красная! — донесся до него с улицы голос Билли Маляра.

— У церквей никогда не бывает красных крыш! — кричал в ответ Эд Ткач.

Том нахмурился. Он совсем было позабыл о переменах, которые произошли в деревне за последние две

недели, поскольку лично его они никак не касались. Он надел штаны и неторопливо зашагал на деревенскую площадь.

Там ему сразу бросился в глаза большой новый плакат, гласивший:

**ЧУЖДЫМ ЭЛЕМЕНТАМ
ДОСТУП В ПРЕДЕЛЫ ГОРОДА ЗАПРЕЩЕН!**

Никаких чуждых элементов на всем пространстве планеты Новый Дилавер не существовало. На ней росли леса и стояла только эта одна-единственная деревушка. Плакат имел чисто риторическое значение, выражая определенную политическую тенденцию.

На площади помещались церковь, тюрьма и почта. Все три здания в результате бешеной деятельности были воздвигнуты за последние две сумасшедшие недели и поставлены аккуратно в ряд, фасадами на площадь. Никто не знал, что с ними делать: деревня уже свыше двух столетий недурно обходилась и без них. Но теперь, само собой разумеется, их необходимо было построить.

Эд Ткач стоял перед только что воздвигнутой церковью и прищурившись глядел вверх. Билли Маляр с опасностью для жизни балансировал на крутом скате церковной крыши. Его рыжеватые усы возмущенно топорщились. Внизу собралась небольшая толпа.

— Да пошел ты к черту! — сердился Билли Маляр. — Говорят тебе, я как раз на прошлой неделе все это прочел. Белая крыша — пожалуйста. Красная крыша — ни в коем случае.

— Нет, ты что-то путаешь, — сказал Ткач. — Как ты считаешь, Том?

Том пожал плечами; у него не было своего мнения на этот счет. И тут откуда ни возьмись, весь в поту, по-

явился мэр. Полы незаправленной рубахи свободно колыхались вокруг его большого живота.

— Слезай! — крикнул он Билли. — Я все нашел в книжке. Там сказано: маленькое красное школьное здание, а не церковное здание.

У Билли был очень рассерженный вид. Он вообще был человек раздражительный. Все Маляры народ раздражительный. Но с тех пор, как мэр на прошлой неделе назначил Билли Маляра начальником полиции, у Билли окончательно испортился характер.

— Но у нас же ничего такого нет. Нет этого самого — маленького школьного здания, — продолжал упорствовать Билли, уже наполовину спустившись с лестницы.

— А вот мы его сейчас и построим, — сказал мэр. — И придется поторопиться.

Он глянул на небо. Невольно все тоже поглядели вверх. Но там пока еще ничего не было видно.

— А где же эти ребята, где Плотники? — спросил мэр. — Сид, Сэм, Марв — куда вы подевались?

Из толпы высунулась голова Сиды Плотника. Он все еще ходил на костылях, с тех пор как в прошлом месяце свалился с дерева, когда доставал яйца из птичьих гнезд. Все Плотники были не мастера лазать по деревьям.

— Остальные ребята сидят у Эда Пиво, — сказал Сид.

— Конечно, где же им еще быть! — прозвучал в толпе возглас Мэри Паромщицы.

— Ладно, позови их, — сказал мэр. — Нужно построить маленькое школьное здание, да побыстрей. Скажи им, чтобы строили рядом с тюрьмой. — Он повернулся к Билли Маляру, который уже спустился на землю. — А ты, Билли, покрасишь школьное здание хорошей, яр-

кой красной краской. И снаружи, и изнутри. Это очень важно.

— А когда я получу свою полицейскую бляху? — спросил Билли. — Я читал, что все начальники полиции носят бляхи.

— Сделай ее себе сам, — сказал мэр. Он вытер лицо подолом рубахи. — Ну и жарыща! Что бы этому инспектору прибыть зимой... Том! Том Рыбак! У меня есть очень важное поручение для тебя. Пойдем, я тебе сейчас все растолкую.

Мэр обнял Тома за плечи, они пересекли пустынную рыночную площадь и по единственной мощеной улице направились к дому мэра. В былые времена дорожным покрытием служила здесь хорошо слежавшаяся грязь. Но былые времена кончились две недели назад, и теперь улица была вымощена битым камнем. Ходить по ней босиком стало так неудобно, что жители деревни предпочитали лазать друг к другу через забор. Мэр, однако, ходил по улице — для него это было делом чести.

— Послушайте, мэр, ведь я сейчас отдыхаю...

— Какой теперь может быть отдых? — сказал мэр. — Только не сейчас. Он ведь может появиться в любой день.

Мэр пропустил Тома вперед, они вошли в дом, и мэр плюхнулся в большое кресло, придвинутое почти вплотную к межпланетному радио.

— Том, — без проволоочки приступил к делу мэр, — как ты насчет того, чтобы стать преступником?

— Не знаю, — сказал Том. — А что такое преступник?

Беспокойно поерзав в кресле и положив руку — для пущего авторитета — на радиоприемник, мэр сказал:

— Это, понимаешь ли, вот что... — и принялся разъяснять.

Том слушал, слушал, и чем дальше, тем меньше ему это нравилось. А во всем виновато межпланетное радио, решил он. Жаль, что оно и в самом деле не сломалось.

Никто не верил, что оно когда-нибудь может заговорить. Один мэр сменял другого, одно поколение сменялось другим, а межпланетное радио стояло и покрывалось пылью в конторе — последнее безмолвное звено, связующее их планету с Матерью-Землей. Двести лет назад Земля разговаривала с Новым Дилавером, и с Фордом IV, и с альфой Центавра, и с Новой Испанией, и с прочими колониями, входившими в Содружество демократий Земли. А потом все сообщения прекратились.

На Земле, по-видимому, шла война. Новый Дилавер с его единственной деревушкой был слишком мал и слишком далек, чтобы принимать участие в войне. Дилаверцы ждали известий, но никаких известий не поступало. А потом в деревне начался мор и унес в могилу три четверти населения.

Мало-помалу деревня оправилась. Жители приспособились, зажили своим особым укладом, который постепенно стал для них привычным. Они позабыли про Землю.

Прошло двести лет.

И вот две недели назад древнее радио закашляло и возродилось к жизни. Час за часом оно урчало и плевалось атмосферными помехами, а вся деревня столпилась на улице возле дома мэра.

Наконец стали различимы слова:

— ...ты слышишь меня? Новый Дилавер! Ты меня слышишь?

— Да, да, мы тебя слышим,— сказал мэр.

— Колония все еще существует?

— А то как же! — горделиво отвечал мэр.

Голос стал строг и официален:

— В течение некоторого времени из-за неустойчивости внутреннего положения мы не поддерживали контакта с нашими внесемными колониями. Но теперь с этим покончено, осталось навести кое-где порядок. Вы, Новый Дилавер, по-прежнему являетесь колонией Империи Земли и, следовательно, должны подчиняться ее законам. Вы подтверждаете этот статус?

Мэр смутился. Во всех книгах Земля упоминалась как Содружество демократий. Но, в конце концов, за два столетия название могло перемениться.

— Мы по-прежнему верны Земле, — с достоинством отвечал мэр.

— Отлично. Это освобождает нас от необходимости посылать экспедиционный корпус. С ближайшей планеты к вам будет направлен инспектор-резидент, чтобы проверить, действительно ли вы придерживаетесь обычаев, установлений и традиций, принятых на Земле.

— Как вы сказали? — обеспокоенно спросил мэр.

Строгий голос взял октавой выше:

— Вы, разумеется, отдаете себе отчет в том, что во Вселенной есть место только для одного разумного существа — для Человека! Все остальное должно быть уничтожено раз и навсегда! Мы не потерпим проникновения к нам каких бы то ни было чуждых элементов. Надеюсь, вы меня понимаете, Генерал?

— Я не генерал. Я мэр.

— Вы возглавляете, не так ли?

— Да, но...

— В таком случае вы — Генерал. Разрешите мне продолжать. В нашей Галактике не может быть места чуждым элементам. Это исключено! Совершенно так

же в ней не может быть места какой бы то ни было человеческой культуре, хоть чем-либо отличающейся от нашей и, следовательно, нам чуждой. Невозможно управлять Империей, если каждый будет делать, что ему заблагорассудится. Порядок должен быть установлен любой ценой.

Мэр судорожно глотнул воздух и впился глазами в радио.

— Помните, что вы управляете колонией Земли, Генерал, и не должны допускать никаких отклонений от нормы, никакого радикализма, наподобие свободы воли, свободы любви, свободных выборов или еще чего-либо, внесенного в проскрипционные списки. Все это нам чуждо, а ко всему чуждому мы будем беспощадны. Наведите у себя в колонии порядок, Генерал. Инспектор прибудет к вам в течение ближайших двух недель. Это все.

В деревне был срочно созван митинг: требовалось немедленно решить, как наилучшим образом выполнить наказ Земли. Сошлись на том, что нужно со всей возможной быстротой перестроить привычный уклад жизни на земной манер в соответствии с древними книгами.

— Что-то я никак в толк не возьму, зачем нам преступник,— сказал Том.

— На Земле преступник играет чрезвычайно важную роль в жизни общества,— объяснил мэр.— На этом все книги сходятся. Преступник не менее важен, чем, к примеру, почтальон. Или, скажем, начальник полиции. Только разница в том, что действия преступника должны быть антисоциальны. Он должен действовать во вред обществу, понимаешь, Том? А если у нас никто не будет действовать во вред обществу, как мы можем заставить кого-нибудь действовать на его пользу? Тогда все это будет ни к чему.

Том покачал головой.

— Все равно не понимаю, зачем это нужно.

— Не упрямясь, Том. Мы должны все устроить на земной манер. Взять хотя бы эти мощенные дороги. Во всех книгах про них написано. И про церкви, и про школы, и про тюрьмы. И во всех книгах написано про преступников.

— А я не стану этого делать,— сказал Том.

— Встань же ты на мое место! — взмолился мэр.— Появляется инспектор и встречает Билли Маляра, нашего начальника полиции. Инспектор хочет видеть тюрьму. Он спрашивает: «Ни одного заключенного?» А я отвечаю: «Конечно, ни одного. У нас здесь преступлений не бывает». «Не бывает преступлений? — говорит он.— Но во всех колониях Земли всегда совершаются преступления. Вам же это хорошо известно». «Нам это не известно,— отвечаю я.— Мы даже понятия не имели о том, что значит это слово, пока на прошлой неделе не поглядели в словарь». «Так зачем же вы построили тюрьму? — спросил он меня.— Для чего у вас существует начальник полиции?»

Мэр умолк и перевел дыхание.

— Ну, ты видишь? Все пойдет прахом. Инспектор сразу поймет, что мы уже не настоящие земляне. Что все это для отвода глаз. Что мы чуждый элемент!

— Хм,— хмыкнул Том, невольно подавленный этими доводами.

— А так,— быстро продолжал мэр,— я могу сказать: разумеется, у нас есть преступления — совсем как на Земле. У нас есть вор и убийца в одном лице — комбинированный вор-убийца. У бедного малого были дурные наклонности, и он получился какой-то неуравновешенный. Однако наш начальник полиции уже собрал улики, и в течение ближайших суток преступник будет

арестован. Мы запрячем его за решетку, а потом амнистируем.

— Что это значит — амнистируем? — спросил Том.

— Не знаю точно. Выясню со временем. Ну, теперь ты видишь, какая это важная птица — преступник?

— Да, похоже, что так. Но почему именно я?

— Все остальные мне нужны для других целей. И кроме того, у тебя узкий разрез глаз. У всех преступников узкий разрез глаз.

— Не такой уж у меня узкий. Не уже, чем у Эда Ткача.

— Том, прошу тебя, — сказал мэр. — Каждый из нас делает что может. Ты же хочешь нам помочь, так или нет?

— Хочу, конечно, — неуверенно сказал Том.

— Вот и прекрасно. Ты будешь наш городской преступник. Вот, смотри, все будет оформлено по закону.

Мэр протянул Тому документ. В документе было сказано:

«Ордер на убийство. К всеобщему сведению. Предъявитель сего, Том Рыбак, официально уполномочивается осуществлять воровство и убийство. В соответствии с этим ему надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой, и нарушать закон».

Том перечел этот документ дважды. Потом спросил:

— Какой закон?

— Это я тебе сообщу, как только его издам, — сказал мэр. — Все колонии Земли имеют законы.

— Но что я все-таки должен делать?

— Ты должен воровать. И убивать. Это не так уж трудно. — Мэр подошел к книжному шкафу и достал с полки старинный многотомный труд, озаглавленный

«Преступник и его среда. Психология убийцы. Исследование мотивов воровства».

— Здесь ты найдешь все, что тебе необходимо знать. Вору на здоровье, сколько влезет. Ну, а насчет убийств — один раз, пожалуй, будет достаточно. Тут перестараться тоже не след.

Том кивнул.

— Правильно. Может, я и разберусь что к чему.

Он взял книги в охапку и пошел домой.

День был нестерпимо жаркий, и весь этот разговор о преступлениях очень утомил и расстроил Тома. Он улегся на кровать и принялся изучать древние книги.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Том, протирая глаза.

Марв Плотник, самый старший и самый длинный из всех длинных, рыжеволосых братьев Плотников, появился в дверях в сопровождении старика Джеда Фермера. Они несли небольшую торбу.

— Ты теперь городской преступник, Том? — спросил Марв.

— Похоже, что так.

— Тогда это для тебя. — Они положили торбу на пол и вынули оттуда маленький топорик, два ножа, гарпун, палку и дубинку.

— Что это вы принесли? — спросил Том, спуская ноги с кровати.

— Оружие принесли, а по-твоему, что? — раздраженно сказал Джед Фермер. — Какой же ты преступник, если у тебя нет оружия?

Том почесал в затылке.

— Это ты точно знаешь?

— Тебе бы самому пора разобраться в этом деле, — все так же ворчливо сказал Фермер. — Не жди, что мы все будем делать за тебя.

Марв Плотник подмигнул Тому.

— Джед злится, потому что мэр назначил его почтальоном.

— Я свой долг исполняю,— сказал Джед.— Противно только писать самому все эти письма.

— Ну, уж не так это, думается мне, трудно,— ухмыльнулся Марв Плотник.— А как же почтальоны на Земле справляются? Им куда больше писем написать надо, сколько там людей-то! Ну, желаю удачи, Том.

Они ушли.

Том склонился над оружием, чтобы получше его рассмотреть. Он знал, что это за оружие: в древних книгах про него много было написано. Но в Новом Дилавере практически еще никто никогда не пускал в ход оружия. Единственные животные, обитавшие на планете,— маленькие безобидные пушистые зверьки, убежденные вегетарианцы,— питались одной травой. Обращать же оружие против своих земляков—такого, разумеется, никому еще не приходило в голову.

Том взял один из ножей. Нож был холодный. Том потрогал кончик ножа. Он был острый.

Том встал и зашагал из угла в угол, поглядывая на оружие. И каждый раз, как он на него глядел, у него противно холодело в животе. Он подумал, что слишком поспешно взялся за это поручение.

Впрочем, пока особенно беспокоиться не о чем. Ведь сначала ему надо прочитать все эти книги. А тогда, быть может, он еще докопается, какой во всем этом смысл.

Он читал несколько часов подряд—оторвался от чтения только раз, чтобы слегка перекусить. Книги были написаны очень толково. Разнообразные методы,

применяемые преступниками, разбирались весьма подробно и вполне доступно, иной раз даже с диаграммами. Однако все в целом выглядело совершенно бессмысленно. Для чего нужно совершать преступления? Кому от этого польза? Что это может дать людям?

На такие вопросы книги не давали ответа. Том перелистывал страницы, разглядывал фотографии преступников. У них был очень-серьезный, сосредоточенный вид; казалось, они в полной мере сознают свое значение в обществе. Тому очень хотелось бы понять, в чем же это значение. Быть может, тогда все бы прояснилось.

— Том? — раздался за окном голос мэра.

— Я здесь, мэр, — отозвался Том.

Дверь приотворилась, и мэр просунул голову в комнату. Из-за его спины выглядывали Джейн Фермерша, Мэри Паромщица и Элис Повариха.

— Ну, так как же, Том? — спросил мэр.

— Что — как же?

— Когда думаешь начать?

Том смущенно улыбнулся.

— Да вот собираюсь, — сказал он. — Читаю книжки, разобраться хочу...

Три почтенные дамы уставились на него, и Том умолк в замешательстве.

— Ты попусту тратишь время, — сказала Элис Повариха.

— Все работают, никто не сидит дома, — сказала Джейн Фермерша.

— Неужто так трудно что-нибудь украсть? — вызывающе крикнула Мэри Паромщица.

— Это верно, Том, — сказал мэр. — Инспектор может пожаловать к нам в любую минуту, а у нас до сих пор нет ни одного преступления. Нам ему и предъявить будет нечего.

— Хорошо, хорошо,— сказал Том.

Он сунул нож и дубинку за пояс, взял торбу, чтобы было куда класть награбленное, и вышел из дому.

Но куда направиться? Было около трех часов пополудни. Рынок — по сути дела, наиболее подходящее место для краж — будет пустовать до вечера. К тому же Тому очень не хотелось воровать при свете дня. Это выглядело бы как-то непрофессионально.

Он достал свой ордер, предписывавший ему совершать преступления, и перечитал его еще раз от начала до конца: «...надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой...»

Все ясно! Он будет околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Там он может выработать себе какой-нибудь план и настроиться на нужный лад. Вот только выбирать-то, собственно, было не из чего. В деревне имелся ресторан «Крошка», который держали две вдовые сестры, было «Местечко отдыха» Джефа Хмеля и, наконец, была таверна, принадлежавшая Эду Пиво.

Приходилось довольствоваться таверной.

Таверна помещалась в домике, мало чем отличавшемся от всех прочих домов деревни. Там была одна большая комната для гостей, кухня и жилые комнаты хозяев. Жена Эда стряпала и старалась поддерживать в помещении чистоту — насколько ей это позволяли боли в пояснице. Эд за стойкой разливал напитки. Эд был бледный, с сонными глазами и необыкновенной способностью тревожиться по пустякам.

— Здорово, Том,— сказал Эд.— Говорят, тебя назначили преступником.

— Да, назначили,— сказал Том.— Налей-ка мне перри-колы.

Эд Пиво нацедил Тому безалкогольного напитка из корнеплодов и беспокойно потоптался перед столиком, за которым устроился Том.

— Как же это так, почему ты сидишь здесь, вместо того чтобы красть?

— Я обдумываю,— сказал Том.— В моем ордере сказано, что я должен околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Вот я и сижу здесь.

— Ну, хорошо ли это с твоей стороны? — грустно спросил Эд Пиво.— Разве моя таверна пользуется дурной славой, Том?

— Хуже еды, чем у тебя, не сыщешь во всей деревне,— пояснил Том.

— Я знаю. Моя старуха не умеет стряпать. Но у нас здесь все по-доброму, по-семейному. И людям нравится заглядывать к нам.

— Теперь все будет по-другому, Эд. Я объявляю твою таверну моей штаб-квартирой.

Плечи Эда Пиво уныло поникли.

— Вот и старайся доставить людям удовольствие,— пробормотал он.— Они уж тебя так отблагодарят! — Он вернулся за стойку.

Том продолжал размышлять. Его удивляло, что это дается ему с таким трудом. Чем больше он старался, тем меньше было толку. Но он с мрачным упорством продолжал свое.

Прошел час. Ричи Фермер, младший сынишка Джеда, заглянул в дверь.

— Ты уже стащил что-нибудь, Том?

— Нет пока,— отвечал Том, сгорбившись над столом и все еще стараясь думать.

Знойный день тихо угасал. Вечер начал понемногу заглядывать в маленькие, не слишком чистые окна таверны. На улице застрекотали сверчки, и первый ночной ветерок прошелестел верхушками деревьев в лесу.

Грузный Джордж Паромщик и Макс Ткач зашли пропустить по стаканчику гявы. Они присели к столу Тома.

— Ну, как дела? — осведомился Джордж Паромщик.

— Плоховато, — сказал Том. — Никак что-то не получается у меня с этим воровством.

— Ничего, ты еще освоишься, — как всегда, неторопливо, серьезно и важно заметил Джордж Паромщик. — Уж кто-кто, а ты научишься.

— Мы в тебя верим, Том, — успокоил его Ткач.

Том поблагодарил их. Они выпили и ушли. Том продолжал размышлять, уставившись на пустой стакан.

Час спустя Эд Пиво смущенно кашлянул.

— Ты меня прости, Том, но когда же ты начнешь красть?

— Вот сейчас и начну, — сказал Том.

Он поднялся, проверил, на месте ли у него оружие, и направился к двери.

На рыночной площади уже шел обычный вечерний меновой торг, и товар грудami лежал на лотках или на соломенных циновках, разостланных на траве. Обмен производился без денег, и обменного тарифа не существовало. За пригоршню самодельных гвоздей можно было получить ведро молока или двух рыб или наоборот — в зависимости от того, что кому хотелось променять или в чем у кого возникла нужда. Подсчитывать, что сколько стоит, — этим никто себя не утруждал.

Это был единственный земной обычай, который мэру никак не удавалось ввести в деревне.

Когда Том Рыбак появился на площади, его приветствовали все.

— Воруешь понемногу, а, Том?

— Валяй, валяй, приятель!

— У тебя получится!

Ни одному жителю деревни еще не доводилось присутствовать при краже. Для них это был экзотический обычай далекой планеты Земли, и им очень хотелось поглядеть, как это делается. Все бросили свои товары и устремились за Томом, жадно следя за каждым его движением.

Том обнаружил, что у него дрожат руки. Ему совсем не нравилось, что столько народу будет смотреть, как он станет красть. Надо поскорее покончить с этим, решил он. Пока у него еще хватает духу.

Он внезапно остановился перед грудой фруктов, наваленной на лотке миссис Мельник.

— Довольно сочные как будто, — небрежно проронил он.

— Свеженькие, прямо из сада, — сказала миссис Мельник. Это была маленькая старушка с блестящими глазками. Тому вдруг припомнилось, как она вела нескончаемые беседы с его матерью в те далекие годы, когда его родители были еще живы.

— Да, очень сочные с виду, — сказал он, жалея, что не остановился у какого-нибудь другого лотка.

— Хорошие, хорошие, — сказала миссис Мельник. — Только сегодня после обеда собирала.

— Он сейчас начнет красть? — отчетливо прозвучал чей-то шепот.

— Ясное дело. Следи за ним! — так же шепотом раздалось в ответ.

Том взял большой зеленый плод и принялся его рассматривать. Толпа затаила дыхание.

— И правда, очень сочный на вид, — сказал Том и осторожно положил плод на место.

Толпа вздохнула.

За соседним лотком стоял Макс Ткач с женой и пятью ребятишками. Сегодня они вынесли на обмен два одеяла и рубашку. Когда Том, за которым двигалась целая толпа, подошел к ним, они застенчиво заулыбались.

— Эта рубашка как раз тебе впору, — поспешил заверить его Ткач. Ему очень хотелось, чтобы народ разошелся и не мешал Тому работать.

— Хм, — промычал Том, беря рубашку.

Толпа выжидающе зашевелилась. Какая-то девчонка нервно хихикнула. Том крепко вцепился в рубашку и начал развязывать свою торбу.

— Постой-ка! — Билли Маляр протолкался сквозь толпу. На поясе у него уже поблескивала бляха — старая монета с Земли. Выражение его лица безошибочно свидетельствовало о том, что он находится при исполнении служебных обязанностей.

— Что ты делаешь с этой рубашкой, Том? — спросил Билли.

— Я?.. Просто взял поглядеть.

— Просто взял поглядеть, вот как? — Билли отвернулся, заложив руки за спину. Затем стремительно повернулся на каблуках и уставил на Тома негнувшийся указательный палец. — А мне думается, что ты не просто взял ее поглядеть, Том. Мне думается, что ты собирался ее украсть!

Том ничего не ответил. Уличающая его торба была беспомощно зажата у него в руке, в другой руке он держал рубашку.

— Мой долг, как начальника полиции, — продолжал Билли, — охранять этих людей. Ты, Том, подозрительный субъект. Я считаю необходимым на всякий случай запретить тебя пока что в тюрьму для дальнейшего расследования.

Том понурил голову. Этого он не ожидал. А впрочем, ему было все равно.

Если его упрячут в тюрьму, с этим по крайней мере будет покончено. А когда Билли его выпустит, он сможет вернуться к своей рыбной ловле.

Внезапно сквозь толпу пробился мэр; подол рубахи развевался вокруг его объемистой талии.

— Билли! Ты что это делаешь?

— Исполняю свой долг, мэр. Том тут вел себя как-то подозрительно. А в книгах говорится...

— Я знаю, что говорится в книгах, — сказал мэр. — Я сам дал тебе эту книгу. Ты не можешь арестовать Тома. Пока еще нет.

— Так ведь у нас же в деревне нет другого преступника, — сокрушенно сказал Билли.

— А я чем виноват? — сказал мэр.

Билли упрямо поджал губы.

— В книге говорится, что полиция должна принимать предупредительные меры. Полагается, чтобы я мешал преступлению совершиться.

Мэр устало всплеснул руками.

— Билли, неужели ты не понимаешь? Нашей деревне необходимо иметь хоть какое-нибудь преступление на своем счету. И ты тоже должен нам в этом помочь.

Билли пожал плечами.

— Ладно, мэр. Я просто хотел исполнить свой долг. — Он отвернулся, шагнул в сторону, затем внезапно устремился к Тому. — А ты мне еще попадешься! За-

помни: преступление не доводит до добра. — Он зашагал прочь.

— Больно уж ему хочется отличиться, — объяснил мэр. — Не обращай на него внимания, Том. Давай принимайся за дело, укради что-нибудь. Надо с этим кончать.

Том не отвечал и бочком протискивался сквозь толпу, держа курс на зеленый лес за околицей деревни.

— Ты куда, Том? — с тревогой спросил мэр.

— Я сегодня еще не в настроении воровать, — сказал Том. — Может, завтра вечером...

— Нет, Том, сейчас, — настаивал мэр. — Нельзя так без конца тянуть с этим делом. Давай начинай, мы все тебе поможем.

— Конечно, поможем, — сказал Макс Ткач. — Ты укради эту рубашку, Том. Она же тебе как раз впору.

— А вот хороший кувшин для воды, гляди, Том!

— Смотри, сколько у меня тут орехов!

Том окинул взглядом лотки. Когда он потянулся за рубашкой Ткача, нож вывалился у него из-за пояса и упал на землю. В толпе сочувственно захихикали.

Том, покрываясь испариной и чувствуя, что он выглядит разиней, водворил нож на место. Он протянул руку, схватил рубашку и засунул ее в свою торбу. В толпе раздались одобрительные возгласы.

Том робко улыбнулся, и у него немного отлегло от сердца.

— Кажется, я помаленьку свыкнусь с этим делом.

— Еще как свыкнешься!

— Мы знали, что ты справишься!

— Укради еще что-нибудь, дружище!

Том прошелся по рынку, прихватил кусок веревки, пригоршню орехов и плетеную шляпу из травы.

— По-моему, хватит, — сказал он мэру.

— На сегодня достаточно,— согласился мэр.— Только это, ты ведь сам понимаешь, в счет не идет. Это все равно, как если б люди сами тебе все отдали. Ты пока что вроде как практиковался.

— О-о! — разочарованно протянул Том.

— Но теперь ты знаешь, как это делается. В следующий раз тебе будет совсем легко.

— Может быть.

— И смотри не забудь про убийство.

— А это в самом деле необходимо? — спросил Том.

— К сожалению,— сказал мэр.— Ну что поделаешь, наша колония существует уже свыше двухсот лет, а у нас еще не было ни одного убийства. Ни единого. А если верить летописям, во всех остальных колониях людей убивали почем зря!

— Похоже, что и нам тоже надо бы иметь хоть одно убийство,— согласился Том.— Ладно, я постараюсь.

Он направился домой. Толпа проводила его одобрительными возгласами.

Дома Том зажег фитильную лампу и приготовил ужин. Поев, он долго сидел в глубоком кресле. Он был недоволен собой. Нескладно у него получилось с этой кражей. Целый день он только и делал, что тревожился и колебался. Людям пришлось чуть ли не насильно совать ему в руки свои вещи, чтобы он в конце концов отважился их украсть.

Какой же он после этого вор?!

А что он может сказать в свое оправдание? Воровство и убийство — такие же необходимые занятия, как всякие другие. А если он никогда еще этим не занимался и никак не может взять в толк, зачем это нужно, — это еще не причина, чтобы делать порученное тебе дело тяп-ляп.

Том направился к двери. Была дивная, ясная ночь.

Около дюжины ближайших звезд-гигантов ослепительно сверкали в небе. Рыночная площадь снова опустела, и в домах затеплились огоньки.

Теперь самое время красть!

При мысли об этом по спине у него пробежала дрожь. Он испытывал горделивое чувство. Вот как зреют преступные замыслы! Так должно совершаться и воровство — украдкой, под покровом глубокой ночи.

Том быстро проверил свое оружие, высыпал награбленное из торбы и вышел во двор.

На улице последние фитильные фонари были уже погашены. Том бесшумно пробирался через деревню. Он подошел к дому Роджера Паромщика. Большой Роджер оставил свою лопату снаружи, прислонив ее к стене дома. Том взял лопату. Он миновал еще несколько домов. Кувшин для воды, принадлежавший миссис Ткач, стоял на своем обычном месте, перед дверью. Том взял кувшин. На обратном пути ему попалась маленькая деревянная лошадка, забытая кем-то из детей на улице. Лошадка последовала за кувшином и лопатой.

Благополучно доставив награбленное домой, Том был приятно взволнован. Он решил совершить еще один набег.

На этот раз он возвратился с бронзовой дощечкой, снятой с дома мэра, с самой лучшей пилой Марва Плотника и серпом, принадлежавшим Джеду Фермеру.

— Недурно, — сказал себе Том. Он и в самом деле начинал осваивать свое новое ремесло. Еще один улов, и можно считать, что ночь не пропала даром.

На этот раз под навесом у Рона Каменщика он нашел молоток и стамеску, а возле дома Элис Поварихи подобрал плетеную камышовую корзину. Он уже собирался прихватить еще грабли Джефа Хмеля, когда услышал какой-то легкий шум. Он прижался к стене.

Билли Маляр тихонько крался по улице; его металлическая бляха поблескивала в свете звезд. В одной руке у него была зажата короткая тяжелая дубинка, в другой — пара самодельных наручников. В ночном полумраке лицо его выглядело зловеще. На нем была написана решимость любой ценой искоренить преступление, что бы это слово ни означало.

Том затаил дыхание, когда Билли Маляр прокрался в десяти шагах от него. Том тихонечко попятился назад. Награбленная добыча звякнула в торбе.

— Кто здесь? — зарычал Билли. Не получив ответа, он начал медленно оборачиваться, впиваясь взглядом в темноту. Том снова распластался у стены. Он был уверен, что Билли его не заметит. У Билли было слабое зрение, потому что ему приходилось все время смешивать краски и пыль попадала ему в глаза. Все маляры отличаются слабым зрением. Вот почему они такие раздражительные.

— Это ты, Том? — самым дружелюбным тоном спросил Билли. Том хотел уже было ответить, но тут он заметил, что дубинка Билли занесена у него над головой. Он замер. — Я еще до тебя доберусь! — рявкнул Билли.

— Слушай! Доберись до него утром! — крикнул Джеф Хмель, высовываясь из окна своей спальни. — Тут кое-кому из нас хотелось бы поспать.

Билли двинулся дальше. Когда он скрылся из глаз, Том поспешил домой и выгрузил добычу на пол, рядом с остальными трофеями. Он с гордостью поглядел на свой улов. Вид награбленного добра пробудил в нем сознание исполненного долга.

Подкрепившись стаканом холодной глянью, Том улегся в постель и мгновенно погрузился в глубокий мирный сон, не отягощенный никакими сновидениями.

На следующее утро Том пошел поглядеть, как движается строительство маленького красного школьного здания. Братья Плотники трудились над ним вовсю, кое-кто из крестьян помогал им.

— Как работка? — весело окликнул их Том.

— Отлично, — сказал Марв Плотник. — И спорилась бы еще лучше, будь у меня моя пила.

— Твоя пила? — недоумевающе повторил Том.

И тут же вспомнил — ведь это он украл ее ночью. Он как-то не воспринимал ее тогда как вещь, которая кому-то принадлежит. Пила, как и все остальное, была просто предметом, который надлежало украсть. Том ни разу не подумал о том, что этими предметами пользуются, что они могут быть кому-то нужны.

Марв Плотник спросил:

— Как ты считаешь, могу я взять обратно свою пилу на время? Часика на два?

— Я что-то не знаю, — сказал Том, нахмурившись. — Она ведь юридически украдена, ты сам понимаешь.

— Конечно, я понимаю. Да мне бы только одолжить ее на время...

— Но тебе придется отдать ее обратно. Вернуть ее.

— А то как же! Ясное дело, я ее верну, — возмущенно сказал Марв. — Стану я держать у себя то, что юридически украдено.

— Она у меня дома, вместе со всем награбленным.

Марв поблагодарил его и побежал за пилой.

Том не спеша пошел прогуляться по деревне. Он пошел к дому мэра. Мэр стоял во дворе и глядел на небо.

— Стащил мою медную дощечку, Том? — спросил он.

— Конечно, стащил, — вызывающе ответил Том.

— О! Я просто поинтересовался.— Мэр показал на небо:— Вон видишь?

Том поглядел на небо.

— Где?

— Видишь черную точку рядом с маленьким солнцем?

— Вижу. Ну и что?

— Головой ручаюсь, что это летит к нам инспектор. Как у тебя дела?

— Хорошо,— несколько неуверенно сказал Том.

— Уже разработал план убийства?

— Тут у меня неувязка получается,— признался Том.— Правду сказать, не двигается у меня это дело.

— Зайдем-ка в дом. Мне надо поговорить с тобой, Том.

В прохладной, затемненной ставнями гостиной мэр налил два стакана глянью и пододвинул Тому стул.

— Наше время истекает,— мрачно сказал мэр.— Инспектор может теперь прибыть в любую минуту. А у меня хлопот полон рот.— Он показал на межпланетное радио.— Оно опять говорило. Что-то насчет восстания на Денге IV и о том, что все не отправшие от Земли колонии должны быть готовы провести мобилизацию— шут его знает, что это еще такое. Я отродясь не слыхал про какой-то там Денг IV, а вот, пожалуйста, должен беспокоиться о нем, как будто у меня без того мало забот.

Он сурово поглядел на Тома.

— А вы это точно знаете, что без убийства нам никак нельзя обойтись?

— Ты сам знаешь, что нельзя,— сказал мэр.— Если мы хотим быть настоящими землянами, надо идти до конца. А убийство— единственное, в чем мы проявляем отсталость. Все прочее у нас как по расписанию.

Вошел Билли Маляр, в новой форменной синей рубашке с блестящими металлическими пуговицами, и плюхнулся на стул.

— Убил уже кого-нибудь, Том?

Мэр сказал:

— Он хочет знать, так ли это необходимо.

— Разумеется, необходимо,— сказал начальник полиции.— Прочти любую книгу. Какой же ты преступник, если не совершил ни одного убийства?

— Кого ты думаешь убить, Том? — спросил мэр.

Том беспокойно заерзал на стуле. Нервно хрустнул пальцами.

— Ну?

— Ладно, я убью Джефа Хмеля,— выпалил Том.

Билли Маляр быстро нагнулся вперед.

— Почему? — спросил он.

— Почему? А почему бы и нет?

— Какие у тебя мотивы?

— Я так считал, что вам просто нужно, чтобы было убийство,— возразил Том.— Никто ничего не говорил о мотивах.

— Липовое убийство нам не годится,— пояснил начальник полиции.— Убийство должно быть совершено по всем правилам. А это значит, что у тебя должен быть основательный мотив.

Том задумался.

— Ну, я, например, не очень-то близко знаю Джефа. Достаточный это мотив?

Мэр покачал головой:

— Нет, Том, это не годится. Лучше выбери кого-нибудь другого.

— Давайте подумаем,— сказал Том.— А если Джорджа Паромщика?

— А какие мотивы? — немедленно спросил Билли.

— Ну... хм... Мне, признаться, очень не нравится его походка. Давно уже не нравится. И шумный он какой-то бывает... иногда.

Мэр одобрительно кивнул.

— Это, пожалуй, подходит. Что ты скажешь, Билли?

— Как, по-вашему, могу я раскрыть преступление, совершенное по таким мотивам? — сердито спросил Билли. — Нет, это еще годилось бы, если бы ты убил его в состоянии умоисступления. Но ты же должен убить по всем правилам, Том. И должен отвечать характеристике: хладнокровный, безжалостный, коварный убийца. Ты не можешь убить кого-то только потому, что тебе не нравится его походка. Это звучит глупо.

— Пожалуй, мне надо еще раз хорошенько все обдумать, — сказал Том вставая.

— Только думай не слишком долго, — сказал мэр. — Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше.

Том кивнул и направился к двери.

— Да, Том! — крикнул Билли. — Не забудь оставить улики. Это очень важно.

— Ладно, — сказал Том и вышел.

Почти все жители деревни стояли на улице, глядя на небо. Черная точка выросла до огромных размеров. Она уже почти совсем закрыла собой маленькое солнце.

Том направился в пользующийся дурной славой притон, чтобы все продумать до конца. Эд Пиво, по-видимому, пересмотрел свое отношение к преступным элементам. Он переоборудовал таверну. Появилась большая вывеска, гласившая: **ЛОГОВО ПРЕСТУПНИКА**. Окна были задрапированы новыми, добросовестно перепачканными грязью занавесками, затруднявшими доступ дневному свету и делавшими таверну поистине довольно мрачным притоном. На одной стене висело наспех вырезанное из дерева всевозможное оружие. На другой стене

большая кроваво-красная клякса производила весьма зловещее впечатление, хотя Том и видел, что это всего-навсего краска, которую Билли Маляр приготавливает из ягод руты.

— Входи, входи, Том,— сказал Эд Пиво и повел гостя в самый темный угол. Том заметил, что в эти часы в таверне никогда не бывало столько народу. Людям, как видно, пришлось по душе, что они попали в настоящее логово преступника.

Потягивая перри-колу, Том принялся размышлять.

Он должен совершить убийство.

Он достал свой ордер и прочел его еще раз от начала до конца. Скверная штука, никогда бы он по доброй воле за такое не взялся, но закон обязывает его выполнить свой долг.

Том выпил перри-колу и постарался сосредоточиться на убийстве. Он сказал себе, что должен кого-нибудь убить. Должен лишить кого-нибудь жизни. Должен отправить кого-нибудь на тот свет.

Но, что бы он себе ни говорил, это не выражало существа дела. Это были слова, и все. Чтобы получше привести в порядок свои мысли, Том решил взять для примера здоровенного рыжеволосого Марва Плотника. Сегодня Марв, получив напрокат свою пилу, строит школьное здание. Если Том убьет Марва... Ну, тогда Марв не будет больше строить.

Том нетерпеливо покачал головой. Нет, ему все никак не удавалось осознать это до конца.

Ну, ладно. Вот, значит, Марв Плотник — самый здоровенный и, по мнению многих, самый славный из всех ребят Плотников. Вот он стругает доску, прищурившись, крепко ухватив рубанок веснушчатой рукой. А сам уже, конечно, изнывает от жажды, а в левом плече у него

свербит, так как мазь Яна Аптекаря никак ему не помогла.

Вот, это Марв Плотник.

А теперь...

Марв Плотник, опрокинутый навзничь, лежит на земле; остекленные глаза его полуоткрыты, руки и ноги окоченели, рот скривился набок, он не дышит, сердце у него не бьется. Никогда уже больше не будет он сжимать кусок дерева в своих больших веснушчатых руках. Никогда не пожалуется на ломоту в плече, которую Ян Аптекарь не сумел...

На какой-то миг Том вдруг всем своим нутром ощутил, что такое убийство. Видение исчезло, но воспоминание о нем осталось — оно было настолько ярко, что Том почувствовал легкую дурноту.

Он мог жить, совершив кражу. Но убийство, даже с самыми благими намерениями, в интересах деревни...

Что скажут люди, когда они увидят то, что ему сейчас померещилось? Как тогда ему жить среди них? Как примириться с самим собой?

И тем не менее он должен убить. Каждый житель деревни вносит свою лепту, а это дело выпало на его долю.

Но кого же ему убить?

Переполох начался несколько позже, когда межпланетное радио сердито загремело на разные голоса.

— Это и есть колония? Где ваша столица?

— Вот она, — сказал мэр.

— Где ваш аэродром?

— У нас там, кажется, теперь сделали выгон, — сказал мэр. — Я могу проверить по книгам, где тут прежде был аэродром. Ни один воздушный корабль не опускался здесь уже свыше...

— В таком случае главный корабль будет оставаться в воздухе. Соберите ваших представителей. Я приземлюсь.

Вся деревня собралась вокруг открытого поля, которое инспектор избрал для посадки. Том засунул за пояс свое оружие, укрылся за деревом и стал наблюдать.

Маленький воздушный кораблик отделился от большого и быстро устремился вниз. Он камнем падал на поле, и деревня затаила дыхание, ожидая, что он сейчас разобьется. Но в последнее мгновение кораблик выпустил огненные струи, которые выжгли всю траву, и плавно опустился на грунт.

Мэр, работая локтями, протискался вперед; за ним спешил Билли Маляр. Дверца корабля отворилась, и появилось четверо мужчин. Они держали в руках блестящие металлические предметы, и Том понял, что это оружие. Следом за ними из корабля вышел дородный краснолицый мужчина, одетый в черное, с четырьмя блестящими медалями на груди. Его сопровождал маленький человечек с морщинистым лицом, тоже в черном. За ними последовало еще четверо облаченных в одинаковую форму людей.

— Добро пожаловать в Новый Дилавер,— сказал мэр.

— Благодарю вас, Генерал,— сказал дородный мужчина, энергично трянув руку мэра.— Я — инспектор Дилумейн. А это — мистер Грент, мой политический советник.

Грент кивнул мэру, делая вид, что не замечает его протянутой руки. С выражением снисходительного отращения он окинул взглядом собравшихся дилаверцев.

— Мы бы хотели осмотреть деревню,— сказал инспектор, покосившись на Грента. Грент кивнул. Одета в мундиры стража замкнула их в полукольцо.

Том, крадучись, как заправский злодей, и держась на безопасном расстоянии, последовал за ними. Когда они добрались до деревни, он спрятался за домом и продолжал свои наблюдения.

Мэр с законной гордостью показывал тюрьму, почту, церковь и маленькое красное школьное здание. Инспектор, казалось, был несколько озадачен. Мистер Грент противно улыбался и скреб подбородок.

— Так я и думал,— сказал он инспектору.— Пустая трата времени, горючего и ненужная амортизация линейного крейсера. Здесь нет абсолютно ничего ценного.

— Я не вполне в этом уверен,— сказал инспектор. Он повернулся к мэру: — Но для чего вы все это построили, Генерал?

— Как? Для того, чтобы быть настоящими землянами,— отвечал мэр.— Вы видите, мы делаем все, что в наших силах.

Мистер Грент прошептал что-то на ухо инспектору.

— Скажите,— обратился инспектор к мэру,— сколько у вас тут молодых мужчин в вашей деревне?

— Прошу прощения?..— растерянно переспросил мэр.

— Сколько у вас имеется молодых мужчин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет,— пояснил мистер Грент.

— Видите ли, Генерал, Империя Матери-Земли находится в состоянии войны. Колонисты на Денге IV и в некоторых других колониях восстали против ее законного первородства. Они подняли мятеж против непререкаемого главенства Матери-Земли.

— Очень прискорбно слышать,— сочувственно произнес мэр.

— Нам нужны люди для космической пехоты,— сказал инспектор.— Крепкие, здоровые, боеспособные мужчины. Наши ресурсы исчерпаны...

— Мы хотим,— деликатно вставил мистер Грент,— предоставить всем колонистам, сохранившим верность Земле, возможность принять участие в решающей битве за Империю Матери-Земли. Мы убеждены, что не услышим от вас отказа.

— Разумеется, нет,— сказал мэр.— Конечно, нет. Я уверен, что все наши молодые люди будут рады... Они, правда, не особо большие специалисты по этой части, но зато очень смывленные ребята. Научатся быстро, я полагаю.

— Вот видите? — сказал инспектор, обращаясь к мистеру Гренту.— Шестьдесят, семьдесят, а быть может, и сотня рекрутов. Не такая уж потеря времени, оказывается.

Но мистер Грент по-прежнему был настроен скептически.

Инспектор вместе со своим советником направился в дом мэра, чтобы немного подкрепиться. Их сопровождало четверо солдат. Остальные четверо прошли по деревне, не пренебрегая ничем, что попадало под руку.

Том укрылся в ближайшем лесочке, чтобы все основательно обдумать. В сумерках миссис Эд Пиво, пугливо озираясь по сторонам, вышла за околицу. Миссис Эд Пиво была тощая, начинающая седеТЬ блондинка средних лет. Невзирая на свое подагрическое колено, она двигалась очень проворно. В руках у нее была корзина, покрытая красной клетчатой салфеткой.

— Я принесла тебе обед,— сказала она, как только увидела Тома.

— Вот как?.. Спасибо,— сказал Том, опешив от удивления.— Ты совсем не обязана была это делать.

— Как это не обязана? Ведь это наша таверна — место, пользующееся дурной славой, где тебе надлежит укрываться от закона? Разве не так? Значит, мы за тебя

отвечаем и должны о тебе заботиться. Мэр велел тебе кое-что передать.

Том с набитым ртом поглядел на миссис Эд Пиво.

— Что еще?

— Он сказал, чтобы ты поторопился с убийством. Он пока что водит за нос инспектора и этого противного карлика — Грента. Но рано или поздно они с него спросят. Он в этом уверен.

Том кивнул.

— Когда ты это сделаешь, Том? — Миссис Пиво поглядела на него, склонив голову набок.

— Я не должен тебе говорить, — сказал Том.

— Как так не должен! Я же твоя преступная сообщница! — Миссис Пиво придвинулась ближе.

— Да, это верно, — задумчиво согласился Том. — Ладно, я собираюсь сделать это сегодня, когда стемнеет. Передай Билли Маляру, что я оставлю все отпечатки пальцев, какие только у меня получатся, и разные прочие улики.

— Ладно, Том, — сказала миссис Пиво. — Бог в помощь.

Том дожидался наступления темноты, а пока что наблюдал за происходящим в деревне. Он видел, что почти все солдаты напились пьяными. Они разгуливали по деревне с таким видом, словно, кроме них, никого больше не существовало на свете. Один из солдат выстрелил в воздух и напугал всех маленьких, пушистых, питающихся травой зверьков на много миль в округности.

Инспектор и мистер Грент все еще оставались в доме мэра.

Наступила ночь. Том пробрался в деревню и притаился в узком проулочке между двумя домами. Он вытащил из-за пояса нож и стал ждать.

Кто-то шел по дороге. Том начал припоминать методы, какими пользуются убийцы, но ничего не мог припомнить. Он знал только, что должен совершить убийство, и как можно быстрее, а уж как получится, так и получится. Человек приближался. Фигура его неясно маячила во мраке.

— А, это ты, Том! — сказал мэр. Он поглядел на нож. — Что ты тут делаешь?

— Вы сказали, что нужно кого-нибудь убить, вот я и...

— Я не говорил, что меня, — сказал мэр, пятясь назад. — Меня нельзя.

— Почему нельзя? — спросил Том.

— Ну, во-первых, кто-то должен принимать инспектора. Он ждет меня. Нужно показать ему...

— Это может сделать и Билли Маляр, — сказал Том. Он ухватил мэра за ворот рубахи и занес над ним нож, нацелив острие в горло. — Лично я, конечно, ничего против вас не имею, — добавил он.

— Постой! — закричал мэр. — Если ты ничего не имеешь лично, значит, у тебя нет мотива!

Том опустил нож, но продолжал держать мэра за ворот.

— Что ж, я могу придумать какой-нибудь мотив. Я, например, был очень зол, когда вы назначили меня преступником.

— Так ведь это мэр тебя назначил, верно?

— Ну да, а то кто же...

Мэр потащил Тома из темного закоулка на залитую светом звезд улицу.

— Гляди!

Том разинул рот. На мэре были длинные штаны с острой, как лезвие ножа, складкой и мундир, сверкающий медалями. На плечах — два ряда звезд, по десять

штук в каждом ряду. Его головной убор, густо расшитый золотым галуном, изображал летящую комету.

— Ты видишь, Том? Я теперь уже не мэр. Я — Генерал!

— Какая разница? Человек-то вы тот же самый.

— Только не с формальной точки зрения. Ты, к сожалению, пропустил церемонию, которая состоялась после обеда. Инспектор заявил, что, поскольку я теперь официально произведен в генералы, мне следует носить генеральский мундир. Церемония протекала в теплой, дружеской обстановке. Все прилетевшие с Земли улыбались и подмигивали мне и друг другу.

Том снова взмахнул ножом с таким видом, словно собирался выпотрошить рыбу.

— Поздравляю, — с неподдельной сердечностью сказал он, — но ведь вы были мэром, когда назначили меня преступником, значит, мой мотив остается в силе.

— Так ты же убиваешь не мэра! Ты же убиваешь Генерала! А это уже не убийство.

— Не убийство? — спросил Том. — А что же это тогда?

— Видишь ли, убийство Генерала — это уже мятеж!

— О! — Том опустил нож. Потом выпустил ворот рубахи. — Прошу прощения.

— Ничего, все в порядке, — сказал мэр. — Вполне простительная ошибка. Просто я прочел об этом в книгах, а ты — нет. Тебе это ни к чему. — Он глубоко, с облегчением вздохнул. — Ну, мне, пожалуй, надо идти. Инспектор просил составить ему список новобранцев.

Том крикнул ему вдогонку:

— Вы уверены, что я непременно должен кого-нибудь убить?

— Уверен! — ответил мэр, поспешно удаляясь. — Но только не меня!

Том снова сунул нож за пояс.

Не меня, не меня! Каждый так скажет. А вместе с тем кто-то должен быть убит. Кто же? Убить самого себя он не мог. Это уже самоубийство и, значит, будет не в счет.

Тома пробрала дрожь. Он старался забыть о том, как убийство на мгновение предстало перед ним во всей своей реальности. Дело должно быть сделано.

Приближался еще кто-то!

Человек подходил все ближе. Том пригнулся, мускулы его напряглись, он приготовился к прыжку.

Появилась миссис Мельник. Она возвращалась домой с рынка и несла сумку с овощами.

Том сказал себе, что это не имеет значения — миссис Мельник или кто-нибудь другой. Но он никак не мог отогнать от себя воспоминания о ее беседах с его покойной матерью. Получалось, что у него нет никаких мотивов убивать миссис Мельник.

Она прошла мимо, не заметив его.

Он ждал еще минут тридцать. В темном проулочке между домами опять появился кто-то. Том узнал Макса Ткача.

Макс всегда нравился Тому. Но это еще не означало, что у Тома не может быть мотива убить Макса. Однако ему решительно ничего не приходило на ум, кроме того, что у Макса есть жена и пятеро ребятишек, которые очень его любят и очень будут по нему горевать. Том не хотел, чтобы Билли Маляр сказал ему потом, что это не мотив. Он отступил поглубже в тень и позволил Макс-у благополучно пройти мимо.

Появились трое братьев Плотников. С ними у Тома было связано слишком мучительное воспоминание. Он дал им пройти мимо. Следом за ними шел Роджер Паромщик.

У Тома не было никакой причины убивать Роджера, но и дружить они особенно никогда не дружили. К тому же у Роджера не было детей, а его жена не сказать чтоб слишком была к нему привязана. Может, всего этого уже будет достаточно для Билли Маляра, чтобы вскрыть мотивы убийства?

Том понимал, что этого-недостаточно... И что со всеми остальными жителями деревни у него получится то же самое. Он вырос среди этих людей, делил с ними пищу и труд, горести и радости. Какие, в сущности, могут у него быть мотивы, чтобы убивать кого-нибудь из них?

А убить он должен. Этого требует выданный ему ордер. Нельзя же обмануть доверие односельчан. И в то же время он не в состоянии убить никого из этих людей, которых знает с колыбели.

«Постой-ка! — внезапно в сильном волнении подумал он. — Можно ведь убить инспектора!»

Мотивы? Да это будет даже более чудовищное злодеяние, чем убить мэра... Конечно, мэр теперь еще и Генерал, но ведь это уже был бы всего-навсего мятеж. Да если бы даже мэр по-прежнему оставался только мэром, инспектор куда более солидная жертва. Том совершит это убийство ради славы, ради подвига, ради величия! Это убийство покажет Земле, насколько верна земным традициям ее колония. И на Земле будут говорить: «На Новом Дилавере преступность приняла такие размеры, что появляться там небезопасно. Какой-то преступник просто-напросто взял да и убил нашего инспектора в первый же день его прибытия туда! Во всей Вселенной едва ли сыщется еще один столь страшный убийца!»

Это, несомненно, будет самое эффектное убийство, какое он только может совершить, думал Том. Убийство, которое под стать лишь настоящему знатоку своего дела.

Впервые ощутив прилив гордости, Том поспешил к дому мэра. До него долетели обрывки разговора, который шел внутри.

— ...весьма пассивный народ,— говорил мистер Грент.— Я бы даже сказал, робкий.

— Довольно-таки унылое качество,— заметил инспектор.— Особенно в солдатах.

— А чего вы ожидали от этих отсталых земледельцев? Хорошо еще, что мы завербовали здесь немного солдат.— Мистер Грент оглушительно зевнул.— Стража, смирно! Мы возвращаемся на корабль.

Стража! Том совершенно про нее позабыл. Он с сомнением поглядел на свой нож. Если он бросится на инспектора, стража, несомненно, успеет его схватить, прежде чем он совершит убийство. Их, верно, специально этому обучают.

Вот если бы у него было такое оружие, как у них...

Из дома донесся звук шагов. Том поспешно пошел дальше по улице.

Возле рынка он увидел пьяного солдата, который сидел на крылечке и что-то напевал себе под нос. У ног его валялись две пустые бутылки, оружие небрежно висело на плече.

Том подкрался ближе, вытащил свою дубинку, замахнулся...

Его тень, по-видимому, привлекла внимание солдата. Он вскочил, пригнулся и успел увернуться от удара дубинки. Он ударил Тома прикладом под ребра, вскинул винтовку к плечу и прицелился. Том зажмурился и прыгнул, лягнув его обеими ногами. Удар пришелся солдату в колено и опрокинул его навзничь. Прежде чем он успел подняться, Том огрел его дубинкой.

Том пощупал солдату пульс (не было смысла убивать кого попало) и нашел его вполне удовлетворитель-

ным. Он взял винтовку, проверил, где что надо нажимать, и пошел разыскивать инспектора.

Он нагнал его на полпути к посадочной площадке. Инспектор и Грент шли впереди, позади них ковыляли солдаты.

Том шел, прячась за кустами. Он бесшумно догонял процессию, пока не поравнялся с Грентом и с инспектором. Он прицелился, но палец его застыл на спусковом крючке...

Ему не хотелось убивать еще и Грента. Ведь предполагалось, что он должен совершить только одно убийство.

Том припустил вперед, опередил инспектора и, выйдя на дорогу, преградил ему путь. Его оружие было направлено прямо на инспектора.

— Что это такое? — спросил инспектор.

— Стойте смирно, — сказал ему Том. — Все остальные бросьте оружие и отойдите с дороги.

Солдаты повиновались, как сомнамбулы. Один за другим они побросали оружие и отступили к кустам у обочины. Грент остался на месте.

— Что это ты задумал, малый? — спросил он.

— Я городской преступник, — горделиво отвечал Том. — Я хочу убить инспектора. Пожалуйста, отойдите в сторону.

Грент уставился на него.

— Преступник? Так вот о чем лопотал ваш мэр!

— Я знаю, что у нас уже двести лет не было ни одного убийства, — пояснил Том, — но сейчас я это исправлю. Прочь с дороги!

Грент прыгнул в сторону от наведенного на него дула. Инспектор остался один. Он стоял, легонько пошатываясь.

Том прицелился, стараясь думать о том, какой эф-

фект произведет это убийство, и о его общественном значении. Но он видел инспектора простертым на земле, с остановившимся взглядом широко открытых глаз, с искривленным ртом, окоченевшего, бездыханного, с переставшим биться сердцем.

Он старался заставить свой палец нажать на спусковой крючок. Мозг мог сколько угодно убеждать его в том, как общественно необходимо преступление,— рука знала лучше.

— Я не могу! — выкрикнул Том.

Он бросил оружие и прыгнул в кусты.

Инспектор хотел отрядить людей на розыски Тома и повесить его на месте. Но мистер Грент был с ним не согласен. Новый Дилавер — лесная планета. Десять тысяч людей не найдут беглеца в этих дремучих лесах, если он не захочет попасться им в руки.

На шум прибежал мэр и еще кое-кто из жителей деревни. Солдаты образовали каре вокруг инспектора и мистера Грента. Они стояли, держа оружие на изготовку. Лица их были угрюмы и суровы.

Мэр все разъяснил. О прискорбной отсталости деревни по части преступлений. О поручении, данном Тому Рыбаку. О том, как он всех их осрамил, не сумев выполнить свой долг.

— Почему вы дали это поручение именно ему? — спросил мистер Грент.

— Видите ли, сказал мэр, — я подумал, что если уж кто-нибудь у нас способен убить, так только Том. Он, понимаете ли, рыбак. Это довольно-таки кровавое занятие.

— Значит, все остальные у вас также не способны убивать?

— Никому из нас никогда бы не зайти так далеко, как зашел Том, — с грустью признался мэр.

Инспектор и мистер Грент переглянулись, потом поглядели на солдат. Солдаты с почтительным изумлением взирали на жителей деревни и начали негромко переговариваться друг с другом.

— Смирно! — зарычал инспектор. Он обернулся к Гренту и сказал, понизив голос: — Надо, пока не поздно, поскорее убираться отсюда. Люди, не умеющие убивать, в рядах нашей армии!..

— Моральное состояние наших солдат... — весь дрожа, пробормотал мистер Грент, — опасная зараза... Один человек, если он не в состоянии выстрелить из винтовки, может в ответственный момент поставить под удар весь воздушный корабль... быть может, даже целую эскадрилью... Нет, так рисковать нельзя.

Они приказали солдатам вернуться на корабль. Солдаты шагали ленивее, чем обычно, и то и дело оборачивались, чтобы поглядеть на деревню. Они продолжали перешептываться, невзирая на то, что инспектор рычал и сыпал приказами.

Маленький воздушный корабль взмыл вверх, исторгнув из себя целый шквал струй. Через несколько минут его поглотил большой корабль. А затем и большой корабль скрылся из виду.

Огромное водянисто-красное солнце уже касалось края горизонта.

— Ты можешь теперь выйти, Том! — крикнул мэр. Том вылез из кустов, где он прятался, следя за всем происходящим.

— Напортачил я с этим поручением, — жалобно сказал Том.

— Не сокрушайся, — утешил его Билли Маляр. — Это же невыполнимое дело.

— Похоже, что ты прав, — сказал мэр, когда они шагали по дороге, возвращаясь в деревню. — Я просто по-

думал — чем черт не шутит, а вдруг ты как-нибудь справишься. Но ты не огорчайся. Никто у нас в деревне не натворил бы и половины того, что ты.

— А на что нам теперь эти постройки? — спросил Билли Маляр, указывая на тюрьму, на почту, на церковь и на маленькое красное школьное здание.

С минуту мэр сосредоточенно размышлял.

— Я знаю, — сказал он. — Мы устроим детскую площадку для игр. Качели, горки, ящики с песком и всякие прочие штуки.

— Еще одну площадку для игр? — спросил Том.

— Ну да. А почему бы нет?

Ответить на это было нечего: конечно, почему бы нет?

— Теперь мне, верно, это больше не понадобится, — сказал Том, протягивая свой ордер мэру.

— Да, пожалуй, — сказал мэр. Все сочувственно смотрели на него, когда он рвал ордер на мелкие куски. — Ну что ж, мы сделали, что могли. Просто не вышло.

— У меня ведь была возможность, — смущенно пробормотал Том, — а я вас всех подвел.

Билли Маляр ласково положил руку ему на плечо.

— Ты не виноват, Том. И никто из нас не виноват. Вот что получается, когда к людям двести лет не проникает цивилизация. Поглядите, сколько времени понадобилось Земле, чтобы стать цивилизованной. Тысячи лет. А мы хотели достигнуть этого за две недели.

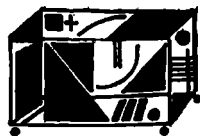
— Ну что ж, придется нам снова вернуться в нецивилизованное состояние, — сказал мэр, делая неуклюжую попытку пошутить.

Том зевнул, потянулся и зашагал домой, чтобы хорошенько отоспаться — наверстать упущенное. На пороге дома он взглянул на небо.

Густые, тяжелые облака собирались над головой, и вокруг каждого облака был черный нимб. Близились осенние дожди. Скоро можно будет снова начать рыбачить.

Почему не пришло ему в голову представить себе инспектора в виде рыбы? Но он чувствовал, что слишком устал, чтобы рассудить сейчас, могло ли бы это послужить достаточным мотивом для убийства. Во всяком случае, теперь думать об этом было уже поздно. Земля отказалась от них, цивилизация отлетела, и на какое количество столетий отодвинулась она от их планеты, никому было неизвестно.

Он плохо спал в эту ночь.

КОЕ-ЧТО ЗАДАРОМ

Он как будто услышал чей-то голос. Но, может быть, ему просто почудилось? Стараясь припомнить, как все это произошло, Джо Коллинз знал только, что он лежал на постели, слишком усталый, чтобы снять с одежды ноги в насквозь промокших башмаках, и, не отрываясь, смотрел на расплзшуюся по грязному желтому потолку паутину трещин — следил, как сквозь трещины медленно, тоскливо, капля за каплей просачивается вода.

Вот тогда, по-видимому, это и произошло. Коллинзу показалось, будто что-то металлическое поблескивает возле его кровати. Он приподнялся и сел. На полу стояла какая-то машина. Там, где раньше никакой машины не было.

И когда Коллинз уставился на нее в изумлении, где-то далеко-далеко незнакомый голос произнес: «Ну, вот! Это уже все!»

А может быть, это ему и слышалось. Но машина, несомненно, стояла перед ним на полу.

Коллинз опустился на колени, чтобы ее обследовать. Машина была похожа на куб — фута три в длину, в ширину и в высоту — и издавала негромкое жужжа-

ние. Серая зернистая поверхность ее была совершенно одинакова со всех сторон, только в одном углу помещалась большая красная кнопка, а в центре — бронзовая дощечка. На дощечке было выгравировано: «Утилизатор класса А, серия АА-1256432». А ниже стояло: «Этой машиной можно пользоваться только по классу А».

Вот и все.

Никаких циферблатов, рычагов, выключателей — словом, никаких приспособлений, которые, по мнению Коллинза, должна иметь каждая машина. Просто бронзовая дощечка, красная кнопка и жужжание.

— Откуда ты взялась? — спросил Коллинз. Утилизатор класса А продолжал жужжать. Коллинз, собственно говоря, и не ждал ответа. Сидя на краю постели, он задумчиво рассматривал Утилизатор. Теперь вопрос сводился к следующему: что с ним делать?

Коллинз осторожно коснулся красной кнопки, прекрасно отдавая себе отчет в том, что у него нет никакого опыта обращения с машинами, которые падают с неба. Что будет, если нажать эту кнопку? Провалится пол? Или маленькие зеленые человечки прыгнут в комнату через потолок?

Но чем он рискует? Он легонько нажал на кнопку. Ничего не произошло.

— Ну что ж, сделай что-нибудь, — сказал Коллинз, чувствуя себя несколько подавленным. Утилизатор продолжал все так же тихонько жужжать.

Ладно, во всяком случае, машину всегда можно положить. Честный Чарли даст ему не меньше доллара за один металл. Коллинз попробовал приподнять Утилизатор. Он не приподнимался. Коллинз попробовал снова, поднатужился что было мочи, и ему удалось на дюйм-полтора приподнять один угол машины над полом. Он выпустил машину и, тяжело дыша, присел на кровать.

— Тебе бы следовало прислать мне на помощь парочку дюжих ребят,— сказал Коллинз Утилизатору. Жужжание тотчас стало значительно громче, и машина даже начала вибрировать.

Коллинз ждал, но по-прежнему ничего не происходило. Словно по какому-то наитию, он протянул руку и ткнул пальцем в красную кнопку.

Двое здоровенных мужчин в грубых рабочих комбинезонах тотчас возникли перед ним. Они окинули Утилизатор оценивающим взглядом. Один из них сказал:

— Слава тебе господи, это не самая большая модель. За те, огромные, никак не ухватишься.

Второй ответил:

— Все же это будет похлеще, чем ковырять мрамор в каменоломне, как ты считаешь?

Они уставились на Коллинза, который уставился на них. Наконец первый сказал:

— Ладно, приятель, мы не можем прохлаждаться тут целый день. Куда тащить Утилизатор?

— Кто вы такие? — прохрипел наконец Коллинз.

— Такелажники. Разве мы похожи на сестер Ванзагги?

— Но откуда вы взялись? — спросил Коллинз.

— Мы от такелажной фирмы «Поуха минайл», — сказал один. — Пришли, потому что ты требовал такелажников, ясно почему. Ну, куда тебе ее?

— Уходите, — сказал Коллинз. — Я вас потом позову.

Такелажники пожали плечами и исчезли. Коллинз минуты две смотрел туда, где они только что стояли. Затем перевел взгляд на Утилизатор класса А, который теперь снова мирно жужжал.

Утилизатор? Он мог бы придумать для машины название и получше.

Исполнительница Желаний, например.

Нельзя сказать, чтобы Коллинз был уж очень потрясен. Когда происходит что-нибудь сверхъестественное, только тупые, умственно ограниченные люди не в состоянии этого принять. Коллинз, несомненно, был не из их числа. Он был блестяще подготовлен к восприятию чуда.

Почти всю свою жизнь он мечтал, надеялся, молил судьбу, чтобы с ним случилось что-нибудь необычайное. В школьные годы он мечтал, как проснется однажды утром и обнаружит, что скучная необходимость учить уроки отпала, так как все выучилось само собой. В армии он мечтал, что появятся какие-нибудь феи или джины, подменят его наряд, и, вместо того чтобы маршировать в строю, он окажется дежурным по казарме.

Демобилизовавшись, Коллинз долго отлынивал от работы, так как не чувствовал себя психологически подготовленным к ней. Он плыл по воле волн и снова мечтал, что какой-нибудь сказочно богатый человек возьмет желание изменить свою Последнюю Волю и оставит все ему. По правде говоря, он, конечно, не ожидал, что какое-нибудь такое чудо может и в самом деле произойти. Но, когда оно все-таки произошло, он уже был к нему подготовлен.

— Я бы хотел иметь тысячу долларов мелкими бумажками с незарегистрированными номерами, — боязливо произнес Коллинз. Когда жужжание усилилось, он нажал кнопку. Большая куча грязных пяти- и десятидолларовых бумажек выросла перед ним. Это не были новенькие, шуршащие банкноты, но это, несомненно, были деньги.

Коллинз подбросил вверх целую пригоршню бумажек и смотрел, как они, красиво кружась, медленно опускаются на пол. Потом снова улегся на постель и принялся строить планы.

Прежде всего надо вывезти машину из Нью-Йорка — куда-нибудь на север штата, в тихое местечко, где любопытные соседи не будут совать к нему свой нос. При таких обстоятельствах, как у него, подходящий налог может стать довольно деликатной проблемой. А впоследствии, когда все наладится, можно будет перебраться в центральные штаты или...

В комнате послышался какой-то подозрительный шум.

Коллинз вскочил на ноги. В стене образовалось отверстие, и кто-то с шумом ломился в эту дыру.

— Эй! Я у тебя ничего не просил! — крикнул Коллинз машине.

Отверстие в стене расширилось. Показался грузный краснолицый мужчина, который сердито старался пропихнуться в комнату и уже наполовину вылез из стены.

Коллинз внезапно сообразил, что все машины, как правило, кому-нибудь принадлежат. Любому владельцу Исполнительницы Желаний не понравится, если машина пропадет. И он пойдет на все, чтобы вернуть ее себе. Он может не остановиться даже перед...

— Защити меня! — крикнул Коллинз Утилизатору и вонзил палец в красную кнопку.

Появился маленький лысый человечек в яркой пижаме, зевая, явно спросонок.

— Временная служба охраны стен «Саниса Лиик», — сказал он, протирая глаза. — Я — Лиик. Чем могу быть вам полезен?

— Уберите его отсюда! — взвизгнул Коллинз. Краснолицый, дико размахивая руками, уже почти совсем вылез из стены.

Лиик вынул из кармана пижамы кусочек блестящего металла. Краснолицый закричал:

— Постой! Ты не понимаешь! Этот малый...

Лиик направил на него свой кусочек металла. Краснотлицый взвизгнул и исчез. Почти тотчас отверстие в стене тоже пропало.

— Вы убили его? — спросил Коллинз.

— Разумеется, нет, — ответил Лиик, пряча в карман кусочек металла. — Я просто повернул его вокруг оси. Тут он больше не полезет.

— Вы хотите сказать, что он будет искать других путей? — спросил Коллинз.

— Не исключено, — сказал Лиик. — Он может испытать микротрансформацию или даже одушевление. — Он пристально, испытующе поглядел на Коллинза. — А это ваш Утилизатор?

— Ну, конечно, — сказал Коллинз, покрываясь испариной.

— А вы по классу А?

— А то как же? — сказал Коллинз. — Иначе на что бы мне эта машина?

— Не обижайтесь, — сонно произнес Лиик. — Это я по-дружески. — Он медленно покачал головой. — И куда только вашего брата по классу А не заносит? Зачем вы сюда вернулись, — верно, пишете какой-нибудь исторический роман?

Коллинз только загадочно улыбнулся в ответ.

— Ну, мне надо спешить дальше, — сказал Лиик, зевая во весь рот. — День и ночь на ногах. В каменоломне было куда лучше.

И он исчез, не закончив нового зевка.

Дождь все еще шел, и с потолка капало. Из вентиляционной шахты доносилось чье-то мирное похрапывание. Коллинз снова был один на один со своей машиной.

И с тысячью долларов в мелких бумажках, разлепившихся по всему полу. Он нежно похлопал Утилизатор. Эти самые — по классу А — неплохо его сработали.

Захотелось чего-нибудь? Достаточно произнести вслух и нажать кнопку. Понятно, что настоящий владелец тоскует по ней.

Лиик сказал, что, быть может, владелец будет пытаться завладеть ею другим путем. А каким?

Да не все ли равно? Тихонько насвистывая, Коллинз стал собирать деньги. Пока у него эта машина, он себя в обиду не даст.

В последующие несколько дней в образе жизни Коллинза произошла резкая перемена. С помощью такелажников фирмы «Поуха минайл» он переправил Утилизатор на север. Там он купил небольшую гору в пустынной части Адирондакского горного массива и, получив купчую на руки, углубился в свои владения на несколько миль от шоссе. Двое такелажников, обливаясь потом, тащили Утилизатор и однообразно бранились, когда приходилось продираться сквозь заросли.

— Поставьте его здесь и убирайтесь, — сказал Коллинз. За последние дни его уверенность в себе чрезвычайно возросла.

Такелажники устало вздохнули и испарились. Коллинз огляделся по сторонам. Кругом, насколько хватал глаз, стояли густые сосновые и березовые леса. Воздух был влажен и душист. В верхушках деревьев весело щебетали птицы. Порой среди ветвей мелькала белка.

Природа! Коллинз всегда любил природу. Вот отличное место для постройки просторного внушительного дома с плавательным бассейном, теннисным кортом и, быть может, с маленьким аэродромом.

— Я хочу дом, — твердо проговорил Коллинз и нажал красную кнопку.

Появился человек в аккуратном деловом сером костюме и в пенсне.

— Конечно, сэр, — сказал он, косясь прищуренным глазом на деревья, — но вам все-таки следует несколько подробнее развить свою мысль. Хотите ли вы что-нибудь в классическом стиле, вроде бунгало, ранчо, усадебного дома, загородного особняка, замка, дворца? Или что-нибудь примитивное, на манер шалаша или иглу? По классу А вы можете построить себе и что-нибудь ультрасовременное, например дом с полужасадом, или здание в духе Обтекаемой Протяженности, или дворец в стиле Миниатюрной Пещеры.

— Как вы сказали? — переспросил Коллинз. — Я не знаю. А что бы вы посоветовали?

— Небольшой загородный особняк, — не задумываясь ответил агент. — Они, как правило, всегда начинают с этого.

— Неужели?

— О да. А потом перебираются в более теплый климат и строят себе дворцы.

Коллинз хотел спросить еще что-то, но передумал. Все шло как по маслу. Эти люди считали, что он — класс А и настоящий владелец Утилизатора. Не было никакого смысла разочаровывать их.

— Позаботьтесь, чтоб все было в порядке, — сказал он.

— Конечно, сэр, — сказал тот. — Это моя обязанность.

Остаток дня Коллинз провел, возлежа на кушетке и потягивая ледяной напиток, в то время как строительная контора «Максимо олф» материализовала необходимые строительные материалы и возводила дом.

Получилось длинное приземистое сооружение из двадцати комнат, показавшееся Коллинзу в его изме-

нившихся обстоятельствах крайне скромным. Дом был построен из наилучших материалов по проекту знаменитого Мига из Дегмы; интерьер был выполнен Тоуиджем; при доме имелся Муловский плавательный бассейн и английский парк, разбитый по эскизу Виериена.

К вечеру все было закончено, и небольшая строительная бригада сложила свои инструменты и испарилась.

Коллинз повелел своему повару приготовить легкий ужин. Потом он сидел в просторной, прохладной гостиной, перебирая в уме только что происшедшие события. Напротив него на полу, мелодично жужжа, стоял Утилизатор.

Коллинз закурил дорогую сигару и вдохнул ее аромат. Прежде всего он решительно отверг всякие сверхъестественные объяснения случившегося. Разные там духи или демоны были тут совершенно ни при чем. Его дом выстроили самые обыкновенные человеческие существа, которые смеялись, божились, сквернословили, как всякие человеческие существа. Утилизатор был просто хитроумным научным изобретением, механизм которого был ему неизвестен и познакомиться с которым он не стремился.

Мог ли Утилизатор попасть к нему с другой планеты? Непохоже. Едва ли там стали бы ради него изучать английский язык.

Утилизатор, по-видимому, попал к нему из Будущего. Но как?

Коллинз откинулся на спинку кресла и задымил сигарой. Мало ли что бывает, сказал он себе. Разве Утилизатор не мог просто провалиться в Прошлое?

Может же он создавать всякие штуки из ничего, а ведь это куда труднее.

Как же, должно быть, прекрасно это Будущее, думал Коллинз. Машины — исполнительницы желаний! Какие достижения цивилизации! Все, что от вас требуется, — это только пожелать себе чего-нибудь. Просто! Вот, пожалуйста! Со временем они, вероятно, упразднят и красную кнопку. Тогда все будет происходить без малейшей затраты мускульной энергии.

Конечно, он должен быть очень осторожен. Ведь все еще существует законный владелец машины и остальные представители класса А. Они будут пытаться отнять у него машину. Возможно, это семейная реликвия...

Краем глаза он уловил какое-то движение. Утилизатор дрожал, словно сухой лист на ветру.

Мрачно нахмурясь, Коллинз подошел к нему. Легкая дымка пара обволакивала вибрирующий Утилизатор. Было похоже, что он перегрелся.

Неужели он дал ему слишком большую нагрузку? Может быть, ушат холодной воды...

Тут ему бросилось в глаза, что Утилизатор заметно уменьшился в размерах. Теперь каждое из его трех измерений не превышало двух футов, и он продолжал уменьшаться прямо-таки на глазах.

Владелец! Или, может быть, эти — из класса А! Вероятно, это и есть микротрансформация, о которой говорил Лиик. Если тотчас чего-нибудь не предпринять, сообразил Коллинз, его Исполнитель Желаний уменьшится до ничтожных размеров и станет невидим.

— Охранная служба «Лиик»! — выкрикнул Коллинз. Он надавил на кнопку и поспешно отдернул руку. Машина сильно накалилась.

Лиик, в гольфах, спортивной рубашке и с клюшкой в руках, появился в углу.

— Неужели необходимо каждый раз беспокоить меня, как только я...

— Сделай что-нибудь! — воскликнул Коллинз, указывая на Утилизатор, который был уже не больше одного кубического фута в объеме и раскалился докрасна.

— Ничего я не могу сделать, — сказал Лиик. — У меня патент только на возведение временных стен. Вам нужно обратиться в Микроконтроль. — Он помахал ему своей клюшкой и был таков.

— Микроконтроль! — заорал Коллинз и потянулся к кнопке. Но тут же отдернул руку. Кубик Утилизатора не превышал теперь четырех дюймов. Он стал вишнево-красным и весь сверкал. Кнопка, уменьшившаяся до размеров булавочной головки, была почти неразличима.

Коллинз обернулся, схватил подушку, навалился на машину и надавил кнопку.

Появилась девушка в роговых очках с блокнотом в руке и карандашом, нацеленным на блокнот.

— Кого вы хотите пригласить? — невозмутимо спросила она.

— Скорей, помогите мне! — завопил Коллинз, с ужасом глядя, как его бесценный Утилизатор делается все меньше и меньше.

— Мистера Вергона нет на месте, он обедает, — сказала девушка, задумчиво покусывая карандаш. — Он объявил себя вне предела досягаемости. Я не могу его вызвать.

— Кого вы можете вызвать?

Она заглянула в блокнот.

— Мистер Вис сейчас в Прошедшем Сослагательном, а мистер Илгис возводит оборонительные сооружения в Палеолитической Европе. Если вы очень спешите, может быть, вам лучше обратиться в Транзит-Контроль. Это небольшая фирма, но они...

— Транзит-Контроль! Ладно, исчезни! — Коллинз сосредоточил все свое внимание на Утилизаторе и придавил его дымящейся подушкой. Ничего не последовало. Утилизатор был теперь едва ли больше кубического дюйма, и Коллинз понял, что сквозь подушку ему не добраться до ставшей почти невидимой кнопки.

У него мелькнула было мысль махнуть рукой на Утилизатор. Может быть, уже пора. Можно продать дом, обстановку, получится довольно кругленькая сумма...

Нет! Он еще не успел пожелать себе ничего по-настоящему значительного! И не откажется от этой возможности без борьбы!

Стараясь не зажмуривать глаза, он ткнул в раскаленную добела кнопку негнушимся указательным пальцем.

Появился тощий старик в потрепанной одежде. В руке у него было нечто вроде ярко расписанного пасхального яйца. Он бросил его на пол. Яйцо раскололось, из него с ревом вырвался оранжевый дым, и микроскопический Утилизатор мгновенно всосал этот дым в себя, после чего тяжелые плотные клубы дыма взмыли вверх, едва не задушив Коллинза, а Утилизатор начал принимать свою прежнюю форму. Вскоре он достиг нормальной величины и был, казалось, нисколько не поврежден. Старик отрывисто кивнул.

— Мы работаем по старинке, но зато на совесть, — сказал он, снова кивнул и исчез.

И опять Коллинзу показалось, что откуда-то издалика до него донесся чей-то сердитый возглас.

Потрясенный, обессиленный, он опустился на пол перед машиной. Обожженный палец жгло и дергало.

— Вылечи меня, — пробормотал он пересохшими губами и надавил кнопку здоровой рукой.

Утилизатор зажужжал громче, а потом умолк совсем. Боль в пальце утихла, Коллинз взглянул на него и

увидел, что от ожога не осталось и следа — даже ни малейшего шрама.

Коллинз налил себе основательную порцию коньяку и, не медля ни минуты, лег в постель. В эту ночь ему приснилось, что за ним гонится гигантская буква А, но, пробудившись, он забыл свой сон.

Прошла неделя, и Коллинз убедился, что поступил крайне опрометчиво, построив себе дом в лесу. Чтобы спастись от зевак, ему пришлось потребовать целый взвод солдат для охраны, а охотники стремились во что бы то ни стало расположиться в его английском парке.

К тому же Департамент государственных сборов начал проявлять живой интерес к его доходам.

А главное, Коллинз сделал открытие, что он не так уж обожает природу, в конце концов. Птички и белочки — все это, конечно, чрезвычайно мило, но с ними ведь особенно не разговоришься. А деревья, хоть и очень красивые, никак не годятся в собутельники.

Коллинз решил, что он в душе человек городской.

Поэтому с помощью такелажников «Поуха минайл», строительной конторы «Максимо олф», Бюро мгновенных путешествий «Ягтон» и крупных денежных сумм, врученных кому следует, Коллинз перебрался в маленькую республику в центральной части американского континента. И поскольку климат здесь был теплее, а подоходного налога не существовало вовсе, он построил себе большой, крикливо-роскошный дворец, снабженный всеми необходимыми аксессуарами: кондиционированным воздухом, конюшней, псарней, павлинами, слугами, механиками, сторожами, музыкантами, балетными труппами — словом, всем, чем должен располагать каждый дво-

рец. Коллинзу потребовалось две недели, чтобы ознакомиться со своим новым жильем.

До поры до времени все шло хорошо.

Как-то утром Коллинз подошел к Утилизатору, думая, не попросить ли ему спортивный автомобиль или небольшое стадо племенного скота. Он наклонился к серой машине, протянул руку к красной кнопке...

И Утилизатор отпрянул от него в сторону.

В первую секунду Коллинзу показалось, что у него начинаются галлюцинации, и даже мелькнула мысль бросить пить шампанское перед завтраком. Он шагнул вперед и потянулся к красной кнопке.

Утилизатор ловко выскользнул из-под его руки и рысцей выбежал из комнаты.

Коллинз во весь дух припустил за ним, проклиная владельца и весь класс А. По-видимому, это было то самое одушевление, о котором говорил Лник: владельцу каким-то способом удалось придать машине подвижность. Но нечего ломать над этим голову. Нужно только догнать машину, нажать кнопку и вызвать ребят из Контроля одушевления.

Утилизатор неся через зал, Коллинз бежал за ним по пятам. Младший дворецкий, начищавший массивную дверную ручку из литого золота, застыл на месте, разинув рот.

— Остановите ее! — крикнул Коллинз.

Младший дворецкий неуклюже шагнул вперед, преграждая Утилизатору путь. Машина, грациозно вильнув в сторону, обошла дворецкого и стрелой помчалась к выходу.

Коллинз успел подскочить к рубильнику, и дверь с треском захлопнулась.

Утилизатор взял разгон и прошел сквозь запертую дверь. Очутившись снаружи, он споткнулся о садовый

шланг, но быстро восстановил равновесие и устремился за оградой в поле.

Коллинз мчался за ним. Если б только подобраться к нему поближе...

Утилизатор внезапно прыгнул вверх. Несколько секунд он висел в воздухе, а потом упал на землю. Коллинз ринулся к кнопке. Утилизатор увернулся, разбежался и снова подпрыгнул. Он висел футах в двадцати над головой Коллинза. Потом взлетел по прямой еще выше, остановился, бешено завертелся волчком и упал.

Коллинз испугался: вдруг Утилизатор подпрыгнет в третий раз, совсем уйдет вверх и не вернется. Когда Утилизатор приземлился, Коллинз был начеку. Он сделал ложный выпад и, изловчившись, нажал кнопку. Утилизатор не успел увернуться.

— Контроль одушевления! — торжествующе выкрикнул Коллинз.

Раздался слабый звук взрыва, и Утилизатор послушно замер. От Одушевления не осталось и следа.

Коллинз вытер вспотевший лоб и сел на машину. Враги все ближе и ближе. Надо поскорее, пока еще есть возможность, пожелать чего-нибудь грандиозного.

Быстро, одно за другим, он попросил себе пять миллионов долларов, три функционирующих нефтяных источника, киностудию, безукоризненное здоровье, еще двадцать пять штук танцовщиц, бессмертие, спортивный автомобиль и стадо племенного скота.

Ему показалось, что кто-то хихикнул. Коллинз поглядел по сторонам. Кругом не было ни души.

Когда он снова обернулся, Утилизатор исчез.

Коллинз глядел во все глаза. И в следующее мгновение он тоже исчез.

Коллинз открыл глаза и увидел, что стоит перед столом. За столом сидел грузный краснолицый мужчина,

который раньше пытался пробиться к нему в комнату сквозь стену. Он не казался сердитым. Вид у него был скорее умиротворенный и даже меланхолический.

С минуту Коллинз стоял молча; ему было жаль, что все кончилось. Владелец и класс А в конце концов поймали его. Но все-таки это было великолепно!

— Ну, — сказал наконец Коллинз, — вы получили обратно свою машину, что же вам еще от меня нужно?

— Мою машину? — повторил краснолицый, с недоверием глядя на Коллинза. — Это не моя машина, сэр. Отнюдь не моя.

Коллинз в изумлении воззрился на него.

— Не пытайтесь обдурить меня, мистер. Вы — класс А — хотите сохранить за собой монополию, разве не так?

Краснолицый отложил в сторону бумагу, которую он просматривал.

— Мистер Коллинз, — сказал он твердо, — меня зовут Флайн. Я агент Союза охраны граждан. Это чисто благотворительная, лишенная всяких коммерческих задач организация, и единственная цель, которую она себе ставит, — защищать лиц, подобных вам, от возможных заблуждений на жизненном пути.

— Вы хотите сказать, что не принадлежите к классу А?

— Вы пребываете в глубочайшем заблуждении, сэр, — спокойно и с достоинством произнес Флайн. — Класс А — это не общественно-социальная категория, как вы, по-видимому, полагаете. Это всего-навсего форма кредита.

— Форма чего? — оторопело спросил Коллинз.

— Форма кредита. — Флайн поглядел на часы. — Времени у нас мало, и я постараюсь быть кратким. Мы живем в эпоху децентрализации, мистер Коллинз. Наша промышленность, торговля и административные учреж-

дения довольно сильно разобщены во времени и пространстве. Акционерное общество «Утилизатор» является весьма важным связующим звеном. Оно занимается перемещением благ цивилизации с одного места на другое и прочими услугами. Вам понятно?

Коллинз кивнул.

— Кредит, разумеется, предоставляется автоматически. Но рано или поздно все должно быть оплачено.

Это уже звучало как-то неприятно. Оплачено? По-видимому, это все-таки не такое высокоцивилизованное общество, как ему сначала показалось. Ведь никто ни словом не обмолвился про плату. Почему же они заговорили о ней теперь?

— Почему никто не остановил меня? — растерянно спросил он. — Они же должны были знать, что я не кредитоспособен.

Флайн покачал головой.

— Кредитоспособность — вещь добровольная, она не устанавливается законом. В цивилизованном мире всякой личности предоставлено право решать самой. Я очень сожалею, сэр. — Он поглядел на часы и протянул Коллинзу бумагу, которую просматривал. — Прошу вас взглянуть на этот счет и сказать, все ли здесь в порядке.

Коллинз взял бумагу и прочел:

Один дворец с оборудованием .	450 000 000 кр.
Услуги такелажников фирмы «Поуха минайл», а также фирмы «Максимо олф» .	111 000 »
Сто двадцать две танцовщицы	122 000 000 »
Безукоризненное здоровье	888 234 031 »

Коллинз быстро пробежал глазами весь счет. Общая сумма слегка превышала восемнадцать миллиардов кредитов.

— Позвольте! — воскликнул Коллинз. — Вы не можете требовать с меня столько. Утилизатор свалился ко мне в комнату неизвестно откуда, просто по ошибке!

— Я как раз собираюсь обратить их внимание на это обстоятельство, — сказал Флайн. — Как знать? Быть может, они будут благоразумны. Во всяком случае, попытаемся, хуже не будет.

Все закачалось у Коллинза перед глазами. Лицо Флайна начало расплываться.

— Время истекло, — сказал Флайн. — Желаю удачи. Коллинз закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, перед ним расстилалась унылая равнина, опоясанная скалистой горной грядой. Ледяной ветер, налетая порывами, стегал его по лицу, небо было серо-стального цвета.

Какой-то оборванный человек стоял рядом с ним.

— Держи, — сказал он и протянул Коллинзу кирку.

— Что это такое?

— Кирка, — терпеливо разъяснил человек. — А вон там — каменоломня, где мы с тобой вместе с остальными будем добывать мрамор.

— Мрамор?

— Ну да. Всегда найдется какой-нибудь идиот, которому нужен мраморный дворец, — с кривой усмешкой отвечал человек. — Можешь звать меня Янг. Нам некоторое время придется поработать на пару.

Коллинз тупо поглядел на него.

— А как долго?

— Подсчитай сам, — сказал Янг. — Расценки здесь — пять-десять кредитов в месяц, и тебе будут их начислять, пока ты не покроешь свой долг.

Кирка выпала у Коллинза из рук.

Они не могут этого сделать! Акционерное общество «Утилизатор» должно понять свою ошибку! Это же их

вина, что машина провалилась в Прошлое. Не могут же они этого не знать!

— Все это сплошная ошибка! — сказал Коллинз.

— Никакая не ошибка, — сказал Янг. — У них большой недостаток в рабочей силе. Набирают где попало. Ну, пошли. Первую тысячу лет трудно, а потом привыкнешь.

Коллинз двинулся следом за Янгом, потом остановился.

— Первую тысячу лет? Я столько не проживу!

— Проживешь! — заверил его Янг. — Ты же получил бессмертие — разве забыл?

Да, он его получил. Он попросил себе бессмертие как раз в ту минуту, когда они отняли у него машину. А может быть, они взяли ее потом?

Вдруг Коллинз что-то припомнил. Странно, в том счете, который предъявил ему Флайн, бессмертия как будто вовсе не стояло.

— А сколько они насчитали мне за бессмертие? — спросил он.

Янг поглядел на него и рассмеялся.

— Не прикидывайся простачком, приятель. Пора бы уж тебе кое-что сообразить. — Он подтолкнул Коллинза к каменоломне. — Ясное дело, этим-то они награждают задаром.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Кагарлицкий. О Роберте Шекли	5
Паломничество на Землю. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	27
Служба ликвидации. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	45
Академия. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	53
Мусорщик на Лорее. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	86
Стоимость жизни. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	106
Опытный образец. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	120
Заяц. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	148
Человекоминимум. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	162
Форма. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	207
Специалист. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	227
Демоны. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	250
Рейс молочного фургона. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	265
Ритуал. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	286
«Особый старательский». <i>Перевод А. Иорданского</i>	299
Три смерти Бена Бакстера. <i>Перевод Р. Гальпериной</i>	332
Опека. <i>Перевод Р. Гальпериной</i>	379
Время Человека. <i>Перевод Р. Гальпериной</i>	395
Ордер на убийство. <i>Перевод Т. Озерской</i>	417
Кое-что задаром. <i>Перевод Т. Озерской</i>	459

Р. Шекли
ПАЛОМНИЧЕСТВО НА ЗЕМЛЮ

Редактор *Е. Г. Ванслова*
Художник *В. В. Медведев*
Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*
Технический редактор *Л. П. Кондюкова*
Корректоры *В. П. Горячева* и *К. Г. Кривда*

Сдано в производство 22/II 1966 г.
Подписано к печати 9/VI 1966 г.
Бумага 70×108¹/₃₂ 7,5 бум. л. 21,0 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 19,8. Изд. № 12/3308
Цена 1 р. 13 к. Зак. тип. 124

●
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

●
Московская типография № 20
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, 1-й Рижский пер., 2

4-10m

